

W 475
25

B.3

(63)

ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
Институт КРАЕВЕДЕНИЯ

**ПАМЯТНИКИ
НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА
О С Е Т И Н**

ВЫПУСК 3

В ЗАПИСИ ЦОЦКО АМБАЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ
ЯЗЫК в ПРИМЕЧАНИЯ Г. Г. БЕКОЕВА

ВЛАДИКАВКАЗ

1928

Aly bæstæty proletartæ, baiut!

Cægat Irystony Bæstæzonæn, Axuyr æmæ Irtasæg Institut.

IRON ADÆMY TAUVRÆHTÆ, KADDŽYTÆ ÆMÆ ARHÆUTTÆ

**ÆRÆMBYRD SÆ KODTA
ÆMBALTY COCKO**

ÆRTYGKAG XAJ

D Z Æ U D Ž Y Q Æ U
1928

Myxuyrgond ærcydi Cægat Irystony Bæstæzonæn, Axuyr æmæ
Irtasæg Instituty Kollegijy dzyrdmæ gæsgæ.
Instituty direktor **T. Dzaguyrti.**

2015147866

ЦОЦКО АМБАЛОВ,

как собиратель памятников осетинского народного творчества.

„На ловца и зверь бежит“,—говорит поговорка, и она в полной мере оправдывается на Цоцко в его деятельности по собиранию народных сказаний. Определенным образом направленное на народное творчество, его внимание предоставляет ему полную возможность всюду находить, все новые и новые образцы этого творчества. Он иногда как будто случайно наталкивается на нужных ему людей, и этими случаями он пользуется неизменно. Встреча на „нихасе“ со стариком бывалым, собранные по случаю похорон во дворе покойника, служебная поездка, случайный разговор со знакомой древней старухой, общение с учащимися в школе—все это было использовано Цоцко, не создавая специальной обстановки для записывания. Он тщательно датирует свои записи. По этим датам видно, что предлагаемые записи произведены на протяжении 1920-23 годов.

Это весьма характерно для Цоцко. В годы, когда все помыслы у всех были направлены к тому, чтобы как-нибудь сохранить свое физическое существование, когда вопрос о куске кукурузного хлеба становился вопросом жизни и смерти, когда воистину было не до песен и сказок старины, Цоцко остается упрямым „искателем жемчуга“ в родной словесности.

Работу эту он выполнял по собственной инициативе и при этом совершенно бескорыстно. В выборе материала для записи он руководился личным чутьем и не придерживался никаких приемов, принятых наукой в подобного рода работах.

Отсюда все недостатки его записей. Отсюда же и их своеобразная прелест, дающая отображение личности Цоцко.

Особенностью записей Цоцко является их *суб'ективизм*. Эта черта сквозит у него всюду, хотя он как бы невольно маскирует ее ссылками на место, время записи и лиц, от которых записывал.

Выдает суб'ективизм записей цель, которую ставит себе Цоцко.

Именно, он ищет в народном эпосе источник идеалов для нашего и будущих поколений,—ищет в нем то положительное в прошлой нашей жизни, которое достойно сохранения, но может исчезнуть под напором новых форм быта и новых идей.

Суб'ективизм изобличается и наличием в записях элемента юмора, вообще, чуждого народному эпосу, особенно герическому. Юмор искрывается на протяжении всех записей. Цоцко не щадит даже Нартов, отмечая их слабости и в тоже время называя их доблестными, знаменитыми—„Narty sguxt fæsivæd“.

И ничем иным, как суб'ективизмом можно об'яснить обилие в записях народных поговорок и пословиц, в употреблении которых не всегда соблюдается мера: местами они являются как бы излишними привесками, не столько украшающими, сколько отягчающими повествование; местами же своим анахронизмом нарушают общую перспективу.

Наконец, стиль сказаний, безусловно, стиль Цоцко. Округлые периоды, местами великолепные лаконизмы, слишком большая умеренность в употреблении характерных для народных сказаний стереотипных формул, обилие лексического материала—все это не от народа, а от Цоцко индивидуально.

К сказанному должно добавить еще обнаруживающуюся в записях склонность морализировать—склонность тоже Цоцко.

Из сказанного как будто выходит, что перед нами записи сомнительной научной значимости, быть может, даже искажение или, во всяком случае, индивидуальная переработка памятников народного творчества.

И это, безусловно, было бы так, если бы можно было рассматривать Цоцко только лишь, как записывателя, собирателя народных произведений.

Но тут дело стоит иначе. Перед нами прежде всего не столько собиратель, объективно записывающий народные сказания, сколько своеобразный *сказитель*. И, как таковой, он прежде всего *сохраняет в неприкосновенном виде содержание записываемого народного сказания*. Таким образом записи сохраняют свое научное значение.

Цоцко, по его откровенному признанию, никогда не записывал со слов рассказчика, а писал услышанное *по памяти*. Иначе говоря, прирожденный народный певец и сказитель волею судьбы оказался вооруженным культурными средствами для передачи тех духовных богатств, носителем которых он является, как подлинный народный поэт.

В этом отношении личность Цоцко глубоко интересна. В ней мы находим причудливое сочетание двух культур. С одной стороны перед нами человек интеллигентный, интересующийся вопросами науки, искусства и общественной жизни, имеющий обширные личные связи с деятелями в этих областях далеко и за пределами своей родины.

С другой стороны перед нами типичный осетин—горец, сохранивший лучшие традиции, обычай своего народа, живущий одной с ним жизнью.

Можно положительно утверждать, что во всей Осетии (северной и южной) нет такого уголка, где бы не видели Цоцко, где бы он лично не знал многих.

Всюду, куда бы он не явился, его встречают, как друга, как близкого.

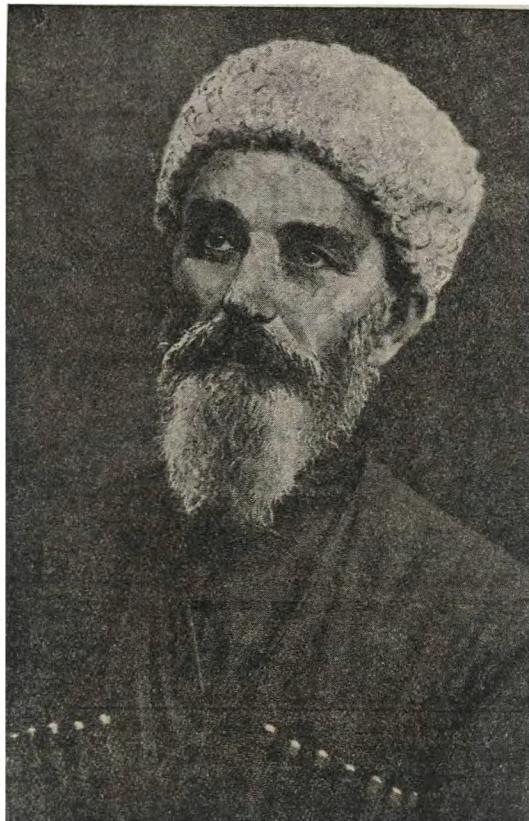
Не есть ли это тоже черта народного певца-сказителя—его подвижность, склонность к скитальческой жизни?

Идеалист—народник по идеологии, он в практической своей деятельности никогда не отступал от суровых требований этого идеализма. Он никогда не знал личной жизни. У него всегда на первом плане задачи общественные, главным образом, культурно-просветительные.

И едва ли мы ошибемся, если скажем, что, составляя настоящий сборник, Цоцко имел в виду дать подрастающему поколению материал для чтения на родном языке,—материал, в котором ощущается самый острый недостаток, особенно в школе. Уж одно это делает бесспорным значение настоящего сборника и появление его в печати реально полезным делом.

Переводчик старается дать для русского чтения, по возможности, точный перевод текста.

Г. Бекоев.

ÆMBALTY COCKO
(Доукко Амбалов).

I.

Narty tauyræhtæj.

Radzyrdta myn æj Tæbæxsæuty Dudaryqo 1921 az Kærdzyny. Dudaryqojyl cydaid 80 azmæ'vaxs. Tauyræh fequysta Æmbalty Tesajæ. Dudaryqo æmæ Tesa uydysty Ærydojnag. Sæ fyldæltæ ralyhdysty Uælladžyry komæj: Ursdon æmæ Chamadæj.

Zærondy'rdæm Uyryzmædžy fosy kond. Namæ—Uyryzmædžy ænænom fyrt.

Fydz skodta Nartyl, sydæj mælynmæ 'rcydysty, tyxsyn baj-dytoj tyng,—xor syn rial ærzad iu khord azy.

Uycy fyd-ræstædžy sæ nyfs asast, sæ zærdæ amard, sæ khuxy nicy ual æftyd. Kuy sæm bajquystais, uæd ma mysydysty ærmæst sæ card:—„æz he uycy xæsty fesguyxtæn“,—„æz he uæd fosy kondy fædæn“, dzyrdtoj iu Narty adæm nyxasy badgæjæ.

Nyr ta uuj bærc æguydzægmæ, uuj bærc ædzællgamæ'rcydysty narty sguyxt fæsivæd, æmæ dzy iu xuysgæjæ bazzadysty bon-izærmæ.

Uæd, Narty fydbylyz Syrdon bæzdæxt æmæ syl iu sardydtæ jæ gadzajy. *Gadza* iu racydi nyxasmæ æmæ iu narty fæsivædæj kæmæn jæ'rchi baxordta, kæmæn jæ ron fælygkodta jæ astæuyl.

Uymæj tærihæddagmæ dær ta ma cæmæ bakastaid adæjmag! lu bon kuy uysi, uæd Narty Uyryzmæg nyxasmæ racydi. Kæsy æmæ Narty sguyxt æmæ fidauc fæsivæd, cahdy mærdtau, xuyssync uycy ran; Syrdony gadza ta syn kæny ænæuag mitæ.

Kæmæn dzy jæ byltæ astæry, kæmæn jæ'rchi axæry, kæmæn dzy jæ ron ærbalygkæny.

Nykkærzydta Nærtton Uyryzmædžy zærdæ. Jæ pylstæg lædzæg fexsta gadzajyl æmæ dyuuæ dixi fæci lædzæg.

Bæzdæxt sæ xædzarmæ, lædzædžy sæstytaæ æræppærsta, badænyl mæst-uahd ærkodta jæxi.

— Dæ khælæt ærfguytæ cy 'rtalyngkodtaj, ucy mæsty cæf cæmæn kænys dæxi dæ khælætdžynyl, mæ særy xicau?

— Tyngdær ma mæ zærdæ cæuyl færisdzæn,—zahta Narty Uyryzmæg Narty Satanajæn:—Næ fæsivæd ænæ xærinagæj ædzællagmæ ærcydysty, narty nyxasy xuyssync, kuyd syl nembæly, ucy xuystæj. Narty fydblyz Syrdon sæm raskhæry jæ gadzajy, æmæ syn ænaggadžy kuydz ænaggag mitæ kæny...

Ne'fsin, biræ cærænbon myn kuy næ uaid, æmæ uydon kuy bafsdadin.

Uæd Narty Satana jæ særy xicauy baxuydta jæ iu khæbicmæ: khæbic xærz dzag kond xærinagæj; bakodta annæmæ: nostæj jæ dzag uj dær; ærtყყagmæ jæ baxuydta: caræj zæxmæ amatæj læuuync kærædzijy (iu innæjy) særlyl sguytæ'mæ bazguytæ ucy ran.

Fætarsty Uyryzmædžy khælæt ærfguytæ:

— Xi fællojæ uj bærc bafælxaskænyn zyn quydtag u,—mæ xædzaryl ægær fæzyndzæn,—zahta Narty Uyryzmæg.

— Iuæj dæ nom skænyn fændy, annæmæj ta fælxasæj tærsys; uj gænæn næj: quamæ kænæ uæxst asudza, kænæ fizonæg,—zahta jyn dzuappæn Narty Satana. Nodžy ma dyn qu-synkænyn uj dær: dæ xædzaryl fællojæ dzy kæj nicy is,—adon æppæt myn fervystoj narty styr æmbyrdtæj xuyntæn, nom ssarynæn.

Færuksi Uyryzmædžy cæsgom.

— Uædæ barævdzytæ kæn dæxi; nart innabonæj innæbonmæ cæj bærc fæqauoj, uymæj dzy fylðær is acy ran.

Ærbasidynkodta fidiuægmæ Narty Uyryzmæg.

— Cæugæ'mæ nyqqærkæn Narty qæuyl: jæ bon cæuyn kæmæn u, uj cæugæ'r kænæd, cæuynqom či næ u, uj ta xæsgæ'r kænænt — Æxsærtæggaty Uyryzmæg kuyvd kæny.

Uyryzmædžy xædzary kuyvdy bady Nart innabonæj innabonmæ. Fæstadžy'rdæm sug-quag systy. Uyryzmæg rajsta færaet, bændæn, jæxiyl ærbakodta uæzæggærc*) æmæ qæumæ 'v'waxs qædmæ bacydi. Sugtæ iu (dzævgar) čysyl ærkodta, aftæ sau xoxæj sau thyfyl cærgæs rataxti; Uyryzmædžy fæsonty jæ nyxtæ nyssahta, sista Uyryzmædžy æmæ jæ dard, Sau Den-džyzy astæu, iu sakhadaxyl dury sær æræværdta.

— Cy uydzynæn acy ran,—sahæsyl fæci Narty Uyryzmæg,—dony chæxy jædtæmæ kuy nal xox zyny, kuy nal bælas? me sæft ærcydi, ævæddzægæn.

Bady dury sær æmæ alyrdæm qaqqæny (fælgæsy). Ualymæ kæsy æmæ dury farsmæ don s'ulæntæ væjjy, jæ quyrquyr ssæuy, stæj dzy fæzdæg skæly.

— Cydæriddær ua, uæddær aj ciu, uj kuy næ basgaron (sbærægkænon), uæd næ uydzæni.

*) Uæzæggærc—uah kæuyl æværync, axæm dzauuma (læg-uah).

· Dury færsty dony auhta Uyryzmæg jæxi æmæ iu ran iu duarmæ nyftydis. Bakodta duar æmæ jæm xædzaræj racydi ærtæ čy whole, amæj aj ræsuhdæry, amæj aj xærzkondæry.

Ægas næm ærcæuaj, Uyryzmæg, ægas næm cæuaj nemcek! Cy xur, cy khævda dærxasta acy bæstæm? Midæmæ, midæmæ, khælætdžynyl æruadz dæxi,—dæ fællad ssæua.

Uyryzmædžy zærdæ fæfidar.—„Uædæ ta bynton sæft næ dæn, kæd myn acy ran dær æmcečytæ razyndi, uæd“,—æmæ syn radzyrdta, kuyd æhdauæj æræftyd acy ranmæ, Donbedtyry bæstæm.

Čy whole bajdydtoj zilæntæ kænyn: kusærttag yn ærbalastoj, Uyryzmægæn æj jæxicæn argævdynkodtoj, art bandzærstoj æmæ jyn uadidægæn bæræčet fyng acaræstoj (jæ razy).

Kuvy Uyryzmæg; kuyvd kuy fæci, uæd dzury:

— Či acaxoddzæn?

— Nælgojmægæj næm niči is,—uærtæ næm avdæny iu sabi xuyssy,—næma dyn saræxsdzæn, stæj qæstvællad u.

— Rajqal æj kænut,—calynmæ acaxoda, ualynmæ æz mæ dzyxmæ komdzag ne'sxæsdzynæn.

Rajqalkodtoj læppujy,—sabi xuyssæggældzægæj, cudgæjæ axodynæ kuyd fæcæjuadi, aftæ fækald æmæ Uyryzmædžy ci-ryq jæ riuy innærdæm afardæg. Sabi bacaxta jæ gændzæxtæ æmæ sista jæ ud.

Asærfta Uyryzmæg jæ ciroy, festad æmæ, jæ sær jæ koj, aftæmæj ta, sakhadaxyl dury sær festad; čy whole'rdiaggængæ nyuuhta ædzard sabijyl. Sau thyfyl cærgæs ta fæzynd, Uyryzmædžy fæsonty ta jæ tyxdžyn nyxtæ'rsahta æmæ sug kæm kodta, uym æj æræværdta.

Gæzæmægomau cydær khaliutæ ma racahta Uyryzmæg, ærhom-bast sæ ærkodta, uæzæggærcyl ærhom æræværdta æmæ ænkhardæj balæuuyd jæ xædzary æd sugtæ.

Jæ lædžy æuuæltæm kuy bækast Narty Satana, uæd bambærsta, cy bakodta Narty Uyryzmæg. Uydy iu qær fælastæ æmæ byrdy adæmyl,— afon u álkæmæn dær xædzar ssarynæn, zæhgæ. Stæj adæm kuy aivydysty, sæxuydtæg iunægæj kuy'ryadysty, uæd dzury Uyryzmægmæ:

— Cy ta bakodtaj, næ zærond biræh? kædæj uædæj ma myn uysi iunæg sabi. Xuyzdær ænqæl æj Donbedtyrtæm radton qany (sxæssynmæ), æmæ ta uyj dær ædzardæj mærdtæm bacyd dæ khuxæj.

Nyttarkodta jæxi *Narty Uyryzmæg*.

Læppujy buar jæ sydžytyl Donbedtyrtæ baværdtoj, jæ ud ta ataxti mærdty bæsdtæm æmæ uydy ran Barastyry uæragyl udi jæ badæn.

Biræ racyd, čysyl racyd, či zony, fælæ iu bon læppu dzury Barastyrmæ:

— A-cal a-ual azy racydi, mærdty bæstæm kuy'rbacydtæn, uædæj ardæm. Mæ fyd Uyryzmæg æcægælon adæmy koj dær ma kæny, fælæ mæ koj næj, mæ mardy kænd myn næj, annæ mærdtæj uældaj dzæhæl dæn æz acy ran. Barastyr, kuryn dæ, mærdty bæstæj mæ auadz; æz mæxædæg kuy næ bakænon mæxi koj, uæd uymæj roxuaty bazzadtæn. Afædzy'kændæn mæ cy qæuy, kuyddær uydon ssaron mæxi fællojæ, aftæ dyn dzyrd dædtyn, fæstæmæ ardæm æmbældzynæn.

— Dæ zærdæxudt rajsyn mæ næ fændy, fælæ uymæn færæz né rcæudzæn,— zahta Barastyr. Kuyddær mærdtæ uyz bazonoj, aftæ dzy iu dær am nal fælæudzæn,— nyr dær tyxæjty læuuync mærdty bæsty.

— Uymæn dyn æz amal ssardzynæn: mæ alasajæn fæstærdæm jæ cæfxædtæ asadzdzynæn. Æmæ'vædza mærdtæ mæ razmæ mærdty duarmæ kuy fæuoj, uæd syn iu zæh:

— „Ærkæsut æmæ kæd mærdtæj ædtærdæm ua fæd, uæd uæ nal uyromyn, fælæ'vædza fæd midæmæ u, uæd uyn dzæhæly zmæntyn, kommæ næ kæsyn aiv næu.

Barastyr srazy.

Læppu alasajæn zyhuymmæ asahta cæfxædtæ æmæ mærdty bæstæj rafardæg. Jæ fædyl annæ mærdtæ bazmælydysty æmæ duarmæ saræstoj sæ nyx.

— Kædæm?—dzury sæm Barastyr.

— Max dær nal læuuæm acy ran, kæd æmæ iskæmæn ardygæj fæstæmæ fændag is uæd—zahtoj mærdtæ.

— Quydtag ual bambarut, stæj ravzardzystut, cy uyl æmbældzæn bakænyn: ærkæsut ual fædmæ.

Mærdtæ'rkastysty æmæ fæd midædzyrdæm kuy uysi, uæd ta sæ alči dær æryncad jæ bynaty.

Uyryzmædzy ænænom fyr, Donbedtyrty qan, Narty qæumæ barasti, Æxsærtæggaty zærond xædzarmæ badzyrda.

Dzurymmæ racydi xædzary'fsin Narty Satana.

— Uyryzmædzy aguryn, kæd æmæ stæry axætiggam iumæ. Æmxic-xæræn Bæræg Uæbauyl æm ænqælmæ kæsdzynæn.

Xædzarmæ bazdæxt Satana æmæ dzury:

— Lægaj, dæ zærond sær qazinag fæci (qazinagmæ rxau-dtæ): duarmæ iu ænæntyst læppu, (sarhæj uælæmæ) sarhy goppæj zyngæ dær næ kæny, dæu agury æmæ dæ xony stæry. Æmxic-xæræn Bæræg Uæbauyl dæm ænqælmæ kæsdzæn.

— Tahd mæ barævdzytækæn balcmæ, ne'fsin,—æz me 'hdau nal fexaldzynæn, mæxi nal aivdzynæn zærondy'rdæm: mæxicæn xæsyl cy nymadton, uyz æxxæst kændzynæn, calynmæ mæ cæst ærttiva, ualynmæ. Uyryzmæg nyrmæ dær nikæjma azdæxta, či jæ aguyrta, uydonæj, nyr dær nal azdaxdzæn.

Uæd Satana Uyryzmægæn kuyd tarst, uymæ gæsgæ skuyvta:

— Xuycauty xuycau, mæxi xuycau, kæd ma mæ istæmæn sfældystaj, uæd afædzæj afædzmæ cy mit, cy khævda æruari-nag sty, uydon axsæv kuyd ærcæuoj, stæj zilgæ dymgæ tuxgæ uad kuyd systa, kæd æmæ uycy ænæntyst, uycy fæqæuinag bajsæfid æmæ næ zærond bazzaid jæ xædzary.

Sæudaræj Ӯyryzmæg jæ qulon Ærfænyl, mit lægærdgæ, amaltæj Æmxic-xæræn Bæræg Ӯæbaumæ kuyd baxæstædžytæ, aftæ kæsy æmæ uæbau sau dary. Ӯæbauyl xuyssy læppu,—jæ sarh jæ nyværzæn, æftaugæ jæ byny, nymæt jæ uælæ; alasa astæumæ kærdægyl xizy uæbauy raz.

— Cavær dissag ua cymæ,— zahta Ӯyryzmæg jæxi nymær, — zæd u, duag u, ævi cavær æmbisond ua, æz mæxi dyuuæ cæstæj kæj uynyn, uj?

Ӯalynmæ baxæddzæ uæbaumæ, læppujy uælqus æruyrædta æ qulony æmæ jæm dzury:

— Uælæmæ, læppu,— fændag darh u, bon cybyru.

Festadi læppu, arævdzytæ kodta jæxi, bæxyl abadt æmæ fæcæuync, razæj Ӯyryzmæg jæ qulon Ærfænyl, jæ fæstæ læppu jæ alasajyl.

Cæuync, cæuync, zilgæ dymgæ, tuxgæ uad nal æncajync. Ӯuryzmædžy qulon mit fady jæ mærhgæjæ, xattæj xatt dzy afsæry jæ byrýnčhytæ. Qulony æuuæltæ xorz nal sty, — fæljyn bajdypta:

Læppu razæj fækodta jæxi æmæ dzury:

— Cy fændy xudinag fæuæd,— æz cæuyn razæj, stæj razæj acæuyn maual uæd xudinag ardygæj fæstæmæ.

Læppu kuyddær arazæj aftæ, mit dærdtyl tajy jæ bæxy ulæftæj, alasa ta xizgæ cæuy kærdægyl. Auadysti iu dzævgar, Ӯyryzmæg dzury:

— Læppu, racydystæm xætynmæ æmæ uynaffæ bækænæm: kædæm cæuæm, kæm fælæburæm?

— Ænæxærd bæstæ ma dyn cy ran is, uyrdaem mæ fæxon.

— Axæm bæstæ ma myn bærgæ (qælækkl) is, uj xuyzæn ma qæzdyg bæstæ uævgæ dær næ uydæn: fys fos zæhaj, stor fos, bæxræhæuttæ,— azdaxyn dær sæ næ færazync sæ gæstæ; fælæ 'ncod næu nyfs baxæssyn uyrdaem. Axizyn sæm qæuy dendžyzyl. Stæj ræhæuttæ, dzugtæ, qaqqænync— æfsæn uyrs, æfsændzyx biræh æmæ æfsæn qærdzdzyha.

— Uædæ uyrdaem daræm næ fændag, n'amond bavzaræm, či zony 'mæ næ khuxy isty bafta,— zahta læppu.

Dendžzy bylmæ baxæddzæ sty. Læppu ajsta (jæmæ) ænæ don sasm. Sæ bæxtæ fæcaræstoj dendžzy, dony kæsagau arxajdtoj bæxtæ 'mæ uajtahd innæ fars festy.

Æryncadysti dony byl. Læppu xorz cynadta jæ bæx, sasmæj jæ bajsærsta, stæj jæ uyrly stulynkodta. Nodžy ta jæ bajsærsta sasmæj, xuyrdžyny jæ stulynkodta æmæ alasa xoxy jas ssi.

Ævædza Terk-Turčy ræhæuttæm baxæddzæsty, aftæ aær-
xystysty sæ bæxtæj. Læppu rakhaxta dyuuæ uærmy: iu dzy jæ-
xicæn, aninæ Uyryzmægæn æd-bæx æmæ jyn zahta:

— Uyryzmæg, acy saxat mæ bæx xæcyn bajdajdzæni æf-
sæn uyrsimæ. Rajdiany xæcdzysty zævætæj, æmæ sæ bolat
cæfxædtæ kærædzijyl xojyn kuy sišoj, uæd axæm art ssæudzæ-
ni (sirvædzæn), æmæ zæxxyl char sudzdzæni. Qaqqæ dæxi-
mæ... Uælæmæ ma skæsaj: isty fydblyz dyl sæmbældzæni.
Uyj fæstæ læburdzysty kærædzimæ dændagæj, xæcdzysty ær-
maddzagæj. Sæ komy tæfæj systdzæn axæm dymgæ, æmæ
zæxxyl char uylindžy bærc xæsdzæn. Fædzæxsyn dyn: dæ byna-
tæj ma fezmælaj, na-mæ dæ kuyi-dur, kuyi-qæd bakændzæn.
Rfon kuy ua, uæd dæm bæræg uydzæn mæxicæj

Xæcynæj nal auærdync æfsæn uyrs æmæ alasa. Sæ bo-
lat cæfxædty cæxæræj axæm art scyry, æmæ zæxxyl char su-
dzy. Jæxi nal bauyrædta Uyryzmæg, skast uærmaej æmæ sxæ-
cydysty jæ dær zhæhetæ. Læppu jæm fæcaræxst, axuyssynko-
dta zhæhetæ æmæ zahta:

„Amæj fæstæmæ fætk fæuæd, — dæ zhæhetæj ma cæj bærc
azzadi, uyj dærhæn zhæhetæ daryn.“

Bancadysty zævætæj, bavnældtoj dændagæj Æfsæn uyrs
æmæ Alasa. Rakodta axæm dymgæ æmæ zæxxyl char uylindžy
bærc xasta.

Nal ta fælæuuuydi Narty Uyryzmæg, jæ sær sdardta uær-
mæj æmæ jyn dymgæ jæ sære kæxc ajstæ æmæ jæ fæxæssy.

— Æhuystuaj kuyd fædæn he! mæ xistær ænæ sære kæx-
cæj zajdzæn.— Sliuyrdta uærmaej, sære kæxc tulgæ tulyn racaxs-
ta. Uyryzmædžy særyl æj ærkodta æmæ dzury:

— Amæj fæstæmæ Nartæn sæ sære kæxc sisgæ mauval uæd.

Uyj razæj iu nartæj alcidær sistaid jæ sære kæxc, ærdas-
taid iu æj, æmæ ta iu æj fæstæmæ nykkodta.

Bæxtæ xæst næma fæsty, aftæ syl Æfsændzyx Biræh jæxi
rauahta. Læppu fat suahta Biræhyl æmæ... dæ balhitæg uyj-
au... fæmardi uycy ræn, slyg yn kodta jæ quis æmæ jæ afsnaj-
dta jæ dzyppy. Ualyndžy Æfsæn Qærddzyha dær ratæxy, læppu
ta uymæ dær fæcyrd; fatæj jæ fexstæ æmæ qærddzyha zæx-
xyl jæ bazyrtæ batyldta. Uymæn dær ta rakhuyrdta jæ sær
æmæ jæ afsnajdta jæ dzyppy.

Æfsæn uyrs fælæbury álasamæ æmæ ajdzag væjjy jæ dzyx dur
æmæ xuyræj. Fæstægmæ alasajæn bajdydta tyngdær æntysyn,—
Æfsæn Uyrs zæxxyl afsærsta jæ zonguytæ. Læppu bas-
khæfta jæ sarh. Uyrsyl æj uycy xuyzænæj aværdta æmæ bali-
uyrdta jæ rahmæ.

— Cy fædæ, Uyryzmæg? tærgæ tahd Terk-Turčy ræhæut-
tæ, æz coh æmæ fequsynkænóni sæ xicæuttæn.

— Fæltau næ fændag daræm, suræg næ næj, tyxgænæg inn'axæm, zahta Ӯryzmæg.

— Uyj mæ særmae næ baxæsdzynæn. Stæj cy fosy kon-
dy festæm, uydon ænæ fædisæj atær, uj aggag næu.

Ӕfsæn Ӯrsy bazmælynkodta Terk-Turčy dzyllæ kuyvdy
kæm badtysty, uym balæuuydi æmæ dzury:

— Fædis, uæ ræhæuttæ uyn fætardæuy!

Xistærtæn fequsynkodtoj uacquyd; uydon zahtoj:—ujj xærd-
nost či agury, axæm uydzæn, acæut æmæ jæ 'rbakænut næ
razmæ, max yn uazædžy uynd fækænæm.

Læppu ærxyst Ӕfsæn Ӯrsæj, bæxbædtænyl æj aftylda
æmæ xistærtty tazmæ bacydi. Fyngtyl raxasta jæ cæst, sista
æfsæn Qærdzdzhyaj sær, Ӕfsæn Biræhy qu; sær xistærtty
fyngmæ bappærsta, qu;—kæstærtty razmæ æmæ zahta: xistært-
tæ, sær quag uydystut æmæ uyn mænæ uj sær, smaxæn ta,
kæstærtæ, qu; sær, æhdau kuyd amony, uymæ gæsgæ, uærtæ uyn
uædæ bæxbædtænyl ta uæ Ӕfsæn Ӯrs.

Xorzau nal festy æmbyrdy adæm: nyfs sæ kæmæj uydi,
uydon sæ khuxæj fæcuxysty.

Læppu ta jæxi bappærsta bæxyl æmæ arasti Ӯryzmæg-
mæ. Ӯælmærdyl cyd fæci æmæ kæsy: iu us æxsæz uæbauy
'xsæn bady æmæ radygaj uæbæuttæm kæuy, qardžytæ sæm kæ-
ny.—Aj ta cavær dissag ua? zahta læppu jæxi nymær.

Ӯalynmæ jæm urs-xil zærond us dzury:

— Ӕruaj, mæ dzidzi myn dæ quyry akæn. Fædisæj tas
næu nyrma: či zony, kæd srævdz uydzysty. Fælæ dæm kæj
dzuryn, uj dæm dissag ma fækæsæd. Avd fyrtu myn uydi
æmæ dzy æxsæzæj bavdælon dæn, mænæ dyn adon sæ uæ-
bæuttæ. Mærdty bæstæm aivhuydtoj (iskæj) znadžy khuxæj,
Terk-Turčy ræhæutty fæstæ fædisy uævgæjæ. Tyxgænæg dæ,—
bæræg dæ d'axastæj. Fædis dyl styxdzyn uydzysty, mæ fyrt uy-
dzæn sæ razæj, tyxsyn dæ kændzæn, fælæ iu mæ xatyr, si-
dzærgæs usy xatyr bakæn,—mæ iunæg fæuæd de'uazæg.

Ӕfsæn Ӯrsæj ærgæppkodta læppu. idædz usy dzidzi akod-
ta jæ dzyxy æmæ dzyrd radta uycy ran, nærton lædžy dzyrd,
zærond usy iunæg fyrtæn kæj nicy kændzæn.. Zærond us ba-
camylda læppujæn, jæ fyrt cy xuyzy uydzæn fædisy.

Ӯalynmæ tærgæ-bæxæj læppu Ӯryzmædžy uælqus festad.
Sau Dendžzy sæ fosy kond baskhærdtoj æmæ innæ fars fe-
sty. Fæcæuync æmæ sæ mænæ iu baræg jæ razæj ærbatym-
bylkæny.

— Cæugæ, Ӯryzmæg, razmæ dæ fosy kondimæ, fædisi-
mæ, istæmæjty arxajdzynæn mæxædæg.

Baræg festad jæ uælqus.

— Hæ kuydzæj či rajguyrdi, uycy kuydz, kæj fos fætærys

кæ? Fæcæudzynæ myn, kæd læg uaj uæd! æmæ Ӯyryzmædžy ænænom fyrt y aly færsty fættæ byndzytau tæxyn bajdytoj.

— Dzyrd radton dæ madæn, jæ dzidzi jyn bakodton mæ dzyxy, madyn zahton,—ma mæ qygdar, auadz mæ mæ fændagyl.

Ӣegær-ægær æj kuy styxsyn kodta, uæd læppu fat suahta æmæ fædisonæn ronbasty byn čhyldymy'rdygæj daræsæj buary 'xsæn suad; fat æj bæxæj ajsta æmæ jæ zæxmæ cævdysta. Sxæc-sxæc ma qælækk fækodta, fælæ jyn fat zmælyn dær nal bakuymda.

Fædis æj uycy xuyzænæj ærbajjæftoj. Ӯydon dær fæcar-xajdtoj fatyl, fælæ jyn sæftauynæn nicy bafæræstoj. Uæd baz-dæxtstyæmæ jyn ciryqæj alygkodtoj jæ fæddzitæ; fædisony fæstag sæguyty fæstagau gomæj azzad.

Ӯyryzmæg æmæ Donbedtyrty qan ærbatardtoj sæ fosy kond Nartmæ, Qazæn Læhzy sæ æruyrædtoj. Læppu fos uycy ran ærtæ dixy bakoda.

Ӯyryzmædžy khælæt ærguytæ fætarysty,—dyuuæ xajy jæxicæn uyrondzæn, zæhgæ.

Fælæ læppu zahta:

— Mænæ dyn uj dæ xistæjrag, annæ ta dyn dæ xaj, ærtყagg xajæ myn m'afædzy kænd axicænkæn. Dunety dær ma xyhtaj mærdtæm, ærmæst mæ nom, dæ fyrt nom, dæxi khu-xæj mærdtæm či bacydi Donbedtyrtæm,—mæ nom nicæmæj ssardtaj.

Xærzbon zahta Ӯyryzmægæn æmæ ta arast mærdty bæstæm j' alasajyl.

Xur ærnyguyl, aftæ baxæddzæ mærdty bæstæm æmæ duar nal gomkænync.

Xurnyguylæj fæstæmæ mærdty duaræj ærbaxizæn nikæmæn is*),—radzyrdtoj læppumæ.

Uæd uj skuyvta, cæmæj ma xur iu xatt (dyggag xatt) fæzynta. Ӣemæ xæxtyl rakast „dydzy xur“.

— Xur ma kæsy xæxtyl,—zahta læppu.

Mærdtæ xæxtæm skaštstyæmæ „dydzyxur“ kuy fedtoj, uæd duar bakodtoj æmæ Ӯyryzmædžy ænænom fyrt bacydi mærdtæm æmæ ta uycy ran Barastyry uæragyl sbadt.

Ӯyryzmædžy fosy kondyl Nart čysyl næ fædiskodtoj, æmæ uædæj fæstæmæ bazzadi aftæ:

— Zærondy 'rdæm Ӯyryzmædžy fosy kondy fæu.

Narty Acamongæ.

Narty Acamongæ uydi kuyisi. Uydi jyn avd xatæny.

Niči jæ færæsta ærtყagg xatænæj dældær nuazyn. (Uj dær dzurync Xæmymcæj).

*) Næ Iry bæsty nyr dær næ nygænyne mard xurnyguyldy.

Nart səe Acamongæjy səxicæj dældær adæmæn næ xastoj, vdystoj. Fyldær səxi astæu, stæj se 'mxuyzon ma kæj nymadtoj, uydonæn dzy læværdtoj nost.

Nart səe Acamongæjæ xordtoj ard. Iskæj nyxæstyl dyzærdyg kænync, uæd yn iu saræstoj—Narty Acamongæjæ kuyd banaza, aftæ.

Nuazægæn jæ nyxæstæ, jæ quydtag razyndysty, uæd iu æ nost fæci, baxusi, namæ iu ænqizyn bajdypta æmæ kaldi jæ byltæj.

Ændær variant.

Ævædza adæjmag rast radzyrdta, jæ quydtag rast u, uæd iu Narty Acamongæ jæ byltæj kælyn bajdypta, abuzyn iu sista; namæ nuazæg mæng quytdadžy tyxxæj arxajy, aftæ iu nost jæ bynatæj ne zmælydi.

Ærtყaggag variant--xus kodta Acamongæ.

Xæmycæj dzurync:

Raxastoj jæ æmæ jæ nosta. Narty Acamongæ bajdzag aly 'vzær æmæ lhag xildžytæj: kælmytæj, xæfs æmæ gægguyritæj. Sæxi iu sistoj Narty Acamongæjy mæ iu nyuazinadžimæ fæcæj-cydysty Xæmycy quyrmæ. Fælæ sæ iu Xæmyc jæ bolat rixitæj ærcavta æmæ iu kuysijy byn ambæxstysty. Uycy xuyzænæj afældæxta Xæmyc Narty Acamongæjy.

Urymty Basil. Ærydojnag. Cæudzæn yl 65 azy. Jæ fydaeltæ ralyhdysty Chamadæj, Uælladžyry komæj. Tauyræhtæ ujy fequysta sæ syxy zærættæj—Æmbalty Dzakko æmæBesæjæ, Baskaty Bolajæ, Urymty Sostykkæj.

Basil radzyrdta.

Narty Satanajæn sau nohiagæj či rajguyrdi, uycy læppu.

— Æmæ Nærtton Uryzmæg afædz balcy acydi, či zony — kædæm.

Jæ us Narty Satanæ txysy jæ mójyl, mysyn æj bajdypta.

Fæbycæu kodta Narty Satanæ jæxiimæ: ujomys, xæcy jæxiyl, fælæ dzy bycæuæj kuy nicy ual rauadi, kuy nal bafæræsta jæxi ujomys, jæxiyl xæcyn, uæd ærbasidti kusdžytæm æmæ syn dzury:

— Cæugæut æmæ myn iskuy iu læg ssarut, aivæj jæ 'rbaxonut mæ uatmæ: kuyd niči jæbazona, aftæ. Uæzdan læg agurut, fælæ kuyd æmbæly, axæm adæjmagyl næ fæxæstyut særmæ lægæj,—uæd iu mæm sau lægæj dombaj æmæ qarudžyny 'rbaxonut.

Uæzdan læg ne ssardtoj kusdžytæ Satanajæn, fælæ jæm iu dombaj aræstytae sau nohiadžy 'rbaxuydtoj.

Biræ fæci, čysyl fæci sau nohiag Narty Satanajy uaty,—či zony, fælæ jyn jæ'xsyzgontæ saræsta sau nohiag æmæ ta bacaguyrdta jæ færnyg xædzar.

Uæhdy n'acydi Narty Satanajæn ucy quydtag: uajtahd fexsajdta jæ zærdæ jæximæ. Satana basyværdžyn sau nohiagæj. Æværdza he nyr afon ralæuuydi, aftæ Narty Satana ærtæ mydamæsty rakodta, xuycaumæ kuvy:

— Xuycauty xuycau, mæxi xuycau, afædzæj afædzmæ næ bæstyl cy mih, cy'vrah ærbada, uj kuyd ærbada Narty qæuyl acy saxat.

Tar mih nybbadt Narty qæuyl. Uæd Tutyry guyrd uænguytæ uærdony baiftyndzynkodta, Terčy bylmæ jæxi fælasynkodta æmæ jyn ucy ran læppu rajguyrdi Sau nohiagæj.

Nogguyrdæn skodtoj čyryngond, čyryngond bælæhy cæværdtoj æmæ jæ ucy xuyzænæj furdy basxuystoj.

Galuærdony ta babadti Narty Satana æmæ ta gas xædzar ssardta.

Bælæh furdy særyl uyzgæ-uyzgæ zhory, fæjlauæntæ dzy qazync, kuy jæ portijau raxæss-baxæss kænync alyrdæm.

Ucy xuyzænæj kæsag-axsdžytæm nyjirvæst.

Uydon baurædtoj bælæh, rajgomkodtoj čyryngond, ud-ægæsæj dzy syvællony sistoj, æmæ jæ baxastoj ældary qæumæ.

Ældar æj xæssyntæ bajdypta jæxi qæbulu xuyzæn. Kuy bajræst uæd fæbærægysty uymæn jæ udy kond, jæ zærdæjy aræst: Nærtton tug kæj zyldi jæ tugdadzinty, uj bazytaid alči dær, Narty či zydtu, uydonæj.

Fyddzag uysi mæ dzy qazgæ-qazyn' fælmæcyn bajdydtoj jæ'mgar syvællættæ—čyrgæj, læppujæ. Uj fæstæ dzy qæstgænæg uydysty dondzautæ, kuyrojdzautæ: gogon syn gogonæn nal uahta, duryn durynæn, khuystil khuystilæn jæ fat æmæ jæ'rdynæj

Znaggadæj, fyduag mijæ fæste njcy ual nyuuatha.

Dzylæ dzy nal uydysty sæ særæn. Fæstagmæ adæm æræmbyrdysty, ucy iu guypæj bacydysty'ldarmæ'mæ jyn dzurync:

Biræ dæm fæqast kodtam d'aræggag læbbuuy fyduagdzinady tyxxæj, fælæ nyrmæ dær uj jæ fyduagdzinædtæ næ uadzy, dy dær yn uynaffæ næ kænys jæ basabyræn. Ærsabyr afon ta jyn u,— uj bærc sabi dær nal u, miltæ jyl fæxæcydi. Zæhæm dyn fæstag xatt ne'ldary xaj: kænæ dyn max, kænæ dyn dæ læppu!..

Ældar sahæsyl fæci. Ucy raquydy-baquydy fækodta'mæ stærxonkodta:

— Mæ qanæn næ qæu cærænbynæt nal u, iu æcægælon bæstæm æj fervityn qæuyl.

Æppætæj dær æj xærz iftong skodta: daræsæj, xæcængærstæj: jæ bæx-ræhæuttæm xuyzdær bæx nal nyuuahtha, axæm yn sbadyn ævvong saræsta. Stæj bazdæxt æmæ jyn dyuuadæs barædžy baftybta jæmæ. Bardžytæm aivæj basidt æmæ syn susægæj fædzæxsy:

— Mæ qany usgur æfson ærvityn mæ qæuæj. Abalckænut læbbuimæ styr fændagyl. Æfsæn Duarmæ baxæddzæ uydystut. Duar æxgæd razyndzæn; læbbu jyl ævzardzæn jæxsy qædæj, fælæ jyn næ gomkændzæn. Uæd ærcæftækodta ujy jæ bæx; bæx marhau æfsæn Duary særtu uycy iu taxt bakændzæn. Ævædza læbbu duary innæ fars fæci, aftæ iu fæstæmæ maual auærdut lidzynæj. Rox uæ ma kænæd—uycy iuyrdæm uæ dyuuæ barædžy ma fæuæd, fælæ iu nyxxæliut alyrdæm.

Usgur arasti 'ldary qan dyuuadæs barædžimæ. Styr fændagyl baxæddzæ Æfsæn Duarmæ. Duaryl jæxsy qædæj baxæcyd, fælæ næ bajgom. Læbbu bæxy 'rbambyrdtæ kæny, jæxsæj jæm ærævzidy bæx tærqusy kaft skæny barædžy byn æmæ Æfsæn Duary særtu, fælæ uydron iugæjttæj kuyi-qæd, kuyi-dur bajsty.

Læbbu ma iu dzævgar sæ fædyl akæsy, stæj ta cæuyn bajdajy razmæ jæ fændagyl.

Biræ fæcyd, čysyl fæcyd, či zony, fælæ iu afony baræg ærfynæj jæ bæxy rahyl. Bæx jæ cydy koj kæny. Ualynmæ jyn ærtæ barædžy fædærgævst ærkænync jæ fændag. Bardžytæ razyndysty Nærtton adæm—Æxsærtæggaty razahd lægtæ: Narty Üyryzmæg, Narty Xæmymc æmæ Narty Soslan.

— Iudadzyg dzæhæl næ fæci næ balc,—zahtoj nærtton adæm,—uærtæ nyn uycy baræg istæmænty sbæzdzæn,—næ syltæn nyn, æppyn fæstag, xælajfægty jarh uæddær nykkændzæn.

Jæxi jyl raskhærdta Narty Soslan. Skhuryta barædžy jæ bæxæj, fælæ barædžy bæx, maradzaj, ænkhuysgæ dær fækæna,—jæ cydy koj kæny.

Bazmælynkodta Narty Xæmymc dær jæ bæx, uycy iu cæf skæny fyðæbojnag barædžy bæxy... Uæd ta ma kuyd næ fæci-uy bæx! Fælæ næ xaly nyr dær jæ cyd nohiagæj či rajguyrd, ujy bæx. Uæd Nærtton Üyryzmæg fezdaxy barægmæ jæ razahd Æræfny, fælæ ta nicy kom radta barædžy bæx Nærtton Üyryzmædžy Qulonæn dær.

Uæd sæm dzury barædžy bæx:

— Ma kænut, ma, auadzut næ næ fændagyl, namæ kuy rajqal ua mæ baræg, uæd uæm xorz nal fækæsdzysty uæ mitæ.

Kuy næ'mæ, kuy næ uydi,—narty tyxgændžytæ xuycauy bar kuy nal uahtoj bæxy, uæd ujy nyuuuyhta jæxi. Baræg æryqal, asærfta jæ cæstyta'mæ fækommommæ narty tyxgændžytæm. Æryzdæxtætæ sæm kodta jæ bæx æmæ... Narty Üyryzmæg æmæ Xæmymcy xordzen-bast akodta jæ fæsarc, Soslanæn,

buaræj rony'xsæn arc athysta, bæxæj jæ rajsta æmæ jæ ucy xuyzænæj xæssy j'arcyl. Raqærkæny syn sæ bæxtyl æmæ sæ fætæry ræzmæ.

— Ci zony, axæm mi uyl ærcæudzæn uuj ænqæl næ udystut, fælæ uyn æz cy qomyl bauydzynæn, uuj fendzystut. Bazdæxdzynæn æmæ uæ acy xuyzænæj uæ bæstæm fæxæs-dzynæn æmæ uæ ucy ran æræværdzynæn uæ ustytty raz.

Rany festy narty xærzædžytæ. Uuj bærc fæxattysty, uuj bærc tyx fækodtoj, fælæ syl iu axæm adæjmag næma sæmbældi.

Uæzdan adæjmag jæ xædzary binontæn næ qærkæny j'æfxærd, zyn æm kæsy. Xorzau nal uydysty Narty sguyst adæm. Katajyl systy'mæ'vast fæfældæxtysty, se'vzag æruahtoj.

— Ma næ fesaf, ma næ fæxudinagkæn uuj bærc, xatyr dæ kuræm, dæxicæn æj aggag ma skæn, næ rædyd nyn nybbar. Fæltau næ acy ran amar, uæddær nyn ucy mi ma bakæn.

— Acærgæ adæm stut, æmæ uyn uuj tyxxæj xatyr fæuæd, fælæ myn dzyrd rædtut, kuyd nal baqygdardzystut fændaggon adæmy.

Amal nal uysi. Radtoj jyn dzyrd. Baræg suæhd kodta Nærton tyxgændžyty'mæ sæ alči dær arast jæ fændagyl.

Baræg cas acydaid, ci zony, fælæ'vast fæstæmæ'rboxæcyd jæ bæxy roxtyl.

— Mærdy rox myl kuyd baxæcyd! Aj kædæm cæuyn, umæn kuy nicy særvat is, cy bæsty dæn, uymæn dær kuy nicy bæræg is, us kæm kurdzynæn, uymæn dær kuy nicy zony, uæd ænæbafærsgæ kuyd uahton ucy adærny. Uydon ta ci axatti, ci fedta, biræ tautæ ci axordta, axæm kast kænync, —bæræg u sæ uælæ. Con æmæ sæ bajjafon, kæd myn iskuy bacamoniggoj iu čy়zg.

Nart barædžy kuy auydtoj sæ fædyl ærbacæugæ, uæd lidzæg festy.

Fælæuut mæm! Dzyrd uyn dædtyn, nicy uyn kændzynæn quydtagæn mæ qæut.

Nart fæsabyrsty sæ cydæj, bajjæfta sæ baræg.

— Næ xædzaræj usgur rarastdæn, fælæ a bæsty nikæj zony, symax ta biræ ci fedta, axæm stut. Uæ xorzæxæj, iu čy়zg myn banymudzut.

— Dyuuæ dony kæm baiu væjjync, ucy ran jæ galuanty cæry'mæ xory *Adyl*,—zahta Narty Uyryzmæg.—Uymæn is axæm čy়zg, æmæ arv jæ khabæstæ kæm auahta, uym uuj xuyzæn uyndæj dær, æhdauæj dær næ razyndzæn. Dunejy xærzædžytæj jyl ci næ sdzyrdta, axæm näl bazzad, fælæ næ komy nikæmæn. Uyjimæ jæ fyd Adyly qæzdygæn dær quamæ makuy ræzyna.

Dyuuæ dony astæu, Adyly fidærttæm jæ nyx saræsta sau nohiagæj guyrd. J'æmgartimæ mæsydžy bady Adyly ræsuhd čyzg, khuxmi kænync čy whole text block is in a single paragraph, so I will split it into two parts for readability. The first part ends with 'dzury:' and the second part starts with '— Uærtæ næm iu čidær ærbacæuy,—næma'rbacydi ujx xuyzæn a bæstæm.'

— Uærtæ næm iu čidær ærbacæuy,—næma'rbacydi ujx xuyzæn a bæstæm.

— Kæsut æmæ kæd donæn jæ tændžytæ agura, uæd yl xudægæj næxi sxæsdzystæm, aqazdzystæm dzy; kæd æmæ komkommæ'rbacæua, uæd myn mojæn sbæzdzæn.

— Jæ tæggæ iuguyry'rbassuysta,—zahta ta čyzg,—kæsag dær ujx xuyzæn ne'rbacæudzæn. Mara-zæhaj, uycy furdy jæ bæx čiugæ dær fækæna, fatau ærbajgærsta don.

Adyly galuantiæ ærxyst sau nohiagæj guyrd jæ bæxæj. Adyly ræsuhd čyzg cy uaty badti, ujx duaryl baxæcyd jæxsy qædæj æmæ duar midæmæ baxaudta

— Dæ bon xorz ua, ne'vzær æfsin,—zahta læbbu Adyly ræsuhdæn.

— Xorzæj cæraj, Narty Satanajæn sau nohiagæj či rajguyrdi, uycy xorz læbbu,—dzuapp yn radta čyzg.

Læbbujæn cyma jæ byltæ rakhuyrtoj, ujx-au fæci'mæ uajtahd fezdæxt fæstæmæ, bæxyl babpærsta jæxi'mæ Adyly galuanæj uycy tævdæj arast darddær.

— Uæxxaj! næ uazæg fætærgaj,—zahta čyzg. Cæugæut æmæ jæ'rbazdaxut fæstæmæ: kæd æmæ sau nohiadžy tugæj ravzærdi, uæddær ævzær adæjmag næu.

Cæryntæ syn bacajdah læg æmæ usæj Adyly fidærtty, dyuuæ dony astæu, xuydzyxau kæm fæci zæxx, æppætæj dær æxxæst.

Iu axæmy læbbumæ dzury jæ us:

— Ævædza læbbujæn binontæ fæci, aftæ jæ nal fæxæssy xædzaræj jæ khax. Kæsyn dæm æmæ dæ guymiry tyx cæj bærc rajræst, ujx bærc dæ zond næma u!

Guymiry tyxy ta zond kuy n'araza, uæd fydblyzy sædzy adæjmag. Bazdæx æmæ Tarqy Syndzmæ fæcu. Uym is sau ruvas—jæ nyxy'rtæ urs ærdjujy. Ruvasy kuy'rcaxsaj, uæd yn sæ 'ttony qæudzæn. Sæ iu quyn uydonæj uydzæn dæuæn zond amonæg, annæ festdzæn ron, ærtყყag—æhnædžytæ, ævzist æmæ syzhærinæj aræst. Uydon ta balævarkændzynæ mænæn. Fælæ ujx zon, æmæ sau ruvas ærcaxsyn ænconæj næ baftdzæn dæ khuxy. Tarqy Syndzmæ kuy baftaj, uæd æj suryntæ sisdzynæ, dæ daræsæj nicy ual bazzajdzæn dæ uælæ, gæbazgaj bazzajdzæn syndzyl, fysy fist yl kuyd bazzajy, aftæ. Aly'rdygæj dæ buaræn qardzæn jæ tug. Dæ khuxy næ baftdzæn syndzy, uymæ jæ rasurdzynæ. Ænthæryntæ jæ bajdajdzynæ uyrly: dæ dzabyrtæ fæuælgomuydzysty, dæ khuxty pyrx kældzæn. Fælæ

sau ruvas dær sfælmæcdzæn,—dzyqlæud nykkændzæn uyrly, udægasæj jæ'rcaxsdzynæ, jæ nyxy jyn uycyrtæ urs ærdujy 'rtondzynæ, stæj jæ auaddzdynæ.

Sau nohiagaj guyrd Tarqy Syndzy sau ruvas udægasæj kuyd ærcaxsta, aftæ jyn ærtæ urs quyny ærtydta jæ nyxæj æmæsæ bafsnajdta jæximæ, stæj sau ruvas yauahta. Syzdæxy sæ xædzarmæ mæ ta Adyly ræsuhdimæ cæryntæ mæ xæryntæ sisync.

Cas ta acardaiggoj, či zony, fælæ ta iu axæmy dzury Adyly čyzg.

Lægaj, iunægæj cæræm acy ran. Bazdæx æmæ ta nyn fæcu balcy. Som-bon æryskhæf tonynmæ racæudzysty nohajy fæsivæd—čyzgæj, læbbujæ. Aftæ bakæn æmæ nyn dzy fondzssædz khajy ærbaxon æmæ sæ'rcærynkæn n'aly fars, cæmæj nædunejy cærd rogdæræj arvitæm uydron ruadžy.

Nohajy fæsivædæj sædæ čy whole 'mæ sædæ læbbujy'rbakodta nærtion guyrd, æmæ sæ Adyly fidærtty alfamblaj ærcærynkodta, qæu sæ saræsta.

Uæd ta iu ræstædžy Adyly ræsuhd dzury jæ sære xicaumæ:

— Uæ, mæ sære xicau, æxsyzgon ma dyn kæninag u a-dyuuæ bony iu quyntag. Nart Gury fidar basastoj, cy fos dzy fækodtoj, uydron uardzysty. Aftæ bakæn æmæ dzy dæxi xajdžyn fækæn. Uyj ta aftæ zyn næu, fændæj kuy bakusaj, uæd. Nart byrsynmæ kuy cydysty, uæd khulybadæg usy fændagyl sbadynkodtoj, læburdžytæj fidærmæ či baxiza, uyj sbærægkænyny tyx-xæj. Læværttæj fyddzag bar razzagmæ cæuy. Æz dyn uycy usæn jæ fælyst sarazdynæn khaxæj khuxmæ, dy jyl dæ fændag akændzynæ æmæ jyn sæ balævarkændzynæ, stæj jyn iu bafædzæxs: farst æm kuy'rcæua, narty læburdžytæj Gury fidarmæ razdær či baxyst. zæhgæ, uæd dæu kuyd bacamona, aftæ.

Æræmbyrdysty Nart Gury fidaræj xast xæznatæ uarynmæ. Dyuuadæs ivazny uærm skhaxtoj æmæ dzy Narty Syrdony askhærdtoj, quyntag qauhamæ kuy tæra, uymæj tærsægæjæ.

Færsync zærond usy:

— Uædæ xasty bon Gury fidarmæ fyddzadžydæj či baxy-staid, uycy amonddžyn či uydzæni, či?

Jæ bonæj uæd uastæn Adyly siaks, uyj baxysti Gury fidarmæ fyddzadžydæj,—zahta khulybadæg us.

— Dæ razzadžy xaj sis, Adyly siaks, stæj annæ xæznatæ lædžy særyl bajuardzystæm æmxuyzon,—zahtoj Narty xistærtæ.

Adyly siaks ærkast xæznatæm, æmæ jyn amynd kuyd uydri sau ruvas yurs quynæj, uymæ gæsgæ dzy rajsta jæxicæn ærtæ dzaumajy: *ærchiadžy sulthy, nymætyn jæxs æmæ gamxud.*

Narty Syrdony sistoj uærmæj, xæznatyl raxasta jæ cæst æmæ færsy Narty xistærtæ:

— Razzadžy xaj či sista?

— Adyly siaxs,—dzuapp yn rádtoj Narty xistærtæ.

— Ragæj dær nicæjag uydystut, kujjty Nart,—zæhta Syrdon—æmæ ta uæ nyr dær xyndžylæg fækodtoj. Æmæ uæ xyn-džylæg či fækodta, ujj lædžy xuyzæn læg dær kuy uaid jæxæ-dæg... Ujj. zonut, æmæ Narty Satanajæn sau nohiagæj či raj-guyrdi, ujj uyn axasta uæ xæznatæ. Ci ma dzy æryzad, uydón iu dony kuysi dær næ rajsdzysty uæjgængæjæ, qæugæ dær ni-cæmæn kænynç.

Narty Uyryzmæg, Xæmyc æmæ Narty Soslan kærædzimæ bakastysty, Syrdony nyxæstæ fequsgæjæ, æmæ sfænkodtoj bas-garyn Adyly siaxsy.

Rabalckodtoj Æxsærtæggaty stæron lægtæ. Adyly fidært-tæm fæcydysty. Ujcy ran syl kuyd æmbældi, aftæ uazægdony 'rxystysty. Uazdžytæn kæstæriuæggænæg uysi Adyly siaxs.

— Baxatyrkænut. uazdžytæ, fælæ ma kæd isty zony, uæd ma uæ kæmdær fedton, aftæ mæm zyny.

— Næ rædijys,—dzuapp yn radta Narty Xæmyc,—acy fidærttæm dæ max saræstam usgur. Stæj ma dyn zæhdzystæm, næ cydy sær cæmæn uysi ardæm, ujj dær. Xærz ærædžy ba-zydtam max,—Satanajæ kæj rajguyrdtæ; mænæ dyn ujj ta dæ fyd Uyryzmæg Æxsærtæggaty, Satanajy særy xicau, max ta dæ fydy'fsymærtæ — Xæmyc æmæ Soslan. Næ kæstær, stæj dyn zæhdzystæm næ zæhinægtæ. Xudinag u Nærtón guyrdæn jæ kajysty xædzary, cam dzy kæny ægas myggag dær.

Narty Satanajæn sau nohiagæj či rajguyrd ujj æmæ jæ 'fsin bafsnajdtoj sæ biræ is-bon, raxuydtoj s'adæmy 'mæ Narty qæuy'rcardysty.

Nart ta fosy kondy festy.

Fequyston æj Baskaty Debola, Dzuggojty Gappo 'mæ Tæbæxsæutý Dudaryqojæ Ærydony.

Xætæg Baræg.

Sælxæjy qæuy, Sælxæjy ræsuhd sfændkodta mojmæ fæ-cæuyn. Qæuy cardí Xætæg Baræg æmæ uymæ'xsajdta jæ zærdæ. Xætæg Baræg nicæmæj auærsta jæxiyl, cæmæj jæ bauar-za Sælxæjy Ræsuhd.

Nærtón adæm iu ævædza fos fækodtoj, stæry uævgæjæ, uæd iu Xætæg Baræg sæ razmæ acyd, bafæsfæd iu kodta jæxi, calymmæ iu Nart æd fosy kond sæ xædzærtæ ssardtoj, ualynnæ. Uæd iu Xætæg Baræg Narty stæron balæn fændægtyl cæuyn či nal færæsta, se'schiltæj iu sæ nog fadžys kæmæn kald, zærdæ iu bakæsyn kæmæ næ kuymdta, ujcy fos iu skhuym-bilkodta jæ razæj, Sælxæjy mæsydžy ræsty sæ iu ærbaskhærd-

ta, mælæty lægau. Bakastaid iu uæd Sælxæjy Ræsuhd, æmæ iu baxudt jæ midbylty. Cæuylnæ nybbuznyg uydaid Xætær Baræg dær ucy saxat jæxicæj!

Sælxæjy qæuy ma cardi khulybadæg usy fyr. Nærton adæm ænæ ujy næ cydysty stæry. Ujy dær bauarsta čy whole, fælæ jæm Sælxæjy Ræsuhd fæstærmæ dær næ kasti.

Uæd iu axæmy khulybadædžy fyr saræsta fændyr, Sælxæjy mæsygæn ærbadti jæ byny, æmæ cæhdynntæ bajdydta fændyræj, kaddžytæ dzy kodta. Fændyry qast quysti uælarvmæ,—cavd durtau æm iu festy qusty qusdžytæ, fælæ jæm næ kæsy Sælxæjy Ræsuhd.

Fændyr mæsygyl nyccavta khulybadæg usy fyr, æmæ ucy ran bæzhælæntæ.

Nog fændyr ta sarazy khulybadæg usy fyr, mæsydžy ræbyn ta 'rbady 'mæ jæ zærdæjy sahæstæ, jæ uarzondzinady arty koj kæny ujy jæ fændyry cahdy. Zærdæjy uidægtæ 'nkhuy-sync fændyry cahdmæ, arv æm atar væjjy, fælæ jæm næ kæsy, fælæ jæm næ qusty næ Sælxæjy Ræsuhd. Mæsydžy khulyl ta nyppyrxkodta læbbu jæ qisyn fændyr.

Cæj bærc racydaid, či zony, fælæ ta ærtყiggag xatt skodta fændyr khulybadæg usy fyr, biræ xuyzdær razzag fændyrtæj. Jæ bærægon bynaty ta ærbady mæsydžy farsmæ, cæhdyn ta bajdajy jæ fændyræj. Pillon art uadzy fændyry cahd: dzyllæ jæm æmbyrdtæ kænync, sæ mast, sæ zyndzinædtæ sæ rox kænync, sæ zærdæjy syn æftauy saqdzinad, aivdzinad æmæ xælardzinad.

Nal æm fælæuuyd Sælxæjy Ræsuhd: minævar skæny læbbumæ, fælæ ujy zulmæ dær 'nakast minævarmæ. Uæd æm uæladzygæj æruahta jæxi Sælxæjy Ræsuhd, mæsydžy særmæ jæ sxony jæxædæg kæm cardi, ucy uatmæ: nyxas syn bacaj-dah væjjy dyuuæ adæjmagæn.

— Xætæg Baræg dæu aggag næu,—dzuryn bajdajy khulybadæg usy fyr,—cy qarutæ jæm ænqæl dæ, uydonaej jæm iu dær næj; stæj dæuæn jæxi cy xuyzy'vdisy, ujy dær j'æcæg xuyz næu. Nartæn, stæry uævgæjæ, fændagyl cy'næsæræntæ azzajy, ucy mæguyrau fosy murtæ 'rbaskhæry jæ razæj, a mæsydžy ræsty sæ'rbatæry 'mæ dy aftæ banqælys, æmæ Xætæg Baræg fesguyxti.

Ujy ta, mæguyr, max kæuyl næ fervæssæm, uydonaej sqal-kæny jæxi dæ razy.

Æmæ uædæ nyr cy xuyzdær bačyndæua mæ rany?,—zah-ta Sælxæjy Ræsuhd.

— Lu ræstædžy ta Nart uydzysty stæry; Xætæg Baræg kændzæn jæ kænon; næ razmæ ta acæudzæn, æmæ næ fosæj fæstijæ či azzaja, uydona dæ ræsty, mælæty lægau, ærbaskhærdzæn, fælæ jæm dy mauval rakæs. Kuy dæ færsa, cæ-

uylnæ jæm rakastæ, zæhgæ, uæd yn iu bacæhd jæ qusy: „Khulybadæg usy fyr tæ dæ ittæg, ittæg rafaudta, zæhgæ. Kæd læg dæ, uæd æj balcy fæxon, nyuuæj jæ kæn iskuy æmæ myn j'arhæj iu xælajfag balxæn“. Stæj kuy rastkænæm balcy, uæd næm iu mæsydžy særæj rakæs; kæmæ næ cy qaru ua, uj dyn xuræj bærægdær s'uydzæn.

Læbbujy dzyrd ærcydi.

Xætæg Baræg iu axæmy Narty fosy kondæj fændagyl či bazzad, uydon jæ razæj ærbatymbylkodta, Sælxæjy Ræsuhdy ræsty sæ, mælæty lægau ærbaškhæry. Bærgæ ma skæsy mæsygmæ... Fælæ Sælxæjy Ræsuhd nal rakast, nal Xætæg Baræg-mæ æmæ jæm nal baxudt jæ midbylty.

— Cy kodtaj, dæ zærdæ myl cæmæn ivys?

— Ærtæ bony'mæ myn ærtæ xsævy khulybadæg usy fyr fækodta dæ fydkoj, fauynæj dyl næ bacauærsta; uj adyl myn nal dæ, nal uj bærc addžyn. Mæ zærdæ myn nal ssardtaj, calymmæ myn uj arhæj næ balxænaj iu xælajfag.

— Bærvdytæ kodta Xætæg Baræg balcmæ jæxi; tyxtæ mæ 'xsærttæj læbbujæn bæx æmæ xæcængærstæ ssardta.

Khulybadæg usy kærti 'rxysti:

— Dæ bon xorz, læbbu!—dzury Xætæg Baræg.

— Ægas cu,—zahta læbbu,—midæmæ næm—fysym dyn uydzystæm.

— Com mænimæ balcy, iu čysyl axætæm.

— Mæ mady 'vastæj æz khæsæry duaræj dær næ xizyn.

— Xædzarmæ com æmæ dzy rakuræm.

Bacydysty xædzarmæ. Xætæg Baræg æhdau radta khulybadæg usæn æmæ dzury:

— Xætynmæ cæuyn æmæ myn dæ fyrt kæstæræn rauadz.

— Æna dæ særyl xast fæuæd, æmæ cy bakændzæn mæ sabi demæ? Stæj rævdz dær kuy nicæmæj u: næ jæm bæx, næ xæcængærstæ.

— Uydon yn cædtæ sty,—zahta Xætæg Baræg:—bæx yn duarmæ, adon ta jyn xæcængærstæ.

— Læbbu, uazæg tyx xæssæg u,—zahta zærond us: bærvdytæ kæn balcy dæxi. Læbbu gærstæ rajsta Xætæg Barægæj, racyd xædzaræj; ærkast bæxtæm, bæxtæm iftængtæm, æmæ zærdæmæ bacæuinag kuy næ razyndysty, uæd ærmurkodta xæcængærstæ, bæxtæm ærxosta se'ræhtæ æmæ sæ duary 'dte fækodta.

Uj fædyl Khulybadæg usy fyr baxuydta Xætæg Barædžy bæxdonmæ. Xærz æfnajd bæxdony dyuuadæs æfsurhy, kærædzijæ ivddzag fæuydaiggoj; alkæmæn dzy khulyl jæ særæmæ xærz iftongæj sarh æd - dzaumættæ, stæj xæcængærstæ, barædžy xardz; xæcængærstæ tæmæntæ kaldtoj fyr syhdægæj.

Xorzau nal fæci Xætæg Baræg, Khulybadæg usy fyrty rævdzytæ kuy fedta, uæd; fæsmon æm ærcydi, jæxi stæry cæuæg kæj skoda uj tyxxæj, fælæ ma jyn cy amal uydi.

— Ravzar dæxicæn bæx ucy iftongæj,—zahta læbbu, næbælc dard balc kuy fæua myjjag æmæ næ fydænqæl kuy fækænoj dæ bæxtæ.

Næ sæm xæssy jæ nyfs Xætæg Baræg. Læbbu ərævdz-kodta dyuuæ'fsurhy, xæcængærstæ radta Xætæg Barægæn; sbadyn æj kodta'fsurhyl æmæ mæsydžy ræsty færast kænync.

Radžy ma uydi—Sælxæjy Ræsuhd næ qalkæny. Uæd Khulybadæg usy fyrty axæm cælqqtæ nykkodta jæ bæxæn, æmæ mæsyg jæ bynæj jæ særmæ bankhuysti; xærdmæ fæxaudi Sælxæjy Ræsuhd jæ xuyssæn uaty æmæ festadi tærsgæ-rizgæjæ..

— Árv myn ærcavta mæ mæsyg,—zahta čyzg,—fælæ rudzyn-gæj kuy rakast, uæd bambærsta, cæj axxosagæj nyrrysti jæ mæsyg.

Fændagyl fæcæuync dyuuæ barædžy æmæ uydi xuræj bæ-rægdær, kæmæ sæ cy qaru uydi, ujy.

Cæuynætæ bajdydtoj bardzytæ. Æxsæv æmæ bon fæcydysty, aftæ dzury Xætæg Baræg: „fæcybyrkænæm næ fændag,—fos fækænæm ardygæj, čysyl dzy kuy næ is“.

— Xætæg Baræg, cy bydryr cæuæm, uydon mæ zæxxytæ sty, cy fos dzy fedtaj, uydon mæxi fos sty,—gal ræhauæj, xuyskhag sturæj, bæx ræhauæj, fys-fosæj. Au, æmæ myn tæryn qæu mæxi fos?

Cæuyn ta bajdydtoj. Biræ ta 'fæcydysty, čysyl,—či zony, 'mæ ta dzury Xætæg Baræg:

— Fos fækænæm ardygæj.

— Adon mæ cahar adæmy fos sty,—zahta khulybadæg usy fyrty,—æmæ ta sæ cydy koj kænync.

Baxæddzæsty iu ranmæ, avd fændadžy kæm baiu væjjync, uyrdaem. Ærxystysty bardzytæ.

Khulybadæg usy fyrty rakodta iu bælas; avd tihon cædzyndz-dzy samadta, avd fændadžy kæm siu væjjync, ucy ran æj ærsahta; avd ævzagyl yn jæ avd. farsyl nyffysta, jæxædæg dzury Xætæg Barægmæ:

— Acy ran læu æmæ dæ cæst dar cæudzytæm: uydon myn sæ qalon uadzdzysty acy ran; axæm dzy kuy razyna, cy jyl æmbæly, ujy či næ nyuuadza, uæd ujymæ dær fidaudzy-stæm. Æz cæuyn Donbeddyrty'rtæ'fsymærmæ; uydon myn næznagyl læuuync, næ lymænyl. Fæstag xatt ma sæm xatyn, cæmæj myn sbærægkænoj sæ zærdæjy xatt. Ujy næj, uæd nal u m'axxos: æz syn cy qæua, ujy bakændzynæn. Kæs iu, æmæ kæd dendžy urs fynk xæssa bæræg afon, aftæ iu bardžitæ.

baetgæ, qalonæj dæm cy'ræmbyrd ua, uydonæj; dæxi iu barævdz kæn: namæ'vædza dendžyzy sær syrx adardta, aftæ iu dæxi fsnajyny koj bakæn; uj uydæn mæ mælæty nysan.

Læbbu dony fæcaræsta j'æfsurh æmæ'fsurh kæsagau alygkodta dendžyz cæxgærmæ. Donbeddyrty'fsymærtæm bacyd æmæ sæm dzury;

— Ulycy cyd uæm fækodton æmæ myn nicy dzuapp dættut: næ myn lymænæj læuut, næ znagæj. Acy xatt ma uyn dzuryn,—bæræg dzuapp myn radtut: Žnagyl uæ nymajon, ævi lymænyl? Uyj Zonut æmæ n'alfamblaj adæmæj axæm nal bazzad—mænæn qalondar či næ u, kænæ cahajrag kæj ne skodton mæxicæn.

— Uæle dæ fistædžytæ, dæle dæ bæxdžyntæ:—zahtoj jyn Donbeddyrtæ. Dæ xuyzættæ nyl biræ sfændkodtoj, biræ fevzærstoj maximæ sæ qaru. Dæ lymæn dær næ nicæmæn qæuy, de'znagdzinad dær dyn ærdumæ dær næ daræm.

— Axxos smaxyrdygæj fæuæd uædæ!

— Dæ fændag dzæbæxæj dar, hæ uj dyn næ dzuapp,—zahtoj æfsymærtæ.

Donbeddyrty ræhauyl raqærkodta Khulybadæg usy fyr; dony sæ fæcaræsta'mæ fatau dendžyzæn jæ'nnæ fars festy. Dendžyz urs fynk adardta.

Xæfæg Barægæn fædzæxst kuyd uydi, aftæ bardžitæ akoda qalonæj avd fændadžy astæu, bæx-uærhtæ sæ abasta. Ualymmæ jæm Khulybadæg usy fyr dær ærbaxæddzæ, Donbeddyrty bæx-ræhau jæ razæj'aftæmæj.

— Dæ fyddzag skæn acy ræhau dær æmæ dæ fændag razmæ dar,—zahta læbbu,—ærmæst iu æz cy arxajon, uymæ dær iu rakæs fæstæmæ: xærz iunægæj mæ ma nyuuadz. Nyrtæggæ myl styxdžyn uydzysty fædis, biræ ne'sty, fælæ cy sty, uydonimæ xæcyn qæudzæn: lidzyn særmæ baxæssinag næu. Kæd n'amond ua, uæd saræxsdzystæm.

Dzyrd dard acæuy, fælæ dyn ualymmæ bæstæ nyssyrsi.

Fækastysty fæstæmæ'mæ dyn iu baræg syrx bæxyl ærbacæuy.

— Hæ kuydzy cahar*)! kæj ræhau fætærys?—æmæ suahta jæ fat.

Læbbu sarhæj fexsta uæd jæxi'mæ fat dyuuæ sagæxtý astæu afardæg. Fæstæmæ baxsta syrx barædžy'mæ baræg rafældæxti bæxæj. Sista jyn jæ xotyxtæ, syrx bæxy baskhæry ræhaumæ.

— Cyrd læu, Xætæg Baræg,—dæ cydy koj kæn, fælæ mæm dar dæ cæsty zul dær.

*) Cahar kæd xazar myjjag uydaid. Guyrdziag—guyrdzyjæ xast adæm. xicæn adæmy xatt.

Ualymmæ ta dyn bataris ruxs dune; uj Donbeddyrty dyg-gag æfsymær ærbacæuy sau bæxyl: uymæj batar ruxs dune.

— he, kuydzæj cy cahar ravzærdi, næ. fætærdzynæ i næ ræhau,—næ dyn batajdzæn næ me'fsymæry mard!—æmæ ta suahtæ uj dær jæ fat.

Khulybadæg usy fyrta sarhæj sista jaxi'mæ ta fat sagæ-xtæ astæu acydi. Fæstæmæ ta suahtæ fat: sau baræg ratyldi jæ sau bæxæj. Sista xotyxtæ, bæxy bauahta ræhaumæ.

— Razmæ, razmæ, Xætæg Baræg, fælæ iu fæstæmæ dær dæ cæst raxæss.

Ualymmæ ta bæstæ'ppæt nyrruxs. Uj Donbeddyrty'rt-yg-gag æfsymær ærbacæuy jæ urs bæxyl, æmæ uymæn nyrruxs dune.

— Mænæj nal fæcæudzynæ, kuydzæj cahajrag, me'fsymært-yg-tug dyn nal batajdzæn.—Uj adyl ststa jæ fat æmæ jyn fæ-dzæxsy:

— Kuy dæ suadzon, uæd ta uycy fydgænæg sarhæj fexsdzæn jæxi, fælæ dy fatty fyddær fest, dæxi iu chustug kuy næ bauy-romaj, æmæ'vædza sarhyl fengom, aftæ jyn jæ biçhy byn innærdæm kuy n'axizaj.

Æmæ urs baræg, Donbeddyrty fyrta, suahta jæ fat. Khulybadæg usy fyrta dær sarhæj bærgæ fexsy jæxi, fælæ bafæstiat fat, calymmæ læbbu sarhyl fengom ualymmæ, stæj, uæ bal-hitæg znadžy amættag fæuæd!.. fat biçhy byn innærdæm akast.

Khulybabæg usy fyrta fat jæ fæsontæj felvæsta, ærdynyl æj ærbaværdta'mæ jæ suahta fæstæmæ: nygguyplasta zæx-xyl urs baræg, Donbeddyrty'nqælcau.

— Cy fædæ, Xætæg Baræg, fædisony xotyxtæ raxæss tæhd, namæ bæstæ xudinag kænæm, isči næ myjjag aftæmæj kuy 'rbajjafa, uæd; mænæn xorz nal sty nal me'uuaæltæ.

Fæcaræxst Xætæg Baræg: fædisony xotyxtæ sista, urs bæxy ræhaumæ baskhærdta.

Bæxæj ærxyst Khulybadæg usy fyrta, basylyqqæj ærbabasta jæ cæf æmæ gubaggyl ærbadt.

— Xætæg Baræg, mænæn mæ bon nal bauydzæn bæxyl badyn, fælæ kuyd læg dæ, aftæ tærgæ næ fosy kond, fequ-synkæn mæ xabar.

Bæxtæ ræhau, bardžity bast qalon, uærhtæ gondæj, sæ qæuyl sæmbælynkodta Xætæg Baræg. Ræhauæn jæ fyldær æmbis, qalon uærhtæ, læbbuwy bæx qæugæron baždæxta sæ xædzarmæ.

Xætæg Baræg radzyrdta Sælxæjy Ræsuhdæn quydtæ, sæ-ræj bynmæ kuyddæriddær ærcydi, aftæ.

Sælxæjy Ræsuhd rabælcdzon kæny jæxi, mælæg adæj-madžy ma udægasæj nyjjafy gubačy særyl.

— Mænæn nial is biræ cærænbon, Sælxæjy Ræsuhd, fælæ dyn fædzæxsyn: mæ cahartæn sæ bar sæxiyl kuyd cæua amæj fæstæmæ, barqomys sæm kuyd uiči ual dara. Cy fos uadzyn mæ fæstæ, uydon ærtæ xajy bakæn: aggag kænyn sæ iu xaj me sxæssæg madæn, annæ mæguyrtæn, ærtყყag xaj lævarkænyn Xætæg Barægæn, næ iumæjag balcy rast cæsgom kæj ravdysta, uj tyxxæj.

Nyxas kond fæci, aftæ jæ Sælxæjy Ræsuhd sista jæ qæbysmæ æmæ ujy adyl Khulybadæg usy fyrst sista jæ ud.

Styr zian, styr sguyxt is Sælxæjy qæuy. Abon Sælxæjy qæubæstæ Khulybadæg usæn jæ iunædžy æværync j'ænuson sydžytyl.

Sælxæjy Ræsuhd ærbasidti ingænkaxdžytæm æmæ syn dzury:

— Ingæn iu uæræx skhaxut.

Mardy raxastoj uælmærdmæ. Sælxæjy Ræsuhd dær racydi mardy fæstæ bolat xæsgardimæ. Ævædza mardy ingæny baværoj, aftæ Sælxæjy Ræsuhd bolat xæsgardæj færæxuysta jæ zærdæ'mæ uycy ran sista ujy dær jæ ud.

Sælxæjy dzyllæ iu ingæny baværdoj dyuuæ mardy dær.

Æfædzy bonmæ ingænyl ærzadi kærdo bælas æmæ fætkhuy bælas, kærædzijyl uærdæxau styxstysty 'mæ sæ khaliutæj ingæn dærdtyl æræmbærstoj.

Uyrymty Sostykk. Ralyhdysty jæ fydałtæ Chamadæj Ærydonmæ. 80 azmæ'vvaxs yl cæudzæn. 25 azy fæcydi fyjjau. Zony fændyræj cæhdyn. „Mænæj fequystoj Narty tauyræhtæ Dzugaty Coci, Tæbæxsæuty Dudaryqo, Æmbalty Tesa,—zahta myn Sostykk. Ujy Acamongæ næ dzury, fælæ jæ xony Uacamongæ. Nodžy Uacamongæ kuysi dær næu. Sostykmæ gæsgæ, fælæ u—„dzag“, „cæxgær“, „migænæn“. „Æmbaly fyrst, Nart maxau khusæj, kuysijæ, nuazænæj næ nostoj, uydon nostoj dzagæj, khuystilæj“. Rakodta myn kadæg.

Narty Batradz kuyd amardi.

Boræty Buræ Færnyg kodta mardy kænd, xærnæg jæ læb-bujæn.

Nart cy sty, uymæj badync xærnædžy; nuazync, xærync, mærdty mysync. Uæd iu axæmy Buræ Færnyg dzury:

— Narty xærzædžytæ, smax zonut mæ fyrst kajdær khuxæj mærdtæm kæj bacydi. Næ fydałtæj nyn kuyd bazzadi, či jæ amardta, ujy jæ quamæ zæha, cæmæj Borætæ zonoj sæ tudždžynymæ dzæhæly sæ zærdæ ma'xsaja, mardæn či nicy zony, uymæ.

Či'mbæly, uycy guydtag u,—zahtoj xærnædžy adæm.

Uæd Buræ Færnyg ærcaræsta Narty Uacamongæ.

Tyxdžyn adæmtæ kuyd næ badtaid Buræ Færnydžy xædzary. Æppæld adæm uydysty Narty adæm. Mardæn æppyndær či nicy zylda, uydon dær kærædzijyl xyncmæ stauyn sistoj sæxi.

Fælæ iu uajtahd dær rabæræg, gædy nyxas či kodta uuj, Narty ɬacamongæjy ruadžy. Jæ nyxas rast kæmæn uydaid, uymæ, bacydaid jæ bynatmæ Narty ɬacamongæ. Ucy nyxas, ucy 'ppæld fækodtoj æmbyrdy adæm kæxcæj, fælæ ɬacamongæ 'nkhuysgæ dær næ fækodta aræst kæm uydi, ucy ranæj.

Fæstagmæ dzyrdy bar ærcydi Narty Xæmycmæ.

— Xæmyc, dy nicy zondzynæ card-quagæj mærdty bæstæm. či bacydi uymæn, Buræ Færnydžy fyr Burxor Alijæn?

— Næ xædzary n'arty farsmæ bady iu fænykguyz, xuycau uæ'fsarm kænæd, dyuuæ khuxy fænyk sbadti jæ uæntyl, uymæ 'rbasidut, uuj jyn kæd nicy zona, uæd uyn æz nicy zæhinag dæn.

Æmæ xonæg arvystoj Narty Batradzmæ, æmbyrd sæ xærdy koj, sæ nosty koj kænync.

Æmæ Batradz avd stad ærchiadžy æræppærsta caræj, jæ khuxy saggæmty sæ bakodta, æmæ sæ næmgæ-næmgæ jæ khuxty astæu fæcæuy Buræ Færnyg Burxor Alijy xærnægmæ.

Bacyd xærnægmæ, 'hdau radta, kuyd æmbæld, aftæ. Æmbyrdy færsag æmæ kævdæsardæj čidæriddær uydi, uydon fæuadzguytæ sty 'rmæst jæ dzyxy dzyrdæj.

Nuazæn æm aværdtoj, fysy fæstag ærdæg jæ dzyxy ralasta.

Færsync æj:

— Burxor Alijy mardæn cy zondzynæ?

Uæd Narty Batradz dzuryn baidydtæ:

— Æz amardton avd-avdy uastyrdžitæj, avd-avdy uacillatæj, avd-avdy tyxdžynæj cydæriddær is, uydonæj, avd-avdy xæjrædžytæj, Buræ Færnydžy fyr Burxor Alijy dær æz amardton—den-džyzy byl. C'acæg dzuryn, ua'cæg Narty ɬacamongæ mæ fyd Xæmycmæ bacæuæd.

Æmæ Narty ɬacamongæ fezmælydi jæ bynatæj æmæ Batradzy fyd Xæmycmæ barasti. Narty ɬacamongæjæ Narty Xæmyc cæuylnæ suahtaid jæ dojnytæ.

Uæd Boræty Buræ Færnyg fæqær-lasta:

— Mænæ xorz adæm, ævdisæn uæ amondzynæn, Æxsærtæggatæ—mæ tudžyntæ! æmæ uuj adyl fidarmæ ajsta jæxi.

Batradz kard felvæsta, basyrdta ma Buræ Færnydžy, ærriyhta jæ 'mæ kard ærdavta uælkhæsær, æmæ dælkhæsær du-ry avd uylindžy afardæg.

Buræ Færnyg airvæsti.

Burxor Ali uydi uælarv Eliajy xærafyrt.

Buræ Færnyg fæcydi uælaru Eliamæ æmæ jyn bambarynkodta Burxor Ali mærdtæm kæj bacydi Xæmycy fyr Batradzy khuxæj. Elia qast baxasta zædtæ 'mæ daudžytæm. Zædtæ 'mæ daudžytæ ɬærppy fidarmæ æræmbyrdysty æmæ uym tærxony badtysty. Batradzæj Eliajy xærafyrtug kuyd rajsoj, uuj uydi sæ tærxony sær.

Gætædžy fyr Narty Syrdony qustyl ærcydi, zædtæ'mæ daudžytæ Uærppy fidary tærxony kæj badync, Batradzyl kæj fændkænync.

Batradz dyuuadæs khambecy siftyndzynkodta sarmadzanyl; Uærppy bærzændtæm æj slasynkodta; uycy ran æj Uærppy fjarmæ saræsta, ærtæ uærdony dzy toppyxos nyvgædtoj, jæxædæg dzy næmygæn æd-kard bacydi, stæj bafædzæxsta:

— Sarmadzany qusyl iu art baftaut.

Kuyd zahta, aftæ bakodtoj. Fægæraxkodta sarmadzan—Uærppy fidary ajnæg khædzæx batydtæ Batradz æmæ tærxon-dony balæuuydi æd-kard Narty Batradz. Dæ fydguly binonty astæu dyn axæm kuy. balæuuydi! Kard felvæsta'mæ ralæuuydi uycy ran tærxony badæg blamyq rixityl.

Xæst syn bacajdah uycy ran. Zædtæ'mæ daudžytæ alyr-dygæj æxsync Batradzy; Batradz syn jæ bolat khuxtæj axsy sæ næmguytæ'mæ sæ sæxi næmguytæj fæstæmæ cæhdægau cæhdy. Sasty bynaty bazzadysty zædtæ'mæ daudžytæ; uæla-somæ arast væjjync qast kænynnæ xuycaumæ? Tærxon kænyn bajdajync uælarv. Fælæ xuycauy næ fændydi Batradzæn tyx bakænyn:

— Biræ næma racardi æmæ card-quagæj mærdty bæstæm kuy bacydain, uujy mæ næ fændy.

Batradz bambærsta zædty quydtag æmæ dzury:

— Aly bon, aly bon myl xuycaumæ qast kænynnæ cæuync. Con æmæ æz dær xuycaumæ,—babæræg æj kænon, cavær xuycau u! Æmæ barævdzytæ kodta jæxi, jæ bæxyl sarh sæværdta 'mæ arasti uælarv xuycaumæ. Cæuy, jæ fændagyl. Uæd æj xuycau bazydta'mæ dzury:

— Ærra næm ssæuy,—mæ zæxxymuæz xordzentæ æræppærsta.

V a r i a n t t æ:

1-ag variant—Uyrymty Basil æj radzyrdta: xuycau zæxxymuæz dur rappærsta—Batradz: xuycau mæm j'ajk rappærsta.

2-ag variant—xyzyn, dzækhul.

Batradz æm ærævnældta jæxsy qædæj æmæ jæ bæx zæxx y asahdi jæ uærdžytæm. Ærgæpplasy bæxæj, sxæcy jyl jæ khuxtæj æmæ jæ uærdžytæm zæxx y anyxsy.

— Hej-hj! Kæmdær ma mænæj tyxdžyndærtæ dær is.

Babadt ta jæ bæxyl æmæ ta fæcæuy uælarvmæ. Uæd ta xuycau Batradzy razmæ sæqqis khuybyloj rappary, syzhærinæj, zæxxyl uyidagæj cydæriddær is, uydon æmdærh, uydon æmfidar.

Variant:

Bændæn. Xuycau mæm j'astæubos rappærsta.

— Satanajæn myn kærc æmphonynæn sbæzdzæn,—æmæ jæm ærævnaly bæxæj. Khuybyloj zmælgæ dær næ kæny jæ bynataj. Batradz ærxysti bæxæj, sxæc-sxæc fækodta khuybylojyl, fælæ jæ næ bafæræsta sisyn.

Is ma mænæj tyxdžyndærtæ, zahta Narty Batradz, zahdæj pajda næj, nal acyd xuycaumæ mæ razdæxt jæ xædzarmæ.

Æmæ ta jyl qast bacæuy xuycaumæ. Uæd xuycau zahta zædtæ' mæ daudžytæn:

— Jæxædæg jæxi'hdausæj kuy n'amæla, uæd yn mælæt næj. Fælæ jyn aftæ bakænyn qæuy: avd azy xurmæ cy tavst is, ujy iu bony xurmæ raddzynæn, bolat kuyd u uymæ gæsgæ tyxszæn ænæ donæj. Bydyry astæu is iu suadon, uycy suadonæj nuazy Batradz ædzux dær. Æz baxuyskh kændzynæn suadon æmæ uæd ujy dendžyzmæ ajsdzæn jæxi. Dendžyz dær mæ fændæj basur uydzæn æmæ dojnyjæ amældzæn dendžyzy bylyl.

— Æmæ nykkasti axæm xur æmæ dune cy uydi, uymæj fyxti. Tyxsyn bajdyta Batradz dojnyjæ, jæ bolat færstæ sudzync. Æmæ arast bydyry astæu jæ suadonmæ. Zædtæ' mæ jyl daudžytæ xæcyntæ sisync, fælæ sæ Narty Batradz quydy ciu, ujy dær næ kæny.

— Fælæuut blamyq rixitæ, don banazon, stæj uæd bafidau-dzystæm. Suadony uælqus bærgæ bastadi, fælæ suadon xus razyn-di. Batradz tyndzæ arasti uæd uyrdygæj dendžyzmæ, fælæ dony xuypp nal razynd dendžyzy dær. Cy uydi uymæj syrx zyng afældæxti Xæmycy fyrt Batradz æmæ dendžyzy byl sista jæ ud.

Zædtæ' mæ daudžytæ ambyrdysty mardy uælqus. Æmæ syl tæf rauahta Batradz, axæm tæf, æmæ dzy uælarvættæj birætæ mælgæ akodtoj, birætæ uadzyg festy. Æmæ ta balæuuydysty xuycaumæ.

— Jægas nyn ujy næ kodta, jæ mard nyn cy kodta. Kuy amardi, uæd tæf rauahta' mæ cahdy festæm.

— Acæut æmæ jyl dyuuadæs khambecy fiftyndzut æmæ jæ balasut Sofijy zæppadzmæ. Kuy næ uyn koma, uæd yl iu Tutyry guyrd dyuuæ uænydžy fiftyndzut.

Siftyhtoj jyl dyuuadæs khambecy, fælæ jæ ænkhuysyn dær næ bafæræstoj. Uæd bacaguyrdtoj Tutyry guyrd dyuuæ uænydžy, uydron yl baifftyhtoj. Xuymællædžy farçy uæz dær nal kodta Narty Batradzy mard. Sofijy zæppadzmæ jæ balastoj bærgæ, fælæ ta syn duarmæ nyttæssar æmæ syn zæppadzy xuylfmæ nal komy.

Minævar arvystoj xuycaumæ zædtæ'mæ daudžytæ:

— Nal komy, nal midæmæ, jæ styr khæxtæ nybbycæukodtæ zæppadzy duærttæm.

— Mænæj lævar agury—zahta xuycau, æmæ jyl styr xuycau ærtæ cæssydz'rkaldta (æruahta). Cæssygtæj iu Mykalgabyr festad, annæ dyuuæ cæssydz'—dyuuæ zædy.

Æmæ jæ uæd rogæn balastoj Tutyry guyrdtæ'mæ Xæmycy fyr Batradzy Sofiayj zæppadzy baværdtoj.

Fequyston tauræh Quylaty Dzehajæ Ærydony 1921 az.

Narty Xæmycy qudžy davd.

Xæmycmæ iu axæmy čidær bauændydi'mæ jyn adavta jæ qug. Ulyc aguyrd æj kodta, fælæ jæ iu uynæg næj: dælzæx fæci, saudžyny bæxau. Uæd qazgæ-qazgæ jæ qustyl ærcydi: jæ qug yn adavta Narty fydblyz, Narty Syrdon.

— Mæ qudžy myn ævæddzægæn Gætædžy fyr argævsta. Ænæ uj, xuycau dy bazon, Narty nyxasy ædzux jæ badt, nyr nikuy ual zyny. Æmæ aguryn bajdydta Syrdony xædzar. Kæj næ bafarsta, axæm Narty qæuy niči ual bazzadi, fælæ Syrdony xædzar niči zony.

Uæd Xæmyc bacydi khulybadæg usmæ.

— Dæ xorzæxæj Syrdony xædzar kæm is, uymæn dy dær nicy zony? Ulyc farst fækodta æmæ Gætædžy fyr, Narty fæqæuinadžy xædzar kæm is, nymæn mara-zæhaj æmæ isči isty zony.

— Xæmyc cæra, Syrdony xædzar kuyd æncon ssaræn u, aftæ'ncon nyn kuy uaiggoj n'annæ quydtægtæ dær,— zahta khulybadæg us.

— hy? dæ xorzæx mæ uæd, dæ dzæbæx dyn næ nyuadzdzynæn mæ uælæ,— zahta Xæmyc.

— M'artyl, Xæmyc! Narty qæu cy sty, uymæj sæ særæn nal sty Syrdony gadzajæ: uj kæj fæxsyntæ næ fædavta, uj kæj xændyg, kæj khuyritt næ baxordta, znaggad kæmæn næ rakodta, axæm xædzar næ razyndzæn Narty qæuy.

— Uj dær aftæ bærgæ u, fælæ uymæj cy ratædzdzæn mæ quydtagæn?

— Cy ratædzdzæn ta dyn cy nyxas u. Bon izærmæ raxæt-baxæt kæny Syrdony gadza næ qæuy uyngty, khuymty zily'mæ'naggag kæny aly ran. Baqaqqæn æj, ærcaxs æj, bændæn yn baftau jæ quyryl æmæ dæ, ma tærs, xæddzæ kændzæn Syrdony xædzarmæ, ærmæst iu bændæny kæron uæhd ma suadz.

— Ævzær fænd myn næu, arfæjag u.
— Fændarast.

Æmæ Narty Xæmyc ærcaxsta Syrdony gadzajy, bændæn yn baftydta jæ'fcædžy 'mæ arast jæ fædyl. Kuydz æj rakæ-ba-kæ fækodta, stæj jæ Syrdony xædzarmæ'rxuydta.

Xæmyc bacydi Syrdony xædzarmæ, uædæ cy uydaid. Rakast xædzary khuymty. Uælart ag fycy, adžy aly fars Syrdony avd fyrtý kafync, sivyry fyd æfsæstæj.

Cy ma jyn bazonyn quydi Xæmycæn, jæ xuysnæg Syrdon kæj uysi, uyi. Læg jæ mast nal bauyrædta, Syrdony læbbuty jæ fyddzag akodta: iu dzy baftyd jæ khuxy æmæ jæ uycy ran amardta.

Uyj adyl Narty Xæmycæn ssydi jæ mast æmæ arast jæ xædzarmæ.

■ ■ ■

A R H A E U T T A E.

II.

Doxcyqo Quylaty æmæ Gappo Dzuggojty.

Sau-ældary arhau.

Radžy ma radžy ma Sau-Ældar uydi. Sahæs iu kodta uj, zænæg yn kæj næ cydi, uj tyxxæj. Xærz ærædžiau yn rajguyrdi læbbu. Læbbu baqomyl, qazynqom fæci. Jæxiyl kuy fervæssydyæ tyxy, jæ nyfsy ruadžy, uæd bæzdæxt æmæ iu axæmy zahta jæ fyðæn:

- Afon u mænæn dær bæstætyl raxætyn.
- Uajgæ ual tahd æmæ qaz læbbutimæ uyndžy,—zahta fyð jæ fyrtaen.
- I'u khord afon ta racyd æmæ ta læbbu dzury jæ fyðæn:
- Mæ fyð, ægær biræ dær ma fæqazydtæn læbbutimæ uyndžy,—radžy myn nal u adæmy bazonynæn, xætænty axætynæn.

Nicæmæ ta ærdardta Sau-Ældar nyr dær jæ læbbuuy nyxæstæ.

Biræ racydi, čysyl,—či zony, fælæ ta læbbu baxazta jæ nyfs, batardta jæ cæsgom Sau-Ældarmæ.

— Cy bony xorzmæ ma myn æmhuyd kænys, mæ fyð, bar myn kæd raddzynæ adæmy astæumæ acæuynmæ, lægty æmrænq ralæuuynmæ?

— Uæ ænæntyst fæuaj, kæd dyn afon næma u dæxi ravdisymæ. Dæ quymyz dæ dongæmittæj kælgæ, dæ zærond fydy sær fegadkændzynæ dzyllæty'xsæn, jæ cæsgom yn bæchizikændzynæ zærondy'rdæm. Fælæ xorz, kæm mæ sxurxkodtaj, uym dæ bar dæxi fæuæd.

Læbbuuy uæladzygmæ skodta, madard bæhnæg æj skodta. Stæj bolat ændæxtæj byd jæxs rajsta æmæ dzy læbbujyl gærzæj gærzmæ ærcydi. Læbbu jæ cæst ciu, uj dær næ fænyk-khuylta æmæ dzury:

— Mæ fyð, zærond badæ, dæ qaru (tyx) ændær næ uydi, ævi mæ qazgæ kænys?

Bolat jæxs Sau-Ælbary khuxæj ærxaudta æmæ ma sdzyrda..

— Radžy dyn nal u adæmy fenynmæ.

Sau-Ældar saræsta jæ iunæg byndary; sarh yn sæværynkoda ta jæ sau alasajyl æmæ iyn zahta:

— Mæ fyr, ragæj ærægmæ biræ fæbællydtæn æz Xadzyjy čyzgmæ, fælæ mæ khuxy næ baftyd: Xadzy cæry dælzæx æmæ uyrdaem abalckænyn æz mæ nýfs næ baxaston nikuy. Sau-Ældaræn fyrtaen he uæd sbæzdzynæ, Xadzyjy čyzg dælzæxxæj uymæn kuy'rbaxæssaj.

Sau-Ældary fyr arastkodta balcy.

Cæuy, cæuy æmæ jæm dardæj dyuuæ aryqqy astæuæj iu čysyl sau-ændar ærbazynd. Sau-ændar ræzy, styræj-styldær kæny; læbbu jæm kuyd xæstæg kæny, aftæ izæry'rdæm ba-xæddzæ, sau-ændar kæm zyndi uyrdaem. Kæsy æmæ dzy styr galuantæ, galuanty farsmæ bon-xæræn, bon-xæræny kævdæs, kævdæsyl 19 bæxy xollag xærync.

Læbbu ærxyst jæ bæxæj æmæ jæ baskhærdta kævdæsmæ. Sau-Ældary fydæbony alasa 19 bæxy kævdæsæj fæsyrdta, jæxædæg æncad-æncojæ minaskæny.

Xædzary—galuany cardysty 19 uæjydz.

— Uæjguytæj iu bæxy xabar kuy auydta, uæd galuanmæ bacydi æmæ dzury:

— Uazæg næm ærxyst, zæxxæj uælæmæ næma zyny, axæm, jæ quymyz jæ dongæmmtæj kæly. Jæ bæxy bauahta kævdæsmæ, tærqusæj zyna-næ zyna styldær æmæ nyn næ bæxty fæxæliukodta, jæxædæg uycy zyd-xærd kæny bæxty xærinagæn, cyma khutujy bynæj fervæst, uyjau.

Uæd uæjguytæn dzury sæ xistær:

— Tyzmægæj jæm ma sdzurut uazægmæ, tyxy tændagyl ællæuuydystæm, uuj kuynnæ bambara, aftæ: xuymætædžy baræg næu uuj jæ bæxy æuuæltæm gæsgæ. Midæmæ jæ ærba-xonut.

Xædzary uælart ag fycy, arty alyvars uæjguytæ bædync.

Ægas næm cu, ægas, xorz uazæg! Cy xur, cy khævda dæ 'rbaxastæ acy bæstæm?

Xur dær mæ ne'rbaxasta, khævda dær, mæ fydy sau alasajyl balcy racydtæn næ xædzaræj.

Lu dzævgar abadtsty, xistær dzury:

— Uælartæj ag rajsut æmæ næ uazæg dær, næxüydtæg dær isty baxæræm.

Dyuuæ uæjydz agyl sæ tyx ravzærstoj æmæ jæ næ rajstoj. Cypparæj dær syn næ bakuymdtæ rajsyn. Uæd astæj alyrdygæj nyxxæcydysty uæjguytæ, fælæ uæddær zmælyn dær næ bafæræstoj adžy.

— Cavær æhuystuaj ua acy quydtag, astæj kæj næ færatut, uuj cavær dissadžy ag uydzæn?

Festad jæ badænæj, jæ dyuuæ ænguyldzæj adžy qustyl fæxæcyd, uælartæj jæ radavta æmæ jæ æræværdta zæxxyl.

Uæjguytæ kærædzimæ bakastysty—oma xorz uazædžy axa-sty næ festæm.

Baxordtoj, se' uazædžy sbuckodtoj.

Uæd uæjguytæn sæ xistær dzury:

— Xorz uazæg, max ragæj ænqælmæ kæmæ kastystæm, axæm adæjmadžy nyn xuycau næ xædzarmæ æruahta. Amond-džyn xonæm max næxi, dæ xuyzæn uazæg jæ xædzary khæs-særæj kæmæn ærbaxyst. Styldær lævarmæ, styldær amondmæ ænqælmæ næ kastystæm max. Nyr u, uazæg æmæ dyn æz næ qast, næ mast rakændzynæn. Dæuæj ta kuræg stæm ne'ppæn æfsymærtæ, dæ zærdæ nyn kuyd fætasa æmæ nyn kuyd bakænaj de'xxuysy xaj næ tyxsty midæg. Nyfs næ is æmæ nyl dæxi n'atihkændzynæ.

— Mæ bon cy ua, uymæj uæ mæxi n'aliasdynæn, dzyrd uyn dædtyn.

— Buznyg, xorz uazæg. Uædæ dyn aj ta næ qast, næ mast.

— Max uydystæm 40 æfsymæry. Nicy quag uydystæm næ cardy midæg, xælæggag uysi næ card. Fælæ iu afony næ fars-mæ iu komy æryncad zaliag kalm æmæ næm uajtahd znagdzinad daryn bajdydta. Aly afædz sxæcy maximæ æmæ næ xæsty fæstæ aly az iu fæqæuy. Aftæmæj næ 21 baxordta. Æmrižædžy rizæm tæssæj: som (rajsom) ta u næ xæcæn bon æmæ ta næ kæj baxærdzæn, či zony. Kuræm dæ æmæ næm fækæs. Uyj bærc tyx, uyj bærc nyfs kæmæ is, uymæn baxxuys-kænyn bauydzæn jæ bon.

Uazægæn xuyssæn bakodtoj; sæxuydtæg dær, uazæg dær sæxi xuyssænyl æruahto. Kuy'rfynæj sty, uæd iu afony uazæg systadi, jæ daræstæ skodta æmæ racydi xædzaræj. Sarh sæværdta, jæ bæxyl baiftongkodta jæxi æmæ zaliag kalmmæ arasti.

Uæd æm dzury jæ sau alasa:

— Xorz znagmæ næ baxastaj dæ nyfs, dyuuæjyl u næ rairvæzyn, fælæ kæm racydtæ, uym dyn fædzæxsyn: zondæj jyn kuy nicy skænaj, dzæbæx kuy næ saræxsaj, uæd baxærdzæn næ dyuuæjy dær. Uajtahd næ bazondzæn, jæxi xærdmæ fæxæsdzæn stæj næm uyrdygæj jæ sær æruaddzæn. Æxsidgæ zyngtæ kældzysty jæ dzyxæj. D'amond æmæ m'amond dær uydzæn, dæ fat yl kuy sæmbæla, uæd, namæ xury ruxs nal fed-tam som bon max.

— Cy ua, uyj uydzæn, zahta læbbu æmæ bazmælyntæ kod-ta Sau Alasajy.

Uajtahd komy bälæuuydi Sau-Ældary fyr. Zaliag kalm xärdmæ fæxasta jæxi, uari jæxi kuyd raskhæry čysyl chiutyl, aftæ uycy iu skhærd rakodta zaliag kalm jæxi Sau-Ældary fyrtyl.

Læbbu fatdonæj felvæsta fat, uycy æxst fækodta zaliag kalmy. Kalmy qælæsy fat suadi æmæ innæ'rdygæj axyst. Ærxaudi zæxmæ zaliag kalm. Læbbu felvæsta jæ fydy ciryq æmæ uycy ran lystæg kærdæntæ skodta zaliad kalmy æmæ dzy cændtæ samadta.

Ærbazdæxt jæ fysymtæm Sau Ældary fyr, bafsnajdta jæ bæx æmæ ta fæstæmæ xuyssænuatyl æruahta jæxi æmæ uajtahd tarf fynæj baci.

Bon ærbachæx, aftæ zmæld ssi uæjguyty galuany. Katajyl systy, sæxi arazync kalmimæ xæcynmæ.

Uæd sæ iu badzyrdta uazægmæ:

— Uælæmæ, com kalmimæ xæcynmæ.

— Xæcyny æfsærm uæ nal is,—zahta uazæg,—ue'znagyl cy bon ærkodta, uæ zaliag kalm æcæg axæm tæssag znag uyi. Dyson æm auadtæn æmæ jæ bafsnajdton aftæ, æmæ anusmæ dær qyg nikaj ual badardzæn.

— Uazæg, dæ nyxæstæ zærdæmæ bacæuinag, bauyrninag nesty. Fætarstæn, zæh, æmæ dyn zærdæmæ bacæua: ærgom nyxasy khæm næj. Max dær dæ qast nal rakændzystæm: qast. qæst-vændagæj čyndæuy.

— Uæ uajdzæftæ ual ægær tahd ma kænut, ujy bæsty arvitut iskæj, cæmæj uyn ærbaxæssa uacquyd uæ zaliag kalmæj.

Dyuuæ uæjydžy quyzgæ - quyzgæ bavvaxsysty kalmimæ—nikuy'mæ nicy! Xæstægdær bacydysty æmæ se'znagyl sæ cæst skast. Kæritæ amatæj læuuydi zaliag kalm jæ cærændony raz Tar-komy.

Fæstæmæ sæ xædzarmæ razdæxtsty uæjguytæ. Aftæ qældzæg nikuy ma uysi sæ zærdæ, sæxi quydy kænyn kuy bajdytoj, uædæj fæstæmæ.

Xædzary či bazzad, uydon ta uydysty sahæsyl:

— Cæuyn næ quydi ne'nnæty dær. Nyr næ afojnadyl kuy næ fæna Tar-komy xæstarastæj, uæd næm ardæm ærbacæudzæn æmæ næ baxærdzæn iuyldær. Æmæ sfændkodtoj lidzyn sæ galuanæj.

— Uazæg rast razynd,—zahtoj uæjguytæ,—fæstæmæ kuy 'rbazdæxtsty uæd: dzæhæl uydysty næ uajdzæftæ.

Kæron nal uysi uæjguyty cindziandæn, zard, kaft, simd, uæjguyty simd saræstoj sæ galuany. Uazægæn fyrchinæj cy kodtaiggoj, ujy nal zydtøj. Sæ xistær ta jyn zahta:

— Uazæg, amæj' fæstæmæ dy dæ maxæn nefsymær, næ irvæzyngænæg. Lu xo nyn is æmæ dyn æj max næxi'rdygæj aggag kænæm binontæn; nodžy dyn næ isæn jæ'mbis dædtæm.

lu dzævgar acardi Sau Ældary fyrт uæjguyt xædzary siassy'hdaуl. Uæd iu axæmy dzury jæ binojnagæn:

— Barævdzytæ mæ kæn, æz cæuyn darddær mæ fændagyl.

Cæuynæ ta bajdydta, cæuynæ æmæ iu bon kæsy æmæ jæm dardæj iu cydær ærbazynd. Kuyd xæstæg æm kodta, aftæ uycy cydær ræzy. Fæstagmæ cydær razyndi us.

Usæn jæ iu ssyr uælarv, annæ ssyr dælarv, uaritæ jyn axstættæ kænync jæ dændadžy zyqqyrtý.

Uyj qaqqædta xid cæugæ donyl. Kuyddær æm baxæddzæ Sau Ældary fyrт, aftæ jyl chiudžyn karkaujæxi nyccavta us. Raxæc-baxæc kuyd kodtoj, aftæ jyn læbbu jæ ssyryl fæxæst æmæ jyn æj ratydtæ, stæj jæ raværdta (rakusartkodta) jæ byny.

Margæ mæ ma akæn,—, zahta us,— mæ iunæg čyžg acal-a-ual azy dæumæ kuy'nqælmæ kæsy, ænæ dæu mojmæ kuy nikæmæ cæuy. Max Sau-Ældarimæ fidyd stæm ragæj. Dy ta uymæn jæ fyrт kæj dæ, uyj bazydton Sau Alasajæ.

Uazædžy xædzarmæ bakodta, jæ čyžgæn bacamydta:

— Mænæ nyvond kæmæn uydtæ, uyj næm fæzyndi. Aj dyn Sau-Ældary fyrт—dæ sære xicau.

Læbbu ta acardi acy ran dær iu dzævgar, stæj ta iu axæmy dzury jæ binojnagmæ:

— Mæ cyd u mænæn dælzæxmæ Xadzyjy čyžgmæ, mæ fydy fændæj; cæuyn mæ qæuy mæ fændagyl.

— Mænæn susæg næu uycy quydtag, fælæ mæm ærbajqus æmæ dæ zærdyl bædar mæ nyxæstæ. Mæ mad dæ uromdzæn, alcy'ppæt dyn dæddzæn. Fælæ dæuæn læuuæn kæj næj, uyj bæræg u. Æmæ iu macy rajs læværdtæj, ærmæst dzy iu rakur jæ gæræm alasajy. Fæstæmæ jyl xæddzæn, jæ cæst dyn æj næ uarzdæn, fælæ dyn æj, či zony, fæstagmæ ralævarkæna.

Madmæ uacquyd kuy bajquysti. uæd dzury jæ siaxsmæ:

— Kædæm myn cæuys? max čyžg æmæ madj jædtæmæ kuy næ stæm. Æz dæn abonæj sommæ, uyj fæstæ uæxuydtæg æryzajdzystut mæ čyždžimæ æmæ uæ cy fænda, uyj kændzystut. Calynmæ cærat, ualynmæ niçæmæj quag bajjafdzystut, uyj bærc is-bon uyn nyuuadzdzynæn.

Nicy kom radta læbbu. Us yn alcydær læværdta, fælæ nicy isy uyj. Uæd æm siaxs dzury:

— Dard balcy cæuyn æmæ myn dæ Gæræm Alasa radt, mæxi bæxyl uyj bærc næ xæssyn mæ nyfs.

Fætaris zærond usy cæsgom æmæ zahta:

— Alcy æppæt dær, fælæ uymæj fæxicæn mænæn mæ bon næ bauydzæn.

Arasti Sau-Ældary fyrt balcy. Usmæ fæsmon ærcydi.

— Uyj ta kuyd, mæ iunæg čydzhy jyn jæ fyddzag skodton, fælæ jyn baxælægkodton mæ xajuany...

Læbbuuy fædyl arvysta æmæ jæ fæstæmæ ærbazdæxta.

— Mænæ dyn aj ta mæ Gæræm Alasa, kuyd xælaræj dyn æj dædtyr, aftæ xælar card fækæn.

Sarh sista læbbu Sau-Alasajæ æmæ jæ Gæræm-Alasæjyl sæværdta. Sbadti bæxyl, Sau Alasa ta bajradžy uad kæny jæ fædyl.

Cas fæcydi uycy xuyzænæj, či zony, fælæ jæm iu axæmy Gæræm Alasa dzury:

— Dælzæxmæ fændag cæuy tyxdzyn adæjmadžy zæxxyl. Uyj næ jæ zæxxyl kuy næ fena, uæd—n'amond, namæ næ bajsafdzæn fyddæbony guyrd. Nodžy dælzæxmæ fændagyl is styr khæj æværd; niči færazy uycy khæj sisyn; kædæj sisaj, uæd dyn fændag uydzæn dælzæx Xadzymæ, namæ næ uajtahd zdæxyn qæudzæn fæstæmæ, cæmæj na n'rcaxsa Qæræič, zæxxyl xicau. Darddær. Dur kuy sisaj dælzæxmæ dyn fændag kuy fæua, uæd nyxxæddzæ uydzynæ Xadzyjy xædzarmæ, dæ fyddzag æmbæld uydzæn Xadzyjy čyzgyl, æmæ dæm kæd baxuda, uæd damond, namæ,—dæ balhitæg aftæ,—uycy ran cy fæuydzynæ, uyj dær nal bazondzynæ.

Baxæddzæ sty khæjmæ. Læbbu jæm jæxsy qædæj æryvnældta æmæ jæ fexsta iuy'rdæm. Bæxty uælzæx fændadžy bylyl nyuuhta æmæ Xadzyjy xædzarmæ fæcæuy dælzæxmæ. Gæræm Alasa jyn kuyd dzyrdta, aftæ fyddzadžydær ambæld Xadzyjy čyzgyl. Nyrruxsi xurau jæ cæsgom čyzgæn, læbbuuy quyry nyttyxsti æmæ zahta:

— Nyuursysty dæumæ kæsynæj mæ cæstytæ, Sau-Ældary tyrt; dæumæ badtæn æz nyry ong dær. Nyr u æmæ dyn quusynkænyn. Mæ fyd u dingænæg. Jæ xuycauæn kuvynæj ændær nicy kusy; bon æmæ æxsær xæry misxal æmæ ærdæg. Nikæj uyny æppyndær; mæn dær 15 azy næ fedta. Aly bon kuvynmæ kuy fæcæuy, uæd yn duary zyqqyræj adædtyr don quyvhany æmæ jæ xærinag. Fælæ dy, mæ særy xicau kæm fæzyndtæ, uym mænæn am nal is nyllæuuæn. Æz cæuyn uælzæxmæ dæ bæxty razmæ. Uym dæm kæsdzynæn ænqælmæ. Dy jyn iu rajsom duary zyqqyræj adædt quyvhæn æmæ jæ xærinag; ænæ'uuænkag dyl næ fauydzæn. Stæj fysdony xæcdzysty urs fyr æmæ sau fyr. Bazdæx æmæ iu syl dæxi nyccæv æmæ kæd urs fyry sykhajyl fæxæstuaj, uæd festdzynæ uælzæx, kæd ta sau fyry sykhajyl, uæd avd dælzæxxy fæuydzynæ.

Лæbbu æryzad čy whole uryzad. Rajsomy Xadzyjæn alæværdta quyvhany don, xærinag misxal æmæ ærdæg. Уалымæ urs fyr æmæ sau fyr xæcyntæ sistoj.

Лæbbu sæm bæhordta æmæ urs fyry sykha racaxsta.

Уælzæxx festad лæbbu. Rakæs bakæs kæny, qaqqæny jæ alfamblajy æmæ nikuy ual čy whole, nikuy ual bæxtæ—Gæræm Alasa æmæ Sau Alasa.

Canæbærædžy ma baruxs uydaid лæbbujy zærdæ. Uycy 'nkhardæj sahæsyl ssi; iuy'rdæm acæuy, annæ'rdæm acæuy,— nikuy 'mæ nicy. Уæd iu uæbaumæ sxysti'mæ uyrdygæj bajdydta fælgæsyn. Biræ fækasti, stæj kæsy'mæ xurnyguylænæj iu sau-ændærg fæzyndi; sau-ændærg kuyd fæstæmæ kæny styldær. Уалымæ kæsy'mæ ærbatæxy jæ Sau Alasa.

— Lidzæm,— zahta Alasa,— namæ næ quyntag xorz næu. Kuyddær næm Xadzyjy čy whole dælzæxxæj ssydi, aftæ nyl ærbafthyd a zæxxæj xicau—Qæræič.— Gæræm Alasajyl aværdta čy whole æmæ næ dard xurnyguylæny balæuuyn kodta jæ galuanty. Jæ galuantæ ta sty aftæ fidar, æmæ sæm bacæuæn dær næj, racæuæn dær. Æz mæxi zæxxæj fexston æmæ uycy iu taxt rakodton galuany særtæ. Bafsnajæm tahddær næ særtæ.

— Særyl xæcædžy fændæj xuym næj. Æz mæ xædzaræj kæj tyxxæj rabalckodton (racydtæn), æz uycy fydæbættæ kæj tyxxæj fedton, ujy tyr iu qal bakhaddær kæna jæxicæn?— us-issæg—udisæg! Æz ujy mæ særmæ'ne rxæsdzynæn; cæjnæ fæltau mæ cærgæ cærænbonty mæ udægasæj ujy mæ zærdæmæ xæsson, fæltau mæ nal qæuy mæ card. Con, bavzaron ma m'amond.

Sau Alasajy basxuysta'mæ Qæræičy galuanty raz balæu-uydysty. Уajtahd sæ Qæræič auydta æmæ sæ qavydi raxæssyn jæ qælæsy.

Уæd æm dzury Ældary fyr:

— Іє ujy dy dæ, dy, mænæn mæ binontæ či raxasta, uj?

— Æz dæn, æz, dzuapp yn radta fæstæmæ Qæræič,—dæ binontæ dær mæn kuy sty æmæ dæxædæg dær kuy uydzynæ mæn.

Kærædzijyl sæxi andzærstoj, bajdytoj xæcyntæ. Xæcync, xæcync, bar næ uadzync kærædzijæn. Уæd Qæræič felvæsta лæbbujy æmæ jæ ærcavta zæxxyl; ujy jæ fadqultæm asahdi zæxxæj. Лæbbu fexsta zæxxæj jæxi, ærcavta Qæræičy zæxxyl æmæ dzy jæ uærdžytæm anyxst. Stydra zæxxæj jæxi, Sau Ældary fyrty xærdmæ sista æmæ jæ zæxxæj ærsahta jæ uærdžytæm. Xorз nal uyd jæ zærdæ лæbbujæn. Fælæ cy ua, ujy uæd... Jæxi ta slasta zæxxæj fexsta xærdmæ Qæræičy æmæ jyn axæm cæf nykkodta, axæm æmæ j'astæumæ zæxxæj afardæg. Sxæc sxæc ma fækodta jæxiuyl, fælæ jæ nal suahta лæbbu.

Sau Ældary fyrst æm jæxi kuyd rafistægkodta ærgævdynmæ, aftæ jæm Qæræiç dzury:

— Sabyr, læbbu, tahd ma bakæn...

Acardysty čyzdžy galuanty, sæ fællad suahtoj. Stæj læbbujy fændæj rævdzkænyn bajdydtoj sæxi fændagmæ. Qæræič raxasta iu čyrym aemæ uycy ran bafsnajdta jæ galuantæ, jæ is, jæ bis, gauyzyl sbadynkodta cy uydysty, uydon æppæt aemæ sæxi ajstoj zærond usy xædzarmæ. Uycy ran dæt ta sæ læværttæ Qæræič čyryny afsnajdta, čyzdžy gauyzyl aværdtoj aemæ uæjguyty xædzarmæ sæ nyx saræstoj.

Uæjguytæ sæ iunæg xojæn cy læværttæ rakodtoj, uydona
dær æfsnajd ærcydysty æfsæn čyryny, sæ xojy syn gauyzyl
sbadynkodtoj, xærzbon syn zahtoj, sæxi bærzond sistoj gauyzyl
æmæ Sau Ældary fyrt jæ cyppar usimæ æd-xæznatæ arastis
jæ fydy xædzarmæ.

Qæumæ ma sæ iu dzævgar kuyd quydi, aftæ Qæræiç dzury:

— Læbbu, uæ næ særy xicau, xorz bakænis—dæ fydy xædzarmæ kuy næual skænis aggag dæxicæn dæ cyppar usimæ. Uyj zon, æmæ dæ fyg dæ xaj agurdzæn maxæj. Fæltau aftæ bakænæm æmæ dæ qæumævvaxs næ galuantæ ærcarazdzy-stæm æmæ isty færæz bacagurdzystæm, cæmæj bafidauæm dæ fyð—Sau Ældarimæ. Æz kæj zæhyn, uyj u næ cyppary fænd dær.

Læbbu srazy. Galuan festadi Sau Ældary qæumæ vvaxs. Cæryntæ dzy sista uycy ran Sau Ældary fyrst jæ cyppar usimæ.

Uæd sau Ældar ærbaminævarkodta jæ fyrtmæ:

Fos fækodtaj, cyppar usy baftyd dæ khuxy, dæ fydy nom
dæ dzy istæmæj quydi ssaryn, fælæ dæximæ kæj nicy fænd
is, uj tyxxæj dæm ærvityn—dæ ustytæj myn dyuuæ kuyd
radtaj aftæ, sæ iu Xadzyjv čyzq.

Fequusynkodta læbbu uacquyd ustytæn.

— Næ fyðæltæj xistær dæ fyð, uæd uyjta kuyd skodta ag-gag jæxicæn? Fælæ jæ uyj skæna, ma skæna max æj aggag næ kænæm. Max xuycau dæ xaj skodta æmæ nyl calynmæ xur kæsa, ualynmæ dæuæj axicængæninag ne stæm... Cærgæ dær, mælgæ der ærmæst dæuimæ!..

Jæ zærond sær nyttyldta Sau. Ældar, dzuapp yl kuy sæm-bæld, uæd.

— Tyxæj nicy bakændzynæn mæ fyrtimæ, xinæj kuy nicy sarazon, uæd.

Æmæ bajdydta quydy kænyn, kuyd bajsafa jæ fyrtý, uuyl. Æmæ aguryn bajdydta jæ fyrtý jyn či amara, axæm læg. Mærægæn nybbasta biræ xæznatæ, suang ma jæ ldæradý æmbis dær.

Iu axæmy Sau Ældarmæ fæzyndi soqqyr Cuanon.

— Æz dyn amardzynæn dæ fyrtý.

— Æz dyn he uj bærc xæzna raddzynæn, stæj iumæ ældarad kændzystæm.

Soqqyr Cuanon bazdæxt æmæ cæxdžyn xærinægtæ skænyn kodta, cæxdžyn kæsægtæ s'amal kodta. Xordzentæ særæsta xin aræst. Jæxicæn susægæj nuazinag, xærinag cæværdta.

Uæd iu afon baqavy Soqqyr Cuanon æmæ Sau Ældary fyrtyl ambældi iu ran.

— Dæ fyld mælætdzag rynçyn fæci. Dæsnyty amyndæj jyn is ærmæst iu xos. Fæsaryq xizy iu sag, uj igæry fizonægæj kuy næ baxæra, uæd yn fervæzæn nal is. Kæd ma jyn iskuy fyrt zæhdzynæ, uæd dæmærvity, memæ uycy sag kuyd amaraj æmæ jyn xos kuyd skænæm.

Kæd s'astæu qarmdzinad nal uydi, uæddær yn fyrtý zærdæ fætasydi.

— Con æmæ fændaggag raxæsson, dy mæm acy ran fælæu.

Fændaggadžy sær dæ nicæmæn qæuy, næ dyuuæjy fagi uydysty mæ fændaggægtæ ægas khuyri dær.

Nicyual sdzyrdta læbbu. Arastysty.

Cæuyntæ sistoj, cæuyntæ. Fæsaryqmæ dær baxæddzæsty. Ne'ssardtoj sadžy. Cæuync darddær. Soqqyr Cuanon ænædon rætty kæny læbbujy, læbbu fælmæcyn sista dojny'mæ ænæ xærinagæj.

— Næma raxæddzæstæm?

— Næma, fælæ tahd sæmbældzystæm, kædæm cæuæm, uyræm. Dyuuæ khuyrimæ'vvaxs xinæj fæcydi Soqqyr Cuanon læbbujyl. Jæxædæg iu baxordta, banosta susægæj, uymæn iu mæmælajy komdzag aværdta cæxdžyn xærinagæj.

Nal uyd jæ særæn læbbu: raftyd jæ tyx, asast jæ nyfs.

— Mælyn dojnyjæ,—sqærkodta iu axæmy læbbu.

— Don dyn æz ssardzynæn, fælæ myn ard sqar, cy dæ rækurdzynæn, uj myn kæj raddzynæ, uuyl.

Læbbu ard sqardta.

— Uæddæ myn dæ cæst radt.

— Uæddær mælyn æmæ mælyn,—dæu fæuæd mæ cæst.

Soqqyr Cuanon Sau Ældary fyrtæ cæst sæftydta æmæ: jæ bafsnajdta. Iu caldær bony fæstæ ta tyxsyn bajdydta dojnyjæ læbbu. Dzyrd ta radta Soqqyr Cuanonæn, kuyd ta jyn j'aly nyxasyl dær srazy uydæn, ærmæst æj donæj kuy bafsnada, uæd.

Sau Ældary fyrt don banosta, soqqyr Cuanon yn jæ dyggag

cæst dær skhaxta; innæ cæstimæ sæ bafsnajdta, læbbuwy ævægæsægæj, ænæsærænæj, nyuuahtha dard kæmdær, bydyrty astæu æmæ fæstæmæ ærbazdæxt sæ qæumæ.

Sau Ældary xædzarmæ bacydi, cæstyta jyn jæ razy æræværdta æmæ dzury:

— Adon dæ fyrt cæstytaesty, ævi næ?

— Sty, zahta Sau Ældar.

— Uædæ myn dzyrd cæuyl uydystæm, uydon myn radt,— zahta Soqqyr Cuanon.

— Tæggæ abon dyn axicænkændzynæn dæ xæznatæ, stæj dæ æfsædty xicau skændzynæn. Mæ čyndzytæ, ævæddzægæn, nicy kom raddzysty sabyræj,—qæudzæn semæ sxæcyn.

Minævar barvysta čyndzytæm zæhynmæ:

— Mæ fyrt amardi, cuany uævgæjæ, æmæ uj fæstæ, æhdauymæ gæsgæjæ, smax quamæ baftat mænyl. Dzæbæxæj, æncojæ kuy næ srazy uat, uæd cy fændy zyn ua, uæddær uæ tyxy fændagyl nyllæuuynkændzynæn æhdauyl, cæmæj uyl bajdaja mæ bar cæuyn. Uj bærc nyfs mæ is smaxæj, æmæ dzæbæxæj srazy uydzystut, mæ zærdæjæn addžyn cy mitæ ne'sty, uydon kænyn myn næ bauadzdzystut, azym, axxos n'ajsdzystut uæximæ.

Cyndzytæ Sau Ældary minævary rarvysto jægadæj. Galuany duærdtæ sfidærdtæ kodtoj æmæ xicauimæ xæstyl nyllæuuuydysty.

Sau Ældar adæmæn fequsynkodta, sæxi xæstmæ kuyd cædtækænoj. Æfsædtæn xicau Soqqyr Cuanony skodta.

Galuany alyvars ællæuuuydysty Sau Ældary'fsædtæ. Xæcyntæ bajdydtoj cyppar čyndzimæ. Xorx aræxsync cyppar čyndzy Sau Ældary'fsædtimæ; æmbis æxxuys syn kænync Gæræm Alasa æmæ Sau Alasa.

Uæd uælarv xuycau badænty uydi æmbyrd. Ujcy'mbyrdu xuycau dzyrd radta jæ zædtæm, jæ daudzytæm:

— Tærihædæj mary bydyry astæu Sau Ældary fyt. Ævirqau quydtag yn bakodta jæ xæramzærdæ fyd. Nodžy jyn æncad nal uadzy jæ cyppar usy, xæst syl samadta, tyxsyn sæ kæny. Či uæ baxxuyskænid ujcy mæguyrtæn?

Uæd Uastyrdži zahta!

— Dune daræg, dune uromæg styr xuycau, æz særquaag či u, uydon kuy aguryn. Mæn æm arvit, æz yn bakæninag dæn cy myn zæhaj, uj.

Uædæ aftæ fæuæd. Uymæn xos mæ khuxy dær næj, jæ xos dælzæx Xadzymæ. Cæugæ uýrdæm, Xadzy dyn raddzæn dyuuæ tægær syfy, uydon iu læbbuwy cæstytyl avær æmæ uj rakæsdzæn.

Jæ bazyrtæ bacahta syrxæst Uastyrdži. Dalæ dælzæx Xadzymæ balæuuuydi.

— Xuycau mæ dæumæ rarvysta tægæry dyuuæ syfmæ. De 'siaksæn jæ fyd skhaxynkodta jæ dyuuæ cæsty. Læbbu bydryr astæu xity ævægæsægæj. Xos yn næ razynd xuycaumæ dær, tærihæd ta jyn kæny, næ jæ fændy ædzardæj kuyd fesæfa uj. Nodžy ma jyn Sau Ældar jæ cyppar usyl xæst samadta.

Tægæry syftæ Uastyrdži Xadzyjæ raxasta. Læppu cy bæsty qizæmarkodta, uyrdaem fæzynd. Uastyrdži ssardta mæguyr læbbu. Kuyrmædžy ma raxil-baxilkodta alyrdæm, aftæmæj arf chajmæ (cadmæ) baxæddzæ. Nyr dzy nyxxaua, zæhgæ jyl Uastyrdži fæxæcyd, fægæry syftæ jyn aværdta jæ cæstytyl æmæ Sau Ældary læppu skast jæ dyuuæ cæstæj.

— Æz dæn Uastyrdži, xuycauæj ærvyst. Dæ tærihædmæ kæsyn nal færæsta xuycau. Nyr u'mæ æxsæv bon maual nymaj, aftæmæj cæugæ dæ xædzarmæ: tyx kænynmæ qavy Sau Ældar dæ ustytæn.

Læbbu bacagajdta jæ xædzarmæ. Cas fæcydi, či zony, fælæ sæ qæumæ'vvaxs iu qæuy uynsty fæcæuy færsgæ færsgæ:

— Dzæhæl læg kæj qæuy?

lu zærond læg yl ambæld æmæ jæ bakodta jæ xædzarmæ.

Xorž æj suazægkodta. Læbbu jæ fællad suahta. Rajsomæj jæm zærond læg basidt jæximæ æmæ jyn dzury:

— Æz xæsty cæuyn æmæ mæ xædzary binonty fædzæxsyn dæuyl. Kæd æmæ ma xæstæj ærbazdæxon, uæd fen-dzystæm; kuy næ uæl ærbazdæxon, uæd ta mæ zærond æfsin æmæ me'rtæ čyndzy æd -zænæg de'uazæg fæuænt.

— Bafærsyn aipp ma uæd, fælæ dæ fyrtæ cy festy?

— Zahta Sau Ældary fyrt.

— Ne'ldaræn jæ fyrt ærbaxasta 4 usy, ærcardi xicænæj galuany. Sau Ældar yn kuyrta æmbis jæ ustytæj. Læbbu ne'srazy. Uæd Sau Ældar xinæj amarynkodta jæ fyrti Soqgyr Cuanonæn, cæmæj læbbu byntæ fyda bazzajoj. Fælæ čyndzytæ nicy kom radtoj Sau Ældaræn, xæsty nyllæuuydysty jæmæ. Æmæ xæcgæ ta aftæ næ kænync æmæ ma aftæ kuy axæssoj sæ xæst, uæd adæm nal bazzajdzæn ne'ldarmæ. Nodžy čyndzytæn cy'ntsy, uj alasajæn, dyuuæ alasajæn dær. Me'rtæ fyrti mard festy uycy ran.

— Mæ fydy xaj, aftæ bakænæm, æmæ dy læu dæ binon-timæ, æz cæuyn xæsty dæ bæsty. Mænyl či færissa, či myl baqygkæna, axæm myn næj. Mæ cardæj, mæ mardæj qaudžy-dær næj.

Zærond læg næ uahta uazædžy, fælæ uazæg jæxi fænd atardta. zærond bazzad jæ xædzary, uazæg uj bæsty xæsty acyd.

Læbbu afærstyta kodta xæsty quydtagæj æmæ jyn jæ uuæltæ kuy rabærægkodta, uæd iu khordy xicaumæ fæzyndi mæ jyn zahta:

— Ældarmæ myn fændag kuy skænis, uæd æz galuan ænæ iu ærtax akælgæ Sau Ældaræn rajsin.

Sau Ældarmæ jæ bakodtoj. Uyj jæ æfsædty xicau Soqqyr Cuanonmæ saræsta. Læbbu bauuændynkodta ældar æmæ æfsædty xicau, fidar kæj rajsdzæn, uuyl. Sau Ældar yn jæ isæn jæmbis nybbasta, læbbu jæ kuy sæxxæstkæna, uæd.

Kuyd æhdauæj baxæstæg galuanmæ, kuyd æhdauæj jæ bazydtoj dyuuæ alasajy, či zony, fælæ Sau Ældary fyr galuanmæ bairvæst. Ajdænæj jæm rakastysty jæ cyppar binojnadžy æmæ bazydtoj sæ særy xicau, æmæ uycy saxat nyuuahoj sæ xæst.

Uæd læbbu razdæxt fæstæmæ fidaræj æmæ'rcaxsta Soqqyr Cuanony æfsædty xicau, ærcaxsta jæ fydy — Sau Ældary.

Æfsædton adæmæn radzyrda, Sau Ældar æmæ jyn Soqqyr Cuanon cytæ bakodtoj, cy zyndzinædtæ jyn bavzarynkodtoj, stæj syn zahta:

— Alči uæ bacaguræd æncad æncojæ jæ færnyg xædzar, am xæcyny sær nal qæuy, nyrmæ cy tug nykkald, uyj dær kuy næ fæuydaid bærgæ. Næ xæst iuuyldær iu tudžyrtaxy jah dær næ uydí.

Uyj fæstæ baždæxt jæ fydmæ æmæ jyn zahta:

— Sylgojmadžy tyxxæj dæ fyty cæstyta skhaxynkodtaj, sylgojmadžy særy: d'adæmy nyccæhdynkodtaj. Sau Ældary nom vær dyl uymæn sbadt, æmæ ævæddzægæri amæj razmæ dær xastaj dæ særmæ, særmæ baxæssinag či næ u, axæm ægad quydtægtæ. Nyr u æmæ dæm mæxicæn næ tasy mæ khux, fælæ kæj nyccæhdynkodtaj, uycy rast adæmy tug dæ æz kuyd æmbæly, aftæ rajsynkændzynæn.

Adæmy sæ xædzærttæm auahsta, Sau Ældar æmæ Soqqyr Cuanony galuanmæ bakodta.

Xadzyjy čyzg bolat xæsgard raxasta æmæ dzy Sau Ældary sær axauynkodta. Soqqyr Cuanony galuanly duarmæ babastoj æmæ jæ uym cadæggaj amarynkodtoj. Jæ khuxtæ jyn rakodtoj, jæ'vzag yn ralygkodtoj, uyj fæstæ jæ khæxtæ, jæ cæst yn skhaxtoj, uyj fæstæ jæ skærdæntæ kodtoj æmæ jæ appærstoj kuyjtæn æmæ fæci kuyity xærinag.

Sau Ældary fyræt æmæ jæ cyppar binojnadžy æd-adæm, æd-qæu sæxuydtæg æryzadysty æmæ ma nyrmæ dær dzæbæxæj, ræsuhdæj cærync.

Ældary čyndzy arhau.

Cardi'mæ uysi iu ældar. Tug dzy dardtoj, tug, fælæ jæ tug rajsyn jæ bon næ uysi. Tyxdžyn uydysty jæ znægtæ æmæ syn xinæj kuy nicy saræstaid, uæd ærgom tyxæj nicy baftydaid jæ khuxy.

Quydy kænyn bajdyta Ældar, cy amalæj rajsya jæ tug, cy færæz yn skæna. Biræ fæquydykodta, biræ, æmæ ærædžiau sævzærydi fænd jæ særy. Fænd ta uysi axæm fænd, æmæ jæ sæxxæstkænynæn quydi axæm adæjmag, ældary fæsnomygæj či'mbærstaid.

Ældaræn uysi us æmæ iunæg fyr, fælæ uydona fæsnomyg nyxas či'mbærsta, axæm næ uydysty.

— Bavzaron m'amond,—zahta ældar, mæ fyrtaen us rakuron, či zony mæ mæ čyndz razyndzæn mæ quydtagæn mæ či qæuy, axæm adæjmag.

Us ærxasta jæ fyrtaen. Lu ræstædžy acardysty. Æmæ ældar zæhy jæxinymer: „bavzaron mæ čyndzy“.

Ærbasidt jæ fyrtmæ æmæ jyn dzury:

— Dæxi bacædtækæn balcy: æmbisæxsæv rast kænæm, bæxtæ rævdz kuyd oj, aftæ.

Læbbu systad æmbisæxsæv, aiftongkodta bæxtæ æmæ arastysty balcy fyd æmæ fyr. Qæuæj iu dzævgar acydysty, aftæ fyd dzury jæ fyrtmæ.

Læbbu, næ fændag nyn acybyrkæn.

— Færidag bændæn næu, kuyd æj acybyrkænon? zahta fyr.

Fyd bæzdæxt æmæ fyrtaen adæmæn æmbisondy nad skodta, uj adyl fæstæmæ sæ xædzarmæ ærbæzdæxtysty.

Ærizær. Adæm sxuyssydysty, ældary binontæ dær aftæ. Uæd ældar fyræt æmæ čyndzy uatmæ jæxi aivæj balasta, æmæ sæm qusy. Uaty cæuy dzury:

— Khuyri balcy kuy cydystut? zahta čyndz færsægau.

— Cæj balc æmæ cæj ændær,—uj jæ zærdy mæn næmyn uysi, æmæ mæm xorz bazyldi. fændagyl jæ, jæxsæj, zahta ældary fyr.

— Axæm lædžy xærægæn ma nyddardæua, zahta čyndz, isči ma dæ kardžyn adæjmadžy, nodžy jæ iunæg fyrtu aftæ ætxæry?

Rajsomæj ældar dzury jæ usmæ:

— Næ čyndz axsæv mæ xædzary kuyd nal sxuyssa, aftæ bakæn, uymæj maxæn čyndz næj.

— Cy dyn kodta, ægær dzæbæx adæjmag u?

— Rxsæv mæ xædzary cæmæj nal sxuyssa, uj bakæn,—zahta ta ældar.

Arvysta æfsin jæ čyndzy æmæ ta sæ fyrtæn ærxastoj ændær čyzg. Bontæ ta syl aivhuydta. Æfsin æmæ čyndz kærædzijy æruarstoj. Uæd ta ældar ærbasidti jæ fyrmæ æmæ jyn dzury:

— Æmbisæxsæv bæxtæ cædtæ kuyd oj aftæ, rastkæ-næm khuyri balcy.

Arast' ta kodtoj fyd æmæ fyrt balcy. Cæj bærc acydysty, či zony, fælæ ta fyd dzury jæ fyrtmæ:

— Læbbu, ænædonæj ag kuy rafycynkænis.

— Au, æmæ dyn ænædonæj ag kuyd rafycynkænon?—
zahta fyrt.

Ældar ta fænadta jæ fyrtý æmæ razdæxtysty sæ xæ-dzarmæ.

Æxsævy, adæm kuy sxuyssydsty, uæd ældar qusy, fyrt
æmæ čyndz cy dzurdzsty, uymæ.

Сæj tahd fezdæxtystut, zahta čyndz,—khuyri balcy cæuymæ kuy qavydystut?

Læbbu radzyrdta jæ usæn sæ balcy xabar, kuyd æj snadta, cæj tyxxæj jæ snadta, stæj ma zahta:

— Næmynnæ mæ asajðta, ændær æj balcy mæt uydi cy!

— Xæræg yl ma sliyra axæm zærondyl? Isči ma aftæ æfxæry jæ:iunæg byndary?—zahta us.

Ærbabon ta is, aftæ ta ældar dzury jæ'fsinmæ:
— Næ čyndzy arvit jæ fydy uælartmæ, axsæv næ xædzary
kuwd nał us aftm.

— Cy dyl ærcydi, dæ xorzæxæj, stæj dæ cy qæuy čyndzi-
mm? Čyndzyl cutra'mboku wudan wæz wæz deon wæz deon

—Nodžy iu arvystam, nyr ta dyggag,—dzury æfsin.

— Uy, zoh æmæ ma hæ cyndz axsæv hæ xædzafy kuy
sxuyssa, uæd dæuændær am bynat nal is.

Hrvystoj ta cyndzy jæ fydy uælartmæ. Ældar katajyl ssi, quydykænyn ta bajdypta æmæ sfændkodta. Ærbasidt jæ fyrtmæ æmæ jyn dzury:

— Bazdæx æmæ næ fyr dæ fyddzag atær; qæutyl æj ærzilynkaen, baqar æj, kæd æj isči balxænid. Auæj jæ kæn fondz somyl, jæ sær, jæ dyuuæ farsy næxi kuyd oj, aftæmæj. Fændaggag dæ næ qæuy: dæxi iu bacamon æmæ dæ fysymtæ cædtæ uydzysty kædæm bacæuaj, ucy ran.

Biræ raxæt baxæt fækodta ældary fyrt fyr qargæjæ, fælæ jæ ælxænæg næ uydi. Ældary zongætæj ta birætæ sahæsy bacydysty.

— Nikuy ma ærcydi axæm uæj. Či balxændzæn fyr uycy arhæj, nodžy sær æmæ dyuuæ farsy uæjgænædžy. Cydæriddær u, uæddær rædyd quydtag u quydtag. Fælæ læppu jæxædæg rædiy, ævi jæ fydy zondæj, uyi bæræq dær næj.

Afædzmæ'vvaxs fæxatt ældary fyr, fælæ fyry ælxænæg næj. Fæstagmæ razdæxt sæ xædzarmæ. Jæ fændag cydi sæ qæumæ xæstæg či uysi, axæm qæuyl.

— Æxxæst ma jæ am dær baqaron,—zahta læbbu.

Fæcæuy uynqty, ambældi mad æmæ iu čyzgyl.

— Uæ bon xorz.

— Dæ ud fidar uæd,—zahta mad.

— Mæ fyr myn balxænut,—fondz somy j'arh; sær æmæ jæ færstæ mæxi.

— Næ, næ balxændzynæn uycy arhæj,—zynarh u,—zahta mad æmæ arast jæ fændagyl.

Uæd æm dzury jæ čyzg:

— Rajs æj, zynarh næ, fælæ lævar kusærttag nyn xuycau ærxasta.

— Nalat, dæ fændjag læbbujy zærdæ kuy balxæniggam, cæmæj dæm rakæsa dzæbæx cæstæj,—zahta čyzgæn mad.

— Nana, zæhyn dyn, kusærttag lævar u: fidgæ dær nicy bakændzystæm, minas dær fækændzystæm, kæjdær fosæj.

Fæsasti mad æmæ læbbujy sæ xædzarmæ bakodtoj.

Čyzg dzury læbbumæ:

— Maxmæ kusart či akæny, axæm næj, fælæ zivæg ma bakæn æmæ nyn æj argævd, æz dæm fækæsdzynæn. Rajsom, xuycauy fændonæj, dæ kusarty dyn dæ khuxty bakændzystæm æmæ dæ afændarast kændzystæm uæ xædzarmæ.

Xorz fedtoj sæxi uycy ran. Rajsom čyzg kusartæn jæ dondzon (mizg) æmæ xælcon (æjčytæ) bælvyrd batyxta xæchily midæg æmæ dzury uazægmæ:

— Mænæ dyn uuj dæ kusarty jarh, qusys, fæxæss sæ æmæ sæ radt dæ fyðæn.

Læppu ærcydi jæ xædzarmæ. Fysy arh radta jæ madmæ. Mad sæ rajxældta æmæ bardiag kodta, xæchily tyxt kuy fedta, uæd. Kæm sæ uændy fyðæn sqærkænyn!..

lu bon racyd ævi fyldær, aftæ fyð færsy j'æfsiny:

— Næ læppu kuy'rcydi, fyr kuy næual ællasta, uæd j'arh kæmi?

Čidær nyn æj cæxdzyn sajd fækodta: fyry arhy'fson yn čidær jæ khuxy skodta axæm cydærtæ, æmæ dæm sæ æfsærmæ kænyn sæ ravdisyn,—zahta mad.

— Raxæss æmæ sæm ærkæsæm,—dzury fyð.

Gænæn nal uysi æmæ sa raxasta æmæ sæ ældarmæ radta, jæxædæg sahæsyl ssi:

— Mardzæn myn mæ iunæg qæbuli, kuy sæ fena, uæd.

Fyd rajxældta xæchily bast, ærkast fyry dondzon æmæ xælconmæ, æmæ kæron nal uysi jæ cinæn.

— Fæxæst dæn,—zahta ældar,—cy xuyzæn adæjmag aguyrdton, uuj xuyzænyl, kæd myn æj xuycauy cæst bauarza, uæd.

Basidt jæ fyrtmæ æmæ jyn dzury:

— Sombon dæ fyr kæm auæjkodtaj, uycy qæumæ næ qæuy fæcæuyn,—dæ bæxtæ cædtæ kuyd oj, aftæ.

Ældar æmæ fyr uycy iftongæj barastkodtoj sa syxag qæumæ, ærxyststy khulybadæg usy xædzary fysymmæ.

Suazæg sæ kodta khulybadæg us, jæ bon cæmæjty uyd, uydonæj.

Stæj jyn ældar dzury:

— Næ cydy sær cæmæn uyd dæumæ, uj dyn qusynkænyn, æmæ mæm ærbajqus.

— Fændy mæ demæ xæstæg bakænyn æmæ næ aggag skæn dy dær dæxicæn xæstægæn,—dæ čydzhy dyn kuryn mæ fyrtæn usæn.

Skoj kænyn dær æj næ uadzy khulybadæg us.

— Ældar, uycy quydtag ne'suydzæn, suyinag dær næu.

Dy—ældar, æz khulybadæg us. Dy quamæ bacaguraj de'mxuyzon ældary xæstægæn æmæ uymæ bakæn. quydtag, æz dær iu mæxi'mxuyzony ssardzynæn, kæd xuycauy fænda, uæd. Uazæg dæ skodton mæ bon cæmæj uyd i, uymæj, fælæ mæ uyjbærc ægady bynaty sæværdzynæ mæn, sidzærgæs usy, ujy ænqæl næ uydæn.

— Dæ čydg mæ xædzary æfxærd næ uydæni, Ældary fyrtæn cy binojnatæ ærxæssaj, uymæn cy kad, cy rad æmbæly, uycy kad, uycy rad uydæn mæ xædzary dæ čydgæn.

Khulybadæg us ma biræ fædzyrdta, fælæ fæstagmæ srazy.

Čyndz ta ærxasta ældar.

Biræ ta racyd, čysyl'čyndzyl, aftæ ta dzury ældar jæ fyrtmæ:

— Khuyri balcy cæuæm, æmbisæxsæv næ bæxtæ cædtæ kuyd oj, aftæ.

Ældary fyrtæ zærdæ bauazal khuyri balcy kojæ, rast jæxi maryny ong ssi, fælæ uæzdan tug kæj uyd, ujy tyxxæj nicy bafæræsta jæ fydmæ.

— „Mæ fyd u—margæ mæ kæna, næmgæ mæ kæna,—jæxi quydtag u, jæ bar myl cæuy“, zahta læbbu jæxi nymær.

Æmbisæxsæv nog xast čyndz festad, bæxtæ arævdzkodta, jæ sære xicauy rajqalkodta æmæ jæm dzury:

— Uælæmæ, bæxtæ rævdz sty; dæ fydy rajqalkæn æmæ uæ balcy koj bakænut.

Ældar æmæ ta fyr abalckodtoj.. lu dzævgar ta kuy acydysty qæuæj, uæd ta fydy dzury fyrtmæ:

— Læbbu, næ bæxtæ' nyn anardkæn.

— Emæ sæ carmy dzag kuy sty, uæd ma dyn sæ čerdæm anardkænon?

Æcæg æmbisondy nad yn skodta fydy jæ fyrtæn ærtყiggag xatt.

Razdæxtsty sæ xædzarmæ. Izæry ta ældar qusty jæ fyrtæ uatmæ. Uyrdygæj cæuy dzuryn.

— Cæj tahl fezdæxtystut, stæj cæj ænkhard dæ,—farsy us jæ lædžy.

— Ænkhard næ, fælæ mænæj ændær afonmæ jæxicæn isty fydbylyz saraestaid, mæ fyd æmæ mæ madæn fegadæj kuy næ tærsin, uæd. Nyr ærtყყag xatt balcy cæuæm, æfsonæn mæ asajy, qæuæj kuy airtæsæm, uæd mæ uycy ran snæmy, æmæ ta fæstæmæ'rbazdæxæm næ xædzarmæ. Uyj dyn jæ balc, uyj dyn jæxædæg.—Bahæc æmæ dæ uæd cy særæn snæmy? bafarsta læbbuujy, čyndz.

— Cy særæn kuy zæhaj, uæd fæstag xatt kuy fæcæjcy-dystæm, uæd mæm dzury: „læbbu, næ bæxtæ nyn anardkæn“. Æz yn zahton: næ bæxtæ fyr-nærdæj thæpp kuy xauync, uæd ma dyn sæ čerdæm nardkænon. Radzyrdta ældary fyt.

— Æmæ dæ uæd fyddzag dyuuæ xatty ta cæmæn baf-xærdta dæ fyd,—nodžydær færsy jæ mojy us.

Fyddzag xatt mæm ævast dzury—„næ fændag dam nyn acybyrkæn“. Fændag bændæn næu, tuxæn yn næj. Dyggag xatt ta mæm aftæ: „ænædonæj aq rafyc.“ Mæmmæ gæsgæ jæ sære mahz kæmæn fænkuytsydi jæ bynatæj, uyj kændzæn axæm nyxæstæ.

Cyndz bajquysta læbbumæ, aqydykodta'mæ zahta:

— Fydmæ, mæ xicaumæ, axxossagæj misxal dær næj; dissag u, margæ dæ kuyd n'akoda, uyj bærc jaxiuly xæcyn kuyd bafæræsta. Næ bambærstaj dy dæ fydy nyxæstæ, aftæmæj zyn bambarinag næ uydysty. Fændag acybyrkæn dyn kuy zahta, uæd yn isty tauyræh ærxastais, iu zaræg yn rakodtais, æmæ uæ fændag fæcybyr uydaid, dæ fydy dæ razyjæ bazzadaid. Ænædonæj aq rafycynkæn dyn kuy zahta, uæd yn jæ lulæ jæ ronæj felvæstais, asyhdædžytæ jyn æj kodtais, tamako jyn dzy akæn, zyng dzy avær (art yl andzar), æmæ ag ænædonæj rafyxtaid. Fæstag xatt dyn kuy zahta: næ bæxtæ nyn anardkæn! Uæd dæ bæxæj ragæppkæn, ærxizynkæn dæ fydy, bæxty særhtæ felvas, saxsæntæ syl avær æmæ sæ xizymæ askhær. Dæxædæg nymæt kærdægyl ærytau, dæ fydaen sarh jæ nyværzæn akæn. Bæxtæ dær, uæxuydtæg dær uæ fællad suahtaiggat æmæ darddær ævælmæstæj darddaiggat uæ fændag.

Rajsom bonæj ældar dzury jæ binontæm:

— Dard balcy cæuyn æmæ mæ barævdžytæ kænut.

Bærævdžytæ kodtoj ældary. Kædæm cæuy, cæmæn cæuy, uymæj nicy sqærkodta binontæn.

Iu khord, ræstædžy aivhuyda, fælæ ældar zynæg næj. Uyj bazdæxt æmæ acydi, cæmæj, sbærægkæna, jæ tučdžyntæj jæ tug kuyd amalæj rajstaid, uyj. Fælæ ældary tučdžyntæ bazydtoj, ærcaxstoj jæ, rafistædžytæ jæ kodtoj æmæ jæ qorhy auahetoj. Sfænd yl kodtoj, iskuydæm æj kuyd nyuuæjkænoj, aftæ.

Ældar bady qorhy æmæ sahæsy bacydi,—iuæj jæ tug næ rajsta, nyr ta jyn jæ fyd znægtæ nyuuækjkændzysty jæxi dær.

Cydæriddær uysi, uæddær iu axæmy ældar ærbasidynkodta jæ tučdžynty xistærtæm æmæ syn dzury:

— Nyfs mæ is æmæ uæxicæn aggag ne skændzystut ue' msær adæjmadžy fegadkænyn ænæquadžy. Bon badgæ nal kænyn, æxsæv mæ xuyssæg nal axsy fyr-mætæj,—mæ særæn myn cy'mbæly, axæm arh kuy næ skænat. Kuryn uæ æmæ mæ særæn arhgænæg mæxædæg kuyd on, uycy bar myn radtut, uycy xatyr myn bakænut, uycy'hdau ue'znagæn skænut.

— Dæ dzyx dæ tærxon fæuæd,—zahta jyn tučdžynty zæhæg læg.

— Uædæ uyn aj mæ særy arh: stdæs stdæsy ju sion galy, stdæs stdæs dyuuæ sion galy. Nodžy (næ xædzary ærtæ syzhærin cædžyndzy). Bazdæxænt æmæ iu khulgard rajsænt khulæj, fæsduar æj sauduryl assænt. Xædzary astæu artæ cædžyndzæj dyuuæ uycy ran ralygkænænt, annæ ænæqænæj raftauænt æmæ jæ uycy xuyzænæj ardæm ralasænt. Kuryn uæ, uæ myggadžy xuyzdærtæj ærtæ sminævarkænut mæ xædzarmæ, cæmæj fequsynkænoj uydona mæ binontæn sæ lædžy quyntag.

Tučdžyntæ razyjæ bazzadysty ældaræj. Sæ xuyzdærtæj ærtæj sminævarkodtoj ældary xædzarmæ.

Æræmbyrdysty ældary xæstædžytæ ældary xædzarmæ. Ærbadysty tærxony. Badync, bædync quydykænync. Uycy raquydy baquydy fækodtoj, fælæ minæværtty nyxas, ældary nystuan ældary særy arhæn bambarynæn nicy færazync. Kæj næ bafarstoj, axæm nal bazzadi, fælæ iu dær næ bambærsta ældary nystuan.

Fæstaghæ myggadžy xistærtæ sminævarkodtoj ældary nog xast čyndzmæ:

— Zond xistæræj kæstæry særyl næu, sylgojmag æmæ nælgojmagæj dær næu. Næ xæstæg, ne'vvaxsæj iu nal bazzadi, kæj næ bafarstam axæm, fælæ iu dær dzuapp næ radta ældary nystuanæn, dy dær ma jæ kuy næ bambaraj, uæd cy bækænæm, uym æn nicy ual xos zonæm næ særæn.

— Æz biræ dær næma racardtæn, uyngæ dær čysyl fækodton, zongæ dær biræ næma kænyn. Xistærtæ, xætænty či fæxatti, cæuænty či acydi, uydona kæj næ bambærstoj, ujy æz kæm bombardzynæn? Fælæ, uæddær, xistærtæ cy fænda, ujy sæxxæstkænyn styr xæs u mænæn.

Čyndz aquydykodta iu dzævgar, stæj bajdydta dzuryn:

— Iu sion galtæ sty—stdæs stdæsy arcdžyn xæcæd adæm, dyuuæ sion galy—stdæs stdæsy kard æmæ uartæj či xæcy, axæmtæ, stdæs stdæsy-fatæj či sxæcdzæn, axæmtæ. Ærtæ cædžyndzy sty ærtæ uazædžy—minævary. Khulgard u—uæxædæg, uæ fænd, uæ zond, fæsduar sauduryl ujy ta æz dæn. Ældar færsyn kæny mæn, cæmæj uyn æz radzuron jæ nystuan čy amony,

uj. Ældary qæuy æfsædton adæm: stdæs stdæsy ærcdžyntæ, stdæs stdæsy kard æmæ սարդյոնտæ, stdæs stdæsy fatdžyntæ. Nodžy zæhy ærtæ uazægæj, dyuuæjy uæ tugmæ ual kuyd amarat, annæjy æfsædton (xæcæg) adæm kuyd akænoj semæ fændag amonæg, uæd ældaræn jæ quydtag sæxxæstkænyn baftdzæn jæ khuxy.

Cyndz kuyd zahta, aftæ bakodtoj, myggadžy xistærtæ. Xæcæg adæm ældaryl sæmbældysty æmæ uj, kuyd æmbældi, aftæmæj jæ tug rajsta jæ znægtæj.

Üyrdygæj fæstæmæ zonyndžyn cyndzæn ældary xædzary myggadžy'xsæn, dzyllæjy astæu uydi uældaj kad, uældaj æhdau jæ zond æmæ jæ qaruujy ruadžy.

Rony kænæ ældary arhau.

Æmæ ældar kuy mardi, uæd bafædzæxsta jæ fyrtæn.

— Æz mælyn, fælæ iskuy mæ fæstæ kuy squag, kuy smæguyr uaj, uæd iu fæcu mæ xælarmæ æmæ dyn uj baxxuyskændzæn.

Ældar armardi, fyrt æj banygædta, ældaræn kuyd æmbældi, axæm nygædæj. Jæxædæg cæryntæ, xæryntæ sista. Cy uydi, kuyd uydi ældary is-bis kuynægkænyn bajdydtoj æmæ ærædziau jæ dzyxmæ' jæ khuxtæ sxæssyngom nal uydi fymæguyræj. Æmæ fæcydi uæd jæ fydy xælarmæ.

Tyng bacinkodta ældary xælar uymæn jæ fyrtyl.

— Æz uj ænqæl kuy næ uydæn, æmæ ma axæm fyrt, axæm byndar bazzad mæ xælaræn. Ardygæj afædzy bonmæ dæ n'auaddzynæn mæ xædzaræj. Dæ xædzaræn dærtas næ uydæn: nikuydæm fæliddzæn.

Afædzy bon kuy' rxæddzæ, uæd xædzary xicau dyuuæ bæxy ærbakænynkodta. Iuyl dzy sarh sæværdtoj læbbujæn badynæn, annæjyl cy færæstaid, uj uærhtæ sæværdtoj syhdæg syzhærinæj. Stæj zahta xædzary xicau læbbujæn.

— Mænæ dyn uj cæmæj cæraj, uj. Fælæ quis cæugæ—cæuyn fæstæmæ ma rakæsaj,—uæd dyn fændag nal uydæn.

Ældary fyrt arfæ rakodta jæ fydy xælaræn, uj bærc æx-xuys, uj bærc æhdau uymæn či radta, uj bærc arh či skodta jæ xælary cæsgomæn mærdty bæstæm, stæj arast jæ fændagyl.

Cæuynntæ sista, cæuynntæ; biræ fæcyd. čysyl fæcyd, či jæ zony, fælæ læbbu nal baurædta jæxi, rakast fæstæmæ æmæ jæ razvændag axgædta, tar qæd fæci jæ raz.

Læbbu nal zydtæ, cy kodtaid uj, katajyl ssi: fændag yn nal is næ razmæ, næ fæstæmæ.

Ældary ærdxordy xistær æfsymær zonyndžyn adæjmag uysi. Uyj bazydta ældary fyrtaen fædzæxst cy uysi, uyj kæj næ sæxxæstkdota, fæstæmæ kæj rakast, fændag yn kæj nal is. Jæ bæxyl jæxi bappærsta æmæ ældary fyrty uælqus bæluuydi.

— Xorž næ bakodtaj læbbu. Fælæ nyr uajdzæfæj nicyual. Aj dyn mænæ ron. Ron d'astæuyl ærbabædt æmæ dyn uyi ruadžy fændag s'uydzæn tar qædy. Qædæj ažizdžynæ, fæzmæ baftdzynæ. Fæzy ærxuy mæsyg æmæ æfsæn uazægdon. Uazægdon fysym bakændzynæ. Uyrdæm ærbacæudzæn dæumæ mæsydžy xicau—čyžg-æxsin. Biræ jæm fæcydi uýcy'xsinmæ kurdžytæ, uazdžytæ, fælæ dzy iu dær fæstæmæ nal sæmbældi jæxædzaryl. Æxsinmæ či'rfysymkæna, æxsin uazægdonmæ kæmæ racæua, uymæ næ fædzury æmæ uyi ærtæ xatty či sdzurynkæna jæximæ, uyi bærc či saræxsa, uyi bærc zond kæmæ razyna, uycy amonddzyny bauydzæn čyžg-æxsin æmæ jæ is, jæ bon.

Dæumæ racæudzæn, næ dæm dzurdzæn. Æmæ iu uæd dæ ron rajxal, fyngmæ iu æj bappar, stæj iu zæh: „dzurgæ, ron, iu tauyræh nyn ærxæss, xædzary xicau nicy dzury, ævæddægæn, æmæ gobi u.“ Aftæ bakæn ærtæ xsævy, kæd dæm sdzura, d'amond, namæ dyn dæ sær rakænynkændzæn æmæ jæ kauy mixyl ærsadzdzysty. Ron ærtæ tauyræhy ærxæsdzæn æmæ dæ aly xatt dær færsdzæn dzuappæj. Dy iu bazdæx æmæ jyn kuyd ne'mbæly, axæm dzuapp radt.

Ældary fyr ron ærbabasta æmæ jyn fændag fæci sau qædy.

Ualynnæ fæzmæ axyst æmæ ærbazyndsty fydbæbony Ærxuy mæsyg Æfsæn uazægdon. Canæbærædžy baruxs uydaid læbbuuyj zærdæ. Fælæ cy ua, uyi uæd: adæjmagæn cy xal sxaua, uymæj quamæ ua razy,—ændær nicy amal is.

Uazægdonmæ ærizær, aftæ čyžg-æxsin fæzyndi. Ræsuhdæj ta uysi aftæ ræsuhd, æmæ jæ adæjmag dojnyjy nuazæny bannostaid.

Ældary fyr salam radta, čyžg næ dzury'mæ næ dzury. Uæd læbbu rajxældta jæ ron, fyngmæ jæ babpærsta æmæ dzury:

— Ron, isty tauyræh nyn ærxæss; xædzary xicau næ dzury'mæ næ dy iskuyd ual airxæfs.

Uæd ron sdzyrdta fæstæmæ:

— Æmæ dyn æz cy tauyræh ærxæsson? Æz bon d'astæuyl bast væjjyn, æxsæv—dæ nyværzæn.

— Færæz næj, cydæriddær u, uæddær nyn isty radzur.

Uycy nyxasmæ čyžg jæ'rfguytæ xærdmæ sista, jæ qustæ sqilkodta.

Ron bajdydta dzury:

— Ærtæ'fsymærmæ uysi iu gal. Uydonæn sæ iu qaqqædtæ galæn jæ xordzon (jæ fæstag, jæ sydžy'rdygæj), annæ—jæ dondzon (jæ mizg—jæ'stæu), ærtყყag—jæ sær. Iu axæmy galy

fæstærdygæj či qaqqædta, ujy uajyn bajdyta jæ'fsymærmæ,— galæn jæ mizg či qaqqædta, uymæ. Rajsomæj jæm styr sixorafonmæ baxæddzæ'mæ dzury:

— Næ gal ædtæmæ nal cæuy (nal bady—nal lijy).

Dyggag æfsymær zahta:

— Uædæ mizgæ dær kuy nal kæny. Com æmæ ne'fsymærmæ fæcæuæm, æmæ jyn isty bauynaffækænæm.

Dyuuæ'fsymæry uajyntæ sistoj, æmæ izæræj xur xæxty fæstæ kuyd ærcæjuhta jæxi, aftæ baxæddzæsty se'fsymærmæ.

— Næ gal ædtæmæ nal cæuy, nal mizy,—zahtoj dyuuæ'fsymæry.

— Uædæ xærgæ dær kuy nal kæny,—zahta ærtyggag æfsymær: ævæddzægæn æmæ jyn dojny u. Comut, don yn badaræm.

Furdmæ jæ fælastoj. Gal furdy don uycy iu xuypp skodta æmæ furdy cærdzytæ xuyskhl azzadyst.

Furdæj iu kæf slæburdta æmæ galy uycy iu nyqquyrd akoda. Xæxtæj cærgæs rataxt, kæfy jæ nyxtæ'rsahta, sista jæ bærzond æmæ jæ fæxæssy. Cærgæs æræværy kæfy xoxyl æmæ xox fænyk fæsty, æræværy jæ bælasyl æmæ jæ bælas dær næ uyromy. Raxæss-baxæss æj fækodta, qaqqæny'mæ, dony byl fyjjau rivæd kæny jæ fosy khord. Næuuyl xuyssy cæu jæ sykhata festy dzuar-æftyd æmæ cærgæs æd kæf cæuy sykhatyl æruahta jæxi. Baxordta kæfy, galy kuyd xordta, aftæ galy uæny stæg ærxaudi æmæ fyjjauy cæsty baxaudi, fyjjau xuysgæ kuyd kodta, aftæmæj.

Ærizær, aftæ fyjjau ærtardta qæumæ jæ fos. Xædzarmæ kuy bacyd, uæd dzury jæ'rtæ xomæ:

— Abon rivæd afon afynæjdæn æmæ cydær baxaudi mæ cæsty, asgarut æj.

Xotæj iu afistædkodta jæ cong, ræmbynkhædzmæ jæ athysta cæsty. Racagur-bacagur fækodta, fælæ nicy ssardta. Dyggag xo dær ta aguryntæ bajdyta, ujy dær ta nikuy'mæ nicy. Ærtyggag xo felvæsta jæ daræsta, balenkkodta cæsty æmæ galy uæny stæg uyrdygæj radavta.

Uæny stædžy fadžystimæ qæugærönmæ ralastoj æmæ jæ uycy ran appærstoj.

Dzævgar fælæuuydi uæny stæg qæugærön, næudzar sæværda.

Iu axæmy čyræ-lasdžytæ dyuuadæs uærdonæj qæugærön suahtoj, æxsæviuat dzy bakodtoj. Æmbisæxsæv kuyd fæci, aftæ ruvas qæugærönmæ ærbacæjcydi istæj æfson. Uycy rastæj fækomkommæ uæny quymbylyl cy fudy zhæl azzadi, uymæ, fæxæst yl is æmæ zilduxkænyn bajdyta uæny stæg æmæ čyrædzauty dær.

Čyrædzautæn sæ iu cuanon razyndi. Uyj bazdæxt æmæ ruvassy amardta. Dyuuadæsæj bazdæxtysty æmæ stihyn bajdyd-toj syrddzarm. Syrddzarmy'rdæg bastyhetoj, afældaxynmæ jæ qavydysty, fælæ syn ruvas afældaxyn nal bakuymdta.

Dyuuadæs čyrædzauy syrddzarmy'mbisæj sæxi sæ særæj sæ khaxmæ sfælystoj.

Rajsomæj kuy sboni, uæd iu čyndz racæjcydi don xæssymæ. Čyndz ruvassy mard skhuyrdta jæ khaxæj æmæ dzury:

— Aj ta cavær ua?

Ruvasdzarmy'rdæg systyhta, don ærbaxasta æmæ ruvasdzarmy'rdægæj kærdyntæ bajdypta j'afædzdyd sabijæn xudy byltæ, fælæ jyn dzy ne'rcydi.

— Uyj dyn mæ tauyræh,—zahta ron. Nyr bazdæx æmæ myn dzuapp radt: tauyræhy midæg či uydi styldær?

— Cærgæs, ændær či,—zahta læbbu.

Uæd čyzg baxudt æmæ dzury:

— Æmbargæ adæjmadžy kast kænys, fælæ dæ dzuapp rast næu. Tæuyræhy læbbujæ styldær æmæ dissagdær næj, uj bærc sære xicau či uydi afædzmæ.

Uycy xuyzænæj čyzg iu rædyd fækodta.

Æxsævy baxuyssydi ældary fyt, rajsom kuy sboni, uymæj izærmæ jæxi airxæfsta.

lzæry ta jæm čyzg-æxsin ærxuy mæsygæj jæxi æruahta uazægdonmæ, sbadti ta uycy ran æmæ dzuapp næ dædty læbbujy salamæn.

Ældary fyt ta rajxældta jæ ron, fyngmæ jæ bappærsta æmæ dzury:

— Ron, dæ sær mæ baquydi,—isty tauyræh nyn ærxæss.

— Cy tauyræh dyn ærxæsson, bon d'astæuyl bast væjjyn, æxsæv ta dæ nyværzæn,—zahta ron.

— Næj, ændær amal nyn ne'rcæudzæn, zahta ældary fyt, æxsæv darh u, xuyssæg n'axsy.

Æmæ ta uæd ron bajdypta dzuryn:

— Ærtæ'fsymærmæ uydi fosy dzug; qaqqædtoj sæ radgaj. iu ræstædžy sæ xasta xistær æfsymær. Æxsidtgængæ askhærdta jæ fosy dzug qæd-ræbymæ. Fos xizync j'aly fars.

Uæd bazdæxt æmæ dzæhæl cæmæj næ bæda, ænkhard cæmæj næ kæna, uj tyxxæj bajdypta iu bælasy farsyl nyv arazyn. Saræsta æmæ izæræj æryskhærdta sæ fosy khord sæ xædzarmæ.

Dyggag rajsom sæ askhærdta astæuggag æfsymær. Uymæn dær ta fosy khord festy tard qædræbymæ. Fyjjau fedta uj ahommæ bon jæ xistær æfsymæry kond čydzhy nyv.

Uædæ ma amæj aivdær čydzhy nyv kuyd uydzæni,—zahta fyjjau: tæxudy nyr acy cyzdžy nyvyl amæj aj ræsuhddær di-

dinæg xuyzæj khaba skæn, annæmæj xædon; stæj jæ fælyst,
nodžy jyn ræsuhddær æmæ aivdær cy axoræntæ is dunejyl,
uydonæj jæ cæsgom saxor.

Æmæ bajdydta kusyn čyzdžy nyvyl.

Kuy ærizær, uæd ta jæ fosy khord ærtardta sæ xædzarmæ.

Rajsomæj fyjjau kæstær æfsymær acydi. Uyj dær ta xuy-cau qædræbymæ baftydta. Fækomkommæ bælasyl čyzdžy nyvmæ æmæ sahdauæj bazzadi—aftæ ræsuhd, aftæ aiv uydí uycy nyv.

Uæd fyjjau zahta: cærynaej xærynmæ kæmæ bællydtæn, uuyl fæxæstdæn. Jæxi jæm bauahta æmæ čyzg nyv razyni. Læbbu uæd kuvynmæ fæci:

— Xuycautu xuycau, mæxi xuycau, kæd ma mæ istæmæn skodtaj, uæd acy nyv, mæ xistær æfsymær bælasyl axæm ænaipp kæj saræsta, n'astæuggag æfsymær uj xuyzæn xorza kæj saræsta aly didinægæj, aly axorænæj, acy nyvy, xuycau, ud bauadz.

Æmæ uycy ran nyv udægas žyzq festad

Čy whole sentence is: Čyzdži læbbu jæ xædzarmæ'r kodta æmæ jyl æfsymærtænal fidauync: alči dær æj bakænynmæ qavy jæxi.

— Kæuyl sæ æmbæly uycy čyzg ærtæ'fsymæræj?—bafar-sta ron ældary fyrt.

— Xistæryl,—zahta lællu. Uyj særmae kuy næ'rcydaid čyzdžy nyy zarazyn, uæd čyzq dær næ uydaid.

— Rædijys,—zahta čyzg-æxsin. Čyzg kæd æmbæly, uæd æmbæly kæstæryl, ud dzy či bauadzynkodta. Uldæj xistær quæmæ macy ua zæxxyl dær æmæ uælarv dær.

Dyggag rædyd fækodta æxsin-čygz

Ærtyggag bon dær ærizær, uædæ cykodtaid. Æxsin-çyzgta fæzyndi æfsæn uazægdommæ.

Úazædžy raz ta ucy ædzæm badt ærkodta dzyrd jæ dzy-xæj næ xauy.

Uæd ta ældary fyrt rajxældta ron j'astæuæj, fyngyl æj ævæ-
ry æmæ dzury:

-- lu tauyræh nyn ærxæss, mænæ ron, æxsæv darh u, xuyssæg n'axsy, næxi cæmæj airxæfsæm.

— Ron d'astæuyl bast, æxsæv dæ nyværzæn æfsnajd, aftæ-
mæj dyn cæj tauyræh ærxæsson æz, cy zony? Fælæ kæd æn-
dær amal nal is, uæd mæm ærbajqusut.

— Ærmæ axæm ræsuhd čyzg uydí ældar æmæ jæ usæn, æmæ dzy mæjtæ'mæ sthalytæ sæxi uydtoj. Don iu kuy nosta, uæd iu jæ dærh quyry bæræg dardta, nuazgæ-nuazyn don jæ quyry kuyd zhordta, uyj. Ældar æmæ jæ us khaxdzæfmæ dær næ qæcydysty sæ buc čyzgyl. Cærgæ dær kodtoj uymæn, xærgæ, nuazgæ dær uymæn.

Uæd iu axæmy avd uæjydžy avd æfsymæry askhæftoj, tyx-xæj axastoj ældary iunæg čy whole. Dæ fydgul uuj kuy kænid, čy whole mad æmæ fyd cy kodtoj fyrshæsæj. Uæd ta iu čy whole uæjguytæn isty'hdauæj baftyd sæ khuxy, fæci sæm iu bon, dyu-uæ bony æmæ ta ijæ uæjguytæ axastoj fæstæmæ.

Ældary qæuy cardi khulybadæg us, uydis yn ærtæ fyrt; nikuy uyd qarujæ uydon xuyzæn. Sæ særæn kuy nal uydysty'ældar æmæ jæ us sæ čy whole mæstæj, uæd baminævarkodtoj khulybadædžy fyrttæm, ærtæ sguyst æfsymærmæ.

— Kæd mæ' msær ne stut, uæddær, uyn aggag kænyn mæ čy whole, uæjguytæj myn æj kuy færvæzynkænat, uæd.

Khulybadædžy fyrttæ srazysty uæjguytæj čy whole raxæssynyl.

Arastysty. Qæuæj kuy fæxicænysty ærtæ'fsymæry, uæd bakastysty kærædzimæ'mæ dzurync:

— Nyr ældary bærny caugæ bakodtam, fælæ næ kæmæ cy qaru is, či cæmæ aræxsy, uuj kuy næ zonæm, uæd aftæmæj kuyd?

Uæd xistær zahta:

— Æz ældary čy whole raxasdzynæn uæjguyty astæuæj, næ mæ bazondzysty, aftæmæj.

Dyggag (astæuggag) zahta:

— Æz kuy fæxæst uain čy whole, uæd mæ cy fændy uad dær nal bajjafid, uæjguytæ næ fælæ.

Kæstær zahta:

— Fædis kuy faua næ fæstæ, uæd æz uuj bafærazinag dæn æmæ fædisæj jæ xædzaryl iu dær udægasæj nal sæmbældzæn, se'ppæty dær nyssærfdzynæn.

Arastysty darddær, uæjguyty cæræn bynatmæ'vvaxs baxædzæsty. Ujcy ranæj xistær arast iunægæj uæjguyty xædzarmæ, annæ dyuuæ jæm kastysty'nqælmæ.

Xistær æfsymær raxasta ænæ bazongæ ældary čy whole avd uæjydžy xædzaræj; astæuggag æfsymær æj ajsta xistæræj, æmæ uadu axasta čy whole jæ uælnyxti ældary xædzarmæ. Ærtæuggag fædismæ nyllæuuyd æmæ, uæ xærammæ bællæg uydona—fædisdzauty ujcy ran nyssærfta, iudær dzy nal ssardta jæ xædzar.

Ærtæ'fsymæry ærbazdæxtysty sæ xædzarmæ æmæ nal fidauync ældary čy whole.

Kæuyl æmbæly ældary čy whole ærtæ'fsymæræj, uymæn ta tærxongænæg dy fæu, zahta ma ron.

— Kæuyl æmbæly? Ældary čy whole æmbæly xistæryl, uæjguyty xædzaræj jæ či raxasta,—zahta ældary fyrt.

Dzuappmæ ta ærxuy mæsyg æmæ æfsæn uazægdony xicau æxsin - čy whole, baxudt æmæ dzury:

— Læbbu, dæ uynd kuyd u, ævæddzægæn, æmæ dæ zond aftæ næu. Ældary čy whole æmbæly khulybadæg usy fyrttæj kæstæryl. Čy whole raskhæfyn uæjguyty xædzaræj uuj bærc styr

quyntag næu, iu xatt čy whole ci axasta jæ fydy xædzaræj, uydon ta jyn isty amal skodtaiggoj dyggag xatt dær axæssynæn; fælæ iugær skhæfdžytæ, tyxgændžytæ kuy nal oj, uæd tas nal u čy whole .. Čy whole kæstæryl æmbæly.

Æxsin-čy whole uj adyl ærtæ rædydy fækodta.

— Xuycau mæ dæuæn snyvkodta, — zahta uj ældary fytæn.

Uly ran čyndzæxsæv xorz saræstoj, us æmæ læg systy; zamanajy cæræn fadættyl æryncadysty æmæ ma afonmæ dær cærync æmæ xærync. Uydon ærcydmæ dzæbæxæj cærut, ryn, sonæj macy fenut.

* * *

Arhau fyst ærcydi. 1923 az iuly 7-æm bon. Uj razmæ jæ rakodta Baskaty Tazret, Bolajy fyt, Ærydojnag. Cæuy jyl 59 azy. Arhau qusgæ fækodta.

Appe Æmbalty Bicajy fyt, jæ rajguyrdæj jyl mæj kuy racyd, uæd bynton bakuyrm, rakodta myn iu khord arhau. Amæj dælæmæ syn ærcæudzæn bynat acy činydžy.

Nojabr 1-ag bon 1922 az.
Ærydon.

Khobliy sæhty arhau.

Radžy ma radžy ma iu qæuy cardi iu mæguyr læg, jæ nom Khobli.

Uymæn uysi us, fælæ syn zænæg næma racydi. Khobli æmæ jæ us uydysty fondz sæhæn xædzar, ændær sæm cyp-pærkhaxygæj gædy dær næ uysi.

Khobliy sæhtæ ænæuyj sæhty xuyzæn næ uydysty: sæ iuæn uysi iu guybyn, dyggag uysi dyuuæ guybynon, ærtყaggag —ærtæ guybynon, cyppæræm—cypparguybynon, fændzæm—fondzguybynon.

Sæhty ruadžy Khobli æmæ jæ us æn'axuyjæn khæbær næ xordtoj, sæ bærægbon syn aræstoj, sæ xæstæg se'vvaxsy ciny bon, ziany saxat xyhtoj, ciny bon bærægbojnag xæsgæ, ziany saxat—fydoxy kærdzyn.

Khobli æmæ jæ us, iu nyxasæj, sæ fondz sæhy ruadžy nicæmæ dardtoj sæ mæguyrdzinædtæ. Fælæ binonty ænæmæst card biræ kæm xæssy. Us iu rajsomæj radyhta sæhty æmæ iu sæ xizynmæ askhærdta qædmæ. Uly ran iu fæxystysty, sæxi iu bafsæstoj; razdær iu bafsæst iuguybynon sæh, uymæn æmæ iu guybyny dzag kærdæg æmæ bælasys xixtæ uj bærc zyn ssaræn næ uydysty. Jæ fæzdon iu nal cydi jæ sagæxty, aftæmæj iu æppæty razæj sæ xædzary balæuuyd zyq-zyq gængæ.

Iuguybynony fæstæ iu bafsæst dyuuæ guybynon æmæ ta iu uj dær qædæj æfsæstæj, jæ fæzdon jæ sagæxtynal cydi, aftæmæj khærc-khærc gængæ nyffardæg sæ xædzarmæ.

Fyldær iu bafæstiat qædy fondzguybynon sæh; uj ta uj tyxxæj æmæ fondz guybyny aftæ'ncón bajdzaggænæn ne'sty.

Biræ fæxyststy ucy xuyzænæj Khoblijy sæhtæ, či zony. Fælæ iu axæmy iu fydæbony biræh, xoly agurgæjæ, fedta sæhty. Zonddzyn biræh ujdi fydæbony biræh, cuanony amættag kuy fæcadaid uastæn. Bazdæxti æmæ sbærægkodta sæhty fændag æmæ ærcaræsta læzhæry tæggæ byl jæ axton.

Bady biræh æmæ qaqqæny, rajsomæj sæ rauahta jæ ræsty. Dzury jæxinymer: „Tutyry fændonæj abon æz uj xuyzæn nard sæhy fydæj mæ uældaj dær ma nyuuadzdzynæn“.

Ualynmæ kæsy æmæ uærtæ iuguybynony sæh qædæj racæuy æfsæstæj, jæ fæzdon nal cæuy jæ sagæxtyn. Biræhy komydættæ æruadysty, sæhy raz ællæuuyd æmæ dzury:

- Ægas cu.
- Xorx cær.
- Kæm uydæ?
- Qædy xizynmæ.
- Æmæ dyn uæd dæ særy astæu uydon ta cy sty?
- Uydon sagoj-sykhatæ Khoblijæn.
- Æmæ uæd dæ sagæxtyn astæu ta?
- Uydon ta mæ dzygyjæn khuymatæ.

Uj adyl æj biræh balasta j'axtonmæ æmæ jæ baxordta, Khoblijy sagoj-sykhatæm næ bavnældta.

— Æhhæd ual myn uæd abon, som ta—bon cæuy æmæ farn xæssy.

Fyrxærdæj buqqtæ gængæ biræh batyldi j'axstonyl'mæ uajtahd bafynæj.

Ærizær, aftæ Khobli færsy sæhty:

— Au, æmæ iuguybynony sæh kæm is?

— Kuyddær jæ guybyn ajdzagkodta, aftæ jæ dymæg bacahtamæ rafardæg qædæj, innæ bonty kuyd rafardæg væjjy, aftæ. Max yn am ænqæl uydystæm.

Dyggag bon dyuuæguybynon sæh æfsæstæj racæuy qædæj. Ærxæddzæ læzhæryl biræhy axtonmæ. Biræh yn jæ fændag ærcaxsta.

— Kæm uydæ?

— Qædy xizynmæ.

Æmæ dyn uæd dæ særy astæu ta cy sty uydon?

— Uydon Khoblijæn sagoj-sykhatæ.

— Dæ sagæxtyn astæu ta?

— Uydon ta mæ dyuuæ dzygyjæn khuymatæ. Uj adyl ta biræh j'axtonmæ baxasta Khoblijy sæhy æmæ dzy xorz fedta jæxi. Khoblijy sagoj-sykhatæ ta nyuuahtha ænævnældæj.

Uycy xuyzænæj ma baxordta biræh Khoblijæn jæ ærtæ æmæ cypparguybynon sæhty dær.

lunægæj æryzad fondzguybynon sæh. Fæcydi ta qædmæ, bafsæsta jæxi æmæ razdæxt sæ xædzarmæ. Biræhy axstonmæ ta kuy'rxæddzæ, uæd æm biræh ralasta jæxi, fændadzhy bæræg astæu ællæuuyd, ædzynæg kæsy sæhmæ'mæ dzury:

— Bafærsyn aipp ma uæd, fælæ kæm uydtæ?

— Qædy xizynmæ.

— Qyg dæm ma fækæsæd, fælæ uydon ta cavær dzumatæ uydzysty dæ særyl?

— Uydon ta cavær dzumatæ sty, zæhgæ, kuy bafærsaj, uæd sty—biræh maræn dyuuæ chæx arcy.

— Xardzau dæm ma fækæsæd, fælæ uæd dæ sagæxty astæu ta uydon cavær migænæntæ uydzysty?

— Xardzau mæm cæmæn fækæsdzæn,—uydon ta sty biræh æxsæn tymbyl durtæ.

Biræh fætarst, jæxi ajsta fændagæj æmæ fondzguybynon sæh, dzæxst-dzæxst gængæ, jæ bochotæ atil-atil gængæ sæ xædzarmæ'rfardæg.

Khobli jæ færsy:

— Innæ sæhtyl dæ cæst myjjag cy'rxæcydaid?

— Næ fedton, zahta fondzguybynon sæh. Fælæ næ xædzarmæ kuy'rcæjcydtæn, uæd mæ iu biræh fændagyl æruyrædta, færsyntæ mæ sista:

— Dæ særy astæu uydon ta cy sty?

— Dæ sagæxty astæu ta?

Æz yn radzyrdton:

— Mæ særy astæu—biræh maræn dyuuæ chæx arcy, mæ sagæxty astæu—biræh æxsynæn tymbyl durtæ.

Uæd biræh fændagæj axyst æmæ æz mæ xædzarmæ ærcydtæn. Sæhty uycy biræh ma baxæræd?

— Bazondzynæ ma biræhy axton?

— Bazondzynæn.

— Xorz, uædæ jæm som bon fæcæuæm.

Rajsomæj radžy Khobli æd-bændæn, jæ sæh jæ razæj, aftæmæj biræhy axstony uælqus balæuuydysty. Sæh acydi xizynmæ, Khobli dzury biræhmæ:

— Biræh, quydtag mæ is, rakæs mæm duarmæ.

Biræh dyn rastaid i mæstdzyn Khoblimæ uajtahddær! Uycy dzyrd æm fækodta, fælæ biræh zmælgæ dær næ fækodta jæ bynatæj.

Khobli biræhy axstony raz ærbadt æmæ jæxi nymær dzury: „Dodoj fæci dæ mærdty khona! isguy dæ cæuyn næ qæudzæn“.

Ualynnæ kæsy æmæ fændagyl iu læg ærbacæuy qæuy r'dæm.

Khobli jæm dzury:

hej, uærtæ læg, dæ xorzæx mæ uæd æmæ qæumæ kuy baxæddzæuaj, uæd me'fsinmæ ma bazivægkæn æmæ jyn iu zæh:

— „Khobli dæm ærvity, næ sæhty nyn cy biræh baxordta, uuj axston ssardta'mæ jæ razy'rbadt æmæ jæ qaqqæny. Fælæ dæuæn læbbu kuy rajguyra, æmæ uuj kuy sqomyl ua, uæd iu zæhæd qædmæ kuyd acæua, uym bælas kuyd rakala, bælasæj khaxæn æmæ fyjjag kuyd særaza. Uuj fæstæ æd-khaxæn æmæ æd-fyjjag mænyl acy ranmæ sæmbælæd. Max bæzdæxdzystæm æmæ biræhy j'axstony ærkhaxdzystæm, sbæddzystæm æj æmæ dzy næ sæhtæ bacagurdzystæm“.

Xorzau nal fæci biræh, — sahæsyl fæci: isguy Khobliy usæn læbbu guyrdzæn, isguy uuj læg kændzæn, uuj qædmæ cæudzæn, fyjjag æmæ khaxæn arazdzæn mæn axsynmæ, uædmæ, biræh, dy acy ran bad, xury ruxs maual uyn, mæjdary xoly agurgæjæ sylynk-sylynk maual akæn!...

he uuj dyn cærdudæj nygæd, he. Cy ua, uuj uæd. Kæd ma, či zony, airvæzin“... Biræh uycy iu æxst fækodta axstonæj jæxi, fælæ jæ Khobli zmælyn dær nal suahta: bændæn yn jæ'fcædžy bappærsta.

— Nal fæcæudzynæ, khuybyr quas, mæ sæhtæ cy festy, uymæj dæ či bafærdsdzæn, uuj — a læbbu, Khobli.

Biræhy jæ xædzarmæ nyllasta, fidar ran æj bakodta. *Ærtæ'xsævy fæci biræh Khobliy xædzary.* Khobli quydykænyn bajdydta: „biræ pajda myn næ fæuydzæn biræh, acy ran bæstæj kuy læuuua æmæ sydæj kuy nymmæla, uæd. Mæ mad, mæ fydstæn, uuj næ uydzæn, — mæ sæhtæ xærd, biræh dær dzæhæly sæft“.

Barævdzytæ kodta jæxi, biræhæn bændæn jæ quyry, aftæmæj jæ fælasy jæ fædyl. Lu qæumæ baftydi'mæ qærkæny:

— hej, Fosy Fælværa či balxændzæn? Lu dzævgar fæqærkodta, ualynmæ jæm iu xædzaræj iu læg racydi.

— Fosy Fælværa uæj kænys, zæhys?

— Aj-haj! čidæriddær æj balxæna, uymæn jæ fos azdaxynæn amal nal uydzæn, uuj bærc yn bauydzysty.

Cæræg læg uysi læg, jæ fosæj fækhordkodta iu dzug æmæ jæ Khobliy fyddzag skodta, jæxædæg ta axæcyd biræhy bændænyl.

Khobli kuy rastkodta æd-fos, uæd bafædzæxsta fosdžynæn:

— Axsæv iu Fosy Fælværajy skhæty bakæn fosimæ æmæ iu duærtæ fidar sæxgæn. Rajsom ta uæ kæstær čyndzæn ærtædzixony skænynkænut. Čhiritæ iu axæssæd skhæty duarmæ æmæ sæ iu Fosy Fælværajæn skuvæd. Fos aftæ babiræ uydzysty, æmæ skhæty duærtæ kænyn nal færazdzystut“.

Uyj adyl Khobli raqærkodta jæ fosy dzugyl æmæ sæ xædzarmæ zargæ'rfardæg.

Færnyg læg, fosøj bafsis kæmæn næ uyi, uj Fosy Fælværajy jæ fosy skhæty bakodta, fidar yl duærttæ sæxgædta.

Sæudaræj kæstær čyndz ærtæ ærtædzixony rakodta, skhæty duarmæ bastad, Fosy Fælværaramæ sæ skuyvta, cæmæj bিræ bacadaiggoj.

Uyj fæstæ skhæty duaryl baxæcyd æmæ gomkænyn næ komy. Biræh fos nyssærfta æmæ sæ skhæty duarmæ samadta.

Čyndz bacyd xædzarmæ'mæ dzury:

— Næ fos uj bærc biræ bajysty'mæ skhæty nal cæuync, duar gomkænyn nal komy.

Binontæ rauadysty, duaryl baxæcydysty. Duaræj azhældysty cahd fystæ'mæ fegom. Biræh aj-uyj nal fækodta, fælæ uycy iu sxuyst fækodta'mæ qædy balæuuyd.

Ærtæ'fsymæry kuyd ssardtoj sæ dadv bæxtæ.

Ærtæ'fsymæry uyi. Uydysty sæxi udy fællojæ cæræg, isgæj xæramy næ cydysty. Ualldzædžy kuystytæ uydysty sæ tæggæ tyngyl, aftæ syn se'rtæ bæxy iu æxsæv adavdæuyd.

Æfsymærtæ sahæsyl systy: cy bakænoj, kuyd bakænoj.

Sæ iu zahta: „Bacaguryn qæuy bæxtæ; innæ zahta: „bacaræftyd uydystæm, ualldzædžy kuystytæ afojnadyl kuy næ bakænæm, bæxtý fædyl kuy acæuæm, kuy bafæstiat uæm uydron agurgæjæ. Ærtყiggag zahta: „uædæ æxxæst kuystytæ kuy fæuoj, uæd abalc kændzystæm næ bæxtý fædyl“.

Kuystytæ ualldzægæj fæzzægmæ nal ixsydysty: iu kuyst iu fæci, aftæ ta iu æj innæ kuyst ærbajjæfta. Ærægvæzzægmæ atyxst aftæmæj sæ quytag; rajsomæj xalas æværyn bajdydta.

Ærtæ'fsymæry sæ bæxtyl særhtæ sæværdtoj, ærcaguryrtoj ragualdzædžy'rtæxyl cy bæxtæ adavdi, uydronæn nyr ærægvæzzædžy xalasyl sæ fæd. Fæd xæssync, aftæmæj iu ældary qæumæ baftydysty. Ærtæ'fsymæry kuyd rairtæstoj, aftæmæj bæxtæ fæd ældary galuantæm bacyd.

Ældary uazægdony raz bæxbædtænyl sæ bæxtæ baftydtoj æmæ uazægdonmæ bacydysty.

Ældaræn fequsynkodtoj uazdžyty xabar. Ældar suazægkodta ærtæ'fsymæry: kusart, cæxx-kærdzynæj sa xorz fedta, sxuyssyn sæ kodta, stæj—xuyzdær bon nyl xuycau skænæd,—zæhgæ. uazdžytæn zahta: „xærz-æxsæv“. Xædzarmæ kuy bacyd, uæd basidt jæ kæstæriuæggændžytæj iumæ æmæ jyn dzury:

— Uazægdony duarmæ aivæj bacu æmæ sæm bajqus, kæddæra cy dzuriggoj. Stæj mæm uajtahd ærbacu æmæ myn sæ bælvyr dzyrd rakæn. Ænqælmæ dæm kæsdzynæn.

Qusy ældary læg uazægdony duaræj ærtæ'fsymærmæ. Qu-sy dzuryn.

Æmæ zahta xistær:

— Dissag mæm fækast acy bon iu quyntag: se'ldar sau lædžy xuyzæn u.

Zahta astæuggag:

— Æz ta aftæ bafippajdton æmæ dzul mærdon tæf kæny.

Ærtyggag zahta:

— Uædæ æz uj rairtæston, æmæ sa fyd kuydzy fydy ad kæny. Sæ nyxas uuyl bancadi æfsymærtæn æmæ bafynæj sty.

Læg bacyd ældarmæ æmæ jyn radzyrdta uazdžyty nyxas kæræj-kæronmæ kuyd uydi, aftæ.

Ældar batævdi uazdžyty nyxæstyl, nal bauyrædta jæxi æmæ jæ madmæ basidt.

— Mæ mad, sau lædžy xuyzæn mæ kuy xonync næ uazdžytæ, uæd uj cavær nyxas u,—faugæ mæ kænync, ævi rast ciu uj zæhync?

— Nanajy dæ særyl nyvondæn ærxæssænt. Uj uydi aftæ: dæ fydæn ma uydi nomyl us. Mænæn čydzhytæ cydi aly xatt dær, nomyl usæn ta læbbutæ. Æmæ dy nomyl usæn kuy rajguyrdtæ, uæd mænæn ta uydi nog-guyrd čy়zg. Bazdæxtysty 'ma dæu mæ dælfædtæm aværdtoj, mæ čydzhy ta dæ mady dælfædtæm. Quyntag uydi aftæ.

— Dzuly tyxxæj ta cy zæhdzynæ, mærdon tæf, dam, kuy kodta?

— Æmæ dyn biræ cærænbontæ xuycau radtæd, uj ær-cydmæ. Ændær qæuy sæmbældtæn mærddzygoimæ. Fæstæmæ kuy razdæxtystæm, uæd fæsvændag uæny stægyl auydton manæuy'fsirtæ kærdinagæj. Zyn mæm fækast sæ nyuuadzyn, ratydtion sæ, azhældton sæ, mæ rony kæron sa abaston, æmæ næ xædzarmæ kuy'rbacydtæn, uæd sæ tauinagyl bakaldton.

— Xor, zahta ældar æmæ ærbasidynkodta fyjjaumæ. „Zæh ma myn, uazdžytæn cy kusart akodtam, uj cavær uydi? Radzur myn jæ xabar“.

— lu fys nyzzadi uærygg æmæ uycy saxat jæ ud sista. Uærygg sidzæræj bazzad. Uycy ræstædžy næm uætæry uydi nog zad gadza dær. Sidzær uærygg baftydi gadzajy fædægyl æmæ uj æxsyræj sqomyl.

— Fydæbony uazdžyty axæsty fædæn,—zahta ældar. Raj-som radžy ærtæ'fsymæræn sæ dævæd bæxtæ ralasynkodta, særh-tæ syl sæværynkodta jæxi xædzaræj æmæ afændarast kodta uazdžyty.

Sidzær læbbu ældary čyzdžy kuyd ærxasta.

Iu lægæn amard jæ us æmæ jyn dzы bazzadi sidzær læbbu. Læg ærxasta dyggag us. Biræ fæcardysty, čysyl, či bazondzæn, fælæ læbbu baqomyl, mil kænyn rajdydtoj jæ rixitæ 'mæ začhety bynættæ. Biræ mast, biræfxærd bajjæfta ujy fydy-usæj. Uængæl bavdysta fydy usæn sidzær læbbu.

Iu bon us bæzdæxt lægmæ'mæ jyn dzury:

— Lægaj, kænæ dyn æz, kænæ dyn dæ læbbu, mæ cæst dær æj kuyd nal uyna, aftæ.

Kuy nicy gænæg u, ægær xorz nyn kusy.

— Koj dær æj mauual kæn, næ xædzary ma kuy bazzaja iu čysyl dær, uæd mæ cægatmæ zony fændag, ræxystæj bast næ dæn.

Æmæ baiftyhta læg læ dyuuæ sau khobory uærdony, xæbyræh rajsta'mæ dzury sidzær læbbumæ.

— Com i furdy bylmæ æmæ kæsagdzuu akænæm.

Sbadysty galuærdony, furdy bylmæ baxæddzæsty. Galtæ fæuahtoj xizgæ, sæxuydtæg furdy bylyl dauæntæm sæxi balastoj. Fyd rajsta xæbyræh, dauænmæ jæ auahta, kæfy farsy jæ nysahta. Æmæ kæf dær axæm næ razynd, næj æmæ syn sæpparyn næ, fælæ fenkuuysyn dær næ kuymdta.

Læbbu, fælæu am, m'airvæzæd kæf, æz næ xædzarmæ bauaion æmæ ændær xæbyræh raxæsson, kæd æj uæd dyuuæ xæbyræhæj raftauiggam.

Dyuuæ khoboryl akhuyrdta fyd æmæ ma afonmæ dær nal zyny fæstæmæ. Sidzær læbbu xæcy xæbyræhyl æmæ'nqælmæ kæsy—jæ fyd kæd racæudzæn æmæ kæf donæj kæd raptardysty, uymæ.

Uæd kæf dzury sidzær læbbumæ:

— Læbbu, suadz mæ, iu bony særæn dyn, či zony'mæ s'æxxuys uydzynæn.

— Au, æmæ dæ kuy aguron, uæd dæ kæm ssardzynæn furdy,—dony kæsagæj fyldær ta ci?

— Mænæ m'rahy sistæj iu byndzyg raton æmæ dæ mæ sær kuy baqæua, uæd iu fæzyn acy dauænmæ, qisyl iu zyng baftau æmæ dæm uæd zyndzynæn.

Sidzær læbbu kæfy farsæj aræxstgaj xæbyræh sæftydta, jæ rahy sistæj jyn iu byndzyg ratydtæ æmæ kæf ujy fædyl furdy alenkkodta.

Biræ næ fæsahæs kodta sidzær læbbu furdy byl:

— Mæ xædzary myl kæj zærdæ færissa, axæmæj niči ual is: mæ mad mard, mæ fydy us mæ jæ udxæssæg fedta, mæ mæguyr fydy ærvylbon æfxæry mæn tyxxæj. Æz næ xædzarmæ fæcæuinag nal dæn. Æmæ arast fændag-fændag furdy byltyl.

Biræ fæcyd, čysyl fæcyd uycy cydæj, či zony, fælæ jyl fændagyl ævzær ræstæg skodta: tymyh xasta, uazal kodta.

— Mæxi isguy kuy bauuæn kænin acy tymyhæj æmæ kuy batavin mæxi,—zahta læbbu. Iu auuon ranmæ jæxi balasta, art skodta æmæ tavy jæxi. Uæd ævippajdy cærgæs ærxaudi jæ razmæ ærhæfstæj.

— Læbbu, tymhy suazaldæn, mæ særæn nal dæn, sqarm mæ kæn, iu bony særæn dyn kæd æmæ æz dær fexxuys uain.

Batavta cærgæsy, xærinagæj dær æm fækast, jæ bon cy uydi, uymæj.

Æmæ dæ uæd kuyd æhdauæj ssardzynæn,—zahta læbbu, de'xxuys mæ kuy baqæua, uæd?

— Mænæ dyn mæ sistæj iu sis, bavær æj dæximæ æmæ dæ ævædza baquydtæn, aftæ' iu art bandzar uycy sisyl... Dæ razy festdzynæn uajtahd.

Jæ styr bazyrtæ dærdtyl fæxasta cærgæs æmæ jæxi sista bærzond arvyl, sidzær læbbu dær ta jæ fændagyl arast.

Biræ ta fæcydi, čysyl, xuycau zony, æmæ ta baxæddzæ iu atahamæ. Atahajy kæsy æmæ fændagyl ruvas katajyl ssi: kuy ma slæuuy jæ khæxtyl, kuy ærxauy, nal u jæ særæn.

— Læbbu, mæ særæn nal dæn æxxormagæj, uazalæj dær mælyn. Kæsys, mæ khæxtæ nal cæuync mæ byny. Baxxuys myn kæn, dæ dzæbæxdzinad mænæj dær næ feroxuydzæn.

Læbbu batavta ærhævst ruvasy, bafsæsta jyn jæ stong guybyn.

Uæd yn ruvas zahta:

— Raton iu quyn mæ dymædžy xiltæj, bavær æj dæximæ æmæ zyn rany dæ, zæhgæ, uæd yl iu zyng badar. Uyj zon, æmæ dæm ruvas zyndzæn.

Cæuy ta sidzær læbbu, cæuy æmæ baxæddzæ væjjy iu qæumæ; qæuy ærfysymkodta khulybadæg usmæ, us æj suazægkodta.

Uæd iu khord bony fæstæ sidzær læbbu færsy khulybadæg usy:

— Cavær quytag u, dæ xorzæxæj, mæsydžy aly fars bru æmæ bruuy aly mixyl dær lædžy sær, ærmæst ma dzy iu mix bazzad cuæj?

Mæsydžy cæry ældary čyzg, ne'xsin. Alyrdygæj jæm arvy cyppar khabazæj kuræg kæcæj næ fæcyd, axæm nal bazzad; fæsivædæj uyj koj či fequysta, uydonæj jyl či næ sdzyrdta, iu axæm næ uydi. Fælæ ænamond cæryn quægtæn s'amond xorz ne sxaudi. Usgurtæn iu æxsin rakhuyrynkodta sæ særtæ æmæ sæ iu bruuy mixtyl ærkodtoj.

— Æmæ uæd cæmæn? bafarsta sidzær læbbu.

— Æxsin alkæmæn dær komy; ærmæst kurægimæ bækæny dzyrd. Æxsin kurægæn fæzæhy: „Ærtæ xatty bambæxs

dæxi, kæmdæriddær dæ fændy, ucy ran. Æz mæ galuantæj khax-dzæf dær n'akændzynæn, fælæ mæm is arvy ajdæn; ucy ajdænæj fælgæsdzynæn æz alyrdæm æmæ dæ kæd fyddzag æmhuydmæ ssaron, uæd dyn dæ sær ralygkændzysty æmæ dyn æj kauy mixyl ærsadzdzysty. Fælæ dæ fyddzag æmhuydmæ ne ssardton, uæd tas nal u dæ udæn, dæ sær lyg nal ærcæudzæn. Dyggag æmæ dæ ærtყggag æmhuydmæ bacaguyrdton m'arvy ajdænæj, uæd dyn mænæj pajda nal is: fæcæuinag dæm nal dæn.

Namæ ærtყggag æmhuydmæ bafæræstaj dæxi bambæxsyn æmæ dæ æz ne ssardton, uæd dyn æuuænk dædtyn, kuyd mæn xuycau saggagkodta dæuæn, æmæ mæ sær dær, mæ is dær dæu".

Mæ uazædžy xaj, casdæriddær æm næ fæcydi kuræg, fyddzag, æmhuydmæ dzy kæj ne ssardta ænamændtæj, axæm iu dær næ bazzad.

— Mæ mady xaj, uæd ma dæ bafærdszynæn iu quydtagæj. Dyson uysi mæjdar æxsæv. Lu afon æryqal dæn mæ fynæjæ, mæxi quydy duarmæ racydtæn æmæ ævast dune nyrruxsi, cyma xur ærbakast ujau, stæj ta ævast sau mæjdar nyddzi. Kasltæn æmæ sthaly n'atuxt, ændær axæmæj dær nicy uysi, uj bælvyrz zony. Nana, cymæ cavær dissag uydaid? Næ myn æj zæhis?

— Dæ nana dyn dæ xurtæj bafsæda, kæd ægas u, uæd, namæ ruxsy badæd, kæd mærdty bæstæm aivhuydta, uæd. Uj, mæ xury xaj, uysi ne'xsin.

Xur bon kuy rakæsy jæ mæsygæj, uæddær, cyma færuxsdær væjjy arv. Fælæ mæjdar æxsæv kuy razyny jæ mæsygæj, uæd ta kuyd fedtaj dæxædæg, aftæ baruks væjjy dune. Næma rajguyrdi axæm ræsuhd rajdajænæj dær. Sidzær læbbu iu chustug feguyppæg, stæj zahta:

— Nana, miuævar myn fæcu ue'xsinmæ; cy ua, uj uæd! Mænæn dær m'amond ænæ bavzargæ næj.

— Mæ uazædžy xaj, mæxi qæbuly xuyzæn dæ bauarston,— dæxi ma saf; mænæn dær mast makæn, dæ sær dyn kauy mixyl ærkændzysty. Dæxædægdær fedtaj—æxsiny bru ma iu sær quag fæci lædžy særtæj.

— Nana, kænæ uj, kænæ mælæt!

Zærond us minævar fæcydi æxsinnmæ'mæ jyn bambarynkodta jæ uazædžy quydtag.

Khulybadædžy uazægæn æxsin skodta ærtæ'mhuydy æmæ jyn radta æuuænk, kuyd æm fæcæudzæn mojmæ, æmbæsyn kuy bafæraza, uæd.

Sidzær læbbu aj-uj nal, fælæ furdy byl balæuuydi, kæfy sisyl art andzærsta, æmæ kæf ucy ran ærbalæuuyd.

— Cy kænys, mæ xury xaj, mæ irvæzyngænæg?—zahta kæf..

— Da sær mæ nyræj tyngdær nikuy baqæúdzæn, tyxst ran dan,—bambæxs mæ iskuy.

Kæf fæxæliukodta jæ dzyx æmæ sidzær læbbujy ucy xuyzænæj anyquyrdta. Furdæn æj jæ tæggæ malmæ nyxxasta æmæ ucy ran, iu dury byn jæxi bafæsfædkodta.

Æxsin rajsta arvy ajdæn æmæ kæsyntæ sista aly'rdæm mæsygæj; dzævgar atuxænkodta, stæj dzury jæ fæsdzæuin čydzytæn:

— Dissag ta ma uædæ kuyd uydæn? Kæd yn razyndi zongætæ furdy midæg. lu kæf æj anyquyrdta æmæ jæ furdy do ny iu dury byn bambæxsta. Dunejy xærzædžytæ mæm kuræg fæcydysty, dunejy xærzædžyty cahd fædæn, fælæ dzy uj xuyzæn qaru nikæmæ razynd.

Sidzær læbbujyl kæfy guybynæsæmæ sæmbæld ajdæny ruxsy fyntæj iu tyn. Bazydta læbbu, kæj rargomi, uj æmæ ta jæ fysymmæ ærbalæuuyd.

Ærcæj ævvaxskodta dyggag æmhuyd. Sidzær bæbbu bævdzkodta jæxi, ældary qæuæj arast æmæ bydryr astæu ællæuuyd. Sista cærgæsy bazyry sis, zyng yl badardta,—cærgæsy sisæn jæ xusy smag ssydi. Ualynmæ cærgæs dær jæ færason bazyrtyl læbbujy raz æruahta jæxi.

— Uæ, mæ xuycauy xaj, uæ mæ irvæzyngænæg, æz dyn mænæ dæn! Cy mæ kænys?

— Adæjmag tyxstdær ran kuyd uydæn, aftæ u mænæn dær mæ quydtag. Is mæ aguræg—iskuy mæ bambæxsyn qæuy æmhuydmæ.

Cærgæs æj jæ uælæ'rbabadynkodta, zæxxæj bærzond sista jæ mæguyrau bazyrtyl bæguy æmæ jæ xæssyntæ bajdydta. Avd xoxy særtu jæ axasta æmæ sidzær læbbujy ucy ran iu chitijy skhuydy askhærdta.

Rajsta ta æxsin arvy ajdæn, qaqqæny ta alyrdæm. Rakæs bakæs kæny. Fyldær acarxajdta fyddzag xattæj. Æmæ ta dzury čydzytæm:

— Xuymætædžy adæjmag næu bælvyrðæj dær: kæd yn razynd ærdxord xælar mærhtæj. lu styr cærgæs æj fæxasta avd xoxy fæstæmæ æmæ jæ chitijy skhuydy ucy ran auahta.

Sæmbældi ta ajdæny ruxs sidzær læbbujyl chitijy skhuydmæ.

Biræ nal qæuy ærtყggag æmhuydmæ. Haj-haj! Nicy ual tas u jæ udæn, uj rast u, fælæ ma jæ'gas dær ciu, æxsinæj ænæxaj kuy fæua, uæd?

Æmæ ta arasti usgur læbbu bydryrmæ. Qæuæj cæj bærc fæxicæn uydaid smax æj bazonut, fælæ iu ran ærystad, ruvasy dymædžy urs xil sista æværænæj æmæ jæ ajvæsta.

Ruvas ævast ærbalæuuyd jæ razy.

— Uæ mæ cæstyty ruxs, uæ, mæ khæxtyl ma kæj ruadžy læuuyn, uæ, mæ zædy xaj, cæmæn dæ bæquydi mæ sær?

—Zyn rany dæn, zyndær ran nal uydzæn, axæm. Æmæ us-gur læbbu ruvasæn radzyrdta særæj bynimæ jæ quyntag.

— Fidar læu, či zony'mæ dæ ma ssara,—zahta ruvas.

Usgur læbbujy porti festynkodta, jæxædæg ta læbbu festad. Æxsiny mæsygmæ jæxi bajsta æmæ bajdydta qazyn portijæ. Porti xærdmæ fexsy æmæ ta jæ racaxsy, fexsy æmæ ta jæ racaxsy. Æxsin æm fækomkommæ, porti bacyd jæ zærdæmæ'mæ dzury:

— Uældær ma jæ sæppar.

— Uæ, uældær æj sæppar æmæ dyn æj æxsin ærcaxsa, stæj dyn æj quamæ fæstæmæ dær nal radta, fælæ jæ isguy jæ bazy byn myjjag baværa. Uyj næ uydzæn! Æz mæ mast aj ruadžy bajrozkænyn, æz mæxi amæj baqældzæg kænyn.

Uycy dzyrtæ kuyd kodta, aftæ porti bærzonddær sæppærsta, cyma jyn ænæbary fæci uyj-au.

Æxsin porti racaxsta æmæ jæ baværdta jæ bazy byn.

Ændær ærtæ variandy:

1-ag variant—Ruvæs læbbu næ festad, fælæ ruvas uævgæjæ, qazdyi portijæ.

2-ag variant—Ruvæs æj festynkodta xory næmyg æmæ jæ mæsydžy xæd byn banygædta.

3-ag variant—Ruvæs jæ fæstag syxyrna sasiry bærc fækodta æmæ us-gur læbbu balæsti ruvas ygybynæ. Uyj fædyl ruvas ræsuhd čyžg festad, æxsiny uatmæ bacyd æmæ uycy ran mikænynyl ærbadt čyždžyty astæu.

Uyj fæstæ rajsta arvy ajdæn æmæ kæsyntæ sista fæjnærdæm. Uycy kast fækodta, fælæ nicy ssardta, ualynmæ æm-huyd dær ærxæddzæ.

Æxsin aj-uyj nal fækodta, ajdænyl fæxæcyd æmæ jæ zæxxyl nyccavta. Arvy ajdæn lystæg pyrx nyddzi.

Fæzzæg xalas æftauyn kuy bajdajy, uæd dzy xalasæj xury ruxsmæ či ferttivy, uydon uycy ajdæny zhælæntæ sty.

Mæsydžy raz læbbu kuydau-kuyd kæny, zæxxyl xoyj jæxi æmæ qær kæny:

— Mæ porti myn! Mæ porti myn! Arvæn ma basabyrgæ-næn is, fælæ uymæn nicy ual amal ardtoj basabyræn.

Æxsinmæ baxastoj læbbujy xabar. Uæd æxsin bazy bynæj sista porti æmæ jæ ræxsta mæsydžy bynmæ. Læbbu jæ racaxsta ærnæ asxuysta qæugæronmæ. Uycy ran ta ruvas kuyd uyd, aftæ festad, porti ta festynkodta fæstæmæ cy uydi, uyj—us-gur læbbu.

— Xuycau mæ dæuæn saggag kodta,—zahta æxsin, læbbu mæsygmæ kuy bacydi, uæd.

Læg æmæ us systy uyj adyl sidzær læbbu æmæ æxsin. Afonmæ dær ma cærync æmæ xærync. Uydon ærcydmæ amondimæ cærut.

Mærhtæ, syrdtæ'mæ adæm rast din cæuyl æværd u, uj aguræg, kaenæ Uærdzdz æmæ Ruvasy arhau.

Mærhtæ'mæ syrdtæ iu axæmy tærxon kodtoj, alci dær sæ xicæntæj, —syrdtæ iu ran, mærhtæ annæ ran.

— Din kænæm, dinyl aræst u næ card, fælæ jæ kuyd æmbæly, aftæ jæ kænæm ævi næ, uj næ zonæm; stæj næ dinæn jæxi'værd dær rast u, næu—uymæj dær næ bælvyrdaej niči nicy zony.

Aftæ dzyrdtoj syrdtæ dær æmæ mærhtæ dær. Uj adyl sfændkodtoj sæ dyuuætæ dær,—sæ zærdæ cæmæ'xsajdta, uymæj xuycauy bafærsyn. Minæværtæ sævzærstoj: syrdtæ ruvas, mærhtæ uærdzdz.

Frastysty ruvas-minævar æmæ uærdzdz-minævar xuycaumæ rast dyddzæg bon. Cæuync, cauync æmæ ruvas dzury:

— Næ zonyn næ quytag kuyd uydzæn uymæn: a cæugæ kænæm, cæugæ, fælæ xærgæ cy kændzystæm, uymæn mæ særæn nicy xos zony. Sydæj dyn mælyn, uærdzdz, isty myn kuy baxæry kænis, namæ dyn æz æmbalæn ne'sbæzdynæn æxxormagæj.

— Cavær mard u, nyr ma nyr kuy fezmælydystæm næ bynættæj,—zahta uærdzdz-minævar.—lu čysyl auajæm æmæ uæd bæræg uydzæn—isty amalæj dæ bafsaddzynæn.

lu dzævgar auadysty, aftæ dyn iu us xærinag fæxæssy xuymontæn.

Uærdzdz-mirævar dzury ruvas-minævar mæ:

— Xuycau nyn ærxasta: uærtæ uycy usy raz ærbad-ærbad kændzynæn æmæ uj mænyl kuyd fæua, aftæ iu dy—dæ lædžy qæd æmæ dæxædæg!—xorz fen dæxi.

Kuyd zahta, aftæ bakodta uærdzdz: usy raz dyn iu abady æmæ ta stæxy. Us jæ tæbæh æræværdta æmæ uærdzdz axsynyl ssi. lu dzævgar æj kuy asajdta us, uæd ruvas tæbæhyl nycavta jæxi æmæ jyn jæ pyrx skaldta, stæj ta bajysty sæ fændagyl.

Cæuync, cæuync æmæ ta ruvas dzury uærdzdz mæ:

— Uærdzdz-minævar,—cy xæramy dæ badaron,—ævzær mæ næ fedtaj, fælæ ma mæ æxxæst xudyn dær kuy fækænis.

— Uj dyn me'vdžid,—zahta uærdzdz,—uycy xuyzænæj staxt æmæ gutony razzag galdaerædžy særyl abadt. Læbbu badti razzag qulyl æmæ tæry galtæ.

Uæd gutondar dzoms felvæsta æmæ uærdzdz mæ nyqqavydi. Fexsta'mæ læbbu jy særyl suadi dzoms. Uærdzdz ataxti. Læbbu qultæj raxaudi, jæ særy pyrx kælgæ.

Ruvas xudægæj bakhæcæl æmæ ratul-batul kænyn bajdydta jæ rahy nuærttyl.

Darync ta sæ fændag ruvas-minævar æmæ uærdzdz-minævar æmæ ta dzury ruvas:

— Ævzær æmbal myn næ dæ,—qast dæ cæmæj rakænon, uymæj dæm nycma aryn. Aj-uydi æmæ dæu ruadžy bafsæstdæn; aj-uydi'mæ dæu færcy fæxudtæn mæ fag. Uydon xorz, fælæ ma mæ fæs-xærd æmæ fæs-xudt kuy fæuajyn kænis.

Ruvas jæ dzyrd fæci, aftæ dyn æm dzury uærdzdz-minævar:

— Dæximæ kæs, ruvas-minævar! Cy ta dæ ærfændyd, uj dær dyn cædtæ u acy saxat—dæ zærdæ cas zæha, uj bærc fezhordzynæ: uærtæ næ fædyl racæuync cuanontæ æd egærttæ.

Uyj adyl sæ egærttæ auydtoj.

Ruvas jæ dymæg xærdmæ sista, jæ qustæ razmæ-fæstæmæ akodta æmæ uycy iu xost nykkodta razmæ. Egærttæ jæ fædyl. Jæ særæn nal uydi. Ruvas udtyl ssi. Cy khudzi, cy xæmpæl næ basgærsta zyldy, iu axæm nal bazzad. Cux æj næ uahtoj. Armæltoj ma bairvæst iu xuynkhmæ, æmæ jæ uæd nyuuahoj egærttæ.

— Qast nal rakændzynæ, næ dæ fæuajynkodton uymæj dær,—dzury uærdzdz ruvas-minævarmæ.

— Me'næ uynon sæ xuycau fækænæd! zahta ruvas,—tyxtæ 'mæ æxsartæj ma dyn fervæstdæn.

Ualynnæ bajjæftoj iu lædžy.

— Dæ fændag rast.

— Xuycau xorzæx ssarut.

— Kædæm cæuys, xorz læg?

— Xuycaumæ rarastdæn næ xædzaræj.

— Dæ xorzæxæj, ma nyn æj basusægkæn,—æmæ uæd cy særæn rarastkodtaj xuycaumæ?

— Adæm ærægæj ardæm baftydysty sahæsy, tyxsync sæ din ytxxæj: kæd sæ din fændagyl rast næ cæuync, e, či zony, kæd rast æværd næu næ din jæxædæg dær. Æmæ stærxonkodtoj se'styr æmbyrdy, cæmæj xuycauæn jæxi bafærsoj, dyzærdyg cy quydtægtyl kænyn bajdydtoj, uydon tyxxæj. Mæn ta ravzærstoj minævaræn æmæ, kuyd uynut, aftæmæj æz æxxæst kænyn mæ xæs.

— Xuycau uarzon fæu, ægas xædzar ssar fæstæmæ. Fælæ dyn max dær zæhdzystæm ærgom: næ fændag daræm max dær styr xuycaumæ. Minæværttæ stæm max dær: ruvas syrdtæj, uærdzdz mærhtæj. Adæmy zærdæ cæj fædyl sdyzærdyg, uj u maxæn dær næ cydy sær næ xuycaumæ. Dy cy næ bækænaj, max dær dzy'ndær nycy bakændzystæm: næ fydæbon ma næ uældaj. Æxxæst ma dæxicæn uycy zyn skæn, æmæ maxæn cy nyffædzæxstoj syrdtæ'mæ mærhtæ, uydon dær iu baxæss styr xuycaumæ. Dæ fæstæmæ'rcydmæ dyn ænqælmæ kæsdzystæm.

Uyj adyl ruvas-minævar æmæ uærdzdz-minævar razdæxsty fæstæmæ'mæ radzyrdtoj syrdtæ'mæ mærhtæn, xuycaumæ sæ nystuan læg-minævaræn fændagyl kæj bafædzæxstoj.

lu bælasy byn, fæs-vændag, fæstæmæ razdæxgæjæ'rbad-tysty sæ fællad suadzynmæ. Uærdzdz nyxas kæny. Uæd æm ruvas dzury:

— Qusæj xorz nal dæn ærægæj ardæm, fælæ mæm xæstægdær ærbabad, mærhty cytdzyn minævar.

Uærdzdz syrdty kaddzyn minærarmæ xæstægdær kuyd ærbadt, aftæ jæm ruvas fækhæpkodta æmæ jæ akodta jæ dzyxy.

— Tærihæddzyn dæxi ma fækæn,—dyuuæ' mbaly uydystæm, ævzæræj dyn nicy rakodton; baxær mæ. baxær, ha, fælæ dyl xuycau nom ssaryn æmbældi, dæ mærdtæm vændagæn dyn s'æxxuys uydzæn,—zahta uærdzdz ruvasy qælæsæj.

Ruvas—xuycau, tabu dæuæn—kuyd zahta, aftæ uærdzdz-minævar nyppærræstkdta, ruvasy dzyx læxæj bajdzaggængæjæ.

— Ragæj dær læxxor uydta'mæ dyn uj d'aggag xærinag, tæxgæ tæxyn æm radzyrda uærdzdz.

Uædæj ardæm mærhtæ dær, syrdtæ dær ænqælmæ kæsync,—læg-minævar dær xuycauæj nikuy ma zyny.

Arhau. Rakodta jæ **Baskaty Tazret**, 63 azdzyd.

Nojabry 3-æm bon 1922 az. Ærydony

Æ l d a r.

Cardi'mæ uysi, iu ældar, ældaræn læbbu, læbbu-lægæn ta us. Kæron næ uysi ældary qæzdygdzinadæn: uæ bæx ræhæuttæ, uæ jæ qom ræhæuttæ; jæ fys-fosy dzugtæ iu azdaxyn næ færæstoj jæ fyjjættæ, jæ læsgdzæræntæ; inn'axæm jæ marh--qazæj, gogyzæj, karkæj.

Dyuuæ boncauy darddær qæuæj jæ uætærtæ; uætærtæ dær uydysty qæumæ gæsgæ; qaqqædtoj fosy fyjjau kuyjtæ, fondz ssædz kuydzy.

Æmæ sfændkodta ældar bafælvaryn. Jæ kærtu iu ræstædzy nyzzadysty—jæfs æmæ ærtæ fysy: jæfs nyzzadi næl bajrag, ærtæ fysy dær—ærtæ uæryččy. Xæssyn sæ bajdypta midæg xor, midæg donæj; læværdta syn alcy dær ænævhau—qæbær xoræj, quydalyjæ; sysdzy zæhaj, chata—iu nyxasæj syn aly xærinagæj dær æfsæst æjjæftoj; uyimæ sæ bynat qarm, sæ xuysæn fælmæn.

Ulyc zyld sæm fækodtoj iu afædz. Sæ afædzy bon ældar dzyrd radta: ærtæ uæryggæj iu kuyd argævdoj.

Argævstoj, uædæ cy kodtaiggoj. Baxordtoj, baminaskodtoj: æmæ kæsyntæ sista ældar uærycčy stdžytæm: stdžytæ dzag—æmyr næ razyndysty,—aftid bynat ma dzy biræ uysi.

— Sæ xast kuyd æmbæly, aftæ næu,—zahta ældar,—nodzydær sæni xuyzdær bazilut ta afædzy bonmæ.

Ældary fændon æxxæst kænync kusdžytæ—fætyngdær kodtoj sæ zyld bajrag æmæ dyuuæ fysmæ.

Afædz ta aivhuydta. Ældar argævdynkodta dyuuæ fysæj iuy. Fækast ta ældar stdžytæm æmæ zahta:

— Stdžytæ æmyr-dzag næma sty,—ranæj, ran ma sæ ruxc zyny. Qusut, ma fækhaddærkænut, uæ zyld, fælæ ma jæ fyldær fækænut, uæ qaru cæj bærc æxxæssy, ujy bærc.

Næ bacauærstoj kusdžytæ sæxiyl dær, ældary xor æmæ donyl dær: afædzæj afædzmæ ma uycy zyldæj fæzyldysty bajrag æmæ xæsgæ fysmæ.

Afædz bon ærcydi æmæ xæsgæ fysy argævstoj. Ældar ta rauyn-bauyn kæny fysy stdžytæ: fysy stdžytæ mahzæj, æmyr-dzag, systy, ruxs sæ næl kasti. Æmæ uæd zahta ældar.

— Nyr mæ bajrag bæzdzæn bæxy fars idadzæj lasynmæ.

Biræ nal fæcard ældar ujy fæstæ, færyncyn æmæ amardi. Læbbu jæ fæstæ xædzary xicau ssi æmæ uynaffætæ ujy bar æryzadysty.

Uæd æm iu axæmy fyjjautæ'rbarvystoj uætærtæj:

— Tahd nyl sæmbæl; ærægæj ardæm næ tyxsyn kæny iu syrdu myggag. Biræhy kondæn jæ kond, fælæ asæj biræhæj styldær. Aly bon dær ærbacæuy uætærtæm, kuyjty fæjnærdæm fæsury æmæ syn baxæry sæ xærinag. Æfsærmy næ kæny maxæj dær. Sæftmæ'rcydysty kuyjtæ, dzoj-dzoj kænync. Tas u—næ kuyjtæ kuy fæmæloj, uæd nyn biræhtæ'mæ syrdæ næ fos bazian kændzysty.

Ældar baværdta sarh jæ 'bajragyl æmæ arast uætærtæm. Fændag-fændag n'acydi, fælæ tahd quydtag kæm ujdi, uym komkommæ saræsta uætærtæm jæ bæx.

Fæcæuy fæs-vædty, æmæ iu ranæj tærqus fægæppkodta. Læbbu-ældar bazmælynkodta jæ bajradžy. Bajrag uajtahd bajjæfta tærqusy, fælæburdta jæm dændagæj æmæ jæ slæværdta barægmæ.

Ældar ærbargævsta tærqusy æmæ jæ jæ fæsaræ abasta. Distyl ssi læbbu, æmæ kuyd næ cydai: tærqusy cyppærkha-xygæj kuydzæj ændær niči aksy. Nyr æj uymæn jæ bajrag racaxsta.

Dyuuæ tærqusy ma ærcaxsta bajrag ujy fæstæ, æmæ ældar ærtæ'rgævst tærqusimæ, jæ fæsaræ, bacydi uætærtæm.

Bacinkodtoj fyjjautæ s'eldaryl:

— Xuycauæj buznyg, kæj næm fæzyndtæ. Dæ uætærtæ, dæ fos, dæxædæg am uævgæjæ, isty kuy fæzian oj, uæd max—dæ fyjjautæ, dæ læsgdzæræntæ, dæ razy bazzajdzystæm ænæ khaemdzæstygæj,—guyrysxo nyl næ kændzynæ.

Æxsævy baxuyssydsty. Rajsomæj kuy sbon, uæd fosmæ zilync, kuyjtæn xollag kænync fosgæstæ. Kuyddær ævædza

kuyjtæ sæ xolladžy uælqus rambyrdysty, aftæ ta uycy biræh-gond syrd fæzyndi, kuyjty fæjnærdæm apyrxkodta æmæ xolla-gyl xærynyl ællæuuyd.

Kuyjtæ fæjnæ rany dærddzæf sæ fæstægtyl sbadtysty æmæ uyrdygæj ræjdtoj syrdyl.

Fyjjautæ bafædiskodtoj ældarmæ. Ældar ma xuysgæ kodta.

— Uælæmæ, ældar, ærbacydi ta næ syrd, kuyjty fæjnærdæm nyppyrxkodta æmæ uyrdygæj sæ niuyn cæuy.

Ældar systadi. Fælæ calynmæ jæ daræstæ kodta, jæxi æxsadta, xuycauæn kuyvta, ualynmæ syrd kuyjty xærinag assyvta.

Ældaræn jæ racæuyn—syrd dær aftæ sabyrgomau, ædærsgæ arast uætærtæj. Ældary cæst ma jæ ærcaxsta.

— Mæ bajragyl myn sarh æværgæut! Xuycauy kuy fænda, uæd næ fæliddzæn.

Uadau ataxt ældar jæ bajragyl syrdy fæstæ. Suryntæ jæ sista, suryntæ. Baxæstædžytæ syrdmæ, aftæ jæm uj dzury uycy uajgæ - uajyn fæstæmæ:

— Cy kænys, cæuylnæ mæ nyuuadzys? Dæ isbonæj dyn ujy bærc biræ kuy næ qauyn: uælæmæ dær, dælæmæ dær dæ kuyjty xollæg. Ujy zon, æmæ æz dær uydæn dæ xuyzæn ældar, fælæ mæm xuycau fæfydæx, ralhysta mæ. Æmæ xuycauy fydaexardæj syrd festadtæn, stæj myn kuyjty xællagæj ændær a dunejyl dær bavnalæn nicæmæ is. Fydaexardy ta uymæn baftydtæn, æmæ cas næ racardtæn, ujy bærc bakodton ænæhdaudzinædtæ, tyxmitæ æmæ sæ nyr mæ uælæuyl cardy fidyn.

— Uædæ uycy xuyzy cæryny bæsty dæ mælæt biræ xuyzær, — zahta ældary fyr, æmæ jæ fæmardkodta.

Bazdæxt uætærtæm. ærxyst jæ bæxæj. Fyjjautæ rauadysty, jæ bæx yn rajstoj æmæ jæ afsnajdtoj.

Ældar dzury fyjjautæm:

— S'ulæfydysty fyjjautæ æmæ arfætæ kodtoj ældaræn, stæj xuycauæn — uycy syrdy axæstæj uydon kæj ruadžy fervæstysty.

Iu æxsæv ma bafæstiat ældar jæ uætærtæ. Ærkast uætærtæm, adæmmæ, fosmæ, jæ cæst axasta alcæuyl dær, bauynaffækodta fyjjautæn, kuyd æmbæld, aftæ. Rajsom jæ bæxyl sbadt æmæ afardæg sæ xædzarmæ.

Xudinag, ævzæry koj kuyd axæliu væjjync dzyllæjyl, aftæ atauyz væjjy xorzy koj dær, sguyst quydtag dær uajtahd ajquy-sy bæstyl.

Ældar æmæ jæ bæxy kojæ ættæmæ ma ændær koj kæm uydi s'aly fars qæuty. Ældar ænaxuyr syrdy kuyd amardta, ældary bæx uajgæ - uajyn tærqus kuyd axsy jæ dændægtæj, uydon dzyrд istoj æppæt dzyllætæ kærædzijy dzyxæj.

Uæd razyndi iu ældar, tyng či baxælægkodta iuæj ældary kadmæ, innæmæj ældary bajragmæ. Ældar bon badgæ nal kodta, æxsæv æj xuyssæg nal axsta fyrxælægæj. Mæt bacydi jæ zærdæjy. Quydy kænyn bajdydta: kuyd æhdauæj bafta bajrag jæ khuxy.

Biræ fæqudykodta, biræ fætuxikodta jæxi nymær æmæ fæstaghæmæ nyllæuuysi iu fændyl: ældary isty'fson kuyd basaja jæ xædzarmæ æmæ jyn isty amalæj jæ bajrag jæxi kuyd ba-kæna, ældary ta margæ.

Æmæ arvysta xælæggænag ældar aly'rdæm:

— lu afon mæm uydzæn bæxtyl qast, duh æmæ kuryn me'mxuyzon ældærttæj,—kuyd næ bazivægkænoj æmæ æmhuydmæ kuyd fæzynoj mæ xædzarmæ. Či sysguyxa qasty, kæj bæx færazæj ua duhy, uymæn kad, stæj jyn xæznatæ.

Cæuylnæ bacædtækodtaiggjoj dzyllæ sæxi. Ældary dær ba-fændydi duhmæ. Fælæ jæ us kuy bazydta, uæd æj næ razy kæny.

— Nicy quag dæ æppyndær: nædær fos quag, nædær xæzna, nædær kad. Biræ næma racardtæ, fælæ dæ namys dæ særæj fæbærzonddær. Bad dæ xædzary. Nodžy æz dær iunæg dæn ænæ dæu acy-ran.

Næ bajquysta ældar jæ usy kommæ. Æmhuydy bonmæ uj dær sæmbældi bæxtyl qast æmæ duh či aræsta, uycy ældary xædzary.

Dunejy xærzædžytæj fæstjæ ničiual bazzadi; bæxtæn dær sæ tæggæ ivhuyd bæxtæ uydysty æmbyrdæj acy ran.

Æmæ ravzærstoj dzyllæ s'astæuæj fændy lægtæ. Uydon bar bakodtoj, cæmæj xædzary xicauimæ sbærægkænoj—bæxtyl qast cy'hdauly uydzæn, duhy cy'værd uydzæn æmæ duhon bæxtæ kuyd uajdzysty; nodžy ma kuyd sbæræg ua, jæ us næ færædidzæn, zæhgæ, či bafæraza, axæm adæjmag.

Fændy lægtæ fæbadtysty xibaræj, fætærxonkodtoj æmæ skarstoj ærtæ quydtagæn dær æhdau.

Racydysty dzyllæmæ'mæ qusynkænync:

— Fændy lægtæ aggag skodtoj xædzary xicauy mulkæj syzhærin tyn uycy barægæn, fondz ssædz barædžy či afældaxa, jæxicæn jæ bæx čiugæ dær kuyd næ fækæna, aftæmæj. Jæ nyfs či baxæssa, fælæ dzyrd či næ sæxxæstkæna, uymæn jæ bæx ældary, jæxi ta jyn auyndzgæ jæ xurxæj.

— Æz,—zahta ældar.

Æmæ fondz ssædz barædžy in fars ajstoj sæxi, xæcyn ævvongæj. Ærbacybyrtæ kodta ældar jæ bajradžy. tærqusy kaft skodta bajrag jæ byny. Ældar æj kuy iuyrdæm, kuy innærdæm raskhæry jæ bajradžy: fændægtæ kæny ældar bardžyty astæu; barbzyltæ zhælync zæxmæ, bælasæj ræhæd dyrh kuyd zhæly dymgæ bon. Fæstaghæmæ ma iu ran fækhord dyuuadæs barædžy. Ældar sæ uycy iu cæfæj afældæxta, fælæ bajrag čiugæ ciu, uj dær næ fækodta æmæ ta tærqusau skafyd ældary byn.

Æmæ zahtoj fændy lægtæ:

— A syzhærin nuazæn æduag (ænæ dajuag) dæu u,—æmæ jæm æj balæværdtoj. Xajyr dzuma dyn uæd.

Læbbu jæ rajsta, arfæ rakodta dzyllæjæn æmæ jæ cæværdta jæ rony.

Æxsævy adæm sæ fællad suahtoj, fæminas kodtoj, fæqazdyсты.

Dyggag bon ta'ræmbyrdysty dzyllæ sa bæxtyl bæræg ranmæ, uæd ta fændy lægtæ xælæggænag ældarimæ qusyn kænync dzyllæjæn:

— Dyuuæ bony kædæm cæuyn qæuy, uyrdygæj ardæm uadzæm duh. Dyuuæ boncauy bydyr skændzystæm fondzssædz æmxuyzon xajy aly ran dær dzy læudzæn duhon. Æmæ axæm baræg kuy razyna u'astæu, jæ bæxy či rauadza duhy æppæty darddær cy duhon læuuua uymæ, uj razæj kuy'ruaja, dyggagmæ kuy'rxæddzæ ua, uj dær ta jæ fæstæ kuy nyuuadza; uycy xuyzænæj 99 bæxy jæ fæstæ kuy fæuadza, stæj fondzssædzæm kuy'rxæddzæ ua æmæ uymæj toppæxstmæ ardæm kuy'rbaxæddzæ ua,—uæd yn razzadžy xajæn—syzhærin tyn. Namæ fæstjæ kuy bazzaja, uæd barædžy bæx xædzary xicauy, jæxicæn ta mæryny dzyrduyndzænæj. Či baxæsdzæn jæ nyfs syzhærin tynmæ?

— Æz, zahta ta ældar.

Æmæ ta raskhærdta jæ bajradžy. Fondzssædz barægmæ kuyd xæddzækodta, aftæ semæ radygaj uajgæ æmæ se'ppæty dær nyuuhta fæstjæ, æmæ fæstagæj toppæxstæj biræ fyldær ærbarazæj bajrag.

Dzyllæjy zærdæ bajradžimæ bazzadi æmæ ta zahtoj fændy lægtæ:

Xajyr dyn uæd acy nuazæn, færnæj fæbad dæ bajragyl, uj bærc qaru kæmæ razyndi.

Arfæ rakodta ældar æmæ ta syzhærin tyn bafsnajdta jæximæ.

Ærtყiggag bon ta dzyllæ kuy'rbambyrdysty, fændy lægtæ ta dzyllæjy raz kuy fæzyndysty, uæd bambarynkodtoj dzyllæjæn sæ uynaffæ.

— Æmæ ardæm či'rbambyrd, uydonæj kuy razyna axæm læg, jæ usyl či næ fædyzærdyg ua, aftæ či bauænda zæhyn: „æz æuuændyn mæ binojnagyl“, æmæ uj æcæg kuy næ razyna, uæd zæhædžy kuyd ærcäuynzoy, fosæj jæm cy is, uydon xædzary xicauæn kuyd bazzajuoj. Namæ syhdæg razynd zæhædžy binojnag, uæd mælætmæ dædty xædzary xicau jæxi, stæj jæ sarhy bæx dær ma uj.

— Kæmæ razyndzæni uycy nyfs jæ binojnagæj? Uj bærc yl či'uuændy?

Æmæ ta zahta ældar:

— Æz æuuændyn mæ binojnagyl, syhdæg u alcæmæj dær, nicæmæj jæm fexsajdzæn zærdæ.

Æmæ xælæggænag ældar bacinkodta æmæ zahta jæxi ny-mær: „nyr bæx mæn bauydzæn, ældaræn jæxicæn dær biræ bærægbon nal is“.

Dyuuæ læbbu-læg ældary sæximæ rajstoj quydtag. Uydon zahtoj: „kæd æmæ næ khuxy næ bafta ældary us, uæd mæx dær ne'væræm næ særtæ næ xædzary xicauimæ“.

Cyppar xordzeny cæsty syzhærinæj bajdzagkodtoj, bæxtyl sbadtystymæ arast kodtoj. Cæuync æmæ dzurync:

— Bæræg uydæni nyr, ældar dune'ppæt xærzædžyty raz aftæ kæmæj rappælydi, uuj kæddæra aftæ syhdæg razynid. Biræ fedtam max axæm syhdædžytæ!

Ældary xædzarmæ baxæddzæsty, uazægdony duarmæ'ryncadysty. Kæsæg sæm næj. Ualynmæ sæm æxsin jæ kusæg usy daræsty racydi.

(Æxsin, jæ moj balcy kuy cyd, uæd jæ kusæg usyl skoda jæxi daræstæ, syværda jæ jæxi bynaty, jæxædæg ta kodta kusæg usy quydtægtæ).

— Uazdžytæ, ærxizut.

— Ældar am næj, uuj zonæm, fælæ fysym aguræm uæd-dær acy ran—zahta uazdžytæj iu.

— Xædzar am is, ældary us dær bynaty is. Acy færnyg xædzar smax xuyzæn uazdžytæn fysym cæuylnæ fæuydzæn. Nyrtæggæ fequsynkændzynæn ældary usæn.

Bacydi æxsin jæ kusæg usmæ æmæ jyn bauynaffækodta, uazdžytæm kuyd racæua æmæ syn fysym kuyd fæua.

Kusæg us æxsinjy daræsty racyd, uazdžyty'rxizynkodta, sæ bæxtæ syn radtynkodta æxsinmæ, kuyd sæ bafsnaja aftæ, jæ-xædæg uazægdonmæ baxuydta dyuuæ'ldary.

Xorj cæj æfsonæj næ fedtaiggoj uazdžyty. Æxsæværy fæstæ uazdžytæ basidysty kusæg usmæ'mæ jyn dzurync:

— Xuyssyn afon dard u nyrma, aftæ kuy bakænis æmæ 'ldary usæj kuy rakuris, cæmæj ual næ jæ uatmæ bauadza æmæ næxi airxæfsæm æfsiny raz xuyssyn ahommæ.

— Smax cy fænda, uuj sæxxæstkænyn xæs u mænæn, æmæ barast æxsinmæ.

— Næ uazdžyty bafændydi dæ razy abadyn, acy saxat dæm sæ'rbakændzynæn æmæ iu anyxæstækæn. Uuj adyl uazdžyty baxuydta jæ kusæg usmæ.

Xuyssyn afon kuy ssi, uæd uazdžytæ racydysty uazægdonmæ; sæ xuyssæntæ uydysty cædtæ.

— Usaj,—dzury læbbu'ldærttæj iu,—xorj zærdæjy xicau kæj. dæ, uuj hambærstam æmæ næ fændy dæ dzæbæxždinad, zærdiagæj zæhyn, bauuænd nyl. Dard balc uydi næ balc æmæ bafælmæcydystæm. Lu quydtag nyn kuy bakænis, uæd næ fællad ssæuid, stæj dyn dæuæn dær ænæ pajda næ fæuid.

— Ne'mbaryn,—zahta'xsin.

— Cyppar xordzeny cästy næm is syzhærin, uydonæn se 'mbis dæuæn radtiggæm, annæ ta de'xsin ældary usæn, æmud næ kuy'rcæuynkænis axsæv æxsinimæ, uæd.

— Uyj ta uyn čerdigon nyxas u, gormojnægtæ. Æz ældar æmæ æxsiny khæbærtæj kuy sqomyl dæn, uydon ruadžy, uydon cærajæ kuy cæry. Æxsinmæ axæm nyxas kuyd bauændon, uæd mæ'mæxsævædžy jæ xædzaræj kuy fæsurdzæn.

— Sydæj nal amældzynæ: uæddær dyn raddzystæm syzhærintæj iu xordzeny cæst.

— Fæuæd, kæj zæhut uyj,—æz æj fequsynkændzynæn æxsinæn.

Baxasta uazdžyty nyxas kusæg usmæ.

— Sæ zærdæ xudty ma bacu, syzhærintæ iuuylædær dæu bauydzysty, æz syzhærin quag næ dæn.

Kusæg us a-rakhuyr-bakhuyr kodta jæxi, stæj srazy.

Uazdžytæ æxsæv bonmæ'ldary uaty kusæg usimæ thæpp —ælxyskhæj fæqažydysty, rajsomy'rdæm alygkodtoj usy dzyggu, sæximæ jæ bafsnajdtoj æmæ cingængæ fæstæmæ azdæxtysty sæ bæxtyl.

Axæstony bakodtoj ældary; bæx xædzary xicau—xælæggænag ældar bafsnajdta jæximæ.

Ældary us kuy bazydta, uazdžytæ kusæg usy dzyggu kæj alygkodtoj, kæj jæ axastoj, uæd fætarst æmæ zahta jæxi ny-mæry:

— Dzæhæl xuymætædžy n'axastoj mæ kusæg usy dzyggu dyuuæ uazædžy; mæ særy xicau ægær fæstiat kæny, macy fydylyz yl sæmbælæd.

Uyj adyl jæ mojy fydy daræsty'rbaiftong kodta jæxi: ursgom cuqa, bærcahudtæ fæstærdygæj dælæmæ'ræbultæ sty dælærmity, særy xil styr xudæj æræmbarsta, fætæn qama'rasta jæ farsyl, styr særdžyn dambaca nyssahta jæ færsony. Xicau *) bæxyl sbadt æmæ arasti jæ mojy fædyl.

Qæumæ kuy bavvaxs, uæd færsy:

— Dzyrddzæugædær, tyxdžyndær či uydæn a qæubæsty.

Bacamydtoj jyn iu acærgæ'ldary. Ærxysti'ldary uazægdony. Ældar æj ɬafarsta či u, uymæj. Uyj jyn bacamydta jæ mojy fydy, oma uyj fært dæn.

Zærond ældar bacinkodta:

— Aj mæ xælary fært kuy razynndæ, xuycauæj buznyg, ægajtma jyn axæm fært bazzadi, jæ farn mærdtæm næ bac-ydi. Xuycau dæ raxasta dæ fydy'rdxordy xædzarmæ; dæxi xædzary xuyzæn kæs mæ xædzarmæ dær abonæj fæstæmæ.

Ældar æj fæfarsta xabærttæj, stæj uazægæn æræftydta sæ qæubæsty xabærtty koj.

*) Xicau—čyndzytæ sæ lægty fydy xuydtoj xicau.

— Rajdianæj dær nikuy ma uydi axæm æmbisond: fondssædz baræbžy afældæxta iu læbbu'ldar jæ bajragyl, duhy razæj ærcydi. Ændær koj nal uydi næ bæsty, uj køjæ ættæmæ. Fælæ ærædžiau jæ quydtag xorz nal acyd.

Dzyllejy'vzærst adæmæn dzyrd acajdah sylty særappon:

„Dyzærdyg či næ fæuydzæn jæ sylgojmagyl dzyrdtoj uydon, — syhdæg kæmæn razyndzæn jæ sylgojmag? Ældar færædydi 'mæ zahta: „æz“. Nyr·bazdæxtysty fændy adæm, dyuuæ'ældary arvystoj, či fesguyxt, ucy'ldary xædzarmæ æmæ us syhdæg næ razyndi: iu uatmæ'rcydi'ldary us uazdžytimæ, stæj jyn jæ dzyggu dær ma lygæj ærxastoj. Rast ma kodta læbbu jæxi, fælæ jyn nicy ual adavta, axæstony jæ bakodtoj æmæ jæ sombon sixoryl ærcauyndzdsty, jæ sguyst bæx ta duh arazæg ældaræn bazzajdzæn. Tærihæd yn kænync adæm. Ævhuag u mælynæn axæm guyrd.

Uæd uazæg dzury:

— Mæ fydy'rdxord, tyng dzuryn bajdydta mæ zærdæ ucy adæjmadžimæ dæ nyxæsty fæstæ. Styr quydtag mæm kæsy uj xuyzæn æxxæst adæjmadžy fenyn.

— Nicy amal ærcæuid jæ fenynæn?

— Æmæ a - bæsty mæ bon cy næ baua, uj ta ma uæd kæj bon bauydzæn? Rajsom næ cy afon fænda, ucy afon æm bacæudzystæm, jæ madystæn,—isči'llæuuæd næ razmæ!

Rajsomæj rarastysty axæstonmæ; adæm uyngty tynnyvændægau kænync—dyuuærdæm, æmbyrdæ kænync auyndzæny razmæ. Bacydysty axæsty razmæ. Kærædzijæn salam radtoj, fæbadtysty, fænyxæstæ kodtoj.

— Æppætæj dær xorz,—zahta uazæg, fælæ dyl uj bærc færædijyn ne'mbældi, bæxyl æmæ sylgojmagyl æuuænk næj, kuyd nikuy fequystaj, kæd sæ dæxædæg næ bafælværdtaj uæddær.

— Tabu xistæry farnæn, fælæ syhdæg u mænæn mæ sylgojmag,—zahta læbbu.

Uæd racæuync fysym æmæ uazæg axæstæj. Lu čysyl kuy rauadysty, uæd uazæg dzury fysymæ:

— Cydær zæhyn ma mæ bajroxi, fælæu mæm duarmæ, æz dær dæm zyndzynæn.

Bacydi axæstmæ. Canæbærædžy ruxs uydaid axæsty zærdæ.

Uazæg æm dzury:

— Sixoryl dæ auyndzync, xicæn kænys ægæstæj; radžy ma u, dæu xuyzæn adæjmag mærdtæm—uj bærc qaru, uj bærc æxsar kæmæ razynd. Tærihæd dyn kænyn, stæj dyn baxxuys-kænyn dær mæ bon bauid, iu quydtag myn kuy bakænis uæd.

— Mænæn ma mæ bon quydtægtæ kænyn kuy uaid, uæd acy ran axæstæj næ badin. Fælæ uæddær cavær quydtag u?

— Læg usæj cy'hdau fæcagury, uycy'hdau myn dy dæzi buaræj bakæn.

— Gærstæ mæm nal is, ændæra uazæg dæ, uymæ dyn nal fækastain, fælæ dyn dæ bærzæj atæxynkodtain.

— Makæ, ma rædi: iu sajæn dyn sajæn fæuæd, færædydtæ, æmæ rædyd dær rædydy xuyzæn kuy uaid, fælæ aqazzag rædyd. Kæj dyn zæhyn, uuj bakæn æmæ særægasæj xædzar ssaraj.

— Tahd dæxi ardygæj ajs,— uuj dyn ma nyxas.

Uazæg racyd axæstonæj, baiu ta jæ fysymimæ æmæ racu bacu kænync uyndžy.

Ualynmæ axæsty auyndzænmæ fæxonync.

Uazæg ta jæm balasta jæxi æmæ ta dzy agury. Axæst jæxi scæhdy æmæ jæ cydy koj kæny auyndzænmæ.

Skodtoj jæ auyndzænmæ, auyndzæg cædtæ kæny bændæn, bandon, gollag.

Uæd uazæg dzury jæ fysymmæ, cæmæj jyn rakura dzyrdy bar adæmæj. Radtoj jyn dzyrdy bar.

— Mænæ xorz adæm, xatyr uæ kuryn æmæ myn radtut dzyrd, iu dyuuæ nyxasy ma cæmæj bafærazon auyndzænmæ kæj skodtoj uymæn, æmhuydæj iu čysyl fæfæstiatdær ut, iu chustug.

— Uazædžy xatyræj ma jyn dædtæm iu saxat-cærænbon, —dzur, cy dæ fændy, uuj.

Uazæg sxyst auyndzænmæ, ællæuuuydi'ldary farsmæ'mæ ta jyn zahta, jæmæ auyhd kuyd ærcæua, aftæ.

— Mælætæj dæ fervæzyn kændzynæn.

Akænut æj ardygæj tahd, uuj nyxæstæm qusynæj mæ mælæt xuyzdær u fæstiat maual kænut: auyndzgæ!

Særyl gollag akodtoj, bændæn qury, bandon yn aværdtoj jæ khæxty byn. Auyndzæg æj fækæny bandonmæ.

Uæd uazæg qæræj dzury:

— Aj ærcauyndzyn nikæj bon u! zylyn æj kænut. jæ sylgojmag, dam, syhdæg næ razyndi, jæ dzyggu jyn ærxastoj. Bahæcut, æmæ uæ či zony bælvyrdaej æcægændær ældary usy dzyggu u, uuj? Æmæ kæd ændær isgæj dzyggu nyllygkodtoj ældary usy'fson, uæd ta?...

— Rapparut æj uyrdygæj,—zahta duh uadzæg, sau zærdæ 'ldar,—bærægæj dær ma bærægdær u, jæ us xætag kæj u, uuj.

— Æz dær ældary fyr dæn, mæ fyd dæuæj uæzdandær uydi, æmæ calynmæ sbælvyrda, ældary usy dzyggu uydi ævi ændær isgæj, ualynmæ ænæ mæ ud amælgæ næ bauadzdzy-næn auyndzyn acy sguyxt adæjmædžy.

Adæm feguypæg sty, stæj dzurync: tærihæd isæm næxi-mæ, ræstæj uuj xuyzæn æxxæst adæjmædžy kuy'rcauyndzæm, næ fæstagætta sær dær dzy basudzdæn uuj tærihædæj. Arvitut yn jæ binognagmæ, am kuyd sæmbæla, aftæ.

— Darddær mæ nicy ual qæuy,—zahta uazæg,—arfæ uyn kænyn; fælæ uj zonut, æmæ æz dæn acy'lidaræn jæ binognag, acy daræstæ ta sty mæ xicauy dáræstæ.

Æmæ uycy nyxæsty fæstæ xud felvæsta jæ særæj, cuqa ralasta, æmæ dzyllæ fedtoj ældary usy æd dzyggu; ræsuhdæj ta axæm ræsuhd, æmæ dzy mæjtæ'mæ xurtæ qazydysty (sæxi uydtoj).

— Ædæmy qær nyccarydta bæstæ.

— Ældary særæj gollag sisut æmæ jæ fydblyz či aræsta, uydon særyl ærkænut. Tahddær auyndzænmæ ssæuænt zylyntæ.

Sau-zærdæ'lidar, kusæg usy dzyggu či nyllygkodta, uydon ærcauyhtoj.

Ældar æmæ jæ us sbadtysty sæ bæxtyl æmæ rafardægysty sæ xædzarmæ særægasæj.

Uydon ærcydmæ cærut amondimæ.

Fequyston æj Ærydony Dzuggojty Cæppoja nojabry 4-m bon--22 az.

Saudžyn æmæ Mollo

lu mih bon, arv xæddzæ kuyd uysi, quyndžyn ærfygæj kuyd kast, aftæ Uastyrdži jæ khuulyx bæxyl ærcæjcydi fændagyl. Sau-džynyl ambæld, salam yn radta æmæ jæ færsy:

— Saudžyn, din amonys, axuyrgond læg dæ æmæ ma myn zæh: uardzæn ævi næ?

Saudžyn arvy'uuæltæm skasti æmæ dzuapp radta:

— Uardzæn.

— Xuycauy xatyr bakæn, cy Čyristijæn kuvys, uj xatyræj dæ færsyn æmæ myn rast zæh: khævda uydzæn ævi næ uydzæn?

Saudžyn ta arvy kærættyl jæ cæst raxasta'mæ ta dzury:

— Næj jyn ænæ uargæ!

— Kæd mæng zæhys, uæd næl xæræg fest.—Uj adyl saudžyn næl xæræg festad æmæ ærtæ uasty nykkodta.

Uastyrdži jyl raqærkodta jæ razæj. Cæuy, cæuy, arv zmænty æmæ ta dyn mænæ mollo'rbacæuy.

— Dæ fændag rast, mollo!

— Dæ quyntag rast, bælcldzon.

— Efændy, dæ xorzæx mæ uæd,—zæh ma myn: uardzæn ævi næ?

Mollo uycy iu ælvæsæj dzury:

— Uardzæn.

— Dæ din, dæ imany xatyr,—rast myn zæh:

— Khævda kændzæn ævi næ?

— Ænæ'ruargæ jyn xos næj,—zahta ta mollo.

— Kæd rast næ zahtaj, uæd syl xæræg fest. — Mollo syl xæræg festad.

Syl xæræg æmæ næl xæræg jæ razæj fætæry Uastyrdzi.

Cæuy'mæ kæsy—xoxæj iu læg racæuy, jæ dælarm cyppar aftid khæssajy.

— Dæ fændag rast,—dzury jæm Uastyrdzi.

— Dæ quydtag rast, mæ xury xaj,—dzury jæm xoxag læg.

— Xorž læg, næ myn zæhdzynæ—uaryn uydzæn ævi næ uydzæn?

— Uymæn dyn, mæ xur, mæ bon dzuapp radtyn næ ba- uydzæn: xuycau jæ uynaffætæ mænæn nikuy bazonykodta.

— Xuycauy xatyr bakæn æmæ myn zæh: ærkævda kændzæn ævi næ?

— Xuycauæn mæ ud nyvond fæuæd, fælæ dyn zæhyn: xuycauy uynaffætæj mæmmæ nicy is, nicy syn æmbaryn. Ærmæst dyn zæhdzynæn: væjjy aftæ mæ xurbon kæd æruary, aftæ dær ærcæuy'mæ khævda bon xur kæd rakæsy. Xuycauæn zyn næj. Kænæ uardzæn, kænæ næ uardzæn.

— Æmæ uæd dæ fændag ta kædæm darys?

— Bydymæ, kæd isguy xor mæ khuxy baftid,—stong bajjæftoj mæ binontæ.

— Dæ dælarm ta uæd cy xæssys?

— Khæssatæ.

— Æmæ fistægæj cy'rbaxæsdzynæ?

— Kæd isguy ssaron æxxuyrst bæxtæ, xærdzytæ, uæd fistæg næ uydzynæn; namæ mæxædæg cy'rbafærazon lægvarhæj, ujy ærbaxæsdzynæn, ud fælæuuæn.

— Ærbajqus ma mæm: dard balcy cæuyn æmæ myn acy xærdzytæ sty tyxsty xos. Bazdæx æmæ sæ dæ xædzarmæ akæn, fækus syl iu afædz dæxædæg dær, stæj ma sæ dæxi'ttjæ dædt dæ syxægtæn dær. Stæj sæ afædzy bonmæ acy ran sæmbælynkæn.

Ujy fæstæ mæguyr lægæn jæ dyuuæ khæssajy nykkaldta mænæuy næmguytæ æmæ dyuuæ khæssajy sæ tæggæ dzægtæ festadysty mænæuæj. Qædy'rduzæj xadzondzytæ rakodta, uærh-xæssæntæ dzy acamadta, xærdzytyl sæ aværdta'mæ xoxag læg dyuuæ khæssajy xærdzytyl uærhæværd akodta. Arfæ rakodta jæ xærzgænægæn æmæ sæ ujy adyl alci dær arast jæ fændagyl.

Zargæ, zargæ bafardæg xoxag læg jæ xædzarmæ. Nal auærsta kusynæj,—bon dær nal badt, æxsæv dær nal xuyssydi. Zamanajy nard, æguyst xærdzytæn bafælmæcyn næ uydi. Afædzmæ syl xærædžy fædyl zhoryn bajdypta ræsuhd nog zad xæradžy khælæu, darh-qusdžyn.

Afædz aivhuydta, aftæ mæguyr læg æmhuydy bonmæ xærdztytæ æd-khælæu, næl khælæu, raskhærdta bæræg bynatmæ.

— Ægas cu!

- XorzMæ cær.
— Uæd ma syn uuj ta sæ fædyl ciu?
— Uuj ta uælæmæxsæn. Syl xæræg nyzzadi.
— Uædæ ma aftæ bakæn æmæ ma syl iu afædz dæ kuystytæ fækæn, mæn uydonmæ næma'vdæly.

Xæxxon dziglo ta dyggag az dær fækuysta, stæj ta jyn syl xærædžy fædyl dyggag khælæu azhordta, syl khælæu.

Æmhuydy bon ta sæ bæræg bynaty balæuuynkodta. Uastyrdži uucy ran læuuy'mæ dzury xoxag dziglomæ:

— Dyuuæ uælæmæxsæny dyn xatyr uænt; cæugæ dæ xædzar:næ, baqomyl sæ kæn æmæ syl kus.

Uuj fæstæ xærdžytæ jæ fyddzag rajsta'mæ fændag pyxsmæ kæm baxæddzæ, uym næl xærædžy fæstæmæ saudžyn festynkodta.

— Uastyrdži kæj dæ, uuj bazydton, fælæ dyn æj xuycau ma nypparæd, ægær myl abyrydi xæxxon dziglo.

lu čysyl darddær kuy fæci, uæd ta syl xærædžy festynkodta fæstæmæ cy uydi, uuj.

Æmæ jyn mollo zahta:

— Syrx cæst Uastyrdži kæj dæ, uuj bazydton, fælæ dyn xuycaumæ xorzMæ ma fækæsæd: ægær myl bakuysta xæxxon dziglo.

Uastyrdži uuj adyl fæauuon.

Salamty llas Ubæjy fyr Nasqidaty Bicajy mardy bon 6-m nojabry 22-az rakodta

Xurskæ æn æmæ Xurnyguylæn ældary arhau.

Æmæ xurnyguylæn ældaræn nyzzadi jæ jæfs. Nog zad bajrag razyniæ afsurh. Æfsurhy koj sabrygaj, sabrygaj ajquysti fyddzag xæstæg qæutyl; stæj atauzi bajradžy koj dardyl dær. Cingænæg uydysty æfsurhyl xurnyguylæn ældar jæxædæg dær æmæ jæ adæm dær. Æmæ cin dær kuyd næ kodtaiggoj: nyfs sæ bacydi—nog zad æfsurhæj aivdzysty sæ bæxty myggag, æfsurh saræx uydzæn sæ bæsty.

Ældar æmæ dzyllæjy cin biræ n'axasta. Nog zad æfsurhy koj bajquysti xurskæsæn ældarmæ. Ældar æncad nal kodta,—ragæj bællydi uuj dær æfsurhæmæ, fælæ jyl næ xæst kodta. Uæd minæværttæ arvysta xurnyguylæn ældarmæ. Minæværttæ jæm bacydysty æmæ jyn zahtoj:

— Xurskæsæn ældar næ rarvysta dæumæ.

— Cæmæn? Bafarsta minæværtty'ldar.

— Xurskæsæny xizgæjæ ne'ldary ujrs nyuuasydi, xurskæsæn ujrsy uasyn dæ jæfsy qustyl ærcydi. Jæfs uuj adyl fæzajynagi æmæ dyn æfsurh nyzzadi. Nyr dæm ne'ldar ærvity,—

æfsurh æmbæly uuyl—jæ uyræj kæm racyd, uymæ gæsgæ. Æmæ dæ kury, dzæbæxæj jyn æj æhdaúyl, ænæ qauhajæ, ænæ zahdæj kuyd barvitaj aftæ. Namæ dæm æfsad ærba-kændzæn æmæ'fsurh dær akændzæn, stæj dæ uuyl dær quæmæ nal nyuuadza, jæ dzyrdy særty kæj axystæ, uj tyxxæj.

Ældar zahta minæværttæn:

— Tabuafsi uyn kænyn æmæ myn ældaræj rakurut, cæmæj myn æmhuyd skæna bajrag balasynmæ iu khord mæjy.

— Fequsynkændzystæm ældaræn, baxatdzystæm, cæmæj dyn fælæuuu'mhuydmæ, dæxicæj bærægmæ. Æmæ minæværttæ xærzbon zahtoj xurnyguylæn ældaræn æmæ ázdæxtsty sæ bæstæm.

Xurnyguylæny'ldar ærsidti jæ adæmmæ, cy særæn sæm ærsidti, uj syn radzyrdta.

Fætaerxonkodtoj ældar æmæ dzyllæ. Ravzærstoj, ældar syn tyx kæj kæny, sæ bajrag syn bajsyn kæj sfændkodta.

— Nicy gænæn is,—zahtoj fændy lægtæ æmæ'ldar: kæj næ'fxæry, uj æmbatæm, fælæ amal næj; xæcyn næ bon næ bauydzæn,—fætyxdžyndær uydzæn, fyldær æfsædtæ is uymæ. Fælæ sævzaræm lægtæ'mæ sæ arvitæm, kæd nyn xurskæsæn ældar baxatyr kænid.

Niči kuymitta'ldarmæ minævary, biræ færakæ-bakæ kodtoj. Fæstagmæ'rtæ lædžy tyx æmæ æxsærttæj, ænæbary srazy kodtoj.

Minæværttæ bacædtæ kodtoj sæxi balcmæ, sbadtsty sæ bæxtyl æmæ araststy xurskæsæn ældarmæ küræg. Cyma sæ zyndonmæ'rvystæuyd, uj au ujdi sæ zærdæ, uymæn æmæ xurskæsæn ældar kuyd karz adæjmag ujdi, uj syn ænæ zynd næ ujdi.

Cæuync, cæuync æmæ iu qæumæ baxæddzæsty. Ujcy ran ærtæ uyndžy astæu kæsync, æmæ iu læbbu khæcæltæ, byrættæ rambyrdkæny æmæ sæ art skæny, stæj qærkæny alyrdæm:

— Art! art! art! Ardæm, ardæm, tavgæut uæxi!

Fædiskodtoj minæværttæ, ænaxuyr quydtag sæm fæzyndi læbbuuy quydtag.

Kuy jæm baxæddzæsty, uæd fæuyrædtoj sæ bæxtæ'mæ jæ færsy sæ iu:

— Cy mi kænys aj ærtæ uyndžy astæu? qæubæstæ kuy sudzys.

— Qæubæstæn ma tærsut,—zahta læbbu'mæ ta nodžydær nyzzælangkodta: „art! art! tavgæut uæxi“!

— Æmæ aj æppæt sudzgæ kuy kæny xury tævdæj, uæd ma d'arty sær ta kæj qæuy?

— Art! art!—qær kæny læbbu'mæ ta byrættæ rambyrdkæny 'mæ ta sæ bakaly artmæ.

— Cavær dissag ua aj? dzurync sæ kærædzimæ minæ-værttæ, sæ bæxtyl badgæjæ. Jæ zond jæximæ kæmæn næj, axæm ma razynæd, uæd qæuyl ændzary.

Æmæ ta jæ færsync:

— Fyd dyn is?

— Is.

— Æmæ kæm is?

— Abon sæudaræj zahd agurynmæ acydi.

— Dæ mad ta?

— Mæ mad æfstau mærddzygoj.

— Kæd dyn æfsymær mijag is?

— Lu æfsymær myn is æmæ dælæ uym næ xædzary fæskhul gæmæx bydyry cuan kæny.

Kærædzimæ bakastysty bardžytæ nicy bambærstoj læb-buuy dzyrdtæj æmæ arastysty sæ fændagyl.

Læbbu ta bajdyta qærkæny:

— Art! art! art!

Minæværttæ çanæbærædžy auadaiggoj, aftæ dzuryn baj-dytoj:

— Læbbu art cæmæn kodta, uuj næ bambærstam.

— Uuj nicy u, fælæ art! art! cæmæn qærkodta, uuj u dis-sagæn dzurinag.

— Lædæ mæmmæ gæsgæjæ, jæ dzuappytæj jyn max iu dær næ bambærstam:

Fyd zahd agur, mad æfstau mærddzygoj, æfsymær ta gæmæx bydyry cuan kæny. Comut fæstæmæ'mæ sbærægkæ-næm, cy nyxæstæ jyn sty uydon.

Fezdæxtysty fæstæmæ'mæ jæ færsync:

— Dæ fyd zahd aguræg cy'hdauæj acydi?

— Avd fændadžy astæu nyn is iu næuuuy gæppæl æmæ bon næma fæchæx, aftæ jæm fældaxynmæ acydi. Baxatyr kæ-nut, fælæ avd fændadžy astæu cy xuym bakænaj, uuj cæudžytæ'næ qygdard kæm nyuuadzdzysty? Avd fændagyl cal cæ-uædžy uá, ual xatty jæ xylkænyn qæudzæn uymæn æmæ jyn zian kændzysty jæ fælloj.

Kærædzimæ bakastysty minæværttæ.

— Æmæ uæd æfstau mærddzygoj ta cy xony?

— Lu læbbu amardi'mæ mæ mad uyrdæm fæcydi, rajsom æz kuy amælon, uæd ta mæ madmæ'rcæudzysty qygtæ kæ-nymæ. Uuj æfstau u, uædæ jæ cy sxondzystut?

— Gæmæx bydyry cuan kæny de'fsymær, uuj ta uæd kuyd æmbaryn qæuy?

— Dælæ næ xædzary fæskhul jæ xædon ralasta'mæ dzy zmældžyta agury.

Minæværttæ'rxystysty sæ bæxtæj æmæ jyn radzyrdtoj, kædæm cæuync, cæj fædyl cæuync, nýfs sæ kæj næ is xurskæsæn ældaræj dær, stæj sæxicæj dær: kuy nicy saræxsoj, stæj syn isty fydblyz dær ma kuy skæna, uymæj dær ædas ne'sty-styr fydblyzy adæjmag u ældar.

— Læbbu, či zony mæ dy isty bakænis?

Quydtag sarazynmæ mæ nýfs xæssyn, — mæn æm sminævarkænut.

— XorzM uædæ, com fæstæmæ xurnyguylæn ældarmæ'mæ jyn quydtag bambarynkænæm, dæu kuyd arvita max bæsty, aftæ.

lu dzævgar acardi læbbu xurnyguylæn ældarmæ. Ældar ærkast læbbujy'uuæltæm, quag æj nicæmæj uahta, buc æj dardta, xorzM uazædžy kuyd daraj, aftæ.

Uæd iu axæmy læbbu rairtæsta, cyma'ldar styr sahæsy bacydi uuj-au æmæ jæ færsy:

— Baxatyrkæn, ældar, fælæ mæm aftæ zyny, —cyma cæuyl-dær ærænkharddæ.

— Rast u, zahta'ldar: xurskæsæny'ldaræn æmhuyd skodton, cæmæj mæ uædmæ bauahtaid mæxi bar nog zad æfsurhy tyxxæj; nyr æmhuyd ivhuyjy, æz ta nicy xuyzdær ærquydykodton bajrag bazzajynæn. Tærsyn, kuy mæm nybbyrsa uymæj: uæd bajrag dær ældary, stæj ma myn ænæuyj dær cy qom bauydzæn, uymæn dær bæræg næj. Katajyl sdæn.

— Uuj tyxxæj dær mæty bacyddæ! Quydtæg mæ bar kænyn. Mænæn uuj bærc bantysdzæn æmæ bajrag dær dæxi bauydzæn, xurskæsæn ældar dær dyn dæ zæxxý kærætty dær nal auajdzæn. Ærmæst æm mæn sminævarkæn.

Ændær xorzM nicy rakurin xuycauæj: mæ is, mæ bisæn dyn jæ'mbis radtin, —zahta'ldær.

— Uædæ cæuyn æz xurskæsæn ældarmæ minævar. Fælæ dæuæj dær cy kuron, uuj myn saraz mæ balcæn.

— Cydæriddær zæhaj, —cædtæ dyn uydysty kædmæ zæhaj, uædmæ, —zahta'ldar.

— XorzM uædæ. lu styr teua'mæ iu styr bohotæ kæmæn ua, axæm cæu myn ssar, nodžy myn fondzssædz barædžy baf-tau memæ, — uydyn dyn mæ balcæn či qæuy uydyn.

Arastkodta læbbu xurskæsæn ældarmæ. Fondzssædz barædžy jæ fædyl, teua'mæ začhedžyn cæu. Cæuync, cæuync; či zony cæj bærc fæcydaiggoj. Fæstagmæ xurskæsæn ældary qæumæ bavvaxs væjjync.

Læbbu bardžyty'rurædta'mæ syn dzury;

— Qæugæron dyuuæ dixy fæuydzystæm. Ne'mbis tærgæ bæxtyl qæu-uyngty æruajdzysty; qæuy kuyjtæ sæ fædyl fæuydzysty cy sty uymæj; uæd smaxæn uæ annæ'mbis kuyjtæ ajszystut fæstjæ; kuyjtæ u'astæuæj kuyd fæuoj, aftæ. Kæsut,

ævædza kuyjtæ u'astæuæj festy, aftæ syl ralæuut, iu dær dzy udægasæj kuyd nal airvæza, aftæ. Uyj fæstæ'rxizdzystæm ældary uazægdony. Kæj zæhyn æj qæuy, dzyllæ uæm smæsty uydzsty,uzuapp uæ agurdzysty, fælæ uæ maçi macy srædia. Cas-dæriddær uæm næ dzuroj, maçi uæ srædiæd.

Kuyd sfændkodtoj, aftæ kængæ dær bakodtoj. Qæuy uyng thybar-thybur, kuyjty ræjyn festadi'vast. Qæuy kuyjtæ ævast bardžyty astæu festy; bardžytæ syn xærz cahd nykkodtoj, sæxuydtæg nicy rakænony xuyz rajstoj æmæ xurskæsæn ældary uazægdony 'rxystysty.

Dzyllæ fæfædis sty; uazægdony raz rambyrdysty'mæ bæstæ 'ppæt sdzolho-molho. Qæu bæstæj či aftæ:—Maryn sæ qæuy, næ kuyjty mast sæ rajsæm", či ta aftæ: „ældary'vastæj sæm kuy bavnalæm, uæd, jæ axast yn zonut—kuy smæsty ua. Bauyr-næd uæ, næ kuyjtæ kuyjtæ kuyd næ úydysty, fælæ næ uydon mast dær'nal bandavdzæn: næ qæuy'mbis nyn cæhdgæ dær nykkændzæn, art dær yl bandzardzæn. Zonut, zian skænæg uyj uazæg bakodtoj sæxi". Uædæ kuyd? Uædæmæ sisæm lægtæ n'astæuæj æmæ sæ barvitæm ældarmæ. Uydon yn quydtag bambarynkændzysty'mæ uæd sbæræg uydzæn, cy kænyn qæua, uyj.

Minæværttæ bacydysty'ldarmæ, quydtag yn fequsynkodtoj. Ældar syn zahta:

— Acæut æmæ sæ bafærsut,—cæmæn fæcahtoj qæubæsty kuyjtæ? Cy syn rakodtoj?

Uazægdonmæ bacydysty'mæ færsync. Uazdžytæj niči nicy dzury. Minæværttæ kærædzimæ bakæsync. Uæd læbbu nyxaskænyn bajdyta, axæcyd æmæ axæcyd, axæm kojtæ syn rakoda'mæ quydtagmæ'vvaxs dær næ bacydysty.

Minæværttæuzuapp ænqælmæ fækastysty, stæj. bazdæxsty'ldarmæ'mæ jyn radzyrdtoj:

— Uazdžytæ sty iu læbbu'mæ fondzssædz lædžy. Farstam sæ'mæ fondzssædz lægæj iu nyxas dær niči skodta, cavd durty læud kodtoj. Fælæ læbbu, sthældy fæua, zæxxæj uælæmæ tyx-xæj zyny,—dzuryntæ bajdyta i,—cu, cu! kæuylty n'axæcydi.

Dzuappmæ fenqælmæ kastystæm, fælæ nikuy'mæ nicy.

— Cæugæut æmæ syn zæhut:uzuapp uyn styr quyræmæ čysyl sær kæmæn ua, axæm læg kuyd radta, aftæ.

Uymæ syn læbbu teua ærbalasynkodta'mæ syn zahta:

— Aj xuyzæn styr guyr kæmæn razyna, stæj aj sære aræstæn čysyl sær ne ssardzystut iu lægæn dær ægas dune-jyl dær. Fælæ uyn jæ guyrmæ gæsgæuzuapp dær radta, uyj u guyrysxojag.

Ældar jæ sær akhaxta, læbbujyuzuapp yn kuy fequsynkodtoj, uæd.

— Zæhut syn, cæmæj uynuzuapp radta začhedžyn læg.

Æmæ uæd læbbu'rbaxonynkodta minæværtty razmæ cæuy.

— Bauyrnæd uæ, mænæ acy cæuy začhetæj stylær æmæ aivdær začhetæ biræ ne ssardzystut, iu afædz kuy fæcagurat, uæddær. Fælæ'nqæl dæn æmæ jæ 'dzuappyl uj bærc næ bandomdzystut.

Baxastojoj ta'rvyst lægtæ læbbuyj dzyrdæ xurskæsæn ældarmæ. Nytyldta'ldar jæ sær æmæ zahta: „xuymætædžy uazædžy axæsty næ fædæn. Con sæm mæxædæg“.

Ægascuaj zahta uazdžytæn ældar, ærbadt, kæm yl æmbæld, uycy ran, stæj færsy:

— Cæmæ gæsgæ nyccahtat qæubæsty kuyjtæ?

Fondzssædzæj'ncad læuuync, læbbu dzyrd ajsta jæximæ:

— Æmæ uædæ kuyd bakodtaiggam, dæ xorzæxæj, ældar? Kæsys næm, aj bærcæj cuany racydystæm, iu ran iu qædmæ bavvaxsystæm, xurnyguylæny'rdygæj. Kæsæm æmæ qædgæron xur jæxi ærcæjuhta, aftæ fondzssædz sadžy astæumæ kærdægyl xizync, sagtæ, særðzyn sagtæ se'ppæt dær. Næxi bædtæ kodtam, fæjnæ sagmæ baqavydystæm æmæ sæ nyr rafældæxtam, zæhgæ, aftæ uæ qæuy kuyjtæ sræjdtoj; sagtæ fætarsty'smæ sæ næ cæst dær nal auydta. Cy bakodtais, ældar, dy max bæsty? Cæhdyn syl ne'mbældi, max utæppæt sagtæj ænæxaj či fækodta?

Ældar iu chustug aquydy kodta, stæj zahta:

— Fæuæd aftæ dær; fondzssædz sadžy ssardtat qædgæron, dard kæmdær, xurnyguylæny, fælæ ma uæ bafærson—kuyjtæ ræjyn ta uj bærc dard ranmæ kuyd bajquystaid, bæxdžyn æm khuyri kuy næ fæxæddzæuydzæn, uæd?

— Ældar, uj fædyl dyn æz iu čysyl æmbisond ærxæs-dzynæn, bajqusyn mæm dæxicæn aggag kuy skænaj, uæd,—zahta læbbu.

— Qusyn dæm, bajdaj dzuryn, mæ uazædžy xaj. Dzuapp yn radta'ldar.

— Kæmdær, dard, arvæn jæ iu kæron, xurnyguylæny'rdygæj ævzær bajrar nyzzadi'ldary jæfs. Uycy xabar bajquyst ændær ældarmæ, uj ta cardi arvæn innæ kæron, xurykæsæny'rdygæj. Fæstag ældar ærdau kodta bajragyl, æmæ jyl dau dær cæmæ gæsgæ'rkokta, uj dyn kuy radzurin. Bazdæxt æmæ barvysta bajrag kæj uysi, uycy'ldarmæ: „Mæ ujrs nyuuasydi den-džyzy bylyl, xurskæsæny, xurnyguylæny jæ dæ jæfs fequysta 'mæ dyn bajrag nyzzadi. Bajrag mæ ujrsæj kæm u, uym mænyl æmbælyæ mæ myl æj tahd sæmbælynkæn.

— Nyr dæm, ældar, æz dær bauænddzynæn, kæd fæstag tauyræh bauyrninag u, uæd razzag tauyræh cæmæ gæsgæ næu bauyrninag? Ævi'gas qæubæsty kuyjtæ qær iu ujrsy qæry xuyzæn n'ajquysa?

Ældar xorzau nal fæci.

Stæj ærædžiau zahta:

— lunæg čyzg bucæn fæxaston a-cal-a-ual azy, mæ zærdæmæ či bacydaid, axæm læbbujyl nikuy fæxæst dæn nyry ong. Fælæ'nqæl dæn, dy myn xæstægæn sbæzdbynæ. Mæ iunæg buc čy whole dyn agtag kænyn. Xurnyguylæn ældaræn dær amædtag uæd jæ bajrag.

Læbbu xurskæsæn ældary čy whole raxasta æmæ ældary byntyl æræncad. Xurnyguylæn ældar čyndzæxsæv skodta, adæm dzy qældzægæj ninas fækodtoj.

* * *

P. S. Arhaugængæjæ iu čidær zahta: „Radžy zamany darh guyrdzyn æmæ čysyl særdzyn læg kaddzyn úydi. Radžy iu fidis kodtoj: „Styr særdzyn“.

— Nojabry 9-m bon—22 az. Ærydon. **Gaspo Ræmonty.**

Guyrdziag khærnyx æmæ iron xuysnæg.

lu axæmy guyrdziag uazæguaty'rcydi jæ iron ærdxordmæ. Ragæj nal fedtoj kærædzijy. Sæ cintæn, sæ mondægtæn kæron nal uydi. Kuy'rsabyrysty, uæd iron ærdxord færsy guyrdziag ærdxordy:

— Xury uyndy xuyzæn myn dæ uynd, fælæ kæd isty quydtadžy tyxxæj mijag ærcydtæ.

— Næ rædijs,—zahta guyrdziag ærdxord, nyrong rastæj fæcardtæn, mæxi fællojæ darddær, fysy komæj xal ciu, ujy dær nikuy ralaston. Nyr mæ zærdæ rajsta davyn, uængæl myn festad kusyn. Saxuyr mæ kæn khærnyxkæny: davynæj ændær mæ zærdæ nicy ual zæhy.

Ændær xorz quydtægtæ zyn sty, fælæ—davyn de'gasæj saxuyrkændzystæm.

Cæj bærc racydaid.—či jæ zony,—fælæ iu bon acydysty xætynmæ. Kæsync æmæ qæddzau dyuuæ galy sug ærbalasy, sæ uælæ badgæ'mæ'xsittæj zargæ.

Guyrdziag dzury:

— Uærtæ næ uycy dyuuæ galy kuy uaiggoj.

— Dæ xuyzdærau fæuaj, kæd dzæhæly cy dzurys! Sugty sær bady nærtony sag læg; uycy cydæj cæuync jæ dyuuæ galy; qæddzau uydonmæ kæsyn, uydon tærynaej ndær nicy kusy,— uæd ta ma uydon khuxy baftoj? Xæjræg kuy festaj, uæddær syn nicy amal ærcæudzæn.

— Fend zony,—zahta guyrdziag xuysnæg æmæ fændadžy razæj fæci æmæ jæ iu dzabyr fændagmæ bappærsta, jæxædæg fæsvændægty jæ uady kuyst kæny'mæ ta iu dzævgar rauad,— aftæ dær ta annæ dzabyr fændadžy astæuimæ fexsta.

Qæddzau, hæj-gængæ, uærdony særæj qaqqæny jæ razvændagmæ.

Ualynmæ'rbaxæddzæ razzag dzabyrmæ. Læg dzury jæxi nymæry: „iu dzabyr uærdony særæj axizyny arh dær næu“, — æmæ darddær jæ cydy koj kæny.

Ærbaxæddzæ'vædza dyggag dzabyrmæ,—uæd:—„ho! ho! khobortæ,“ —zæhgæ galtæ æruyrædta, uærdonæj ærxyst, dzabyr felvæsta'mæ innæmæ fæcæuy.

Guyrdziag khærnyx galtæ feuæhd kadta uærdonæj æmæ sæ fæsvændag ambæxsta.

Læg dyuuæ dzabyry sista'mæ uydonimæ ænæ sug, ænæ galtæ sæ xædzarmæ ærfardæg, —galtæ ma kæm ssardtaid.

Dis fækodta iron xuysnæg guyrdziag khærnyxyl æmæ zahta:

— Mæ xælar, d'aræxst kuyd u, uymæ gæsgæ dæ xuysnægyl biræ axuyr næ baqæudzæn.

Badync æmæ ta fælgæsync sæ ryndzæj. Uæd ta dyn dælæ qædgærætty iu læg fændagyl sæh fælas, sinag jæ quyry, aftæmæj, sæhy fæstæ zhory jæ sænykk.

Æmæ ta guyrdziag khærnyx dzury iron xuysnægmæ:

Dælæ myn ucy lædžy sæh æmæ sænykk ænæ radavgæ xos næj.

— Uyj ta kuyd uydzæni? —zahta iron — bændæn — sæhy'fcæg, bændænyl læg xæcy jæ khuxtæj.

— Fendzystæm, —zahta guyrdziag, —æmæ ta f'auuon. Lædžy razæj pyxsyty fæci'mæ 'rbadt ryndzyl æmæ kæsy lægmæ. Biræ næ fæbadt: uajtahd læg æd-sæh ærbaxæddzæ jæ razmæ.

Guyrdziag pyxsy khaliutæ sænykkmæ badardta fæsvædæj. Sænykk uydonmæ kuyd fezdæxt, aftæ. —dæ fydguly bazajrag uyyau, —guyrdziag racaxsta sænykk, kærdædžy guchula jyn jæ dzyxy athysta, cæmæj næ uasa, jæ khæxtæ jyn mæckhoræj ærbasta'mæ jæ pyxsyty bappærsta. Uyj adyl ta fezhory pyxs-pyxs razmæ fandadžy byltyl.

Læg iu dzævgar kuy rauad, uæd bauasyd jæ sænykkmæ. Læg fæstæmæ fækast æmæ —sænykk nal. Lædzæg fændagyl ærsahta, sæh yl abasta, jæxædæg — „cy dældzæx ta fæci“, zæhgæ fezhory fæstæmæ.

Guyrdziag khærnyx ændær cy qaqqædta! —Sæhmæ fælæbur-dta'mæ jæ pyxsy argomau ambæxsta.

Læg sænykk dær nal ssardta, sæhæj dær ænæ xaj fæci.

Abonæn ual nyn æhhæd fæuænt, —zahta guyrdziag.

— D'aræxstæn nicy u, mæ xælar, —zahta iron, —quydtag ænæ khuylympyjæ aftæ kuy cæua, uæd istæmæjty næxi dar-dzystæm, stæj dæ mæn axuyrkænyn dær nal baqæudzæn.

Iron xuysnæg cardi'ldary qæuy, qæuy astæuty cydi don, donyl iu ran xid. Ældar uydi styr qæzdyg. Jæ dyuuæ mæsygæj iuy —

syzhærin kæri, annæjy'vzist. Dyuuæ xælary zydtøj uycy xabar, fælæ syn bælvyrdaej bæræg næ uydi, kæcy mæsydžy is syzhærin kæri.

lu bon kuy uydi, uæd ta guyrdziag dzury ironmæ:

— Mæ xælar, ældary syzhærinæj fæfoskænæm.

— Fæltau dæ kuy næ ssydaid axæm nyxas: syræzæn cy quydtagæn næ ua, uuj koj kænyn dær ne'mbæly lædžy xuyzæn lægæn.

— Æmæ uæd cæuylnæ quamæ syræza quydtag? bafærson dæ.

— Luæj'ldary mæsguytæm marh dær næ batæxdzæn, annæmæj bæræg næu—syzhærinæj kæri kæcy mæsydžy is.

— Uydættæ ual fæuadz, fælæ mæm ænuvydæj ærbajqus.

Com æmæ dony dyuuæ farsy næxi fækænæm; xidyrdæm næxi sarazdzystæm æmæ cæugæ-cæuyn kærædzimæ'rtqiræn kændzystæm, alý fydtæ dzurdzystæm. bycæu kændzystæm. Xidyl kuy baiuuæm, uæd næ kærædzimæ fælæburdzystæm æmæ... næmæs ma—nall! zæhgæ kærædzijy færstæm aqazzag bazildzystæm. Adæm ærbafædis kændzysty irhævynmæ, færsdzysty næ—næ xyly sær cæuyl u, uymæj. Æmæ iu uæd dy zæh: „Mænæ acy guyrdziag xæræg aftæ zæhy'mæ'ldary syzhærin uællag mæsydžy is, æz ta jyn aftæ zæhyn æmæ dællag mæsydžy is,“—aftæmæj rabæræg uydæn syzhærinæj'væræn.

— Utæppæt adæmæj isci ænæ zongæ næ uydæn syzhærinæj'væræn.

Guyrdziag kuyd zahta, aftæ bakodtoj. lu donæn jæ iuyrdygæj, annæ innærdygæj ærtqirængængæ, aftæmæj xidyl baiusty'mæ kærædzijyl ralæuuuydysty. Xidyl cæudžytæ syl ræmbyrdysty'mæ sæ irhævync, uajdzæftæ syn kænync.

— Æmæ kuyynnæ! Xæræg dær æm mæstæj thæpp axaudzæn acy guyrdziag xærægmæ! Æz yn aftæ zæhyn—ældary syzhærin uælæ—mæsydžy is, uuj ta myn aftæ,—næ, dælæ—mæsydžy is.

— Isgæj fos kæm sty, uuj bazonyntyxxæj uyl kærædzijy aftæ bafxæryne'mbældi, xælærttæ; zahtoj syn irhævdžytæ, stæj syn bacamydtoj,—kæcy mæsydžy is æværd ældary syzhærinæj kæri.

Aj-uyj nal fækodtoj, fælæ dyuuæ xælary cy aguyrdtoj, uuj kuy ssardtoj, uæd sæ xædzary cingængæ balæuuuydysty.

Qæugæron uydi tar pyxstyæ, auuon rættæ. Dyuuæ xælary uyrdygæj zæxxyl bynty khaxynyl nyllæuuuydysty. Mæsydžy bynmæ kuy bakhaxtoj, uæd dzy'xsævygon raxastoj cæj bærc færæsta iu læg xæssyn, uuj 'bærc.

Ældar fos uarzag læg, zyd læg,—aly bon dær bærægkodta jæ xæznatæ se'ppæt dær. lu rajsom æm aftæ fækasti—cyma syzhærin kæri fefsærsta. Ærbasidt xistær adæmmæ'mæ sæ'færsy?

— Cymæ syzhærin kæri'fsæra?

— Æfsærdzæn,—zahtoj xistærtæ,—uyj tyxxæj æmæ tyng uæzzau u syzhærin.

Khulybadæg usmæ dær bałvysta færsæg.

Khulybadæg us zahta: „Æfsærgæ næ nykkodta, fælæ'ldary syzhærinæj davgæ ačyndi. Ænæ don sasm auadz mæsydžy'mæ uæd sbæræg uydzæn mæ dzyrdty'cægdzinag.

Ældar aftæ bakodta: ænæ don sasm auahta syzhærin kæri kæm uydi, ucy ran.

Racydysty dyuuæ xælary syzhærin xæssynmæ'ldary mæsygæj. Iron læuuuy bacæuæny'mæ qaqqæny, guyrdziag bacydi midæmæ'mæ'næ don sasmy astæumæ nyssahdi. Rakæ-bakæ ma kæny, fælæ cas fyldær arxajdta, uj bærc fyldær sahdi ænæ don sasmy.

Ærægmæ kuy zyndi guyrdziag mæsygæj, uæd æm jæ xælar bacyd xæstægdær æmæ jæm dzury:

— Cy fædæ? Cæj ærægmæ zynys?

— Mænæ bærgæ dæn, fælæ m'azmælæntæ mæ bar nal sty, ardygæj myn airvæzæn nal is. Fælæ xuycau yatyr, dæ mad, dæ tydy yatyr bakæn æmæ myn mæ sær ralygkæn æmæ jæ isguy bafsnaj.

Amælæt uydzæn, uæddær, uj næ bakændzynæn. Mæ xælar me'rdxordæn æz mæxi khuxtæj jæ sær rakænon? Xuycau zærdæ myl fæxuddzæn, mæ zærdæ dær æj næ bakomdzæn.

— Kæuynæj mæ maual buc kæn, rajsommæ mæ uælæ kuy bazzaja uæd myn, cy bakændzæn ældar, uj næ zony... Xælar myn næ uydzynæ, kæj dyn zæhyn, uj kuy næ bakænaj uæd.

Ænæbary kæugæjæ ralygkodta iron jæ xælary sær, raxasta jæ æmæxsævadžy'mæ jæ bafsnajdta jæ nykkændy.

Rajsomæj ajquysti qæubæstyl.—ældary syzhærin fædavta'næ sær læg.

Uæd khulybadæg us zahta'ldaræn:

— Xuysnægæn uydi sær, fælæ jyn æj račyndi. Ældar, bæzdæx æmæ'næ sær lædžy avd fændadžy kæm baiu væjjync uyrdaem axæssyn kæn, qaqqændžytæ jyn skæn. Æmæ syn bafædzæxs—mardyl qyggænæg, tærihædgænæg jæxi či skæna, uj kuyd ærcaxsoj. Uj dæ zony qæuy'mæ jyn jæ sær či axasta, uj jyn jæ guyr dær næ nyuuadzdzæn, zyndzæn æm.

Mardy skhaxtoj, avd fændadžy kæm baiu sty, uym æj æræværdtoj æmæ jæ qaqqænync.

Iron xuysnæg fequysta jæ xælary xabar. Xærd nost scædtæ kænyn kodta, xærægyl sæ sæværdta, nymæty gæbazæj sæ'ræmbærsta. Xærædžy khælæuy nykkændy babasta'mæ bafædzæxsta jæ madæn: „Cydæriddær afon dæm næ fæzyna xæræg, uajtahd iu æj nykkændy afsnaj jæ khælæuy raz æmæ jyl duærtæ sæxgæn.“ Uj adyl xuysnæg arast jæ xædzaræj.

Ærizær, aftæ avd fændadžy cy ran baiu væjjync, uyrdaem baxæddzæ.

— Uæ izær xorz—dzury mardy qaqqændžytæm.

— Dæ fændag rast—dzuapp yn radtoj ænæ sær lædžy qaqqændžytæ.

— Cy mi kænut acy ran?

— Mænæ'ldary syzhærin či fædavta, uj qaqqænæm.

— Fyddærtæ dær ma jyn qæuy uycy xuycau'lhystæn. Næ jæm kæsut, ne'ldary syzhærintæ davgæ sbadt.

— Æmæ uæd dy ta kædæm cæuys?

Mænæ margas *) xassyn mærdty tyxxæj. Xorz uaid æmæ ruxs kuy zæhiggat mardæn. Anazut fæjnæ nuazæny, kædæm æj xæssyn, uym dær uældaj quydtag næ uydæn.

Cæuylnæ anystaiggoj qaqqændžytæ mardy ruxssadžy tyxxæj? Lalymtæj uadzyn bajdydta araq, bægæny'mæ dætgæ, xatgæ qaqqændžytæm, uydon nuazgæ'mæ xærgæ.

Ualynnæ syl banafon.

— Nyr con, xæsson mæ margas.

— Kædæm ma fæcæudzynæ aj xuyzæn mæjdary. Am læu, rajsom afændarast uydzynæ.

— Tærsægæ kænyn.

— Æmæ uæd cæmæj?

— Mæ xæræg myn adavdzæn ænæ sær læg, æmæ ma uæd mæ xædzær cæmæj fædardzynæn?

— Ma tærs, maxæj xalon stæg dær næ fæxæsdzæn. Namæ dyn yl isty kuy'rcæua, uæd dzy næ sær næ fidton.

Æxsævy uym bazzad. Jænymæty gæbazæj jæxi'ræmbærsta'mæ uajtahd jæ xuyr-xuyr ssydi—oma tarf fynæj badæn.

Iu afon kuy uydi, uæd nymæt feppærsta'mæ raqaqqædta alyrdæm. Ænæ sær lædžy qaqqændžytæ nost fælladæj mærd fynæj bajysty.

Læg fægæppkodta uælæmæ, ænæ sær lædžy xærægyl aværdta mæ xærædžy'rcævtæ kodta. Xæræg bazmælydi'mæ sæ xædzary duarmæ æmæxsævædžy, uasgæ-uasgæ balæuuydi. Xuysnædžy mad æm razhordta'mæ jæ nykkændæn fæmidægæj kodta.

Mardy qaqqændžytæ rajsomæj æryqalysty. Kæsync æmæ mard dær, xæræg dær uym nal. Xærædžy xicau xuyssy xuyr-xuyræj, nymæt jæ uælæ, aftæmæj. Zivæg æm kænync rajqal-kænynmæ.

Rajqal margas xæssæg dær æmæ bardiagkodta, jæ xæræg uycy ran kuy nal razyndi, uæd.

-- Babyn mæ kodtat, caræftyd fæuænt uæ xædzærttæ. Næ uyn dzyrdton, fyðæbony ænæ sær læg myn adavdzæn mæ xæræg? Cæmæn mæ bauyrættat, kuy næ læuuydtæn?

*) Margas--sabættag, xist.

Læg nal sabyrkæny'mæ nal. Qaqqændžyty dær mæt kuyd næ bacydaid. Dyuuærdæm rauaj-bauajyl festy.

Xuysnæg jæ nymæty gæppæl jæ uælæ bappærsta mæ ajsta sæxædzarmæ jæxi.

Qæubæstyl ajquysti xabar. Aðæm dzyrdtoj:

— Ænæ sær læg fyddzag uydi'mæ'ldary syzhærintæ fædavta, nyr ta xæræg adavta'mæ cy fæci, uuj bæræg nal is.

Ældar ærbasidti khulydadæg usmæ'mæ jyn zahta:

— Uæddær aftæ zahtaj,—ænæ sær læg, dam, næ fædavta mæ syzhærintæ. Kæs ma, nyr ta xæræg dær adavta.

Qælægg nicy adavta'ænæ sær læg, fælæ dyn kuyd zahton, aftæ'rcydi quydtag: jæ sær yn či ralygkodta, jæ guyr dær yn uuj bafsnajdta.

— Æmæ ma jæ c'amalæj ssardæua?

— Dyuuæ teuajy dæm is. Axsæv sæ'nafony raskhær æmæ kæj kært sfadžyskænoj, uuj u dæ khærnyx.

Æræxsæv, aftæ'ldar ænafony raskhærdta dyuuæ teuajy. Teuatæ uajtahd dær xuysnædžy kærtý balæuuuydysty'mæ dzy sfadžyskodtoj. Læbbu racyd kærtmæ'mæ kuy'rkast teuaty 'uuæltæm, uæd tasag ujis felvæsta'mæ sæ rajsta jæ fyddzag.

Dyuuæ teuajy kuy iu kærtý, kuy innæ kærtý balæuuynkæny, aftæmæj sæ iu khord uyndžy'rzilynkodta. Teuatæ aly kærtý dær sæ fæd nyuuahoj fadžysæj, stæj syl raqærkodta'mæ sæ jæ nykkændy bakoda.

Kuy sbon, uæd ældar arvysta lægtæ, cæmæj sbærægkænoj zylyny. Bacæuync iu kærtmæ teuaty fæd-fæd æmæ dzy fadžys, bacæuync innæmæ, uym dær aftæ. Ujcy xuyzænæj basgærstoj biræ kærtýræ'mæ aly ran dær dyuuæ teuajy fæd æmæ nog fadžys.

Ærvyst lægtæ bazdæxtsty fæstæmæ ældærmæ'mæ jyn radzyrdtoj. ældary dzyrd kæj sæxxæst kodtoj, stæj kærtty cy razynd.

Smæsty'ldar. Ærbasidti khulybadæg usmæ æmæ jyn dzury:

— Xyndžylæggag myn skodtaj mæ sær; m'aj razæj ziantæ myn æhhæd næ uydysty, fælæ ma mæ dyuuæ teuajy dær dæu ruadžy kæjdær xaj bajysty. Mæ mast æppæt myn ænæ rajsyn næj dæuæj: maryn dæ qæuy.

— Ældar, ældar, de'zæd de'zæd dæ farny stæn! Tahd ma bakæn, æz dyn nikuydæm alidzinag dæn acy bæstæj. Iu ma dyn zæhyn: biræ ziantæ bajjæfta dæ sær, fælæ mæ uyrny fæstag xatt ma bavzar kæj dyn zæhon, uuj. Kuy nicy dzy rauaja uymæj dær, uæd dæ bar næ dæn næ!

— Cy zæhynmæ ma qavys?

— Khærnyxæn næj ænæ ssaryn. Bazdæx æmæ dæ čyždžy arvit, avd fændadžy kæm baiu væjjync, ujcy ranmæ. Sædæ barædžy jyn arvit qaqqændžytæn. Dæ čyžgmæ radt bolat xæs-

gard. Ældar, uycy mitæ dyn či bakodta, uj dyn dæ čyzgmæ dær zyndzæn avd fændadžy baiukænænmæ. Æmæ bafædzæxs dæ čyzgæn, cæmæj khærnyxæn aivæj jæ začhe alygkæna raxiz farsyrdygæj. Dzyrd dyn dædyn, uæd kæj agurys, uymæn nal bauydzæn, jæ bon bambæxsyn.

Saræsta'ldar jæ iunæg čy whole, bolat xæsgard æm radta; xæsgardæj cy bakænyn qæuy, uj čyzgæn barnbarynkodta. Sædæ barædžy'vzargæ adæmæj arvysta čy whole imæ. Ældary čyzg æmæ sædæ barædžy æryncadysty, avd fændadžy kæm baiu væjjync, uycy ran.

Ærizer, aftæ axæm tymyh skodta'mæ sædæ barædžy cy fæuydaiggoj, uymæn sæ særæn xos nal artoj. Sæfynæj kuyd fætarstysty sæxicæn, aftæ dzy alči dær jæxi særy koj bakodta, bafsnajdtoj sæxi.

Iron xuysnæg rauahta jæxi'mæ čy whole uajtahddær ssardta.

Cas fæuydaiggoj iumæ, či zony, fælæ khærnyx iu chustug aværdta kærædzijyl jæ cæstyta. Ældary čyzg bolat xæsgard felvæsta'mæ dzy xuysnædžy začhe raxizyrdygæj alvydta.

Næma'rbabon, aftæ læbbu feqal æmæ arast jæ xædzarmæ. Cæj bærc auadaid, či zony, aftæ jæ khuxtæ jæ začhetyl ærxasta.

Bynton kuy bacaræftyddæn aj,--mæ začhejy'mbis mæ uælæ kuy nal is. Cæj mi myn bakodta, cæ! Fælæ myl lædžy nom ma uæd, æz isty færæz kuy næ skænon, cæmæj fesæfa mæ fæd.

Fæstæmæ balæuuyd ældary čyzgmæ.

— Xærzæxsæv dyn næ zahton æmæ ma uj tyxxæj fezdæxtæn, stæj ma'nqælldæn, tahd næma' sbon uydzæn.

Æfæstiat ta'ldary čy whole imæ. Čyzg afynæj. Læbbujy'ndær xuyzædær nicy quydi. Bolat xæsgard yn jæ nyværzænæj felvæsta.

Fynæj adæmyl razyl dæmæ syn sæ raxiz æxsærfærstæ bolat xæsgardæj alvydta. Uj adyl æncad-æncojæ sæ xædzarmæ bafardæg æd bolat xæsgard.

Ældar jæ mast uyromyn nal færæsta.

— Mæ fos dær davdy festy, mæ sær dær ægady bynatrnæ 'rxaudi. Uytæppæt adæm myn kæd mæ iunæg čyzgæj fæxyn-džylæg kodtoj, uæd æm bæræg uydi! Sar myn kæny dæ khona, khulybadædžy us! Fydblylyzæj, ægaddzinadæj cy bavzæiston, uydon ægasæj dær dæuæj buznyg dæn. Dy myn uydæ, dy!

Æmæ'basidyn kodta khulybadæg usmæ.

— Dæxi nicæmæj ual srastkændzynæ—margæ dæ kæny.

— Ældar, de-zæd, de-zæd, dæ farny stæn! Rast zahtaj: æz mæxi nal srast kændzynæn æmæ rast dær nal kæny mæxi. Fælæ dæ bafærsen: mæn kuy amaraj, uæd dyn dzy cy pajda-ræudzæn?

— Mæ mast ssæudzæn.

Ældar. dæxi fætærihæddžyn kændzynæ dzæhæly, dæuyl æmbæly dæ udy koj bakænyn. Fæltau bæzdæx æmæ dæ čydzdy s'aggag kæn, uj bærc či saræxst, uj bærc lædžyqædtæ kæmæ razyndi, uymæn. Siaksæn dyn bæzzy.

Uældaj nal zahta'ldar. Dzyrd radta'ldaræn uycy mitæ či bafæræsta, uj jæm fæzynæd, æmæ jyn raddzæn jæ čydzdy.

Khærnyx fæzyndi; ældar čyndzæxsæv skodta'mæ jyn jæ čydzdy jæ fyddzag skodta. Khærnyx ærsabyr, jæ særmæ nal xæssy davyn, ænæhdaudzinædtæ'mæ nyr dær ma cærync hæmæ ho-jæ'ldary čydzimæ.

Fequyston æj **Reuazty Bydzygojæ** nojabry 27
bon 22 azy **Ærydony qæuy.**

Ræstdzinadæn sæfæn næj.

Iu paddzaxady adæmy sæftmæ tardta Alardy. Dzyllejy xor-tæ aly'xsæv dær ssæsta, xærym kodta jæ bæxæn.

Paddzax fequsynkodta'gas dzyllejæn: „Ziangænædžy či ba-qaqqæna, uj či'rcaxsa, fydblyzæj či, fervæzynkæna paddzaxady, uymæn paddzax raddzæn usæn jæ iunæg čydzdy“.

Biræ adæm fæqaqqædtoj Alardyjy, fælæ jæm niči aræxst: fynæj iu sty qaqqændžytæ.

Iu usgur læbbujæn uysi qalmyqag ærdxord, acærgæ adæj-mag. Læbbu radzyrdta qalmyqagæn Alardyjy xabar. Uæd qalmyqag dzury:

— Mænæj qælæqg n'airvæzid uæ Alardy,—æz æj ærcaxsin m'arqanæj, fælæ mæn paðdzaxy čydg nicæmæn ual qæuy—ægær bazæronddæn. Fælæ, mæ xælar aftæ bakænæm—æmæ dyn Alardyjy æz ærcaxsdzynæn, j'æfson ta dæu kuyd fæua; uæd paddzaxy čydg dæu bauydzæn, mæ xælar.

Qalmyqag æmæ jæ xælar qaqqænync xor-tæ. Iu afony æxsævygon fæzyndi Alardy bæxyl æmæ jæ bæx cæj bærc næ xordta, uj bærc ssæsta, sæfta xuymtæ.

Qalmyqag fexsta arqan, æmæ arqan ærtyxst Alardy'mæ jæ bæxyl. Bæx atydtæ jæxi'mæ afardæg, fælæ Alardyjy'rcaxstoj. Usgur læbbu jæ bakodta paddzaxmæ. Paddzax æj axæstony bakodta'mæ jyl sæxgædta'rtæ duary. Læbbu-lægæn Alardyjy'rcaxsæggag radta jæ čydzdy.

Bady Alardy axæstony, uædæ cy kodtaid. Paddzaxæn uysi læbbu. Qazdyi portijæ uj axæstonmæ xæstæg. Qazgæ-qazyn axæstonmæ baxaudi jæ porti. Læbbu bæzhordta axæstony duar-mæ'mæ læxstæ kæny qaqqænægæn:

— Duar myn bakæn, mæ porti dzy raxæsson.

— Mæ bon næu, axæst ralidzdzæn æmæ uæd sæfy mæ sær.

— Ma tærs, dæ dzyxæj cæj bærc zæhaj, uj bærc dyn raddzynæn syzhærin.

Qaqqænæg baxælægkodta syzhærinmæ'mæ bakodta duar. Agurync porti, fælæ nicy.

— Annæ duar bakæ,—dzury læbbu.

— Næj jyn kænæn,— axæst rairvæzdzæn.

— Nodzydær ma dyn baftaudzynæn dæ syzhærintyl.

Bakodtoj dyggag duar dær, fælæ porti uym dær næ razynd.

— Bajgomkæn ærtყყагаг duar dær,—syzhærin æxcajæ ma dæm nodzydær fækæsdzynæn.

— Xorз, zahta qaqqænæg, fælæ kuy irvæza, uæd iu yl duar axgæn.

Ærtყყагаг duar bajgom kodta qaqqænæg. Alardy rairvæst æmæ fyddzag duarmæ kuy raxæddzæ, uæd dzury læbbumæ:

— Isguy dæ mæ sær myjjag kuy baqæua, uæd iu ssar mæ nom, æmæ dæm zyndzynæn.

Uj adyl Alardy ataxti uælarvmæ, qaqqænæg æmæ paddzaxy fyrtæn bajdydtoj tærxon kænyn.

— Sæ mælynmæ næ bællyn, kæd syl amælyn æmbæly uæddær. Fælæ bæzdæxut æmæ sæ tar qædmæ fælasut, sæ khuxtæ syn babædtut fæstæmæ, æmæ sæ uycy xuyzænæj nyu-uadzut qædy.

Paddzaxy tærxoh kuynnæ sæxxæst kodtaiggoj. Qædmæ sæ fælastoj æmæ sæ uym nyuuahoj, sæ khuxtæ'mæ cæstytae bastæj, aftæmæj.

Læg amalæn kond u. Qaqqænæg æmæ paddzaxy fyrt amaltæj suæhd kodtoj kærædzijy khuxtæ, rajxældtoj sæ cæstyty bædtæntæ.

S'alfamblajy qaqqænync æmæ alyrdygæj tar qæd, fændag næj. Tyxsync ænæ xærinag æmæ dojnyjæ. Ualynmæ iu ran razyndi don, dzyqy midæg; iunægæn dzy banazynæn amal næj. Quamæ dzy iu xæca annæmæn jæ khæxtyl, auadza jæ donmæ'mæ aftæmæj basædta jæ dojny.

Paddzaxy fyrt xæcy qaqqænædžy khæxtyl, aftæmæj banosta uj don. Paddzaxy fyrtu auahita qaqqænæg dær. Banosta don, fælæ jæ uælæmæ nal lašy duargæs.

— Dzyrd myn radt, kuyd myl dæxi uælaxiz ne skændzynæ'mæ dæ uæd slasdzynæn, namæ dæ auadzdzynæn, kuyd fæsfaj, aftæ. Mæ xuyzæn xuymætædžy'fsæddon adæmyl smax xuyzæntæ styr-sær fækænæt uæxi. næ nyl fervæssut.

Æuuænk yn radta paddzaxy fyrt, uældær dzy (bærzondæ) jæxi kuyd nikuy skændzæn.

Slasta paddzaxy fyrtu duargæs jæ dyuuæ khaxæj. Cæuync æmæ qædæj raxicæn væjjync. Fæstagmæ iu æcægælon paddzaxadmæ baftydysty; paddzax kæm cardi, uyrdaem ærcydysty. Razil-bazil kænync uyngty, sæxi qarync, kæd sæ ischi bauyromid æxxuyrsty.

Xuycau sæ paddzaxæn jæximæ bauahta. Æxxuysty jæm nyllæuuydysty. Duargæs—æfsædtony bæxtæm zilæg skodtoj, paddzaxy læbbuuy ta—mid-xædzary skodtoj kæstæriuæggænæg.

Arxajync dyuuæ dær: duargæs—æfsædton bæxdon, læbbu—paddzaxy xædzary. F'addžyn læbbu paddzaxy binontæn, tyngdær ta jæ čygzæn. Æmæ, ræst zæhyn qæuy, læbbu kæj bauarstæuydaid, axæm guyrd uydi: næ uyd' mbal uæ jæ uyndæn, uæ jæ qarujæn,

Baxælæg æm kodta jæ' mbal—bæxtæm zilæg, æmæ quydy kænyn bajdydta, cæmæj jyn saraza isty fydblyz.

Æmæ iu æxsæv xædzary dzaumatæj adavdæuyd. Adæm dyuuærdæm systy, agurync, qarync xuysnædžy. Uæd aivæj færsync bæxtæm zilædžy:

— Paddzaxy xædzary cy læbbu kæstæriuæg kæny, ujy isty adava? Jæ bakast xuysnædžy bakast næu. Fælæ dy dæ jæ' mbal æmæ jæ xuyzdær zondzynæ.

— Cæxgær uyn zæhyn—uæ xuysnæg me' mbal u. Uymæn jæ xuyzmæ ma kæsut: æncad maly xæjræg bady. Stæj uæ ucy davdyl či nyuuadza, axæm dær næu: æz dzy ænqæl dæn æmæ uyn uæximæ dær bavnaldzæn.

Kusync ta sæ kuystæj, cærync sæ cardæj, alči dær paddzaxy xædzary. Fælæ ta iu axæmy rabæræg: paddzaxy binonty uælædaræstæj čidær adavta. Rafærs-bafærs, radzur-badzur ta fækodtoj, fælæ ta xuysnægyl næ xæst kænync. Sæ fæstag farst ta bæxtæm zilægmæ' rycd.

— Dzæhæly agurut dærdtyl: uæ xuysnæg xion xuysnæg u. Ujy zonut æmæ uyn uæ daræstæm dær dardæj ne' rcydæuyd. fælæ uyn aj ahommæ či adavta uæ xædzary dzaumatæ, ujy uydi nyr dær ta uæ khærnyx.

Guyrysxo ma kodtoj paddzaxy binontæ: „kæd æmæ næu myjjag, uæd tærihæd uydæn. Banqælmæ ma kæsæm“.

Ualynmæ ta paddzaxy xædzaræj fesæft sylhærin æmæ' vzist dzaumatæ.

— Bærgæ uyn dzyrdton aj ahommæ dær, styr xuysnæg kæj u me' mbal, kæj næ uæ nyuuadzdzæn axæm čysyl dævdtyyl, fælæ uyn kæj bavnaldzæn uæ særtæm dær.

Uæd paddzax dzyrd radta cæmæj, xuysnædžy bydyrmæ kuyd arvitoj, iu gæbær bajrag yn kuyd bakænoj jæ' vdžid.

Læbbuuy bydyrmæ arvystoj æmæ jyn bæx-ræhauæj iu gæbær bajrag skodtoj jæ fyddzag.

Biræ racydi, čysyl racydi, či zony, fælæ paddzax iu ræstædžy dzyrd radta—jæ is, jæ bon kuyd fena, jæ cæst kuyd raxæssa jæ falgoncyl.

Biræ fosy xicau uydi paddzax: kæron næ uyd' jæ marhy dzugtæn, jæ fys fosæn, jæ qom ræhæuttæn æmæ bæxtæn.

Zily aed-fæsdzæuintæ paddzax. Amony jæ'xxuyrst adæmæn, kuyd daryn qæuy aly fosy myggag dær. Kæm uajdzæf rakæny, kæm ta'ppælgæ, fosmæ či zily, uycy adæmæn. Fæstagmae bæxgæstæm baftyd. Fæzyldi jæ bæx-ræhæuttyl. Uæd ærbalæu-uyd jæ zærdyl læbbu'mæ gæbær bajrag.

— Cy fæci læbbu, gæbær bajrag kæj ævdžid bakotam, uj.

— lu afonyl jæ fæzdæg skæly bydryr astæuæj, fælæ cy kæny, jæ card kuyd ærvity, uymæj jyn nicy zonæm—zahtoj bæxgæstæ.

Æmæ paddzax sarazynkodta jæ uærdon læbbujy cærændommæ.

Læbbu racyd paddzaxy razmæ'mæ jyn salam radta.

— Fenyn ma nyn kæn dæ gæbær bajrag, max dyn æm bakæsæm,—zahta paddzax.

Læbbu skhaxta nykkænd æmæ uycy ran cardysty bajradžimæ, jæ khæbær yn dixæj læværdta, aftæmæj.

Ralasta bajradžy. Gæbær bajradžy nal bazydtoj paddzax æmæ bæxgæstæ dær. Æmæ dissag næ uydi. Bajrag sbæx, jæ quyn uyrdy quynau ærttyvtytæ kaldta. Paddzax dær, bæxgæstæ dær dis kodtoj, læbbu gæbær bajradžy kuyd sbæx kodta, uuyl.

Paddzax arast, læbbu bajradžy abasta æmæ paddzaxy fædyl, æhdau kuyd amydtæ, aftæ iu dzævgar rauadi.

Fæstæmæ bæzdæxt æmæ kæsy: calyn:mæ paddzaxy fædyl cydi æmæ fæstæmæ zdæxt, uædmæ bajradžy čidær amardta.

Xorzau nal fæci læbbu, uajyntæ bajdydta paddzaxy fæstæ, bajjæfta jæ'mæ jyn dzury:

— Mæ fæstæmæ bacæuynmæ bajradžy mardæj bajjæfton: čidær æj cyrhagæj færæxuysta.

— Majl bauuænd,—paddzax,—zahta bæxtæm zilæg æfsædton, læbbujy'mbal,—bæxy maræg jæxædæg u: dæ zærdæmæ bacyd, uj bambærsta'mæ, cæmæj dæumæ ma bafta, uj tyxxæj jæ amardta. Æniu cy, ægas kuy ua, uæd dæ uuyl dær næ nyuuadzdzæn.

Uæd paddzax læbbujy fexsta dard bæstæm, jæ paddzaxady'værdær cy ran uydi, uyræm. Mæguyry bontæ'rvysta læbbu dard bæsty, udxaræj mardi, zynævzaræn kodta jæ ud æmæ jæ buar. Tyxsti paddzaxy čyzg dær, læbbujy ragæj kæj nal uydta, uj tyxxæj.

Paddzaxy čyzgmæ'r bacydi kuræg iu ændær paddzax.

— Aggag myn skæn dæ čydzdy'hdausæj, cæj bærc zæhaj, uj bærc dyn bafiddzynæn fos, kad dyn skændzynæn; namæ myn æj næ radtaj sabyræj, uæd dyn qusyn kænyn: sxæcdzynæn dyl, nypypyx dyn kændzynæn de'fsædtæ'mæ uæd dæ čyzg dær mæn æmæ dæxædæg dær æd-binontæ, æd-paddzaxad.

Nicy kom radtoj paddzax æmæ jæ binontæ čy whole kurægæn. Ærtqiræn næ bacydi paddzax æmæ binonty zærdæmæ.

Fændon nyn næu, čy whole næ razy kæny dæumæ fæcæuynyl. Xæst ta dyuūæjæn æmbis u: xuycau kæj fars æl-læudzæn, uj bæræg næma u.

Æmhuyd skodta čy whole kuræg æmæ zahta:

— Ænqælmæ dæm kæsdzynæn æmhuydy bonmæ, kæd æmæ ærfæsmonkænis, dæ čy whole dær srazy uaid, uæd myn iu fequsynkæn. Fælæ uj næj, zæhgæ, aftæ cædtæ dar dæxi xæstmæ,—me'fsædtæ dæ zæxxxy aræntæm zyndzysty.

Uældaj zærdæ ne'rcydi paddzax æmæ jæ binontæm, kæd sæ tas bacydi, uæddær. Xuycau'vdžid bakodtoj sæxi, nicy xabar ærvitync čy whole gurmæ. Uj tyngdær mæsty kæny, fycy'mæ xæstmæ cædtæ kæny jæxi.

lu axæmy čy whole dzury jæ fydmæ.

— Xæstyl kæj nyllæuuydtæ, uj sbæræg æmæ nyn kæd xuycau næ baxxuyskæna, uæd næ ne znag basæddzæn dæ paddzaxad æmæ dyn dæ binonty dær jæxi bakændzæn. Biræ adæm axæstætty badync, biræ adæm ærvyst sty sæ bæstæj... Uæddær sæft æmæ sæft. Bazdæx æmæ sæ suæhd kæn, kæd æmæ dyn isty fexxuys uaiggoj.

Paddzax bajquysta jæ čy whole uynaffæmæ. Arvysta axæstytaej xast adæmæj alkæmæn dær cy'mbældi, uj xardz æxcajæ'mæ xærinagæj. Xæstætty duærtætæ bajgomysty'mæ alci qældzægæj zdæxy jæ xædzarmæ. Læbbu dær rajsta jæ xadrz. lu khord uydysty jæ'mbæltæ. Kæsyn kæmæ quydi, uymæ kæsgæ fækodta, æxxuys sæ kæmæn quydi, uymæn ta jæ'xxuysy xaj bakodta.

Ærbazdæxt paddzaxmæ, fændagyl qærgæjæ'rbacyd. Fæsæj-gæ'mæ jyn bæxdony kævdæsy midæg xuyssæn saræstoj.

Æncad næ uyi paddzax. Xæsty'mhuyd ærxæddzæ kæny. Adamyl fequsynkodta, xæcyn jæ bon kæmæn uyi, uydonaej alci dær æmhuydy bonmæ rævdz kuyd uydaid, aftæ.

Ærbafsærstoj znægty'fsædtæ paddzaxady aræntæm, aftæ læbbu systadi kævdæsæj æmæ qæugæronmæ racydi, pyxs-bynmæ. Ucyc ran uj dzury:

— Alardy, tabu dæxicæn, fælæ mæ nyræj xuyzdær nikuy ual baquydi de'xxuys!

Alardy'rbalæuuyd jæ razy.

— Cæmæn dyn bæzzyn, uymæj myl ma bacauærd, mæ irvæzyngænæg, æz dyn mænæ dæn.

— Xæst samadta næ syxag paddzax næ paddzaximæ, jæ'fsædtæ'rbabyrstoj næ zæxxxy aræntæm æmæ dæu æxxuys kuy næ ua, uæd næ nypyrxkændzæn, næ paddzaxad nyn bajsdzæn.

Stæj ma æz mæ cardæj fylðær kæj uarzyn, uycy čy whole dær ævændonæj axæsdzæn jæxicæn. Ænqælmæ dæm kæsyn, baxxuys myn kæn!

— Com ual memæ uælærvæm, zahta Alardy,—æz dæ bazony kænon mæ madæn. Ærmæst dyn cy nyffædzæxson, uj dæ rox ma kænæd. Fyng dyn sarazdzæn mæ mad, cintæ dyl kændzæn, fælæ dæ dzyxmæ komdzag ma sxæssaj, calymmæ dyn æz zæhon, ualymmæ.

Alardyjy nyxæstæ badardta læbbu jæ zærdyl. Uajtahd uælærvæty Alardyjy mady cærændonty balæuuydysty.

— Nana, mænæ mæ irvæzyngænæg, aj ruadžy fervæstæn æz mælætæj.

Nana jyl cintæ, mondægtæ, fyr-cinæj jæ kuy anyquyry, kuy ta jæ rappary fæstæmæ.

Fyng dyn kuyd næ racaræstaid Alardyjy mad. Aly minas, aly xærd, aly nost fyngyl. Fælæ uazæg næ xæssy jæ dzyxmæ næ dær xærinag, næ dær nost.

Uæd æm nana bæzdæxt æmæ jæm dzury:

— Axær i, mæ iunædžy irvæzyngænæg, cy kurys, uj dyn uydæni lævaræn.

Næ kæny uæddær nicæmæ jæ khux uazæg uycy zamanajy aræst fyngæj.

— Axær, nanajy xur, axær. Ærkæs næ xædzarmæ' mæ dzy addžyndæræn dæ udæn cy dzauma razyna, uj dyn mæ lævar fæuæd.

Ne'vnaly læbbu nyr dær dzag fyngmæ.

— Uædæ nana dæ fæqqau fæuæd, æmæ axær i; stæj acy xædzaryl mæ fyrtý bar kuyd cæuy, aftæ jyl dæ bar dær cæuæd.

Alardy bakast læbbumæ' mæ xæryn bajdypta uazæg. Xorç cæuylnæ baxordtaid uazæg Alardyjy xædzary. Arfæ rakodfa xædzary'fsin Alardyjy madæn æmæ systad fyngæj.

Uæd æj Alardy raxuydta xædzaræj æmæ jæ iu khæbicmæ bakodta. Khæbicy aly xuyzon xæcængærstæ. Xæcængærstæj jyn Alardy dædty iu ciryq, fælæ jæ læbbu' nkhuysyn dær næ færazy.

Alardy dyndžyr cæxgæræj iu kuysijy sista nost æmæ jæ radta uazægmæ. Anosta dzy kuysijæ, aftæ jyn ciryq fezmælyn bakuymtta. Banosta jæ' mbismæ,—ciryqy isyn bajdypta. Asur æj kodta iudadzyg dær, aftæ dzy qazyn bajdypta rogæn.

Uyrdygæj jæ axuydta jæ bæxdonmæ. Bæxdony'rtæ bæxy: syrx bæx, sau bæx æmæ urs bæx. Baquadžy saxat dzy kæmæ fæsidaj,--zahta Alardy læbbujæn, uj æd-xæcængærstæ festdzæn dæ razy æmæ uæd.., dæ qaru' mæ dæxædæg; dæxicæn cæj bærc æntysa, cyppar axæmy'ntysdzæn acy bæxtæj bæxæn.

Alardyjy'xxuysæj festadi læbbu zæxxyl æmæ ta jæ kævdæsy'ruahta jæxi.

Jæ paddzaxy'fsædtæ dær bacædtæ kodtoj sæxi. Ællæuuydysty, kæm syl æmbældi, ucy ran, xæcyn ævvong systy. Læd læbbu fæs-qæumæ rajsta jæxi'mæ dzury.

— Syrx Alardyjy syrx bæx, kæm dæ?

Syrx bæx æd xæcængærstæ festad jæ razy. Xæcængærstæ jæ uælæ'rbakodta, jæxædæg sarhmæ fexsy jæxi.

Xæst styng væjjy.

Cæhdyn sisy læbbu znadžy'fsædty; kæcyrdæm fezdaxy jæ bæx, uym uyngtæ-uyngtæ festy'fsædty astæu. Jæxicæn cæj bærc æntysy jæ syrx bæxæn. cyppar axæmy'ntysy.. Nal'bafær-ræstoj læuuyn læbbuuy nyxmæ; znadžy'fsædtæj ma cy azzadi, uydøn lidzæg festy fæstæmæ.

Læbbu'rxyst syrx bæxæj, sista jæ xæcængærstæ, sarhyl sæ'rfidarkodta'mæ syrx bæx uæ'larv balæuuyd, læbbu ta jæ kævdæsmæ bazdæxt.

Bazdæxtysty paddzaxy'fsædtæ, iu læg sæ næ fæquyd. Læbbu rabadt jæ xuyssæn uaty'mæ færsy'fsædton adæmy:

— Cy xabærttæ is, isty ma fequsyn kænut mænæn dær mæ xuyssæn uatmæ.

— Ævzær, dy ta cy kænys xabærttæj, dæ razy dæ kævdæsy xuyss, he ujj dyn xabar!

Khuyri'mhuyd uysi xæsty bonmæ: uæd ta quamæ xæst raj-dytdaid. Khuyriy bonmæ ta quamæ znægtæ sæxi barævdz kod-tajggoj æfsædton adæmæj æmæ xæcængærstæj.

— Æmhuydy bonmæ ta znadžy'fsædtæ fyldæræj, iftong-dæræj paddzaxady aræntæm sæxi'rbajstoj. Paddzaxy'fsædtæ dær racydysty 'mæ 'llæuuuydysty znadžy nyxmæ. Xæcynmæ bavnalæm, zæhgæ, aftæ iu sau baræg s'astæu fevzærdi. Znadžy'fsædtæ sqærkodtoj:

— Maual tærsut, uærtæ ne'xsæn zæd fæzyndi sau bæxyl. Aj ahömmæ xæsty zæd uydøn fars uysi, nyr ta max fars uydæn sau baræg æmæ ujj ruadžy basæddzystæm.

Xæcyntæ sistoj il! Læbbu næ bacauærsta acy xatt dær znadžy'fsædtyl. Uajtahd festy 'fæstæmæ'mæ syl xorz sarkajdtoj paddzaxy'fsædtæ dær ma.

Xuyssy ta læbbu jæ kævdæsy. Paddzaxy'fsædtæ cingængæ zdæxync xæstæj. Læbbu ta sæ færsy:

— Isty xabærttæ myn rádzurut,—qyg kænyn iunægæj mæ kævdæsy.

— Ævzær, billy, 'ncad kuy xuyssis dæxicæn. Dy ta xabærttæj uad cy kænys?

Ærtyggag khuyri ralæuuyd. Znag ujj bærc æfsædtæ'rbas-xysta paddzaxady aræntæm, æmæ iu uari'rxaudi: tæxgæ - tæxyn sæ qæræj.

Paddzaxy'fsædtæ dær ællæuuuydysty sæ razæj. Ævædza nyr bavnaloj xæcynmæ, aftæ ta baræg fæzynd s'astæu urs-ursid bæxyl.

→ Styr nyfs næ bacæuæd. Uærtæ ta zæd fæzyndi n'astæu. Kæj zæhyn æj qæuy,—acy xatt max fars kæj uydæn uj: aj razmæ uj uyi ne'znægty fars dyuuæ xatty.

Xæst ta styngr. Ulæntæ kæny znadžy'fsædtæy læbbu urs bæxyl. Jæxicæn cæj bærc æntysy, cyppar axæmy urs bæxæn æntysy.

Uæd znadžy'fsædtæj iu læg nyqqavydi'mæ dzury:

— Bahæcut ma, kæddæra zædy cæf næ kæny? Suahta jæ fat æmæ læbbujy cong fæcæf. Læbbu mæsygmæ jæxi bajsy jæ urs bæxyl. Mæsygæj paddzaxy čyzg rauadzy jæxi, læbbujy cong ssyhdægkæny'mæ jæ zældag kælmærzænæj ærba-bædty.

Biræ dzy nal airvæst znadžy'fsædtæj. Sæ xicau dær ma tyxtæ'mæ fydtæj ssardta jæ xædzar.

Kæron nal uyi paddzax æmæ j'adæmy cinæn. Æmæ kuyn-næ? Uj bærc tyxdžyn znadžy basastoj. Styldær ma uydæid sæ cin, uj bærc syn či baxxuyskodta, uj ma kuy bazytaig-goj, uæd.

Xuyssy læbbu jæ kævdæsy, zily jæ cæfmæ. Æxsæv bana-foni, zæhgæ, aftæ baruxs kæny'mæ cæxsy cæf æmæ jæ zældagæj aiv ærbædty.

Iu axæmy paddzaxy čyzg dzury jæ fydmæ:

— Cymæ cavær dissag ua? Iu khord æxsævy bafippajdton: næ bæxdony uycy iu ræstædžy ruxs fæzyny, iu dzævgar axæssy, stæj ta axuyssy. Mæ fyd, aivæj ma dzy qaqqændžytæ sæ-vær, cæmæj bazonoj, cavær ua uycy ruxs.

Paddzaxæn uajtahd fequsynkodtoj qaqqændžytæ:

— Bæxdony xuyssy'næfærazgæjæ iu læbbu - læg, jæ cong cæf. Aly'xsæv uj ssudzy cyrah, ssyhdægkæny jæ cæf, stæj jæ babædty zældag kælmærzænæj.

Uæd čyzg dzury paddzaxmæ:

— Mæ fyd, ærbakæ ma læbbujy ardæm. Kæd æmæ kælmærzæn mæn razyna, uæd uj max či fervæzynkodta znadžy'fsædtæj, uj uydæn.

Ærtyggag xatt kuy xæcydysty, uæd urs barægæn fæcæf jæ cong. Mæ mæsydžy rudzyngmæ uycy xuyzænæj 'rbajsta jæxi. Æz yn abaston jæ cæf cong mæ zældag kælmærzænæj, æmæ ta uajtahd cæhdyn bajdydta znadžy'fsædty.

Systyn kodtoj læbbujy bæxty kævdæsæj, ærbaxuydtoj jæ paddzaxy xædzarmæ. Cy bazonyn quydi paddzaxy čyzgæn jæ zældag kælmærzæn! Æmæ dzury čyzg:

— Dæ irvæzyngænæg dær æmæ d'adæmy irvæzyngænæg dær acy læbbu u! Mæ zældag kælmærzæn bast is jæ congyl.

Styr kuyvd saræsta paddzax læbbujy tyxxæj. Aly xærzædžyty'rxuydta kuvydmæ. Rabadtsty fyngtyl; badyn kænync læbbujy, læbbu næ bady.

— Cæuylnæ badys? dzury jæm paddzax.

— Kuryn æmæ myn dæ farsmæ sbadynkæn me'mbaly.

Bæxtæm zilædžy bæxdonæj rakodtoj æmæ jæ paddzaxy farsmæ'rbadynkodtoj.

Uæd læbbu kury dzyrdy bar. Radtoj jyn.

— Me'mbal, maxæn n'astæu uysi dzyrd,—æz dyl mæxi kuyd nikuy suælaxiz kænon, styr sær dyl kuyd nikuy suon. Færsyn d'acy adæmy astæu: dæ zærdæ myl isguy fæxudt, mæ dzyrd fæsajdton myjjag?

Dzuapp radta jæ'mbal, æfsædton bæxtæm zilæg.

— Paddzax æmæ mænæ nomdzyd adæm! Acy læbbu nikuy nicæmæj fæsajdta jæ dzyrd, n'astæu cy'uunenk uysi, uyi æuuuænkæj bazzad acy saxatmæ uyi'rdygæj. Fælæ uæm, bauænddzynæn, basæddzynæn uyn æz zærdiagæj. Æz yl xælægæj sæværdton ærtæ davdy, davæg ta aftæmæj uydtaen æz mæxædæg. Æz yl sæværdton, paddzax, bajradžy mard, æfsymæry xuyzæn kæj sxasta, uycy bajradžy mard, margæ ta jæ akodton æz mæxædæg. Acy adæjmagmæ zylynæj misxal dær nikuy niči ssardzæn. Zyndzinadæj cydæriddær bavzærsta, uydon yn uydysti iuuylær mæn ruadžy, mæ xælægæj.

Æmæ uæd paddzax zahta:

— Læbbu, dæu ruadžy æz dær æmæ mæ paddzaxad dær fervæststyty tyxdžyp æmæ'næuag znagæj. Uyj buznyggadmæ dyn aggag kænyn æz mæ iunæg čydzhy, stæj dyn nyuuadzdzynæn paddzaxad mæ fæstæ.

Æmæ jyn læbbu zahta dzuappæn:

— Arfæ dyn kænyn, paddzax. Ragæj dær kæmæ bællydtæn, mæ udæj fylðær kæj uarston, uyi mæ xaj fæci. Fælæ dyn dæ paddzaxad xajyr uæd dæxicæn. Paddzax, kæj dæm uændyn, uyi baxatyr kæn, fælæ æz dær iu dzæhældzu næ dæn: mæ fyd u mænæn dær dæ xuyzæn paddzax.

Aiv næ uydzæn isgæj zæxxyl kuy bazzajon, uæd.

Čyndzæxsæv skodta paddzax, arfæ rákodta jæ čyžg æmæ jæ siaxsæn, æmæ sæ afændarast kodta sæ bæstæm.

1900—01 azy axuyrgænæg uydæn Ærydony læbbutø skholajy. Bafippajton iu quydtag.

Dyuuæ dixy uydysty læbbutæ—xistærtæ'mæ kæ-stærtæ. Æjjæftoj 50—60 'vaxs. Cysyl uat ryg, čhizi; særð ænud, zymæg uazal, fyldær bonty dzy art næ uydæ.

Axuyrgængæjæ syvællættæ'vædza bafælladysty khlasy, æncad iu qusyn nal uydæ sæ bon, aftæ iu fæsiddæn:

— Qaspolat, arhau kængæ!

Syvællættæ iu fæliuyrdtoj partætæm, Qaspolaty aly fars iu ambyrdysty æmæ iu quystoj aftæ'nuvd, æmæ khlasy byndzy bazyrtæ qær quystaid.

Qaspolaty arhæuttæj syvællættæ uarstoj tyngd dær Khobolajy arhau. Qaspolat ma kasti skholajy, aftæ myn æj nyffysta 1904 azy'mæ myn æj balævarkodta. Mænæ is uycy arhau.

Khobolajy arhau.

Uydi ærtæ'fsymæry. Uydonæj sæ iu xuyndi Khobola. Uydysty fynddæs fysy xicau ædæppæt. lu axæmy'fsymærtæ baj-uærstoj: alkæj dær sæ fæci fondz fysy.

Khobola bazdæxt æmæ qædmæ fætardta jæ fondz fysy, qædæn sæ j'astæu nyuuahtha'mæ syn fædzæxsy:

— Qusut, xuyrym fystæ, æz cæuyn cuany'mæ uæm myjag biræh kuy fæzyna, kuy uæ færsa, kæj fystæ stat, uæd yn iu zæhut: „Khobolajy“.

Uyj'adyl acydi Khobola cuany.

Ualymmæ sæm fæzyndysty biræhtæ'mæ sæ færsync: „Kæj fystæ stat, kæ?“

Fystæ zahtoj: „Khobolajy“.

Nodžydær ta sæ færsync chæx biræhtæ: „Æmæ uæd jæ-xædæg ta kæm is Khobola?“

Fystæ zahtoj: „Cuany xæty“.

Biræhtæ fevnældtoj æmæ fystæj ævzagyl adarinag dær nal fæuahtoj,—axordtoj sæ.

Fystæ xærd festy, aftæ Khobola sæ uælqus ærbalæuuuydi; jæ fyddzag sæ ajsta'mæ sæ fæsury. Biræhtæ fæpyrxysty. Khobola dzy iuy fædyl nyjjarc æmæ jæ uæhd nal uadzy'mæ nal. Kuy starsti jæxicæn, uæd biræh fæstæmæ dzury Khobolamæ:

— Mænæj dyn uyj bærc pajda nicy is, fælæ uærtæ uycy fyjjau soqyr u jæ iu cæstæj. Æz yn jæ fosmæ baquyzdzynæn æmæ jæ ajsdzynæn mæ uælnyxti. Fyjjau mæ fædyl fæuydzæn jæ fys isynmæ. Æmæ uæd fosy dzug azdax æmæ sæ balæu-uynkæn dæ xædzary.

Khobola ændær xuyzdær cy aguyrdta xuycauæj. Srazy biræhy fændyl.

Biræh askhæfta dzugæj iu fys, fyjjau uyj fædyl fæci'mæ Khobola fosyl jæ fyddzag raqærkodta.

Ærtardta fosy dzug jæ xædzarmæ, uædæ cy kodtaid. Fær-sync æj æfsymærtæ:

— Khobola uytæppæt fos dyn kæm uydi?

Khobola syn zahta:

— Sau qædy myn nybbiræ sty.

Æfsymærtæ quydy kænyn bajdydtoj Khobolajy fosy kondyl æmæ stærxonkodtoj: „cæj æmæ næ fystæ max dær sau qædmæ feskhaeræm, kæd mæxæn dær babiræ uajggoj“.

Dyuuæ'fsymæry qædmæ fætardtoj sæ fystæ, uycy ran, sæ ævægæsægæj nyuuahoj. Biræhtæ dyn sau qædy astæu ævælmony fos ssaroj. Fystyl sæxi nyccavtoj æmæ sæ baxordtoj.

Uæ fydgultæ sæ ziantæ aftæ kuy zoniggoj, æfsymærtæ uajtahd sæ zian kuyd bazydtoj. Ærcydysty qædæj sæ xædzarmæ 'mæ dzurync Khobolajæn:

— Margæ dæ kænæm, Kbobola!

— Nu, æmæ uæd cæmæn? færsy sæ Khobola.

— Cæmæn kuy zæhaj, uæd myn næ fystæ baxærynkodtaj sau qædy biræhtæn æmæ he uymæn.

Uæd syn Khobola dzury:

— Margæ mæ ma kænut, —mæ xædzar myn basudzut.

Æfsymærtæ nal amardtoj Kobolajy, —jæ xædzar yn basyhjoj.

Khobola'ræmbyrdkodta syhd xædzary'vzalytæ, bæxuærhtæ sæ skodta'mæ sæ fæxæssy.

Iu donmæ baxæddzæ'mæ dzury dony innæ farsmæ:

— Adon sty paddzaxy dzaumatæ'mæ sæ kuyd baqaqqænat, aftæ.

Dony uycy fars festy, æxsæviuat ærkodta iu ran. Uærhtæ adæmy'vdžid bakodta. Fæsaxsævær Khobola susægæj bairvæst jæ uærhtæm, æmæ'vzalytæ rakaldta, stæj ta sxuyssyd fæstæmæ 'mæ bonmæ nal rajqal.

Rajsom dzury qæubæsty adæmæn:

— Bajsæftat mæn dær æmæ uæxi dær. Čidær uæ paddzaxy syzhærintæ uærhtæj adavta æmæ syn ævzaly sæ bæsty ærkaldta uærhty raz. Acy quydtag kuy bajquysa paddzaxmæ, uæd mæn dær amardzæn, smax dær nyssærfdzæn.

Dzyllæ fætarstyty, Khobolajy uærhtæ bajdzag kodtoj syzhærinæj, æmæ Khobola syzhærin y uærhtæ'rbaxasta jæ xædzarmæ.

Færsync æj, æfsymærtæ:

— Kæm dyn uydi, Khobola, uycy syzhærin?

— Ævzalyjæ baivton, —zahta syn Khobola.

Æfsymærtæ asahæs kodtoj, æmæ uydon dær bandzærstoj sæ xædzærttyl. Ævzalytæ ærhæmmtæ sbastoj æmæ sæ fæxæsync qærgængæ:

— Ævzalyjæ či baivdzæn syzhærin?

Ævzalyjæ syn syzhærin niči baivta, fælæ ma syn uyj ædtjæ se'ræhtæ dær nyxxostoj.

Kuynæg mæsty nē systy'fsymærtæ. Tar ærfygæj æryzdæxtsty fæstæmæ, sæxi bauyrdygkodtoj Khobolamæ' mæ jyn zahtoj:

— Cæmæn nyn basudzynkodtaj næ xædzærttæ, nal dyn is ænæ maryn.

— Ma mæ amarut, fælæ khutu sbiut æmæ mæ bapparut dony, — zahta syn Khobola.

Æfsymærtæ bærz uyistæj ræsuhd khutu sbydtoj, dony bylmæ jæ axastoj. Uæd sæm Khobola dzury:

— Dard acæut, namæ mæmmæ fætærihæddzyn kændzystut uæxi, mæn ta uuj næ fændy.

Dyuuæ'fsymæry acydysty dard. Khobola slæuuydi dony xæd byl æmæ qærkæny:

— Næ mæ qæuy!.. Næ mæ qæuy!..

Xæstæg æm xysta iu fyjjau. Uuj ærbazhordta Khobolajy qærmæ' mæ jæ færsy:

— Cy dæ næ qæuy, cy mænæ læg?

Khobola jyn ranyxaskodta:

— Mænæ acy khutujy či balæsa'mæ uycy xuyzænæj dony jæxi či bappara, uymæn, dam, paddzaxdzinad.

Fyjjau læxstæ kænyn bajdyta Khobolajæn:

— U, xuycauy xatyr bakæn, khutujy æz babyrdzynæn æmæ mæ fos dær dæu amættag fæuænt.

Fyjjau mæ ta uuj bærc fos uyd'i mæ sæ azdaxyn dær næ færæsta.

Khobola fyjjauv æd-khutu bappærsta dony, cæmæj fyjjau paddzaxdzinadyl fæxæst ua dony maly, jæxædæg yn jæ fosyl raqærkodta 'mæ sæ'rtardta jæ xædzarmæ.

Færsync ta'fsymærtæ:

— Kæm dyn uydysty uydron?

Khobola ta syn zahta:

— Dony kuy baxaudtæn, uæd dzy haj bærc fosy kondy fædæn. Biræ fyldær dzy raskhærdtain, donæn jæ maldærmæ kuy baxaudain, uæd. Ævædza nyr dær ma jæ maly razynid fos.

Uycy nyxas fequsgæjæ 'fsymærtæ fæqærkodtoj.

— Max dær dzy bappar!

Khobola zahta:

— Næ, 'mæ æz aftæ kuy næ kænyn! Smax mæ margækodtat æmæ myri xuyzdæræn fæci, fælæ smaxæn uæ quydtag kuyd rauajdzæni, uuj bæræg næma u—quamæ smax maul racæuat donæj.

— Aftæ næ.

— Uædæ kuyd?

— Sbiut khututæ uæxicæn.

Æfsymærtæ khututæ sbydtoj, dony bylmæ sæ fæxastoj, sæ midæg balæstysty 'mæ sæ Khobola dony malmæ basxuysta. Æfsymærtæ cy festy, uuj dær nal sbæræg.

Khobola særægasæj razdæxt jæ, xædzazmæ, dunejy is-bisyl ærbadt æmæ cardi dzæbæxæj.

Uyj ærcydmæ sniax dær, mænæ xorz adæm, dzæbæxæj cærut.

■ ■ ■

A guybečyr Salamty Tætæriy fyrт sæ duarmæ, dekabry 5 bon 1927 az Ärydony. Cæudzæn yl 52 azy.

— Uyj ta či uysi demæ? færsy mæ.

— Uyj Dzaguryty Dzaboyj fyrт Quybady, ne skholaty xicau; uydystæm Reuazty Bydzygomæ. Uyj bæzdæxt dzyllæjy' mbyrdme æz ta cæuyn næ xædzarmæ.

Ærbad am, æz dyn arhau rakænon, dzury Aguybečyr.

Ærbadtæn æmæ bajdydta dzuryn.

— Cardyst' mæ uydysty us æmæ læg. Uysi syn iu čyzg. Čyzg uysi axæm ræsuhd æmæ jæm ucy iu ræstædžy' rbacydysty kuræg ærtæ'ldary fyrt.

Čyzg-gurtu suazæg kodtoj, xorz sæ fedtoj. Ærkastysty sæm čyzg dær, čydzhy fyd dær æmæ sdyzærdygysty: ærtæ dær uydysty aftæ zærdæmæ dzæugæ'mæ katajyl ssi čyzg dær æmæ fyd dær.

Uæd fyd racydi'rtæ'ldary fyrtmæ' mæ syn dzury:

— Æmxuyzon addžyn stut ue'rtæ dær mæxicæn dær, mæ čyzgæn dær, smaxæj isgæj rafauyn, e uæ isgæmæj uældaj rappælyn—styr tærihæd uydzæn, max æj næximæ næ isæm. Fælæ mæ uazdžytæ stut, arh myn kænut, xæstægæn mæ agurut, xuycau me'vdisæn, æz dær smaxæj xuyzdær xæstæg n'aguryn. Mæ særæn zony iu xos, cæmæj mæ sær tærihæd-džyn ma fæua:

Mænæ uyn fæjnæ sædæ tumany, uydonaej balxænut fæjnæ dzaumajy, ærbaxassut sæ ardæm æmæ uæ xuyzdær dzauma balxænyn kæmæn bantysa, uymæn srazy uydzæn mæ iunæg čyzg.

Ærtæ'ldary fyrt, usgurtæ, arastysty. Kuyd næ baqardtaiggoj sæxi. Balxædtoj dzaumatæ: sæ iu sæ balxædta gauyz, annæ—ajdæn, ærtყiggag aguyvzæ.

Kæm baiuysty fæstæmæ cæugæjæ, či zony, fælæ dzurync sæ kærædzimæ:

— Alči dær næ balxædta iu dzauma, čydzhy fyd nyn kuyd fædzæxsta, aftæmæj, fælæ'yzær næ uaid kuy radzuriggam acy ran, cy miniuæg is ne'lxæd dzaumatæm.

— Uæd gauyzy xicau zahta:

— A gauzyl badt bafæræstaj, uæd dæ cæsty fænykhuylدمæ arvy kæron festynkændzæn.

Ajdæny xicau dzury:

— Arvy cyppar khabazy kædæm acydysty, uydonæj acy ajdænæj kædæm akæsaj, uycy ran dzy cy dæ fænda, ujy fenzynæ.

Ærtyggag, aguyvzæjy xicau dzury:

— Adæjmag ævædza jæ ud isynyl ssi, xicæn kæny acy ruxs dunejæ, uæd yn acy nuazænæj isty nost auahaj jæ quyry, aftæ jæ cyma mad kuyd nyjjardta, ujy-au festdzæn.

Uæd ta dzuryne:

— Cæj ma uædæ akæsæm n'ajdænæj æmæ bazonæm, kæddæra cy mi kæny, kæj kuræm, uycy čyzg.

Akastysty ajdænæj. Čyzg fæsæjgæ rynçyn æmæ jæ ud isynyl ssi.

Ærtæ læbbuwy abadtysty gauzyl æmæ uajtahd čy wholey uælqus balæuuuydysty.

Nuazæny xicau radta mælætdzag rynçynæn caværdær nost jæ nuazænæj, æmæ čyzg uajtahd sadžy xuyzæn ænæniz ssi.

Tærxony'rbadtysty'mæ 'vzarync, kæuyl æmbæly čyzg, kæcy xuyzdær dzauma razynd čy wholey fervæzynæn.

Ajdæn næ uydi, uæd rynçyn xabar næ bazydtaiggoj; gauyz næ uydi, uæd afojnadyl nal sæmbældaiggoj rynçynyl; nuazæn kuy næ uydaid, uæd dær yn næ uydi ænæ mælyn.

Badync tærxony nyr dær ma, ævzarync, nyr dær ma, fælæ næ færazync ravzaryn, xuyzdær dzauma sæ kæcy uydi.

—
Kærdzyn. July 28 bon, 1921 az. Dzæbæx nal quydy kænyn—xur anyguylly badtystæm Ossojuzy*) duarmæ. Dudaryqo Tæbæxsæuty,—qaqqænæg, æxsævgæs uydi Ossojuzy,—æz æmæ ma nodžydær cïdærtæ. Æz kodton revizi Sojuzæn. Ci badti, uydonæj cïdær cydær zahta. Uyj fædyl Dudaryqo'rxasta acy tauyræh:

Xuycau'vast nyxaskænyn ne'mbæly, kænæ „Cy næ zonaj, uymæn dæxi dæsny ma kæn“.

Dyuuæ lædžy fæcydysty qædmæ cuany; sæ iu cuanon uydi, annæ næ uydi.

A-cuan kodtoj æmæ cuanon sag amardta. Ærizær, aftæ cuanon dzury jæ'mbalmæ:

— Æxsævær skæniggam næxicæn, fælæ næm zyng næj uajgæ'mæ nyn uærtæ ruxs cy ranæj cæuy, uyrdygæj zyng ærbaxæss.

*) Осетинский Союз Потребительских Обществ.

Læg arast, baxæddzæ ruxsmæ; ærtæ lædžy badync arty farsmæ'mæ fizondžytæ fycync sæxicæn.

— Ulex'sæv xorz!

— Ægas næm cu!

— Zyng myn aværut.

— Uyj bærc dær ma dæ qæuæd, fælæ ual nyn razdær kuy zæhis: uaryn uydzæn ævi næ?

— Uydzæn.

— Na uæd xæræg fest,—zahta'rtæ lægæj iu. Xæræg festad æmæ'rtæ lægæn sæ farsmæ iu ran ællæuuuydi.

Ærægmæ kuy zyndi, uæd tyxsyn bajdydta cuanon: „Kæd myn isguydæm arædyd, kæd yl isty'rcydi? Con æmæ jæ racaguron.“

Arast æmæ baftyd ærtæ lædžy bynatmæ. Kæsy'mæ sæ farsmæ xæræg læuuuy.

— Zyngmæ racydi me'mbal, æmæ myn nal zyny jæxædæg dær.

— Tas yn næ uydzæni, fælæ ma nyn zæh—rajsommæ khævda uydzæn ævi næ?

— Xuycauy kuy bafænda, uæd æruardzæn, kuy næ jæ bafænda, uæd næ.

— XorzMæ dyn zyng, mænæ dyn uuj ta xæræg; alas æj dæ sadžy mard yl uæ xædzarmæ nyftauc kæn, stæj ta nyn æj ardæm sæmbælynkæn fæstæmæ.

Cuanon xæræg alasta, sadžy mard yl baværdta æmæ jæ sæ xædzarmæ nyxxasta.

Rajsta sadžy mard, xædzarmæ jæ baxasta. Xæræg ædsarh balæuuuyd sæ kærtymæ uasy sæ xædzarmæ. Razhordtoj jæ us æmæ jæ usy isgæj læg: xærægyl ralæuuuydysty lædzdžytæj. XorzMæ fedtoj nadæj, jæ iu cæst dær ma jyn skhaxtoj.

Rajsomæj kuy'rbabon, uæd cuanon racaguyrdta xærædžy, fæqyg, fæsahæskodta: „fæzærdæ xudt dæn færnyg adæmæj, fælæ ma cy gænæn is,—fæxæddzæ kænyn æj qæuy uæddær.“

Sæumæ rajsom xærædžy balæuuynkodta sau qædy.

Baxatyr kænut, fydblyz ærcydi uæ xærægyl, æfsærmy kænyn.

— Uyj xæræg næu, fælæ de'mbal u, dzury ærtæ lægæj sæ iu,—xuycauy' vast nyxas zahta'mæ uuj tyxxæj bacydi xærædžy carmy.

Æmæ uuj adyl xærædžy fæstæmæ cy ujdi, uuj festynkodta. Fælæ ænæ cæstæj bazzadi læg.

Cuanonæn ma cy bazonyq ujdi jæ'mbaly'mæ sæ xædzærtæm afardægysty.

Ærtæ'xsinædžy.

Rakodta jæ Čabæ **Quylaty Nauijy us Ærydony.** Cæudzæn yl 60 azæj čysyl fyldær. Arhau kæmæj quysta, uj nal quydy kæny. Fyst ærcydi janvary 3-m bon 1921 az.

Læg æmæ us uydi. Uydonæn rajguyrdi læbbu, stæj iu khord azy kuy racydi, uæd us amardi, læbbu bazzadi sidzæræj.

Læg ta bazzæxt æmæ'ndær us ærxasta. Cæryntæ bajdydtoj. Læbbu fæqomyl, æxxuys-qom fæci fydaen, cuan kænyn dær bajdypta.

Jæ karænmæ gæsgæ xorz aræxst fat æmæ'rdynæj: axæm bon n'acydaid, læbbu marh, kænæ syrdy mard kæd ne'rbaxastaid jæ xædzarmæ.

Bontæ zhordtoj, læbbu ræzydi'mæ kodta særænæj-særændær ály quytdadžy dær.

Fælæ'mbisondæn bazzad: „Fydy us—fyd ryn“. Uængæl festad sidzær læbbu fydy usæn. Cæryn æj nal uahta'ppyn, ædzux æj tardta tyx tærænty, jæ dzyxmæ komdzag, jæ cæstmæ'xsidav aftæmæj. Fæstagmæ babadt jæ lædžy byn æmæ arxæjyn bajdypta, cæmæj styr-zærdæ kæna fyd jæ fyrtyl. Uæd æm iu xatt bazzæxt æmæ jyn dzury:

— Nal færazyn dæ fyrtæj, æz fæcærinag nal dæn dæ xædzary, isčerdæm æj kuy næ fækænaj, uæd: kænæ dyn dæ fyrt, kænæ dyn æz.

— Xuycau kæmæn næj,—zahta læg,—cæmæn æm darys axæm zærdæ, kuy nicy gænæg u, fydblyz kuy næ xæssy, ægær xorz dær ma næm kuy kæsy: nyridægæn næ marh æmæ syrdy fydæj xæssyn kuy bajdypta,—uæd cæmæn aftæ kænys, næ xædzar nyn cæmæn xalys?

Us khærttæj chula næ kæny, nicæmæ dary jæ lædžy nyxas,—læbbu jæ cæsty syndz skodta.

Læg—lauyz, us—fældaxæg. Jæ særæn nal uydi læg jæ usæj. Biræ fætaerxon kodta, stæj æppyn fæstag ivyn bajdypta læbbu jyl jæ zærdæ. Us dær æj æncad kæm uahta.

Uæd iu axæmy fyd basidt jæ fyrtmæ'mæ jyn dzury:

— Barævdz kæn dæxi'mæ'xsæv ædtæjyl qædmæ fæcæuæm.

Arastysty qædmæ.

Fæcarxajdtoj ægas bon. Ærizærtæ, æftæ fyd læbbumæ dzury:

-- Uajgæ'mæ nyn isgæcæj zyng ærbaxæss, max art bandzaræm.

Læbbu azhordta zyng-agur, fyd ta aiftyhta jæ galtæ'mæ afardæg jæ xædzarmæ.

Ákast læbbu j'aly færstæm æmæ jæm ruxs særtyvta iu ranæj. Ruxsmæ saræsta jæxi. Cæuy, cæuy'mæ'xsæværtæm ba-xæddzæ iu xædzarmæ qædy astæu, ruxs kæcæj ærttyvta, uyr-dæm.

Aivæj xædzarmæ bakast æmæ uyny: xædzary astæu sudzy styr art, uælart æxsævær fycy avdquson adžy; khonajy aly fars avd uæjydzhy bady.

— Ardygæj ænæ zyngæj nal azdæxdzynæn, cydæriddær uæd,—zahta læbbu jæxi nymær æmæ bacydi xædzarmæ.

— Ue'xsævtæ xorz æmæ farn uæ xædzary!

— Færnæj dzag u'mæ næm ægas ærcu, xæxxon dziglo,—zahtoj uæjguytæ, sæ kærædzimæ bakæsgæjæ: næ dændægtyl asqauynæn nyn sbæzdzæn næ uazæg. Ærbadt.

— Zyng myn aværut,—mæ fyd mæm qædy'nqælmæ kæsy.

— Tahd ma bakæn, læbbu, dæ fydy dær bajjafdzynæ, ærbad ual næm i, dæ fællad næm suadz, nemæ'xsævær baxær.

Læbbu bambærsta, cy ranmæ baftydi ujy, ærbadt dælthuryl æmæ fændtæ kænyn bajdydta jæxicæn. Fæjnærdæm appærsta jæ nymæty fæddzitæ'mæ iuæj nyxas kæny, annæmæj fæskhona khaxy dzyq jæ khuxæj.

Pærtt-pærttæj fycy avdquson ag, pillon art guyr-guyr kæny, syrx-syrxid afældæxtysty uæjguytæ, chyxyry kænync arty farsmæ se'stavd zængtæ.

Ualymmæ uæjguytæ sæ kærædzijæn æmbarynkænync aivæj:

— Bavzaryn næ qæuy næ uazædžy jæ qarutæj, namæ nyl sajd kuy'rcæua. Æmæ dzury sæ xistær:

— Uazæg, xorz uaid, n'ag nyn uælartæj kuy rajsis, namæ jyl maxæn avdæj či arxajy.

Læbbu festad, kæstær dyuuæ'nguyldzæj uælartæj avdquson ag rogæn rajsta'mæ jæ khonajy farsmæ aværdta.

— Uædæ ma nyn æxxæst uargæ dær kuy bakænis.

Læbbu fæstæmæ dælthuryl ærbadt. Fydtæ agæj isgæ, stdžytæ'ppary, jæxædæg syn sæ fælmæntæ xærgæ. Kuy bafsæst, uæd, fælmæn fydtæ'pparyn bajdydta dzyqmæ, stdžytæ ta uæjguytæn.

— Zondæj jyn kuy nicy sarazæm, uæd yn tyxæj næ bon nicy bauydzæn,—zahtoj uæjguytæ.

Æxsævær baxordtoj. Canæ-bærædžy baruxs uydaid uazægæj mæguyr uæjguytæn sæ zærdæ.

Xærz-æxsæv zahtoj uazægæn, sæxuydtæg ændær ahuystmæ ajstoj sæxi. Læbbu xuyssæn ærkodta khonajy farsmæ, art banorsta. Stæj kuy'rtalyng, uæd bæzdæxt æmæ fæsvæd bakodta jæxi'mæ'ndær bynaty skuyssydi.

Uæjguytæ bajdydtoj dur kalyn arty farsmæ, uazædžy xuyssæn uatmæ, mæ cinkodtoj, uazægæn nal bazzajdzæn jæ stægdar dær, zæhgæ.

Rajsomæj xædzarmæ'rbacydysty uæjguytæ. Kæsync æmæ læbbu card-ægas.

— Dæ rajsom xorz, xæxxon dziglo, dæ xuyst kuyd uydi,—færsync æj uæjguytæ.

— Xóræj cærut,—zahta xæxxon dziglo,—mæ xuyst ævzær næ uydi, ærmæst mæ iu čysyl æxsænčytæ dardtoj qyg.

— Dzæbæx uazædžy axasty næ festæm, —sæ kærædzimæ dzurync uæjguytæ,—uycy khædzæx durtæ j'æxsænčytæ kæmæn sty.

Æmæ uæd uæjguyty xistær bazdæxt æmæ dzuryn bajdyta uazædžimæ.

— Næ uazædžy xaj, dæuæj xuyzdær næ qast, næ mast kæmæn rakændzystæm, axæmyl næma sæmbældystæm. æryft-dzæn ma næm, ævi næ, uj dær fællojag u. Kæsæm dæm avd æfsymæræj dær æmæ dæm styr qaru rairtæstam; nyfs næ is, næ uazædžy xaj, dæ qaru nyn kæj næ bacauerddzynæ, æxxuys nyn kæj bakændzynæ.

— Mæ bon cy baua, uymæj myl darut uæ zærdæ,—zahta læbbu.

— Rast. næ kulduarmæ uydi'vzist bæxbædtæn sahd. Či zony kædæj kædmæ læuuuyaaid fydælty xæzna uycy ran. Uæd iu rajsom racydystæm næ kulduarmæ'mæ bæxbædtæn uym nal: xuycau æj fæxasta jæximæ! Styr sahæsy bacydystæm, aguryn æj sistam æmæ jæ n'akom - kommæ bydyry astæu næuuuy sahd--aræstæj ssardtam. Baruxsi næ zærdæ, fælæ næ cin cæj bærc uydi, uj bærc næ færævdz næ quydtag. Næxi jyl bærgæ nyccavtam, næ tyx yl ævzaræm radygaj, iumæ dær yl s'arxa-jæm. fælæ nyn bæxbædtæn ænkhuysyn dær næ komy jæ by-natæj. Uædæj fæstæmæ jæm cæuæm aly majræmbon dær, ævzaræm yl næ tyx, ne'fty næ khuxy.

Næ isæn dyn radtiggam j'æmbis, æfsymæry cæstæj dæm kæsiggam, fydælty xæzna dæu ruadžy næ khuxy kuy baftid, uæd. Næ xæzna styr zynarh xæzna u maxæn, uj bælvyrda, fælæ næ čidæz xyndžylæg kæj kæny, uj ta u styldær mast, uj næ mærdtyl æftauy.

Ævzist bæxbædtænmæ bacydysty.

— Ravzarut yl uæ' tyx,—zahta uazæg. Fæcarxajdtoj ta uæjguytæ, fælæ nikuy'mæ nicy.

Uæd iu xatt sxæcydi læbbu,—næ fezmælyd bæxbædtæn, skodta dyggag xæst, næ fenkuhsynd ta bæxbædtæn. Uæd æj ærtყყag xatt mæsty riuyhd skodta læbbu'mæ' jæ uycy xuyzænæj sdavta. Bæxbætænimæ sxaudi chæx stænq basmaq.

Xur sæm ærbakast avd uæjygmaæ, kæron nal uydi sæ cinæn. Uazægæn cy næ lævarkodtjo, axæm næ uydi, Fælæ nicy bakuymdtæ uazæg, ærmæst syn zahta:

— Mænæ myn acy basmaqæn æmbal ssarut.

Uycy aguyrd fækodtoj uæjguytæ, fælæ sæ khuxy næ baftyd.

Xærzbon zahta uæjguytæn, arast. Lu dzævgar kuy rauad, uæd sahæsyl fæci: „Mæ fyd afommæ afardæg jæ xædzasmæ, mæ zyndžy sær dær æj nal qæuy; mæ fydy usmæ ta fæstæmæ fæsiron, uyimæ ta iu xædzary cæron, uydon dær aftæ bælliddzag quydtægæ ne sty mæ fydy usæn dær æmæ mæxicæn dær. Fæltau con æmæ dynetyl raxæton, kæd æmæ acy basmaqæn æmbal, namæ jyn jæ xicauy ssarin.

Cæuynætæ bajdyta, cæuynætæ. Fæstægmæ iu tyhd bydymæ kuyd baftyd, aftæ kæsy' mæ dard cydær iu ran sau ændærg dary; læugæjæ kuy kæsaj, uæd—fys fos, badgæjæ kuy kæsaj, uæd ta—adæm.

— Cy sty, uj kuy næ ravzaron, uæd næ uydzæni,—zahta læbbu'mæ sæm saræsta jæ nyx.

Kuy sæm baxæddzæ, uæd kæsy' mæ adæm. Xuyzy'rtau sæ nikæj ual is, dzoi-dzoj kænync uælauædzy'fsirau, kærdæg tonync æmæ jæ uycy xuyzænæj xærync, či ta dzy saumæræj sædtynmæ qavy jæ stong.

Čysyl syl næ fædiskodta xæxxon dziglo, stæj bambærsta, adæm cæj axxosæj ævzærstoj axæm zyndzinad. Paddzaxy'fsædton adæm æryncadysty furdæn jæ iu bylyl, uyrdaem sæm annæ farsæj ærvystoj cy quydi, uydon æppæt. Lu afonæj fæstæmæ sæm xærinag nal xæddzækodta; zamanajy nauy iu, aly xærinag dzag, rarvystoj æfsædton adæmæn, æmæ iu ævædza furdy astæumæ'r baxæddzæ, aftæ iu dony bynæj čidar (cydær) jæ khuxæj naumæ sævnældta, æmæ iu uj adyl nau bynton aftid festad: xærinag uæd, nuazinag uæd, ænæ uj dzauma, cydær iu festy iuuylæ.

Xæxxon dziglo sbadt nauy, dony uycy fæci. Nau ta bajdzag kodtoj alcy'ppætæj æmæ ta ralenk kodta furdy. Xæxxon dziglo bady nauy' mæ qaqqæny. Furdy astæu ta khux fæzyndi.

Læbbu jæ ærcavta jæxsæj,—khux f'auuon. Dyggag xatt dær ta aftæ. Ærtyggag xatt dony sær kuy fæzyndi khux, uæd æm læbbu uycy iu læburd fækodta'mæ syzhærin khuxdaræn, nalquyt-nalmæsæj aiv aræst læbbujy khuxy azzadi ænguylzy buc carm dær jæ uælæ, aftæmæj.

Ænæ zianæj ærbairvæst nau, adæm se stong basastoj, Cintæ'mæ mondægtæn kæron nal uydi. Xæxxon dziglojy paddzaxmæ baxuydotoj. Uj jyn styr kad skodta, styr bynat yn læværdta jæ paddzaxady. Læbbu arfæ rakodta paddzaxæn, fælæ komgæ nicy bakodta.

— Mænæ myn acy basmaqæn æmbal ssarut—zahta xæxxon dziglo.

Paddzax dzyrd radta,—kuyd bacaguroj basmaqæn æmbal. Biræ fæzyldysty, fælæ paddzaxady basmaqæn æmbal næ razyni.

Arast ta læbbu paddzaxadæj. Cæuy, cæuy'mæ iu ældary qæumæ kuyd baxæddzæ, aftæ jyl ba'nafon. Fysymmæ cæuymæ bazivægkodta; fælæ qæuy raz uælmærd æmæ uym iu zæppadzy raz æryncad. Xuyssy, a-rædzæ-mædzæ kodta. Ualymmæ... pær-pær!.. amæ iu æxsinæg zæppadzy duarmæ æruah- ta jæxi. Ucy ran æxsinæg afsnajdta jæ bazyrtæ, ræ- suhd čy়zg festad, dæhælæj zæppadzy duar bajgomkodta, jæ dzyppej urs-ursid kælmærzæn sista, mard læbbu-lægyl æj ærtæ xatty rasærfta'ma mard ærægas. Æxsæv bonmæ læbbu' mæ čy়zg fæqazydysty, kærædzijyl cintæ, mondægtæ fækodtoj. Bonyviany, ævædza'xsæv æmæ bon kærædzijæ cux kænyn c, aftæ ta čy়zg kælmærzænæj læbbujy ærsærfta: Læbbu ta auahta jæxi mæ ta mærdon fynæj baci zæppadzy. Čy়zg duar axgædta, jæ bazyrtæ'rbaşaht'a'xsinæg festad. Pær-pær!.. æmæ ta tæmæntæ kalgæ cydær ærbaci.

Fædiskodta læbbu; canæ-bærædžy ma jæ'rcaxstaid xuyssæg dær. Stæj xurzærin kuy skasti, uad læbbu bacydi qæumæ'mæ Khulybagæg usmæ bafysym kodta. Čysyl fæstædær, aftæ dzyl- læ guylvæntæ kænync. Læbbu færsy Khulybadæg usy.

— Cavær xabar u?

— Cavær xabar u kuy zæhaj, mæ uazædžy xaj, uæd ne'ldaræn uydi iunæg læbbu. Khuyri cæuy, aftæ jyn ævast amardi, rajsom yn xærnæg kænync æmæ adæm cæuync ældarmæ fækæsynmæ.

Ærizær aftæ xæxxon dziglo uælimærdmæ ajsta jæxi. Ucy zæppadzmæ'vvaxs ta'rxuyssy'd æmæ nymætæj æræmbærsta jæxi. Jæ cæstyta'vædza nyr kærædzijyl æræværa, aftæ ta pær-pær!.. æmæ ta'xsinæg zæppadzy duarmæ æruahta jæxi, afsnajdta jæ bazyrtæ, čy়zg festadi, zæppadzy duar dæhælæj bakodta'mæ bacydi midæmæ. Ucy ran ta urs-ursid kælmærzæn felvæsta jæ dzyppej, mardyl æj artæ xatty rasærfta'mæ ta læbbu ærægas. Bony chæxmæ ta fæqazydysty, fæcintæ kodtoj. Ævædza čy়džy tæxyn afon ralæudzæn, aftæ xæxxon dziglo zæppadzmæ balasta jæxi.

Čy়zg jæ kælmærzæn felvæsta'mæ jæ'rxæssynmæ qavy'ldary læbbujyl. Xæxxon dziglo fæcærdæg,—čy়džy khuxæj kælmærzæn raty dta. Uyj adyl æxsinæg ataxti, ldary fyrt card-ægasæj bazzadi'mæ arast jæ fydy xædzarmæ. Xæxxon dziglo dær fezmælydi'mæ jæ fysymtæm balæuuydi.

Ældar xist kuyvdmæ azdæxta. Xondžytæ fervysta jæ syxag qæutæm dær ma. Qast, kaft samadtoj kuyvdy. Ædæmæj biræ fæsvæd nal bazzadi'mæ minasy badtysty'ldary kærtý.

Kuyvd jæ tæggæ tyngyl, aftæ'ldar æmæ jæ us xaj æmæ nuazæn radtoj sæ fyrtmæ'mæ jyn dzurync:

— Acy xaj æmæ acy nuazæn axæss, æmæ dæu mærdtæj či'rbazdæxta, uymæn sæ radt, stæj jæ næ razmæ'rbaxon, max yn arfæ rakænæm, næ bon cæj bærc baua, ujy bærc.

Ældary fyr fæzyldi kuyvdy adæmyl, fæstæmæ'rbazdæxt, xaj æmæ nuazæn fyd æmæ mady khæxty raz nyccayta, stæj dzury: „Ciu, cavær u! adæmæn sæ fylðær æmbis kuyvdy kuy næ sty“.

Arvystoj ta xondžytæ, æræmbyrd ta kodtoj nodžydær. Radtoj ta xaj æmæ nuazæn læbbumæ. Razil-bazil ta fækodta mæ ta sæ'rbaxasta fæstæmæ. „Adæmy fyldær ættæ sty,“ — zahta ta'ldary fyr.

Uæd xondžytæ zahtoj: „khaxyl dzogæj qæubæsty niči ual bazzadi, iuuyldær kuyvdy sty. Bazzadi'rmæst iu adæjmag, am či næ sæmbæld axæm, ujy u Khulybadæg usy uazæg.

— Acæut, ærbaxonut æj, —dzyrd radta'ldar.

Ærbaxuydtoj xæxxon dziglojy. Æd-xaj, æd-nuazæn ta zily 'ldary fyr æmbyrdy adæmyl. Kuyddær Khulybadæg usy uazægmæ fækom-kommæ, aftæ sæ uymæn radta, baxuydta uazædžy jæ nyjjardžyty razmæ'mæ zahta:

— Mænæ uyn ujy ta mæ irvæzyngænæg.

Fyr-cinæj jyn cy kodtaiggoj, uymæn nicy ual zydtøj ældar æmæ jæ us, stæj kuyvdy adæm. Jæ khaxæj cæwyn dær æj nał uahtoj, fælæ jæ sæ uælnyxtu xastoj, raxs-baxs æj kodtoj.

Uæd æm ældar dzyry:

— Ærtæ čydzhy nyn is. ærtæ dær dæ fæqqau fæuænt. mæ is, mæ bisæj cæj bærc aggag kanys dæxicæn, ujy bærc dyn dzy lævar kæny. Dæuæn cy bacauærdon, axæmæj mæim-mæ nicy is.

— Xajyr uænt, čydzhytæ kæj sty, uydonaen, xajyr dyn uæd dæ qæzdygdzinad, —æz fos aguræg, isy fædyl xætæg adæjmag næ dæn, —zahta læbbu. —Fælæ dæ kuryn æmæ kæd amal is, uæd myn mænæ acy basmaqæn æmbal bacagurynkæn.

Biræ fæcaguyrdtoj, fælæ basmaqæn æmbal ne' ssardtoj.

Uæd læbbu bazdæxt ældarmæ'mæ jyn dzury:

— Kæd dæ ujy bærc næ batyxsyn kændzynæn, uæd myn dyuuæ xordzeny dzag zægæltæ'mæ dzæbug sarazynkæn, —æz rast kænynmæ qavyn mæ fændagyl.

Radtoj jyn zægæltæ dyuuæ xordzeny, dzæbug; radtoj jyn fændaggag — xæssynæn rog, xæryñæn — addžyn. Xordzentæ jæ. uæxsgyl æræftydta xæxxon dziglo'mæ ta abalc.

Cæuy, cæuy'mæ iu bydyrmæ baftyd. Bydyry galuan, galuany mæsyg. Ujcy rakæs-bakæs fækodta læbbu, fælæ duar næ razyndi — næ galuanmæ, næ mæsygmæ.

— Ævzær næ uaid, mæ fællad ual acy ran kuy suadzin uæd, —zahta læbbu. Fælæ jæm marh batæxæn dær kuy nikæcæj is, uæd mæ fændon kuyd sæxxæst kændzynæn? Næj myn

æj ænæ basgaryn, cy fændy zyn kuy ua, uæddær. Stæj cavær ahuyst u, či dzy cæry, uydon bazonyn dær myn quamæ fydblyz ma'rxæssa.

Dzæbug sista xordzentæj, zægæltæ mæsydžy khuly dury'xsæn xojgæ, jæxicæn khax læuuæntæ arazgæ, aftæmæj mæsydžy sær-mæ sfardæg xæxxon dziglo. Mæsydžy zildux asin jæ særæj jæ bynmæ. Asinyl æruahta jaxi'mæ iu xærz æfsnajd uatmæ cyd fæci. Ulaty iu khulmæ'vvaxs fyng, fyndžy farsmæ badæntæ, khultyl æværæntæ, khæbicgændtæ, khusdžytæ'mæ tær-xædžytæ aræst; sæ uælæ, sæ midæg aly xuyzon ræsuhd dzaumatæ.

Rakæs-bakæs kæny'mæ dzy iu zynæg næj. Jæ xordzentæ, jænymæt sista, iu khuymy sæ afsnajdta'mæ fyndžy farsmæ iu bandonyl ærbadt. Kuyddær jæxi æruahta badænmæ, aftæ fækast æmæ fyng ajdzag aly xærinag æmæ nuazinagæj. Lu'rdygæj cajdan rauadi æd-nost, tæbæhtæ ad-xærinægtæ, annæ'rdygæj, uæxstytæ æd-fizondžytæ, nuazæntæ aly'rdygæj zhordtoj.

Banosta, baxordta, xorz fæminaskodta. Xærd fæci, zæhgæ, aftæ ta fyngyl cy dzaumatæ uydi, uydon sæxuydtæg sæ by-nættæm ajstoj sæxi.

Uazæg systadi fyndžy uælqusæj, galuany iu ran bafæsvæd kodta jæxi'mæ'nqælmæ kæsy, qaqqæny, darddær cy xabartæ 'rcæudzysty, uydommæ.

Ualymmæ—pær-pær!.. æmæ iu æxsinæg ærtaxt mæsygmæ, feppærsta jæ bazyrtæ, čy়g festad æmæ fyndžy farsmæ'ruahta jæxi ænkhardgomau, jæ fæstæ dyggag æxsinæg. Uyj dær ta felvæsta jæ bazyrtæ, čy়g festadi'mæ'rbadt fyndžy farsmæ. Sæ fædyl ærtaxt ærtaxtæ dyggag æxsinæg dær; uyj dær ta aftæ: feppærsta jæ bazyrtæ, čy়g festad æmæ fyndžy farsmæ'rbadt.

Fyng aly xorz xærinag, aly xorz nostæj ajdzag. Fælæ'nkhardæj badync ærtæ čyždžy, iu komdzag sæ niči xæssy jæ dzyxmæ.

Uæd sa iu bajdajy dzuryn:

-- Zæhut ma myn, mæ uarzon xotæ, cæuyl ænkhard stat, fyngmæ uæ'vnalgæ dær kuy niči kæny? Bafærson uæ, mæn tyxxæj ænkhard stat, ævi sahæsy uæxi særappon bacydy-styt smax dær? Æmæ kæd aftæ u, uæd myn bambaryn kænut uæ sahæs, uæ mast, kæd uyn fækhaddær uaid.

Dyggag zahta: „Uadæ æz dær aftæ kuy aqydy kodton,— kæd, zæhgæ, mæ mastæj bamæstdžynysty mæ xistær æmæ mæ kæstær xo“.

Kæstær dær aftæ: „Uadæ æz dær aftæ kuy'nqældton“, Uæd dyuuæ kæstær xojy zahtoj:

— Dy dæ næ xistær, mady ad kæmæj zonæm, uyj,—dy ual radzur dæ qast, dæ mast, stæj max dær radzurdzystæm, kæmæ næ cy mast qary, uyj.

— Avd uæjydžy duarmæ uydi ittæg aiv bæxbædtæn, ævzistæj aræst,—dzuryn bajdydta xistær xo.—Æz bæzdæxtæn æmæ uycy bæxbædtæn. iu æxsæv felvæston jæ bynatæj æmæ jæ bydyry astæu næuuuy ærsahton. Uæjguytæ jæm aly majræmbon cydysty, sæ tyx yl ævzærstoj, fælæ syn æj æz slasyn næ uahton. Aftæ sæ qazydtæn æz, uæjguytæ ta fyr-sahæsæj cy rakkotaiggoj, uymæn nicy ual zydtøj.

lu majræmbony ta uæjguytæ bæxbædtæny raz balæuuydysty, semæ iu xæxxon dziglo, jæ quymyz ma jæ dongomtæj kaldi, axæm. Sæ tyx ta fevzærstoj uæjguytæ. fælæ nicy bafæræstoj bæxbædtænæn. Uæd xæxxon dziglo dær dyn ma fælæg kæna ma jæxi! Æz baxudtæn mæ mid-byly'mæ dzuryn mæxi nymær:

— Uæ næntyst ærbauaj, xæxxon dziglo, kæd myn dæxi cæuylty'vzaryns,—avd uæjydžy cy næ bafæræstoj, uuj kæd dy næ bafærazaj“.

Cyrd æm læuuyn, uæddær, uæhd næ uadzyn bæxbædtæn.

Uæd dyn xæxxon dziglo dær, mælæty lægau iu xæst skodta bæxbædtænyl æmæ nicy. Skodta dyggag xæst dær—kæm yn æj suahtain uæddær. Uæd æj ærtyggag xatt ævast, ævip-pajdy aftæ sriuyhta, aftæ, mæ bæxbædtæn sæppærsta, stæj ma mæ chæx stænq basmaq dær fæuælzæx, mæ khax bæxbædtænmæ kuyd fæcaræston, aftæ. Næ mæm kæsut, mæ iu basmaq nal is mæ uælæ. he uuj uyn mæ sahæsy, mæ'nhardy axxosag.

— Xuycaumæ xorz næ fækast mæ quydtag dær, ævæddzægæn,—zahta astæuggag xo.—Furdy bylyl æryncadysty'fsædton adæm. Innæ farsæj syn ærvystoj sæ xardz. Æz sæ batyx-syn kodton. Furdy astæumæ iu sæ nau ærbaxæddzæ, aftæ syn iu æj aftidæj azzajyn kodton! Katajyl systy adæm, mardysty sydæj, fosau xizyn bajdydtoj kærdægyl. lu axæmy nau ærbacæuy, rbalasy alcy'ppæt æfsædton adæmæn.

Dony astæumæ'rbaxæddzæ væjjy, aftæ sdardton mæ khux. Uæd myn nauæj iu čidær ærcavta mæ khux jæxsæj, æz æj ambæxton. Sdardton ta jæ dyggag xatt dær, uæd dær ta aftæ: nodzydær ta myn æj ærcavta. Ærtyggag xatt kuyd sævnældton naumæ, aftæ mæ khuxmæ fælæburdæuyd, mæ khuxdaræn myn felyæsta, mæ khuxy char dær ma myn astyhta.

Aj ta uyn mæ sahæsag.

— Ældaræn uydi iunæg læbbu, æz æj bauarston, čy়g læbbujy kuyd bauarzdæn, aftæ,—rajdydta kæstær xo. Uyndæj dær, kondæj dær næma ravzærdi axæm guyrd acy dunejyl. Mæ kælmærzæn yl rasærfton iu axæmy, mæ læbbu'vippajdy amardi. Kæuy-næj nal uydysty sæ særæn, ældar, jæ us æmæ læbbujy'rtæ xojoj. Khuyri racydi, aftæ jæ banygædtoj iu zæppadzy. Uycy

khuyrijy midæg æm æz aly izær fæcydtæn, rajgas iu æj kodton, æxsæv bonmæ iu fæqazydystæm, stæj ta iu æj rasærfton mæ kælmærzænæj æmæ iu læbbu mardau auahta jæxi.

Lu æxsæv kuy uydi, uæd ærtaxtæn zæppadzmæ' mæ fexsaj-dta mæ zærdæ: cydær xuyssydi nymæty byn zæppadzmæ' vvaxs. Üymæn jæ dyggag æxsæv dær ta aftæ. Æxsæv bonæj xicæn kænyn bajdypta. Siston mæ kælmærzæn. Æmæ'vædza nyr rasærfon ældary læbbujyl, aftæ myn æj nymæty byn či xuyssydi, ujy askhaefta. Ujy ta uyn uædæ mæ mastæn jæ uyidag.

Uæd xistær xo'mæ astæuggag xo zahtoj æmdzyxæj: „Xuycau æj æfsymæræn kuy radtid“. Kæstær zahta: „Tabu uæ far-næn, mæ xistær xotæ, fælæ jæ mænæn ta særy xicauæn kuy saggag kænid xuycau!

Xæxxon dziglo ma'rtæ xojo nyxæstæj æxsyzgondær kæj nyxæstæm bajquystaid! Jæ'mbæxst - uatæj racydi, jæxi syn sqær-kodta (bacamydta). Xistæræn jæ basmaq radta, dyggagæn jæ khuxdaræn, kæstæræn jæ kælmærzæn, stæj cæryn bajdypta'xgæd galuan æmæ'xgæd mæsydžy, bydyry astæu, ærtæ'xsinædžy kuyd saggag kodtoj, uycy'hdaul.

Afommæ dær ma cærync æmæ xærync. Uydonæj cy næ fedtat, ryn, sonæj dær ændær macy fenut.

Rakodta jæ Ærydony **Baskaty Tembolat** ærtqi-ræny mæjæn jæ 14 bon 1921 az. Tembolatyl cæudzæn 55 azy. Jæ fydaeltæ Ærydonmæ ralyhdysty Kuysurtæj, Uælladžyry komy.

Ældary čyzg kænæ dyuuæ'rdxord ældary.

Tyng addžynæj cardysty dyuuæ'rdxord ældary. Styr æuuænk uydi s'astæu, kærædzijy cæra kodtoj, aftæmæj ærvystoj sæ bontæ. Sæ xærd dær, sæ nost dær iu: ajk dyuuæ'mbisæj xord-toj; sæ iuy cindzinad, sæ iuy mast annæmæn' uydysty mast æmæ cindzinad.

Ældærttæj sæ iuæn uydi læbbu'mæ čyzg, annæ ta uydi ænæzænæg. Uycy xuyzænæj acardaiggoj iu khord azy, aftæ zænægdžyn ældaræn amard jæ us. Ældar ujy adyl dzyrd radta, iuæj sau kæj badardzæn afædzy bonmæ, annæmæj Čabæmæ kæj fæcæudzæn, cæmæj dzy basgara Mæxæmæty zæppadz æmæ dzy rakura pexuymparæj udybæstæ jæ mard æfsinæn.

Jæ'rdxordy xædzary nyuuahta jæ čy whole, jæxædæg æd-fyrt aræst Čabæmæ.

Cæryntæ sista čyzg jæ fysymtæm. Buc æj darync ældar æmæ jæ us, čyzg dær, rast zæhyn qæuy, sæ zærdæxudt nicæmæj isy.

Uæd ældar æmældary us qast skodtoj, cæmæj sæ uazæg qyg ma kæna. Biræ fæsivæd æræmbyrdysty qastmæ, qældzæg kænync adæmy dær, sæxi dær. Čysyl dizzy næ uydi rasuhd čydzytæ, fælæ dizzy uazæg čygzæj ræsuhddær æmæ aivdær næ razynd. Fæsivædæj iu khord læbbuwy zærdæmæ tyng bacydi, kuryn æj bajdydtoj æmæ dzyrd nyuuahtoj ældarmæ.

„Sæ cæst æræværdtoj adæm ældary čyzgyl, uymæj æppæly-næj fylðær nal uydysty aly ran dær æmæ iu dzyrdtoj: „Uyndæj dær, lædžy qædæj dær næ uazæg čydzhy xuyzæn næma uydi, guyrgæ dær næ rakændzæn. Niči skærddzæn, niči baxuyjdzæn uyj xuyzæn, uyj kærdzyny skondæn æmbal næ uydzæn; uæd æfsarmæj, æhdauæj ta u axæm æfsarmdžyn, axæm uågdžyn æmæ bafæzminaq u aly čyzgæn dær“.

Æmæ ta'ldar qast saræsta. Fyddzag qastæj dzy fyldær fæsivæd æræmbyrd—ævzargæ čyzg æmæ'vzargæ læbbujæ. Qasty dzyllæjæn s'akast uydi uazæg čyzg. Xistæræj, kæstæræj sæ zærdæ 'pillon art uahta jæ uyndæj; kafynæj nal fællajync, qusynæj jæ zardmæ.

Nodžydær ta jyl fyldær adæm fæsivædæj dzuryn bajdydtoj.

Ældary xædzar fæfidydtu uazæg čyzgæj. Kæstæriuæg kænyldary čyzg xædzary xicæuttæn—læg æmæ usæn, zænædžy ad yl bazydtoj uydona dær.

Bazmælæntæ nal uydi ævzargæ fæsivædæj ærtyggag qasty: arvæj æxsidav kuy'rxaudaid, uæd zæxxyl nal sæmbældaid. Næ razynd nyr dær uazæg čywgæn æmbal ut—æppæt čydzhyty ræhauæj. Qast rajxæld, fæsivædæj ta birætæ dzyrd nyuuahoj ældarmæ čydzhy tyxxæj.

Ærænkhard ældar, sahæsyl ssi. Bon æm arvy ruxs nal zyny, æxsæv æj xuyssæg nal axsy. Katajyl ssi jæxi nymær. Xædzary quydtægtæm nal dædty jæ zærdæ; xærinag yn ad nal kæny. Binontæ uynync, ældar jæxi uagyl kæj nal u, fælæ cæmæn aftæ ærænkhard, uuj bafærsæg æj næj: niči jæm xæssy jæ nyfs.

Biræ fæquyrduxæn kodta'ldar, fælæ nicy bafæræsta, ærægæj ardæm jæ zærdæjy midæg cy'ndavyndzinad sævzærdi, uj basædtyndæn.

Xæjrædžy xaj jyl fæuælaxiz.

Ældar æmæ jæ'rdxord æfsymæry astæu cy'uuaenk uydi, dzyllæjy'xsæn dzy cy'fsarm, cy kad uydi—se'ppætæj dær uarzon-dzinad tyxdžyndær razyndi. Jæ uazæq čydzhy bauarsta'ldar.

Fadat ran ældar skojkodta čyzgæn jæ sahæstæ, jæ fænd.
Arv æj cyma'rcavta, ujy - au fæci čyzg, fælæ ma aftæ ravdi-
syn jæ bon baci, cæmæj jyl ældar næ fæguyrysxo uydaid, jæ
zærdæjy'uuæltæ jyn næ bambærstaid.

— Zondæj sarazyn kuy nicy bafærazon,—dzury čyzg jæxicæn, cæmæj ældary uarzondzinadæj bairhævon mæxi, uæd ræsty'rdæm n'auyrdygysty mæ quydtægtæ.

Æmæ dzury'ldarmæ:

— Ældar cæra, mæ fyð am næj, mæ iunæg æfsymær dær ujx xuyzæn; xorz uydaid, uydon ærbazdæxynmæ kuy fækæsis.

— Xorž čyzg, uymæn amal ne'rcæudzæn: mæ bar mæxiuyl nal cæuy. Dæxædæg dær ænæ uyngæ næ dæ, mæ særæn kæj nal dæn, kæd uycy ranmæ cæmæn ærcydtæn, ujdyn ærgom næ uydi, uæddær. Nyr ujy bambar, æz dæ aftæ bauarston æmæ myn ævædza isty zærdæ næ baværdtaj, uæd mæ cardy sær nal rajsdzynæn.

— Mæ fyð ujy kuy bazona, æz dyggag usæn fæcydtæn, uæd yn kuyd mast, kuyd uajdzæf uydzæn, uycy quydtæg, uymæn jæ'rdxord æmgaræj xuyzdær niči bambardzæn, stæj æz dær ag-gag kuyd skændzynæn mæxicæn æmæ mæ razahd fyð, mæ iunæg æfsymærmæ uajdzæf ærxaua, æmæ dzyllæjy'xsæn nyx-khuylæj cæraj mæ særappon. Annæmæj ujy bærc kæimæ fæcardtæ, dæxicæn addzynæn, uarzonæn kæj bacaguyrdtaj, dzyrd kæmæn radtaj, ujy bafxæryn quamæ ma baxæssaj ma dæ sær-mæ, xuycauæj dær æj næ bauænddzynæ.

— Lyggond myn u uycy quydtæg dær: kad æmæ jæ radæj arvitdzynæn jæ fydy xædzarmæ, æhdau kuyd amony, aftæ.

Ujy adyl ældar usy arvysta jæ cægatmæ. Čyzg bambærsta, zyn fadaty kæj baxaudta, zynæj kæj fervæzynkændzæn jæxi, zynæj kæj næ bačhizi kændzæn jæ fyð æmæ jæ'fsymæry cæsgom dær. Uæd ma jæ særæn uycy xos ssardta'mæ'ldary galuany bambæxsti, avd duary dzy sæxgædta jæxiuyl æmæ nal kasti ædtæmæ.

Ældar, kuy tyzmægæj, kuy sabyræj ævzadžy xatt æruadzy, xatyn æm sisy, læxstæ jyn kæny, fælæ čyzg kom næ dædty.

Zyndzinædtæ'vzary čyzg mæsydžy avd duary fæstæ: tyxsy ænæ xærinagæj dær, dojnyjæ dær, uycy uyngæg ran æj fyðæx-sætæj syst baxordta; fyrmæstæj xattæj xatt kæuyn bajdajy æmæ jæ cæssyq nalquyt-nalmas færdguytæ abuzyn sisy.

Iu bon ældaryl dzyrd sæmbæld, jæ'rdxord Čabæjæ kæj ærbazdæxy, stæj dzy kæj kury, cæmæj ældar čabædzauy razmæ sæmbæla iu boncau, cæmæj uycy ran bacinkænoj kæræ-dzijyl.

Uæcquydæj ældary zærdæ canæbærædžy baruxs uydaid, fælæ jyn uæddær ædzæugæ amal kæm uydi.

Kærædzijæn salam radtoj dyuuæ'rdxordy'mæ čabædzau dzury:

— Cæj tar ærfygæj kæsys, cy kodtaj? Dæxi xuyzænæj dæm kuy nicy ual bazzadi'ppyndær. Biræ mæguyrdzinædtæ bavzær-stam mæ fyrtimæ: kæm æxxormag, kæm ænædon, kæm tasy

byn abyrdžytæj, ædzæræg, æntæf bæsty. Fælæ, bauyrnæd dæ, bauyrnæd, axæm ræstæg myl nikuy ckodta, mæ zærdyl kæd næ læuuuydtæ, kæd dæ næ mysydtæn. Mæ xædzarmæ, mæ iunæg čyzgmæ aftæ ne'xsajdta mæ zærdæ, dæumæ kuyd æxsajdta. Nyr dær dæm me'rvysty sær uysi uymæn, cæmæn, cæmæj dæ fedtæn tahddær.

Uæd mæm uymæ cy cæstæj kæsyn!

Aftæmæj ta myl, xuycau me'vdisæn, ærqæcmæ næ qæcydtæ, dæ card dyn ad næ kodta ænæ mæn.

— Mæ xælar, xatyr dæ kuryn, dæxicæn uycy zyn skæn, iu čysyl mæm ærbajqus, æz dyn radzurdzynæn, mæxi xuyzæn cæmæn nal dæn, mæ zærdæ dyl cyma sivton, aftæ dæm cæmæn zynyn, uydornæn s'axxosag. Fælæ dæm baxatin, dzurynmæ dyn kæj qavyn, uydornæn arf æværæny mæximæ, mæ riuy, mæ zærdæjy midæg kuy bazzadaiggoj, uæd biræ xuyzdær uydaid. Næsæ tæry næ mæ zærdæ dæuæn radzuryn: styr niz dyn kuy skænoj, uymæj dyn tærsyn.

— Sombon kæj bazonon, fæstædær kæj fequson, uj myndy, mæ iunæg ærdxord, razdær kuy radzuraj, uæd rastdær æmæ pajdadær uydæn. Sæinag cy nizæj uon, uymæj quamæ razdær basæjon, mæ xæs—zynæj dær, razdær quamæ bafidon.

Zæh myn dæ zæhinag! Æz dæm qusyn.

— Uædæ fæuæd dæ fændon. Dæ iunæg čyzg card i mæ xædzary jæxi xædzary xuyzæn. Dyuuæ uydystæm æmæ nyjjardžytæ sæxi qæbulmæ aftæ næ bafæræstajggoj kæsyn, zilyn, aftæ jæm zyldystæm, kastystæm. Næ xædzary cy ardtam, uymæj jyn nicy bacauærstam. Čyzg, rast zæhyn qæuy, iu dyuuæ bony ræsuhdæj ravdysta jæxi. Fælæ stæj... styr zyn myn u jæ zæhyn dær... stæj ævippajdy afælyvta jæ xuyz. Zæxxyl næ razndzæn axæm ænæ hidaudzinad, axæm æggaddzinad, uj jæ særmæ cy næ'rxasta. Us æmæ læg uydystæm æmæ næ kærædzijæn kard æmæ fyd festynkodta jæ fyd - ævzagæj: mænæn iu dzyrd, næ xædzary'fsinæn annæ dzyrd. Uj dyn jæ iu quydtag.

Annæmæj aftæ suahta jæ cæsgom æmæ fæsivædæj birætæn nysæværdta, aggag cæmæj næ uysi, axæm quydtægæj. Cu, cu! 'mæ cæj bærcytæ næ baqæcyd jæ cæsgom! Mænæn dær, dæ iunæg ærdxord æfsymæræn, bazdæxt æmæf kæd qartta jæxi. Dæ cæsgom baxæräj, zahgæ jyn æz bauajdzæf kodton, bartqiræn æm kodton dæ nomæj. Uj adyl nyn aftæ fætærgaj æmæ bacydi mæsydžy, avd duary sæxgædta jæxiuyl, næ razmæ nal ævdisy jæxi. Uycy ran cy mi gænæg u, cæmæj cæry, xuycau jæ zonæg.

Dæ iunæg čydzhy baværym dyn kæj næ bafæræston, mæ xædzary dyn ævzær uag kæj rajsta, uymæj dæ styr khæmdzæstyg fædæn, mæ iunæg æmgar, styr zylyn xonyn mæxi dær, mæ xædzary'fsiny dær.

Uæd čabædzau ældar bazdæxt æmæ ærvnærægau bajdydta dzuryn jæ iunæg fyrtmæ:

— Mæ fyrt, de'fsymær xo'mæ mæ iunæg čyzg cytæ bakodta, uydon fequystaj mæ xælary džyxæj dæxi qustæj. Cæugæ tahd me'rdxordy xædzarmæ, mænæ acy slyq dær ajs demæ. Argævd de'fsymær xo'mæ mæ iunæg čy whole="1" style="display: inline-block; width: 100%; vertical-align: middle;">zdy. Iæ tugæj myn ærxæss acy slyqy dzag. Æz calymmæ mæ iunæg čyzg, mæ qæbulu tugæj mæ dojny basædton, ualymmæ næ basabyr uydæn mæ mast, ualymmæ fæcæuinag næ dæn mæ xædzarmæ, adæmmæ nal ravdisdzynæn ualymmæ mæ cæsgom.

Cærynaej xærynmæ uycy'værd (qaqqæd) fækodton mæxicæn, nikuy nicæmæj bačhizikodton mæ cæsgom, kad æmæ radæj dzyllæty astæu fæxattæn. Nyr myn mæ iunæg čyzg, mæ uarzon qæbul, mæ sær ralygkodta zærondyrdæm, fæxudinag mæ kodta, cærdudæj mæ baftyta mærdtyl.

Khæmdzæstygæj bazzad mæ iunæg ærdxord dær æn'axxsæj... Zænædzy mast, cæj zyn uromæn dæ cæ!.. Tahd bakæn, ænqælmæ dæm kæsdzynæn acy ran.

Cæxærtæ kalgæ, fyr-mæstæj, balæuuysi'ldary fyrt jæ fydy 'rdxordy xædzary. Tyzmægæj dzury čyzgmæ. duar yn kuyd bakæna. Čyzg quydy ciu, uj dær æj næ kæny.

Uæd æm æfsymær bajdydta læhzæj dzuryn.

— Ma tærs, mæ xo, ma tærs, duar myn bakæn, æz de'fsymær dæn.

— Kæd æmæ'cægæj dær mæ iunæg æfsymær dæ, uæd mæ mady khuxdaræn ærbappar, namæ dæm fæstæmæ dær n'akæsdzynæn, duar dyn næ bakændzynæn.

Æfsymær æm khuxdaræn bappærsta, čyzg æj bakodta jæ khuxyl æmæ uæladzygæj ragæppkodta jæ'fsymæry qæbysmæ.

Æfsymær æj uycy xuyzænæj rakusartkodta zæxxyl, kard yn ærbaværdta jæ xurxyl, æmæ nyr særgævda čy whole="1" style="display: inline-block; width: 100%; vertical-align: middle;">zdy, aftæ jæm uj dzury:

— Cy kænys cy, me'fsymær, cy xuycau dæ nyccavta! Dæumæ'mæ mæ fydmæ kæsynæj kuy s'ursysty mæ cæstytae, æz mæ byly chærttæ kuy xordton uæ uyndmæ; mæ zærdæ smaxyl kuy dardton, mæ zyndarænæj mæ færvæzynkændzystut, mæ mast myn rajsdzystut, zæhgæ, uæd myn aj cy quydtag u?

Læbbu'ruahta jæ kard, čy whole="1" style="display: inline-block; width: 100%; vertical-align: middle;">zdy slæuuyn kodta jæ khæxtyl. Čyzg særæj bynmæ radzyrdta jæ zyndzinædtæ iuuylædæ. Æfsymæry zærdæ fætasydi, fætærihædkodta jæ xojæn. Kærtu iu kark racaxsta, ærbargævsta jæ, slyq karçy tugæj ajdzag kodta. Bæxyl sbadt, čy whole="1" style="display: inline-block; width: 100%; vertical-align: middle;">zdy jæ fæsarcmæ særhævta' mæ arast ældary galuantæj.

Cæuy, cæuy æmæ fændagyl fæsvæd iu pyxsy nyuuahtha jæ xojy. Jæxædæg uycy tærgæ bæxæj nyxxosta jæ fydmæ. Æryst

baexæj, sylyq balæværdta jæ fydmæ. Uyj „bis-mil-ba“ zahta, sylyq sdardta jæ dzyxyl æmæ uj adyl suahta jæ typpyrtæ, stæj arastysty sæ xædzærttæm.

Ældary čyzg pyxsy bady'mæ sahæs kæny, cy uydzæni, uuyl. Ualymmæ jyl cuanon kuyjtæ rambyrdysty'mæ jyl ræjync. Kuyjtæ ræjynmæ cuanontæ ærbauadysty'mæ dzurync čyzgmæ, fælæ sæm uj fæstæmæ dær næ kæsy. Sæ uælvæd pyxsy astæumæ jæ bæx ærbatardta'ldar dær. Cuanættæ'mæ kuyjtæ dær cuan kodtoj uycy'ldarimæ.

Ældar quydtæmæ kuy'rkast, uæd dzury čyzgmæ:

— Cy dæ, cavær dæ? Tahd myn dzuapp radt, namæ dæ mæ kuyjtæ kuyd akhabæstæ kænoj, axæm mi dyn kæny.

— Xorx ældar, ærtqirænæj nikuy ma niči amardi, stæj ærtqirænæj či fætærsa, uycy adæjmagyl ne sæmbældtæ: dy cy dæ, axæm čyzg bærgæ uydtaen æz dær, kæd mæ acy saxat zyn - vadaty ssardtat, uæddær. Mæxi ta dæm uj tyxxæj ne zdaxyn æmæ daræsæj rævdz næ dæn—æfsærmy kæny.

Ældar cydærtæ felvæsta jæ daræstæj. Čyzg sæ'rbakodta jæ uælæ'mæ cy uydysty, uymæj arastysty'ldary xædzarmæ.

Čyzgæn uælædaræsæn cæj bærc quydi, uj bærc ældar aly xuyzon zynarh quymac uajtahd balxæny kodta. Barvysta xuyjdzytæ čyzgmæ cæmæj jyn sbaroj jæ quyry kond, j'as.

— Mæ quyry kond barinag næu,—zahta čyzg,—æz isgæj xuyd mæ uælæ ne'skændzynæn. Mæximæ myn raxæssut mæ fælystæn cy qæuy, uydon; raxæssut myn: xæsgard, sudzin æmæ'ndæxtæ.

Ærbadti čyzg. Bolat xæsgard rajsta, quymæctæ akarsta'mæ uajtahd jæxi sfælysta jæ khaxæj jæ khuxmæ.

Uycy aiv daræsty'ldary čyzg rævdysta jæ kond, skaldta jæ xuyz. Jæ darh dzygg, saulox bæxy dymægau jæ sçhiltyl xosta jæxi.

— Quaz færætmæ'r'cydi,—zahta'ldar,—ragæj ærægmæ kæmæ bællydtæn, uymæj ma xuyzdaryl dær fæxæstdæn.

Čyndzæxsæv saræsta'mæ us æmæ lægæj cæryn bajdydtoj ældar æmæ'ldary čyzg. Cæryntæ bajdydtoj, kærædzijy uarzgæjæ, kærædzijy nymajgæjæ, cykurajy færdydžy xuyzæn syn dyuuæ læbbuyj rajguyrdi.

Ju æxsæv jæ xuyssæn uaty'ldary us nyuulæfydi jæ khæxt bynæj.

— Uancon næu, æmæ uagæry uycy ulæft, cæuyl kænys? bafarsta jæ'ldar.

— Cæuyl ulæfyn cæ, mæ sabitæ dær dæ xuyzæn kuy razynoj,—ænæ'mbargæ, ædylly: uydon dær dæ tugæj rævdysty. Syndzy bynæj syndz ævzæry.

— Æmæ myn axæm styr uajdzæf cæj fædyl bafæræstaj, usaj?

— Æmæ dæ'fxærgæ dær kuyd næ bakænon: qast qæstvændagæj čyndæuy. A - cal a - ual azy cæry dæ xædzary; dæ dyuuæ fyrti tahd dæ særti akæsdzysty, fælæ dæuæn dæ quydyjy nikuy'rcydi mæn bafærsyn: ævadatæj dæ cy ran ssardton, uyrdaem uælarvæj ærxaudtaj, pyxsy iu khudzijy bynæj sævzærdtæ, ævi dury xuylfæj racydtæ?

— Dæ xorzæxæj, mæ xorz æfsin, æmæ kæd dæuæn nyjjardžytæ is, xæstæg - ævvaxs dyn. kæd is, uæd ma mæn styl-dær xorz cæmæn qæuy? M'amondyl ma uældaj amond baftyd.

Fydæj æmæ madæj rajguyrdtæn æz dær, is myn æfsymær dær. Mæ mad amard, fælæ mæ fyd æmæ me'fsymær—card ægas. Fændy mæ, kuy sæ basgarin, mæ sabity syn kuy ravdisin.

Ældar cæuylnæ barævdzytæ kodtaid jæ'fsiny: xærd, nost, læværttæ cy quidi'mæ cy'mbældi, uydon iuuyldær. Kæuyl æu-uændydi, iu axæm æmbargæ adæjmadžy jyn sbadynkodta jæ farsmæ, fondzssædz barædžy syn baftydta sæ fædyl; dyuuæ sabijy dær arvysta sæ madærvadæltæm.

Cæuynætæ bajdydtoj, cæuynætæ. Dzævgar, dzævgar kuy acydysty, uæd iu ran dony bylmæ baxæddzæsty.

Acy ran næ fællad suadzæm, isty dær axæræm, stæj ta næ fændag dær dardzystæm,—zahta us.

Æryncadysty, baxordtoj, banostoj. Barzdžytæ'mæ læbbutæ dony auuon ran næuuyl sæxi'ruahtoj æmæ'rfynæjtæ sty. Bæxtæ astæumæ kærdædžy xizync.

Us æmæ'ldary xælar læg badync æmæ sæ cæst darync s'adæmmæ.

Uæd læg dzury usmæ:

— Ragæj dær myn uydtæ tyng addžyn, mæ zærdæmæ dæuæj fylðær sylgojmag nikuy bacyd. Aggag skæn æmæ æmud kuyd ærcæuæm kærædzimæ.

— Ard dæ fædyl æftyd fæuæd, kæd dæ mæ særy xicau ujy tyxxæj næ rarvysta memæ. Axæm ænaggag nyxas dæ kuyd nal sirvæza, aftæ. Ærdxord ta ma dzy xuyzdær cy væjjy!

— Mæ fændon myn sæxxæst kæn, namæ dæ qæbultæj acy ran iuy'rgævdyn.

— Sæ dyuuæjy dær myn kuy'rbargævdaj, uæddær særmæ baxæssinag cy quydtag næ ua, ujy næ baxæsdzynæn mæ sær-mæ. Næ fegad kændzynæn mæ særy xicauy!

— Uædæ kom næ raddzynæ zæhys?

— Nicæj tyxxæj!

Læg festad, kard felvæsta'mæ dyuuæ læbbujy khubælttæ 'rbargævsta. Us bardžyty daræstæj lædžy fælyst rambyrd kodta'mæ dony uycy farsmæ alenkodta. Uycy ran særy quyntæ ærbambyrdkodta, xudæj sæ æræmbærsta'mæ lædžy daræstæ'rba-kodta jæ uælæ.

Uycy xúyzænæj arast, iu qæumæ baftyd, æxxuyrsty bynat agury. Sæmbældi jyl iu acærgæ læg.

— Xor, æz dæ bauromdzynæn,—zahta læg. Mæ foscæ myn zilync mæ uætæry iuændæs lædžy, iu. læg ma mæ qæuy, nyllæu mæm, myzdyl bafidaudzystæm.

Ældary us srazy.

Cæryntæ bajdydta. Ærkast fyjjautæn sæ quydtægtæm, uætærtæ rævdzytæm. Uajtahd syn rairtæsta sæ quægtæ æmæ uy-naffæ rajsta jæximæ. Fos adixtæ kodta, aly fyjjauæn dær bæ-ræg kuyst radta, xuyzdær sæ či cæmæ aræxsti, uuyl æj baftydta. uag syn sæværdta sæ cardæn.

Nodžy bazdæxt æmæ fyjjauty cæræntæ, uætærtæ cadæg-gaj aivta. Uydon uydysty uyjsæj byd æmæ sæ uuj qædæj æmæ duræj nog saræsta.

Biræ fæxuyzdær fosgæsty card. biræ fæxuyzdær foscæ zyld. Bærægdær uydysty annæ uætærtæj, annæ fosgæstæj.

Cux nal kodtoj uazægæj. Axæm uazæg sæm næ sæmbældaid, kusart kæmæn n'akodtajggoj, xorz kæj næ fedtaiggoj. Fælæ sæ fos uuj bærc systy xorz zyldæj, æmæ syl biræ xardz dær nal zyndi.

Fyjjauy koj dærdyl ajquysti. Fosdžyn ældærtæ, uætærdžytæ xælæg bajdydtoj ældary us æxxuyrsty kæmæ uydi, uycy fosdžynmæ, axæm adæjmag kæj uætæry uynaffæ kodta.

Ældærtæ iu axæmy kæmdær baiuysty. Sguyxt fyjjauy koj æræftydtoj. Dzyrd radtoj uycy ran cæmæj basgaroj ældary uætær æmæ fenoj sæxi cæstytæj, cytæ bakodta razahdy fyjjau. Fæxabar kodtoj ældarmæ, ænqælmæ sæm kuyd kæsa bæræg afonmæ jæ uætæry.

Ældar xudyn bajdydta jæxiuyl: „Kæjdær ævdžid bakodta jæ is, jæ bis. dzyllætyl ajquyst jæ fosgæsty xorzy koj, fælæ sæ iu sgærst næma bakodta uuj jæxædæg, cy gænæg sty, uuj næma fedta“.

Æmhuydy bon ævippajdy'rxystysty uætæry'ldar æmæ jæ uazdžytæ.

Fyjjauty xistær zilæntæ kæny, læggad kæny uazdžytæn. Lu nard gal argævsta, barævdzytæ kodta aly xærd, aly nost æmæ xorz cæuylnæ fedtaid jæ buc uazdžyty.

Fæsxærd uætæry aræstytaem, fosy dardmæ'rkastysty uazdžytæ. Kæron nal uydi sæ disæn, uuj bærc xorz sæm fækas-tysty cy fedtoj uætæry, uydon.

Uæd uazdžytæ færsync sæ fysym ældary:

— Či u dæ fyjjauty xistær, kæm fedta, kæm bazydta, bakæ-nyt cy bafæræstæ uydon, ævi sæ jæxi særæj saræsta jæxædæg?

Ældar syn nicy dzuapp radta.—uuj tyxxæj æmæ nicy zydtæ jæ fyjjauæn. Ældærtæ'rbasidynkodtoj uæd xistær fyjjaumæ mæ jæ færsync:

— Zæh ma nyn, zæh, či dæ, stæj kæj saræstaj, uydon dæxi særæj rajstaj, ævi sæ isgæuyl bazydtaj (fedtaj)?

Čysyl næ fedtam max, is næ alkæmæ dær fos, uætærtæ, fyjjautæ, fælæ dæuæn cy bantysti, uj nikæmæn ma bantysti fosy kondæj æmæ uætærtý aræstæj. Stæj dæ fænd, dæ kuyst kuyd fæzyndi dæ xicauy xædzaryl, aftæ nikæj fænd, nikæj kuyst fæzyndi iu xædzaryl dær. Kæron nal is dæ xicauy fosæn.

— Xorx adæm, smax cy bafænda, uj sæxxæst kænynyl xæsæn nymajyn æz mæxicæn. Fælæ uyn calymmmæ či dæn, uj særgom ua, ualymmmæ uæ kuryn, kuyd mæm bajqusat aftæ,—uæxicæn uycy zyn skænut,—az uyn ærxæsson iu čysyl tauyræh. Ærmæst myn æuuænk radtut, mæ nyxas myn khulympy či kæna, ærgom myn æj či faua, uj acy ranæj kuyd arvitat, æmæ'ndær ran uræd kuyd ærcæua, calymmmæ næ radzuron ualymmmæ.

Fyjjauy nyxasyl srazysty.

Uæd ældary usyl cy'rcydi, uydon radzyrdta. cyma'ndær kæuyl dær ærcydysty uj-au. Us jæ tauyræh kuyd kodta, aftæ fyddzadžydær ættæmæ rarvystoj æmæ bæræg ran bauyrædtoj uymæn jæ fydy ærdxordy, jæ fyd. Cabæmæ kuy cydi, uæd kæj xædzaryl cardimæ jyn uycy'fxærdtæ či dakodta, xætæg-xauæg kæj ruadžy fæci.

Uj fæstæ rarvystoj uatæj uymæn jæ moj xælary, jæ læbbutu jyn či argævsta dony bylyl. us jæ cægatmæ kuyd fæcæjcydi, aftæ.

Tauyræh fæci dzyrd. Fyjjau sista jæ xud æmæ uj xuyzæn særy xil ærkaldysty xudy bynæj.

— Styr æfsærmy kæj fækodtoj, lidzæg či fæci jæ fydy xædzaræj, jæ qæbultæ sau zærdæ læg kæmæn særgævsta, uj bærc zyntæ či fedta, uj æz dæn. Nyr u æmæ mæ qast xæssyn smaxmæ—tærxongænæg smæx fæut.

Tærxony'rbadtysty, uædæ cy kodtaiggoj.

— Qædyn xyrxæj sæ cyppærgæjttæ afadæm, ændær tærxon syn næj.

— Uj næ uydzæn,—zahta iu ældar.—Cyppærgaj dixæj dær mard mard u æmæ uæ agurdzæn jæ'hdau: mardy kænd, nygænyn, fælloj syl is. Mæ bæx-ræhaumæ is ænæ domd uyrystæ, sarh æværd kæuyl næma uydi. Uydonæj sæ dyuuæjy khædzilyl (dymnægyl) babædtyn qæudzæn, kuyj-qæd, kuyj-dur sæ kuyd bækænoj æmæ se stægdar dær kuyd nal sbærægua. Uj ta syn mæ tærxon.

Ældærttæ fæstag tærxonyl srazysty.

Dyuuæ'ldary uyrsty dyndžytyl nybbastoj æmæ sæ uydon nyppyrxkodtoj.

Kærædzijyl fæcintæ kodtoj ældary us, jæ fyd, jæ moj. Us æmæ ta jæ moj cæryntæ bajdydtoj, zænæg dær ta syn racydi 'mæ ta amonddžynæj ærvystoj cardy bontæ.

Nyxasy fequyston Ærydony, næ zony, kæmæj.

Fydy us æmæ dyuuæ'fsmæry.

Cardysty læg æmæ us Narty qæuy; racydi syn zænæg. Iu-
ræstædžy sabitæn amardi sæ mad æmæ sidzæræj bazzadysty.
Læg dyggag us ærxasta'mæ sidzærtæ cæryngæjtæj qazyn
bajdydtoj sæ fydy usimæ.

Sabitæ fæqomylysty, kuyst-qom festy. Ualymmæ sæ fyd
dær amardi. Sæ fyd sæ kuyst axuyr kuyd skodta, uymæ
gæsgæ læbbutæ cudyn nicæmæj bauahtoj xædzar, fælæ sæ
cæræn vadættæ xuyzdæræj-xuyzdær kodtoj, sæ isyl fyldær æftyd.

Cærync, cærync æmæ sæ fydy usimæ læhz næ cæuy sæ
quydtag: nal fidauync, zahd kænync aly bon. Uæd fydy us
nyqquydy kodta'mæ zahta jæxicæn.

„Cæj æmæ syn aftæ bakænon, cæmæj sæ byny byndurtæ
baxæroj, fyr-mæguyræj azmælyn dær kuyd nal færazoj“.

Sparaxat kodta xædzary is fydy us: fæstæmæ nicæuyl ual
xæcy, nal auærdy, æværæn nal kæny. Aly bon dær læbbutæn
— xorz xærinag, xorz nost.

— Axærut, mæ xurtæ, uæ nana uæ særyl xast fæuæd!
Dunejy card dyuuæ bony: cy adaræm, cy axæræm, uj næxi,
innæ kæj fændy uæd.—Axæm læhz ævzagæj dzuryn bajdyta
fydy us. Uymæ gæsgæ, tahd nicy ual bazzajdzæni sidzærtæ xæ-
dzary, aftid arm festdzysty.

Fælæ usy fænd fæmængi: fyddær ænqæl syn xuyzdæræn
fæci. Cæj bærc xuyzdær xordtoj, cæj bærc sæm xuyzdær kasti
guybyny xardzæj fydy us, uj bærc ænæ zivægdær, tyxdžyndær
kusyn bajdydtoj sidzærtæ'mæ bæræg fæqæzdygdærysty.

— Amæj nicy,—zahta fydy us: čidær jæ gadzda bylæj ap-
pærsta'mæ jyn ruvas ærcaxsta, uj-au fæci mæ fænd dær.
Con æmæ khulybadæg usy bafærson, kæd myn bacamonid'
uj xuyzdær fænd.

Khulybadæg us yn zahta:

— Næ fæmæguyr uydzysty nicæj tyxxæj, calymmæ xorz
xæroj, minas kænoj, calymmæ sæ tyx sæximæ ua ucy kuyst
uarzon fæsivædæn, ualymmæ.

— Uædæ?

— Uædæ mæ syn *chenga* khuymæl æmæ *chæhhæst*
kærdzyn dædt: sæ tyx raftdzæn uadidægændær, kusyn sæ bon
nal uydzæn. Kusynæn kuy nal oj, uæd mæguyr kæj uydzysty,
uj bambaryn ævæddzægæn æmæ dæ bon dær baudzæn.

Fydy us uyrdygæj fæstæmæ sidzærtæ xæssyn bajdyta
chenga khuymæl amæ *chæhhæst* kærdzynæj. Læbbutæn bæl-
vyrdæj dær sæ qaru asast; nal færæstoj kusyn, stæj aftæ
smæguyrysty'mæ sæ khux sæ dzyxmæ sxæssyn-qom nal
uydysty.

K A D D Ž Y T ÄE.

Iunædžy kadæg.

— Uædæ aftæ. Radžy, či zony, kæd æmæ kæd uydi, iu qæuy cardi'mæ uydi lunæg. Lu rajsom systad lunæg jæ xuyssæn uatæj æmæ dzury jæ zærond madmæ:

— O'na, fyn dyn fedton, fyn dyson, dissadžy fyn.

— Dæxi ual axs, æna dæ særyl xast ærbaua'mæ myn æj uæd radzurdzynæ,—zahta jæ zærond mad.

— Sagty ræhau ralyhdysty næ qæuyl; lædžy xuyzæn lægæj či uydi qæubæsty, uydon festy sæ fædyl, fælæ sæm niči saræxsti. Mæn dær xærz ærædžiau xuycau fædisy auahta, adæm zdæxtysty, xudægæj myl mardysty.

Suryntæ siston sagty ræhau, bajjæfton sæ, cæhdynætæ sæ bajdydton, ba'mæ sæ iudadzyg dær nyssærfton. Cahdy mærdtau Terčy atahajy adærhysty særžyn sadžy mærdtæ.

Mæ fændag syl rakodton fæstæmæ, sæ sykhatæ syn æfta-uy. Ujcy xuyzænæj æppæty razæj cy sag afældæxton mæ fatæj, uymæ'rbaaxæddzæ dæn. Mæxi jæm fæfistæg kodton, fælæ myn særžyn sag m'artæntæ sræxuysta jæ kalm marænæj. Uj adyl rajqaldæn æmæ mæ xid mæ khæxty bynæj kaldi.

Biræ racyd, čysyl racyd ræstæg, či u jæ zonæg, fælæ ta iu rajsom radžy læbbu fyn dzurynmæ qavy jæ madæn.

— O'na dyn amæla, uj dyn cavær æhdau u.—dæxi næma cæxsys, aftæ arhæuttæ dzurynyl fævæjjys: næ dæm bajqusdzynæn, calymmæ dæxi cæxsaj, ualymmæ.

— Næ qæubæsty khobor galtæ cy úydysty, uymæj næ kærtty bajdzagysty, særy quyn uyrdyg staði sæ bohtæm. Uæd sæm racydi næ zærond qug dær, ællæuuuydi s'astæu æmæ uj dær nal æncadi uasynæj.

Ærbadymta cægatæj, ærquynthyzi arv, nal ærttivy ænusy chiti xurzærin y ruxsmæ.

Æmæ ta iu axæmy rajsom radžy arty farsmæ ærbadti lunæg æmæ ta dzury jæ madæn:

— Fyn ta dyn fedton, æna, fyn. Cyma dyuuæ'xsinædžy'rtaxtysty næ kærtmæ, æftuan-qædyl æruahtoj sæxi, bæzdæxtysty kærædzimæ'mæ carm-buar nal nyuuahoj sæ uælæ; nog uard mitau, næ kært urs - ursid adardta sæ pakhuyjæ. Nodžy næm ærbacydysty qæubæsty lægæj či uydi, uydon. Skhætæj myn ralastoj mæ saulox, alvydtoj jyn jæ barc æmæ jæ dymæg.

O'na acy'naxuyr fytæ cæmæ cæuync, uj myn kuy næ radzuraj, uæd dæ næ nyuuadzdzynæn.

Istugmæ kom næ læværdta zærond us lunægæn. Kuy nal æj uahta'mæ kuy nal, uæd yn æna bajdydta dzuryn:

— Xuycauy uazæg, zædtæ'mæ daudžyty uazæg lunædžy sær! Xorž fytæ næ fedtaj, mæ qæbul, mæ iunæg ænqælcau, acy ruxs dunejyl ma mæ khæxtyl kæmæn cæuyn. Mæng sæ xuycau fækænæd.

Qazquymyq æmæ Soly ærbabyrsdzysty iu axæmy næ qæumæ; dæ iunæg ærdxord Aguyndy ræsuhdy dyn tyxxæj axæsdzysty. Næ qæubæstæ fædisy acæudzysty, fælæ kuyd acæuoj, aftæ fæstæmæ dær ærbazdæxdzysty: Aguyndy ræsuhdy næ bajsdzysty znægtæj.

Xærz æræddžiau dæ sauloxyl, uastæn makuy fæua jæ byndar, dæxi bappardzynæ'mæ suryntæ bajdajdzynæ tyxgændžyty, fædisættæ dyl fændagyl iugaj-dygaj æmbældzysty, xudægæj dyl mældzysty, fæstæmæ dæ zdaxdzysty, fælæ dæ cydy koj kændzynæ dy dæ tærgæ bæxyl. Tyxgændžyty bajjafdzynæ Terčy atahajy, cæhdgæ sæ acæudzynæ razmæ, Aguyndy ræsuhd syn bajsdzynæ, stæj syl sæ xotyxtæ isgæ racæudzynæ (razildzynæ). Æppæty razæj kæj fæcæfkodtaj, uymæ ærbaxæddzæ uydzynæ; æmæ jyn jæ xotyxtæ isynmæ kuyd fæuaj, aftæ dæ fyd znag baræxojdæn jæ sau qamajæ.

Bacæuæntæ nal uydzæn næ kæerty, qæu-bæstæj niči ual bazzajdzæn fæsfæd,—dæ xælar, de'mgar dæm ærcæudzysty, æz dær, dæ zærond mad s'astæumæ racæudzynæn æmæ ma arvæn irhævæn uydzæn, fælæ bairhævæn nal uydzæn maxæn kæuynæj æmæ dzynazynæj.

He uj dyn dæ fyddzag fyn.

Dæ dyuuæ æfsymær xojy dæm ærcæudzysty, carm-buar nal nyuuadzdzysty sæxiyl, sæ kærædzijy særy xil tondzysty. Üydon tærihædæj dur askhuyjdzæn, arvyl xur batalyng uydzæn.

Uj ta dyn dæ dyggag fyn.

Dæ nomyl næ xædzary cy sylgojmag cæry, mæ iunæg čyndz, uj dæ ingæny uælqusmæ axondzysty, ærtæ xatty jæ 'rzilynkændzysty ingæny aly fars, bolat xæsgardæj jyn ralygkændzysty jæ darh dzyggutæ'mæ dyn sæ dæ tabæty*) baværdzysty.

Uj ta dyn dæ fæstag fyn.

Iu axæmy Soly'mæ Qazquymyqy tyxgændžytæ gæumæ'rba-byrstoj, Aguyndy ræsuhdy axastoj. Qæu-bæstæ zmæld ssi: dzyl-læ fædisy cæuync. Lunædžy zærond mad æryqal, festad, jæ 'daræstæ akodta, jæ qus dary'ttæmæ'mæ bambærsta xabar.

— Aelhystag fæuydzæn mæ zærond sær,—uycy'virqau fytæ cæudzysty mæ lunædžy særyl, mæ xædzar xæly.—Rauadi kærtmæ, arvmæ sdardta jæ riu æmæ kuvy: „Xuycautý xuycau,

*) Tabæt—mardy čyry, tuldzæj kond, ærxuy tælytæ jyl.

mæxi xuycau, izærdalyngty sthalytæ arvyl kuyd aræst væjjync, ucy xuyzænæj amæj bonmæ kuyd næ fezmæloj sæ bynatæj, uj dæ kuryn, mæ kuyvd myn ajs, mæ lunædžy zyng myn ma baxuyssynkæn.

Sthalytæ ællæuuuydysty arvyl izærygon cy rætty fælæuuync, ucy rætty.

Ualymmæ ærbadzyrdæuyd: „Uælæmæ, lunæg, de'rdxord Aguyndy ræsuhdy dyn Soly fæxæssync“!

lunæg festad jæ xuyssæn uatæj, rauad kærtmæ, kærtý mad fæci jæ razmæ'mæ dzury:

— Dæ xuysty koj ual kæn, æna dæ fæqqau fæuæd,—is-či dæ qazgæ kæny, ævæddzægæn: nyr ma tyxgænæn afon næu, uælæ ma skæs arvmæ, izær kuy u nyr ma.

Acafon cavær tyxgændžytæ'rbacæudzysty qæu-bæstæm.

Afynæj ta lunæg. Ualymmæ ta:

— Uælæmæ, adæm fædisy fæcæuync, tyxgændžytæ dyn fæxæssync de'rdxord Aguyndy ræsuhdy.

Næ ta jæ auahta jæ mad.

Ualymmæ jæm ærbadzyrdæuyd ærtყყagag xatt. Sthalytæ sæ læudæj læuuync, izærdalyngty cy rætty fælæuuync, ucy rætty. Fælæ bambærsta lunæg, Aguyndy ræsuhd xasty kæj fæci bælvyrdaej, fædisy jæ kæj næ uadzy jæ mad.

— Bæsty xudinag, myggagmæjy fidissag fædæn,—zahta lunæg,—barævdzytæ kodta jæxi, abadt jæ bæxyl æmæ ucy tærgæ bæxæj suryn bajdajy tyxgændžyty.

Biræ n'auad, aftæ jyl ærbabon; stæj, kuyd darddær kæny, aftæ jyl fædisættæ'mbælyn bajdydtoj, xudync yl, zdaxync æj fæstæmæ.

Tyxgændžytæn Terçy atahajy sæ fædyl baftyd lunæg. Xur-skæsæny'rdæm fæxæssy fæd jæ sauloxyl. Uajy, uajy'mæ sæ 'rbaxæstædžytæ kodta.

— Nal æj fæxæsdzystut, nal, mæ mad, mæ fydstæn! Zah-ta lunæg. Cæhdyn sæ bajdajy tyxgændžyty... Fælæ fydbony fyn-tæ ma'rcæuænt mæ lunædžy særyl!

Mælætdzag cæf uysi, aftæmæj ma Aguyndy ræsuhdimæ 'rbaxæddzæ lunæg jæ rajguyræn khonamæ.

Biræ nal axasta, Soliag sau qamajy cæfæj, jæ'nuson xæs bafysta'mæ mæng dunejæ æcæg dynemæ afardæg.

Uælarvæj æxsidav kuy'rxaudaid, uæd zæxmæ ne'rxæddzæ uydaid, uj bærc adæm æræmbyrdsty lunædžy mardmæ. Nal æncajync sæ særtæ xojynæj lunædžy mgærttæ, nal æncajy kæuy-næj lunædžy mad, qisyny fag ærtydtoj kærædzijy særy xilæj jæ dyuuæ xojy. Bolat xæsgardæj rakodtoj lunædžy usæn jæ darh dzyggutæ'mæ sæ mardy rony baværdtoj.

— Uæ, lunæg, cæj mæguyr dæ cæ? Qædy xalættæm dær dæuæj mæguyrdaer kuy næ razyndzæn,—zahta ma Tesa; fænd-dyry tæntæ æruahta'mæ jæ ædcæhdæn læbbumæ radta.

Útbæ Salamty rakodta majy 23 bon 1921 az izærygon Nasqidaty duarmæ tauyræh:

Xiuarzon læg.

Uydi iu xorz læg, xiuarzag, ægas, dunejyl dær uæle kuyd uydaid, uuyl či kuysta, axæm. Uly kodta aftæ:

Ævædza iu isguy fequysta isgæj xorzy koj, isgæmæj iu ævædza rajquyst: xorzy koj, uæd iu sbærægkodta uycy xorz lædžy. Fæcydi iu lægmæ æmæ jyn iu radzyrdta:

— „lu ran zonyt tyng biræ fos, com memæ balcy æmæ sæ næxi bakænæm: næ dyuuæ dær cæmæj cæræm næ adzaly bonmæ, uuj fag nyn uydzysty. Ærmæst dyn fædzæxsyn, — næ dyuuæjæ darddær acy xabar kuyd niči bazona, aftæ.“

Balcy iu arastkodtoj dyuuæ lædžy. Cæuyntæ iu bajdydtoj, cæuyntæ. Dendžyzy bylmæ'vvaxs xiuarzag xorz læg dzyrdta jæ 'mbalmæ:

— Tás ran u acy ran, isty fydblyz nyl ærcæudzæn, am æxsæviuat kuy'rkænæm, uæd. Fælæ dælæ dendžyzy bylyl uyns khox? Rast uuj farsmæ bærzond qamyl, æxxæst com uyrdæm, — uym baxsæviuat kændzystæm.“

Qamylmæ iu næma baxæddzæsty, aftæ qamylæj fyr ralyhdi, xiuarzag læg bæxæj aliuyrdta, fyry iu racaxsta, kard yn iu jæ khubalyl ærbaværdta.

Dendžyzy byl iu æryncadysty, art iu bandzærstoj, stæj xiuarzag adæjmag zahta jæ'mbalæn:

— „Dæxi ual æruadzæmædæ fællad ssæua, æz ta næxicæn xærinadžy koj bakænon.“

Kuyddær ævædza læg afynæj, aftæ iu æj uycy ran amardta, dendžyzy iu æj bappærsta, jæ daræstæ, jæ xæcængærstæ jyn iu sista, jæ bæx yn ralasta, aftæmæj iu xorz lædžy koj fesæft.

lu axæmy, adæm xorz kæmæj zahtoj, axæm læg ærxasta jæ 'fsymæræn us. Čyndzæxsæv skodta æmæ dzy adæm sæxi qældzæg kodtoj, minasyl badtysty.

Xiuarzag xorz læg balæuuyd čyndzæxsæv cy xædzary ujdi, uuj duarmæ.

Xædzary xicau zahta, uazædžy midæmæ cæmæj ærbakænoj. Uazæg ne'rbacyd. Uæd xædzary xicau festad fyngæj, uazægmæ racydi, ægas cæuaj jyn zæhy.

Uazæg æm xibarmæ asidt æmæ jyn dzury:

— „Dæ nom, dæ xorzy koj dardmæ ajquysti, æxsyzgon myn u dæ xorzdzinad. Nodžy dyn mæ cæst uarzy alcy æppæt dzæbæxdzinædtæ.

Mæ cydy sær dæm cæmæn ujdi, uuj dyn cybyræj zæhdzynæn. Ærmæst dyn qusynkænyn, kuyd niči jæ bazona, aftæ.

Iu ran is tyng biræ fos, tyng ænconæj khuxy baftdzysty, com balcy mæmæ æmæ cæmæj cæroj næ fæstagættæ, ujybærc dær uydzysty.“

Xædzary xicau jæxi barævdzytæ kodta æmæ arastkodtoj balcy. Baxæddzæsty iu ranmæ. Uycy ran xiuarzag xorz læg amony jæ'mbalæn:

— Kæsys dælæ uycy khoxmæ,—ujj farsmæ bærzond qamyl, com uym æxsæviuat ærkænæm, namæ acy ran styr tas u tyxgændzytæj:

Qamylmæ næma baxæddzæsty, aftæ dzy iu fyr ralyhdi. Xiuarzag xorz læg jæ bæxæj agæppkodta, jæ'mbaly'vdžid æj akodta, jæxædæg fyry ræcaxsta æmæ jæ'rbargævsta.

Dendžyzy byl æryncadysty, art bandzærstoj æmæ sæxicæn æxsævær fycync. Ualymmæ xiuarzag læg dzury:

— Dæ fællad ual suadz, calymmæ næ xærinag cædtæ kæna, ualymmæ.

Kuyddær læg afynæj, aftæ jæ, dæ balhitæg ujy-au, ærbamardta, dendžyzy jæ bappærsta, jæxædæg yn cy jæm uydi, uydon raxasta æmæ jæ xædzarmæ sfardæg.

Nal zyny xorz læg: sahæsyl systy jæ binontæ, ærdiag kænyn bajdypta jæ mad:

— „Næ xædzary xuyzdær nal zyny æmæ jæ næj sbæræg-gænæg; adæm dzy ard xordtoj, nyr mard u, ægas u, ujj či sbærgkæna, iu axæm guyrd næ xædzary nal is: xudinag, ærdiag..“

Nog usdžyn, xorz lædžy'fsymær biræ fæquysta jæ mady qardžytæm, sahæstæm, stæj fæstagmæ bacyd jæ mady razmæ æmæ dzury:

— Me'fsymær cy fæci, ujj kuy næ sbærægkænon, uæd næ uydzæn. Nana, bazdæx æmæ xærynaen addžyn, xæssynæn rog, axæm xærinægtæ myn rakæn,—æz cæuyn agurynmæ.

Uycy racu bacu, uycy zyld, uycy farst fækodta, fælæ nicy baftyd jæ khuxy: iu uynæg næ fæci uymæn jæ'fsymæry.

Zærdæsastæj, uængtæ qil, særguybyræj ærcæjzdæxt fæstæmæ jæ xædzarmæ. Sæ qæugæron uælmærdtæm ærxæddzæ izærdalyngty, aftæ sahæstyl ssi:

— Acy xuyzænæj kuy bacæuon, uæd ænqældzysty mæ me'fsymær fæzyndi mæ sæ zærdæ bacinkændzæn dzæhæly. Fæltau axsæv am baxuysson æmæ rajsom bonruksamæ mæ cæsgomu xuyzmæ bombardzysty, quydtag æcægæjdær cæuyl læuuy, ujj!

Iu uæbauyl jæxi æruahta' mæ jæ cæstyta kuyddær kærædzijyl aværdta, aftæ afynæj. Ualymmæ jæm fyny quysy—uæbauy nygæd či uydi, uymæ dzyrdæuy:

— Dæumæ kæsync, racu!

— Uazæg mæm is, uazæg!

— Uazædžy dær rakæn demæ!

Arastkodtäm aemæ iu ranmæ bacydystäm. Uycy ran adæm dyvældaxæj badync. Kæsyn aemæ dzy me'fsymær dær dæliaugomau bady ænkhardæj, jæ razy xærinag næj.

Kuy systadystäm -fyngæj, uæd mæm jæxi ~~urbalasta~~ me'fsymær, xibardær næxi ajstam aemæ myn dzury:

— Dy dæ mærdty bæsty, dy racydtæ mæn aguræg, aemæ dæ khuxy nicy baftyd aemæ æftgæ dær kuyd bakodtaid. Kastdæ fyngmæ, uydon iuuylær amardta iu læg, æz dær uj khuxæj bacydtæn mærdtæm. Xorž lædžy myggag nikuy ual nyuuah, cahd sæ fæci. Smax næma zonut, æz mardæn, ævi ægas, uj. Uymæ gæsgæ myn fældisinagæj dær nicy ma skodtat. Fælæ myn mæ mardykænd kuy skænat, uæd aftæ dæliau nal baddzynæn, uæd ærtyggag bynat uydzæn mæn.

Margæ ta mæ akodta styr qazuat læg. Quydy ma ma kændzynæ, dæ čyndzæxsævy næm iu uazæg ærbadzyrdta, kuyvdæ ne'rbacyd; asidti mæm aemæ myn aivæj radzyrdta, iu ran biræ fos kæj zony, fos æncon vadatæj kæj baftdzysty khuxy. „Styr fydblyzy adæjmag u,—mæ tug isyn dzy kuy sfændkænaj, uæd yn isty amal skænyn qæuy fændonæj, namæ amardzæn dæu dær.

Balcy asajy adæjmadžy fændæj, dendžyzy bylmæ skæny jæ fændag. Dendžymæ ma dzævgar qæudzæn bauajyn, aftæ dzy szyny khox, khoxy farsmæ bærzond qamyl. Qamylæj ralidzy fyr, racaxsy aemæ jæ'rbargævdy. Fælæ dy aftæ bakæn, aemæ fyry argævdyn dæ khuxy cæmæj bafta uj, uæd yn dæ bon isty bauydzæn“.

Sboni. Æfsymær jæ xædzarmæ bacyd. Jæ xæstæg, jæ'vvaxs æræmbyrdysty, aemæ syn jæ'fsymæry mard zahta.

Mardykænd fækodtoj, kuyd æmbæld, aftæ. Stæj æfsymær basidt jæ binontæm aemæ syn dzury:

— Æz cæuyn me'fsymæry tug isynmæ. Uæ zærdyl darut, afojnadyl kuy næ zynon, uæd uj zonut, aemæ æz dær ægas nal dæn. Mæ maræg ta uydzæn mæ čyndzæxsævy næm cy ua-zaeg ærbacydi uj, me'fsymæry maræg dær uj u. Uymæj iu agurut uæ tug.

Xiuarzag xorž lædžy duarmæ æryncadi tug agur.

— Balcy axætæm, dzury jæm tug agur, kuyd qusyn uymæ gæsgæ, dæuæj xætæg adæjmag dær a bæsty næj.

— Æz mæxædæg aguryn axæmty, balcy kæimæ raxæton.

Fæcæuync balcy; iu ran xiuarzag xorž læg exsy qæd sista aemæ amony jæ'mbalæn.

— Kæsys dælæ uycy khoxmæ,—uj farsmæ qamyl, uycy ran æryncajdzystæm axsæv, namæ am tas u.

Qamylmæ sæ baxæddzæ, aftæ ta fyr raliuyrdta qamylæj aemæ fælidzy. Tugaguræg aj uj nal, fælæ fyryl jæxi nyccavta mæ

jæ ærbargævsta. Dendžyzy bylyl ærbynatkodej, art skodtoj æmæ æxsæværy koj kænync. ɬalymmae ta xorz læg dzury tugagurægmæ:

— Æruadz dæxi, dæ fællad ual suadz calymmae xærinag fyca, ualymmae.

— Xuyssæg mæ n'axsy, ærxuyss ual dæxædæg, xærinag mæ bar fæuæd, æz æj bacædtækændzynæn.

Æruahta xiuarzon læg jæxi, ærfynæj, jæ qælæsæj æxsidæn art kæly, kuyncgomæj kuyd fækæly, aftæ.

Uæd tugisæg dambaca sistæ mæ kuvy:

— Xuycauty xuycau, uædæ kæd acy adæjmag me'fsymæry maræg næ uydi, uæd mæ dambaca ma sxæcæd, namæ arvy gærax fækænæd.

Dambaca æruahta'mæ dyuuæ ærfydžy astæu næmyg suadi, jæxædæg lidzæg fæci. Læg ma qælægg festadi, topp ma bærgæ fexsta, fælæ nicy ual: uælængæjdty ma uæhd fydy auad jæ næmyg.

Tugisæg jæ znadžy dendžyzy auahta, cy jæm uydi, uydon yn rajsta æmæ arasti jæ xædzarmæ.

Ærbaxæddzæ uælmærdmæ. Æxsæviuat ærkodta. ɬalymmae ta jæ fyny qusy nyxas—cy uæbauyl ærxuyssy, uj mardmæ dzyrdæuyd:

— Dæumæ kæsync, racu.

— Uazæg mæm is,—sdzyrdæuyd uæbauæj.

— Uazæg dær raxon demæ.

— Arastkodtoj æmæ ta iu xædzarmæ bacydysty,—xædzary æmbyrd. Kæsy æmæ fyngyl jæ'fsymær kuyd zahta, aftæ ærtყgag bynat ærcaxsta, xærdæj, nostæj alcæmæj dær æxxæst.

Bacinkodta mard jæ'fsymæryl, æmæ jyn dzury:

— Mardykænd myn kæj skodtaj, uj myl fæbæræg, kuyd uynys, uymæ gæsgæ. Stæj mæ tug kæj rajstaj, uj dær mærdty bæsty bazydtam max. Kæsys dælæ fæsduar ucy lægmæ, uj uydi acy ran cy adæm is, uydonæn sæ maræg.

Maræg ta læuuuy fæsduar, jæ dyuuæ khuxæj æncojkæny ixyn lædzægyl æmæ jyn jæ sær chiry. Jæ særly tædzy don æmæ jyl ix kæny.

— Acy ran fidy uj zyndzinad; kæj fæmardta, uydonæj alkæj tyxxæj dær quamæ fæfydæbon kæna bæræg afon, uj fæstæ jyn uydæni tærxon, fælæ ual dyn tærxon y ahommæ hæ uj jæ quydtag.

Bon ærbaruxs. Bælcđzon æryqal æmæ jæ xædzarmæ arast. Radzyrdta binontæn jæ'fsymæry xabartæ æmæ uydon sæ riuy m'bærc sulæfydysty.

Zærond uælmærdty 12 bon iuny. Nygædtoj Tomajty Aslæmbedžy mad Saxary. Zærond usyl cydaid 100 azæj fyldær. Mardmæ uyd Reuazty Bydzygo. Uyj myn ranyxaskodta:

1) — Mærdty duarmæ is ajdæn, cyppærdihon ajdæn. Uymæn jæ cyppar fisynyl badync cyppar lædžy. Aly mardæn dær uycy ajdæny ænæ bakæsgæ næj. Uycy ran sbælvyr væjjync jæ tærihædtæ se'ppæt dær, uyj fæstæ jyn acy ran skænync tærxon. Ardygæj arast væjjync mærdty utdæ dzænætmæ, kænæ zyndonmæ. Cæuyn sæ fæqæuy naræg xidyl. Ræstyty utdæ jyl bafardæg væjjync qældzægæj, zargæjæ, fælæ zyn ævzaræny væjjync tærihæddžyntæ xidyl cæugæjæ; iu ævzærgænædžy ud dær dzy xidæn jæ kæronmæ næ xæddzæ kæny, zyndonmæ nyxxauy.

2) Iu læg ræstæj fæcardi uælæuyl. Fælæ kuy amard, uæd æm tærihædtæ razyndi,—uydysty galy misyndzædžy dzag.

Galy misyndzædžy jæ tærihædtæ ajsta æmæ fæcæuy mærdtæm. Fændagyl kæuy, ærdiag kæny, jæxi mary.

— Ræstæj kuy fæcardtæn, m'auuonæj kuy tarstæn, fysy komæj xal kuy nikuy ralaston, uæd mæm acy tærihædtæ kæcæj razyndysty?

Ualymmæ jæ iu læg æræjjæfta dzonyhy badgæjæ. Dzonyhy dyuuæ galy iftyhd. Lasy styr lalym (gæbæt).

— Dæ fændag rast.

— Dæ quydtag rast.

— Uycy kuyd cæuyl kænys?

— Kuyd næ kænon,—mæxi fæqaqqædton tærihædæj, mæ mærdtæm vændag qaqqængæjæ, nyr mæm uæddær mænæ acy misyndzædžy dzag razyndi tærihædtæ.

— Æri sæ ardæm,—mænæn uældaj nal u: kæsys mænæ acy lalymmæ, mæ dyuuæ galy jæ tyxxæj lasync. Uydon sty mæ tærihædtæ. Radta jæ misyndzæg, læg æj dzonyhy bapærsta æmæ darddær arastysty.

Baxæddzæsty tærxononmæ. Mærdtæ dzy guylvænttæ kænync, alči dzy jæ lalymimæ ænqælmæ kæsy barænmæ. Ualymmæ dzonyhæj rajstoj lalym æmæ jæ tærazyl æræværdtoj, kuydærty misyndzæg tærazæj ærxaud.

— Kæj sty acy tærihædtæ?—dzurync či barsta, uydon.

— Iu lægæj sæ rajston, zahta dzonyhy xicau,—tyng syl tyxsti æmæ jyn æz fætærihædkodton.

— Cæmæn sæ radtaj dæ tærihædtæ, uyj jæ biræ tærihædtyl kuy læuuydi, uæd syl dy cæuylnæ læuuydtæ? Stæj kuyd batardta dæ zærdæ uycy adæjmagæn jæ uæzzau uarh nodzydær kuyd festyldærua, uyj?

Æmæ uycy ran stærxonoktoj, lalymy dzag tærihædtæ dær jæ čysyl tærihædtyl či næ læuuydi, uyj xaj kuyd fæuoj, aftæ.

— Uyj bærc fæcærgæjæ zæxxyl, kuyd bazzadais ænætærihædæj?

Vasil Xasity. Dzæudžyqæu. Thændžy mæj 17 bon
1923 az.

Saggaty uæjguyty fynæj.

Æmæ Saggatæj, xoxy bæsty cærgæjæ iu adæjmag xatti (cydi) fyjjauæj. Daræny uydysty jæ fos. Iu axæmy sæ askhærdta xizynthæ. Xizync jæ fos, uædæ cy kodtaiggoj. Ūalymmæ qusty mæ jæm xussary fyjjau nyuuasydi:

— Saggaty fyjjau, cyrd læu,—dyuuæ tyxgænædžy, dyuuæ uæjydz y dæm uazæguaty fæcæuync a-izær. Isty fydbylyz dyn kuy skænoj, uymæj tæssag u.

— Xussary fyjjau, dæ xorzæx mæ uæd,—fæstænmæ jæm nyuuasydi Saggaty fyjjau, cy bakænon, fydbylyzæj kuyd bairhævon mæxi?

Xussary fyjjau uasy:

— Dæ fosy astæu styr næl sæh! dyuuæ uæjygæn æj æxsæværæn argævd, stæj ta mæm iu nyuuas, uydron sæ xærdyl kuyd uoj, aftæ.

Āryskhærdta Saggaty fyjjau jæ fos darænmæ, bafsnajdta sæ lægæty, jæxædæg jæ bynaty arxajy, zilæntæ kæny. Ūalymmæ jæm dyuuæ uæjydz fazyndysty.

— Dæ fos biræ, fyjjau! zahtoj uæjguytæ.

— Uazdžytæ'gas cæuænt, fysym uyn uydzynæn, suazæg uæ kændzynæn.

— Arfægond u, fælæ max dær fæcæuinag nal stæm ardygæj ænafony.

Saggaty fyjjau dzudžy astæuæj jæ næl sæh ærbalasta'mæ jæ særgævsta; art bandzærsta, fydtæ uæl - art adžy baftydta'mæ 'xsævær fycy. Ūæjguytæ badync, dzyrdtyl sæxi darync.

Fydtæ kuy sfyxysty, uæd fyjjau aryng acaræsta'mæ næl sæhy mard æræværdta jæ dyuuæ uazægæn, jæxædæg ta uadnydz rajsta'mæ uasy:

— Xussary fyjjau, kuyd zahtaj, aftæ bakodton: mæ uazdžytæ fyngyl badync cæmæ nal auærdync xærynæj. Cy ma myn amonyß?

Xussary fyjjau uasy:

— Xærdy fæstæ dæ bas agurdzysty. Fælæ dy bazdæx æmæ syn bas kuy fæcæjxæssaj, uæd iu e kælgæ fækæn, e čiugæ, cæmæj akæla dæ bas xærz kald. Stæj quydtag aftæ saraz, cæmæj dyuuæ uæjydz fenoj, dæ bas ænæ bary kæj akaldi.

Ūæd uæjguytæ dzurync:

— Fyjjau, bas nyn, bas! fyd xoxy chuppl dær is.

Bas xæsgæ xæssyn akaldi'mæ dyuuæ uazædžy nal fæqæstæsty basæj.

Saggaty fyjjau uasy:

— Basæj nal saxystoj, fælæ darddær cy mi kænon?

Xussary fyjjau:

— Sxuyssyn sæ kæn, stæj rajsom sæ bæræg sæxicæj.

Uæjguytæ sæxi nymær zahtoj:

— „Xærd quæg nal stæm. axsæv, fyjjauy rajsommæ ua-
dzæm,—axodæriæn nyn sbæzdzæn!—Sæ xuyssænty'rxuyssydy-
stysty' mæ uajtahd sæ 'xuyr-xuyr ssydi.

Rajsomæj Saggaty fyjjau jæ cæsty zul dary jæ uazdžytæm,
—uædæ cy fæuoj, zæhgæ. Qusy'mæ sæ xuyr- xuyr nal cæuy,
sæ. ulæft dær bæræg nal u. Festad fyjjau, bacydi xæstægdær
uæjguytæm, dzury sæm, fælæ uydon nal fequystoj fyjjauy dzu-
ry, bynton dær bafynæj sty.

Uyj adyl bazzadi'mbisond:

— „Saggaty uæjguyty fynæj bajysty“.

S A E R G A E N D T A E.

I.

Narty tauyræhtæj.

	fars.
1. Zærondy'rdæm Uyryzmædžy fosy kond. Namæ Uyryzmædžy ænænom fyrт	3
2. Narty Acamongæ	10
3. Narty Satanajæn sau nohiagæj či rajguyrdi, ucy læppu	11
4. Xætæg Baræg	17
5. Narty Batradz kuyd amardi	23
6. Narty Xæmocy qudžy davd	27

II.

Arhæuttæ.

1. Sau ældary arhau	29
2. Ældary čyndzy arhau	41
3. Rony kænæ ældary arhau	47
4. Khoblijy sæhty arhau	53
5. Ærtæ'fsymæry kuyd ssardtoj sæ davd bæxtæ	57
6. Sidzær læppu ældary čydzhy kuyd ærxasta	59
7. Mærhtæ, syrdtæ'mæ adæm rast din cæuyl æværd u, uj aguræg, kænæ Uærdzdz æmæ Ruvasy arhau	64
8. Ældar	66
9. Saudžyn æmæ mollo	75
10. Kurskæsæn æmæ Xurnyguylæn ældary arhau	77
11. Guyrdziag khærnyx æmæ iron xuysnæg	83
12. Ræstdzinadæn sæfæn næj	90
13. Khobolajy arhau	98
14. Xuycau'vast nyxaskænyn ne'mbæly, kænæ „Cynæ zonaj, uymæn dæxi dæsny ma kæn“	103
15. Ærtæ'xsinædžy	105
16. Ældary čydg kænæ dyuuæ'rdxord ældary	113

III.

Kaddžytæ.

1. Iunædžy kadæg	123
2. Xiuarzon læg	126
3. Saggaty uæjguyty fynæj	131

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
Институт КРАЕВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ
НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА
О С Е Т И Н

ВЫПУСК 3.

В ЗАПИСИ ЦОЦКО АМБАЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ
ЯЗЫК И ПРИМЕЧАНИЯ Г. Г. БЕКОЕВА

ВЛАДИКАВКАЗ

1928

I

Безыменный сын Урызмага.

Настал скверный год для Нартов—приходилось умирать с голоду, начали сильно страдать—уже несколько лет не было урожая.

В это плохое время у них ослабла воля (буквально „сломалась воля“), сердце у них умерло (впали в безнадежность, уныние), в руку их ничего не попадало (не было добычи). Послушать их, так они лишь вспоминали свою жизнь (прошлую)—„я был в таком-то сражении“,—„я был в таком-то набеге (за добычей)—так говорили тогда наарты, сидя на нихасе¹).

Теперь же доблестные Нарты дошли до такой немощности, до такого падения, что с утра до вечера оставались лежа.

Тогда язва Нартов, Сырдон, натравливал свою суку на них. Сука выходила на нихас и у кого из Нартов с'едала сандалии, у кого перегрызала пояс на пояснице.

Что более жалостного мог видеть человек!.

В один день наарт Урызмаг вышел на нихас. Смотрит—Нартовская доблестная и пригожая молодежь лежит, как трупы после сечи. А сука Сырдона делает над ними неподходящее: кому из них лижет губы, у кого сандалью с'ест, у кого пояс перегрызает.

Заныло сердце Нарта Урызмага, кинул свою палку из слоновой кости на суку, и палка переломилась на-двоем.

Вернулся в дом обломки палки бросил (на пол) и сердито опустился на скамью.

— Почему нахмурил ты свои дуги—брови, почему так сердито ударился о свое гнутое кресло, о, господин моей головы?²).

— О чём сильнее может заболеть сердце мое,—сказал Нарт Урызмаг Нарт Сатане: молодежь наша от голода приходит к гибели, лежит на нихасе Нартов так, как не следует ей лежать. Язва Нартов—Сырдон выпускает свою суку, и непотребная собака делает им гадости.

Хозяйка, пусть не было бы мне долгой жизни, лишь бы накормить мне их (Нартов).

Тогда Нарт Сатана пригласила господина своей головы (мужа) в одну из своих кладовых: кладовая была наполнена яствами; повела его к другую—и та была полна напитками; пригласила его к третьей—от пола до потолка сложены в нем передние и задние ноги (мясо)³.

Затуманились высокие брови Урызмага.

— Из своего добра столько израсходовать трудное дело, слишком это отразится на доме (козяйстве)—сказал Нарт Урызмаг.

— С одной стороны想要 создать себе имя, а с другой—боится расходов; этого делать нельзя: или должен вертел сгореть или шашлык⁴)—сказала ему в ответ Нарт Сатана.

— И еще говорю тебе: из всего этого нет ничего, что бы было приобретено трудом твоего дома—все это присыпалось мне с больших нартовских пирров, чтобы почтить мое имя (буквально: найти мое имя)⁵.

Просветлело лицо Урызмага.

В таком случае приготовся: тут есть больше того, что потребуется для Нартов от одного сегодня до другого сегодня⁶).

Пригласил Нарт Урызмаг глашатся.

Иди и огласи по селению Нартов: кто может ходить, пусть идет; кто ходить не может —пусть ползет—Ахсартак-каев Урызмаг устраивает пиршество.

В доме Урызмага на пиру сидят Нарты от одного сегодня до другого сегодня.

Под конец не стало хватать дров. Урызмаг взял топор, веревку, надел на себя „уазаггард“⁷) и пошел близко от селения в лес. Наготовил немного дров, как с черной горы вылетел к нему черный коршун; впустил он свои когти в спину Урызмага, поднял его и далеко, в средине Черного Моря, на одном острове положил его на камень.

— Что будет сомней здесь—стал сокрушаться Нарт Урызмаг—кроме синей воды, ни горы не видно, ни дерева? Наверно, пришла моя гибель.

Сидит на камне и оглядывается во все стороны. Тем временем смотрить: вода около камня временами взводнуеться, слышится ропот волн, потом выбрасывается из воды дым.

— Чтобы ни было, не оставлю, пока не узнаю, что это такое.

Спустился около камня Урызмаг в воду и достиг в одном месте одной двери. Открыл дверь, и из дома вышли к нему три девицы, одна красивее другой, одна другой статнее.

— Здравствуй, Урызмаг, здравствуй, наш амцек⁸)! Какое ведро, какая непогода занесла тебя в эту страну? Войди, войди, присядь отдохни.

Подкрепилось сердце Урызмага—„Знать не совсем я погибший, коли и здесь нашлись у меня амцеги“ и рассказал им, каким образом очутился здесь, в стране Донбеттыра⁹).

Девушки стали хлооптать: привели кусарттаг¹⁰), заставил самого Урызмага заколоть его, развели костер, и скоро поставили перед ним обильный фынг¹¹).

Произносит молитву¹²) Урызмаг; когда кончил молитву, то спрашивает:

— Кто отведает?

— Никого из мужского пола¹³) нет у нас—вот в люльке спит один ребенок у нас, но он еще не сумеет, при том он утомлен после игры.

— Разбудите его,—пока он не отведает, я не поднесу ко рту своему ни одного куска.

Разбудили мальчика; ребенок сонный, когда, шатаясь, подходил, чтобы отведать, то споткнулся и упал на цирык¹⁴) Урызмага. Ребенок затрепетал и отдал душу.

Вытер Урызмаг свой цирык, вскочил, думая только о голове своей (в панике), очутился опять на острове, на камне. Девушек оставил рыдающими над преждевременно погившим ребенком. Черный коршун опять появился, вонзил свои сильные когти в спину Урызмага и опустил его на том месте, где он готовил дрова.

Кое-как нарубил еще каких-то ветвей Урызмаг, связал их в вязанку, взвалил на уазаггар¹⁵ ее (вязанку) и печальный явился с дровами в дом свой.

Посмотрев на настроение мужа, нарт Сатана поняла, что натворил Нарт Урызмаг. Она внезапно крикнула на народ, сидящий на пиру: мол пора каждому искать (свой) дом. Потом, когда народ разошелся, и они остались одни, то она говорит Урызмагу:

— Что ты наделал, наш старый волк? В кое-то времена был у меня единственный ребенок. Отдала его к Донбеттырам на воспитание (Qan)¹⁵), думая, что это будет лучше, и тот тоже вошел в страну мертвых от твоей руки.

Нахмурился Нарт Урызмаг.

Тело мальчика скончали в земле, а душа его улетела в страну мертвых и там на коленях Барастр¹⁶) его постоянное место сидения.

Много-ли прошло, мало-ли прошло—кто знает, но в один день мальчик говорит Барастр:

— Столько лет прошло с тех пор, как я пришел в страну мертвых. Отец мой Урызмаг поминает даже посторонних, а обо мне не вспоминает, нет для меня того, что полагается покойнику (поминок), среди других мертвцов я заброшен здесь. Барастр, прошу тебя, отпусти меня из страны мертвцов:

если я сам не позабочусь о себе, то останусь позабытым. Даю тебе слово, что вернусь обратно сюда, как только добуду своими трудами все, что нужно для поминания в течение года¹⁷⁾.

— Не хочется мне вызвать твоё неудовольствие, но этого сделать нельзя, сказал Барастр: как только мертвецы узнают это, ни один из них здесь не останется,—и теперь с трудом удерживаются в стране мертвых.

— Этому я найду средство: подкую я своего Аласа¹⁸⁾ задом на перед. Если мертвецы станут впереди меня у выхода из страны мертвцев, то скажи им:

— Посмотрите, если след идет из страны мертвых за пределы ее, то я не задерживаю вас больше; но если след ведет во внутрь (страны), то понапрасну волноваться и сопротивляться не подобает вам.

Барастр согласился.

Мальчик навыворот подковал своего Аласа и уехал из страны мертвых. За ним двинулись и другие мертвецы и направились к воротам.

— Куда?—спрашивает их Барастр.

— И мы тоже не хотим больше оставаться в этом месте, если для кого—нибудь есть выход отсюда—сказали мертвецы.

— Разберите сначала, в чем дело, потом узнаете, что вам следует предпринять: присмотритесь-ка к следу сначала.

Мертвецы присмотрелись к следу, и когда увидели, что след ведет во внутрь, то каждый из них успокоился на своем месте.

Несчастный сын Урызмага, воспитанник Донбеттыра, направился в селение Нартов, крикнул в старый дом Ахсартак-каевых.

На зов вышла хозяйка дома, Нарт Сатана.

— Ищу Урызмага, может быть, отправились бы вместе в стар¹⁹⁾). Буду ждать его на Амхиц—харан Бараг Уабау²⁰⁾. Вернулась в дом Сатана и говорит:

— Муженек, старая голова твоя стала посмешищем: у ворот какой-то недоносок, его даже не видно из-за лука седла, ищет тебя и приглашает на добычу. Будет ждать на Амхиц—харан Бараг Уабау.

— Скорее снаряди меня в путь, наша хозяйка!—я не нарушу своего обычновения, не стану переменяться на старости: что считал своим долгом, то буду выполнять до тех пор, пока будет блестеть мой глаз, пока жив. Урызмаг еще до сих пор никого из тех, кто искал его, не повернул (никому не отказал) и теперь тоже не повернет (никого).

Тогда Сатана, боясь за Урызмага, взмолилась:

— Бог богов, мой бог! если ты для чего—нибудь создал меня, то весь снег, который должен выпасть за целый год, пусть выпадет в эту ночь, чтобы потом поднялись крутящийся смерч и буря, может быть, этот недоносок, этот подлежащий погибели погибнет, и старик наш останется в своем доме (никуда не пойдет).

На рассвете Урызмаг на своем пегом Арфане ²¹), как только с трудом прорезал себе в снегу дорогу к Амхиц-харан Бараг Уабау, смотрит—холм чернеет. На холме спит мальчик—под головой его седло его, под ним потник, а укрыт буркой; конь пасется близко к середине, около холма.

— Что за диво—сказал про себя Урызмаг—ангел он, дуаг²²) он, или какое диво это, может быть, то, что я вижу собственными глазами?

Тем временем достиг он холма, остановил своего пегого над ухом (очень близко), мальчик и говорит ему:

— Вставай, мальчик,—путь длинный, день короткий.

Быстро встал мальчик, собрался и вскочил на коня, и едут—впереди Урызмаг на своем пегом Арфане, за ним мальчик на своем аласа.

Едут, едут,—смерч, летучий ураган не прекращаются. Пегий Урызмага грудью режет снег, время от времени сует (в снег) и морду. Состояние Пегого стало скверно—начал уставать. Мальчик опередил его и говорит:

— Пусть будет это позорно (неприлично),—я еду впереди; потом, пусть отныне не будет неприличным ехать впереди²³).

Как только мальчик поехал впереди, снег на далекое пространство стал таять от дыхания его коня, и конь идет, пасясь по траве. Проехали несколько; Урызмаг говорит:

— Мальчик, выехали мы побродить и посоветуемся: куда поедем, где сделаем нападение.

— Веди меня в такое место, которое ты еще не использовал.

— Такое место у меня, разумеется, есть; такого богатого места другого даже не может быть, скажем, баранта, скот крупный, табуны лошадей—даже загонять их не могут пастухи. Но не легко решиться пойти туда. Нужно перейти через море; потом табуны, стада охраняются железным жеребцом, железнопастным волком и железноклювым ястребом.

— В таком случае будем держать путь туда, испытаем свое счастье,—кто знает, может быть, что-нибудь попадет в наши руки—сказал мальчик.

Достигли берега моря. Мальчик захватил (с собою) клей без воды. Направили своих коней к морю; в воде кони действовали, как рыбы и скоро очутились на другом берегу.

Сделали привал на берегу моря. Мальчик хорошо выкупал своего коня, смазал его kleem, потом заставил его вальяться на щебне. Снова смазал его kleem, заставил его вальяться по щебню, и аласа сделалась величиной с гору.

Примерно приблизившись к табунам Терк-Турка²⁴), они слезли с коней своих. Мальчик вырыл две ямы: одну для себя, а другую для Урызмага с конем его и сказал ему:

— Урызмаг, сейчас мой конь начнет биться с железным жеребцом. Сначала будут биться задними ногами, и когда они начнут бить стальные подковы друг о друга, то разгорится такой огонь, что начнет гореть слой (верхний) земли. Берегись... Не вздумай посмотреть вверх: постигнет тебя какое-нибудь несчастье. После этого будут хватать друг друга зубами, будут биться передними ногами. От их дыхания поднимется такая буря, что слой земли в улынг²⁵) толщиной будет поднимать и нести с собою. Предупреждаю тебя: не шевелись с места, а то обратит тебя в собаку—камень, в собаку—бревно²⁶). Когда настанет пора—будет тебе знак от меня самого. Не щадят уж сил в схватке железный жеребец и аласа. От жара, выбиваемого их стальными подковами, разгорелся такой огонь, что горит слой земли.

Не удержался Урызмаг, выглянув из ямы, и загорелись длинные усы его.

Мальчик изловчился и потушил усы и сказал:

— Отныне пусть будет такой порядок—чтобы все носили усы такой длины, как остатки твоих усов.

Перестали (биться) ногами, принялись зубами железный жеребец и аласа. Поднялась такая буря, что сносила слой (верхний) земли на улынг. Не удержался опять Нарт Урызмаг, поднял из ямы свою голову, и буря оторвала его череп и понесла его.

— О, пусть останусь я без кровли! Мой старший (спутник) может остаться без черепа. Выпрыгнул из ямы, поймал катившийся череп; надел его на голову Урызмага и говорит:

— „Пусть отныне у Нартов череп... не будет сниматься.

До этого каждый из Нартов мог снять с себя череп, побить его, потом надеть²⁷).

Не кончили еще кони битвы, как напустился на них железно-пастый волк. Мальчик пустил стрелу в волка, и... пусть проклинающий тебя уподобится ему (волку), был убит на месте. Отрезал ему ухо и спрятал в карман. Тем временем железный ястреб тоже вылетает; мальчик изловчился и против него: пустил в него стрелою, и ястреб на земле затрепетал крылами. Оторвал и у него (мальчик) голову и спрятал в карман.

Железный жеребец хватает Аласа, и рот его наполняется камнями и щебнем. Под конец Аласа начал успевать больше.

Железный жеребец ткнулся коленями в землю. Мальчик схватил свое седло и в таком положении оседлал его и вскочил ему на спину (сел на него).

— Куда ты делася, Урызмаг? Скорее гони табуны Терк-Турка; я поеду и скажу хозяевам их.

— Лучше будем держать свой путь; погони нет за нами, нет и насильника — сказал Урызмаг.

Тронул он железного жеребца. Очутился там, где народ Терк-Турка сидел на пиру и говорит им:

— Фадис!²⁸⁾ Угоняют ваши табуны! Сообщили весть старшим; они сказали: „это, наверно, ищущий пищу-питье, идите и пригласите его к нам, мы его попотчуем, как гостя.”

Мальчик слез с железного жеребца, привязал его к коновязи и пошел к старшим. Осмотрев столы, вынул (из кармана) голову железного ястреба, ухо железно-пастого волка; голову кинул на стол старших, ухо — на стол младших²⁹⁾ и сказал: „старшие, будете нуждаться в голове, и вот вам голова; вам же, младшие, как указывает обычай, ухо; а вот вам на коновязи и ваш железный жеребец.”

Не хорошо почувствовали себя люди, бывшие на пиру: кто был их опорой — те отошли от них.

Мальчик опять вскочил на коня и отправился к Урызмагу. Пришлось ему ехать через кладбище и смотрит: одна женщина сидит среди шести курганов и поочередно обращается к ним с плачем и причитаниями.

— А это что за диво еще? — сказал мальчик про себя.

Тем временем седоволосая женщина говорит ему:

— Подойди, возьми мою соску в рот³⁰⁾. Пока что, опасности от погони нет: кто знает, когда-то они снарядятся. Но не дивись тому, что обращаюсь к тебе. Семь сыновей было у меня и шести из них лишилась, вот это их курганы. В страну мертвых ушли они от вражеской руки, будучи в погоне за табунами Терк-Турка (когда их угоняли). Ты насильник, заметно это по твоей повадке. Погоня усилится за тобою, мой сын будет впереди, будет теснить тебя, но ты будь великодушен к нему, великодушен к женщине, охраняющей сирот (вдове) — мой единственный да будет твоим гостем (будет под твоим покровительством),

Соскочил мальчик с Железного Жеребца, взял в рот соску вдовы и дал слово в этом месте, слово человека Нарта, что он ничего не сделает единственному сыну старой женщины. Старая женщина указала, в каком виде будет в погоне ее сын.

Тем временем мальчик на погоняемом коне стал над ухом Урызмага (стал близко). Вогнали в Черное Море ограбленное и перешли на другой берег. Едут, и вот один верховой их нагоняет.

— Езжай, Урызмаг, вперед с добычей; с погоней буду сам как-нибудь управляться.

Верховой очутился около него.

— Эй, собака, родившаяся от собаки! Чьи табуны ты угоняешь? Уйдешь ты у меня, если окажешься мужчиной! и вокруг безыменного сына Урызмага начали летать стрелы, как пчелы.

— Дал слово твоей матери, взял ее соску в рот, назвал ее матерью,—не мешай мне, пусти меня по дороге.

Когда слишком стал приставать, то мальчик пустил стрелу и попала преследователю ниже пояснице сзади в одежду; стрела сняла его с коня и пригвоздила к земле. Пытался он, конечно, выдернуть стрелу, но не смог даже расшатать ее.

В таком виде его нашла погоня. Они тоже возились со стрелой, но не могли ее выдернуть. Тогда взяли да циритком отрезали ему полы; зад его, преследователя, остался голым, как зад дикой козы.

Урызмаг и воспитанник Донбеттыра пригнали добычу в Нарт, остановили их (табуны) на поляне, назначенном для игр. Мальчик здесь разделил добычу на три части.

Урызмага дугообразные брови нахмурились, дескать, две части хочет взять себе.

Но мальчик сказал:

— Вот это тебе за старшинство, другая часть тебе—твоя доля, а на третью долю устрой, что полагается мне на целый год (поминки, справляемые в течение года после смерти родными). Всех поминали в стране мертвых, только моего имени. имени твоего сына, который у Донбеттыра от твоей собственной руки пошел с страну мертвых, ничем ты не помянул моего имени.

Попрощался с Урызмагом и отправился опять в стану мертвых на своем Аласа.

При заходе солнца достиг он страны мертвых, и ворот больше не открывали³¹).

— После захода солнца никому нельзя переступить порога в страну мертвых—сказали (оттуда) мальчику.

Тогда он взмолился, чтобы солнце показалось еще раз. И на горах показался отблеск солнца.

— Солнце еще светит на горах—сказал мальчик.

Мертвые посмотрели на горы и, когда увидели отблеск, то открыли дверь, и безыменный сын Урызмага вошел в страну мертвых и там опять сел на колено Баастра.

Не мало дивились Нарты добыче Урызмага, и с тех пор говорят так: „На старости, чтобы тебе была добыча Урызмага.“

Нартовский Ацамонга³²).

Ацамонга Нартов был ковш. Было в нем семь отделений. Никто не мог выпить из него больше трех отделений. (И то говорят про Хамыца).

Нарты не выносили и не показывали свой Ацамонга людям, стоящим ниже их. Больше среди своих (употребляли), а потом из него давали пить тем, кого считали равными себе.

Нарты клялись своим Ацамонга. Если они не доверяли словам кого-либо, то постановляли, чтобы он выпил из Ацамонга Нартов.

Если у пьющего слова оказывались его делом³⁸), то выпивал его до конца, осушал его; в противном случае (напиток) начинал бродить и выливался через края.

Другой вариант.

Если человек говорил правду, дело его правое, то Ацамонга Нартов начинал литься через края, начинал подниматься (напиток); если же пьющий затевал неправое дело, то напиток не сдвигался с места.

Третий вариант

— Ацамонга высыхал. Про Хамыца рассказывают: вынесли его (ковш) к нему, и он пил. Ацамонга Нартов наполнился всякими скверными и отвратительными гадами: змеями, лягушками и ящерицами. Они поднимались из Ацамонга и вместе с питьем устремлялись к горлу Хамыца. Но Хамыц ударял их своей булатной бородой, и они прятались на дне ковша. Таким образом, Хамыц опрокинул (выпил) Ацамонга Нартов.

Урумов Василий, из Ардона, 65 лет. Предки его выселились из сел. Цамад, Алагирского ущелья. Сказания он слышал от стариков соседей.— Амбаловых Дзакко и Беса, Баскаева Бола и Урумова Состикка. Василий рассказал:

Мальчик, рожденный Нарт Сатаной от чёрного Ногайца (Карапогайца?).

И Нарт Урызмаг отправился в странствие на год, кто знает куда?

Жена его, Нарт Сатана, стала сокрушаться по муже, начала вспоминать его

Боролась Нарт Сатана с собою: сдерживает себя, не дает себе воли; но когда из этой борьбы ничего не получалось, когда не вмоготу стало ей сдерживаться, останавливать себя, то она позвала работников и говорит им:

— Идите и найдите мне где-нибудь одного мужчину, тайно пригласите его в мою комнату, чтобы никто не узнал об этом. Ищите благородного мужчину, но если не попадется подходящий из тех, кто равен головой (с ней, по благородству), то пригласите и черного мужчину (неблагородного), сильного и мощного.

Не нашли слуги для Сатаны благородного мужчины, но пригласили к ней одного сильно сложенного ногайца. Долго пробыл, мало пробыл черный ногаец в комнате Сатаны, кто знает? но удовлетворил нужды ее черный ногаец и отправился (буквально—поиском свой дом) к себе домой.

Даром не прошло для Нарт Сатаны это дело: вскоре ее сердце почуяло в ней неладное. Сатана забеременела от черного ногайца. Когда настала пора (родить), Нарт Сатана сделала три медовых лепешки и молится богу:

— Бог богов, мой бог. Пусть туман и облака, которые в течение года появятся в нашей стране, в этот час покроют селение Нартов.

Мрачный туман покрыл селение Нартов. Тогда заставила запрячь в арбу бычков, рожденных во время Тутыра³⁴), заставила себя отвезти на берег Терека, и там у нее родился мальчик от черного ногайца.

Новорожденному сделали ящик; ящик поставили в лодку и таким образом спустили в реку.

Села опять в арбу Нарт Сатана и опять обрела благополучно свой дом.

Лодка по реке бежит, качаясь; волны играют ею, иногда перебрасывают ее, как мяч, в разные стороны. Таким образом, достигла рыбаков; они задержали лодку, открыли ящик, достали из него живого ребенка и принесли его в селение алдара³⁵).

Алдар стал воспитывать его, как родного сына. Когда он подрос, то стали обнаруживаться его душевые качества, его сердечные наклонности: всякий, кто знал Нартов, мог узнатъ, что в его жилах течет нартовская кровь.

Прежде всего от него стали страдать сверстники во время игр—как мальчики, так и девочки; потом на него жаловались водоносы и идущие на мельницу: не оставлял он в целости ни медного сосуда (гогон), ни кувшина, ни кадушки своей стрелой и луком. Ни перед чем не останавливался—ни перед причинением ущерба, ни перед озорством.

Народу стало не вмогуту от него. Наконец, народ собрался и скопом пошел к алдару и сказал ему:

— Много жаловались мы тебе на озорство твоего найденяша—мальчика, но до сих пор он не оставляет своего озорства, и ты сам тоже ничего не предпринимаешь к тому,

чтобы он успокоился. Между тем, ему пора успокоиться,—не такой он уж ребенок, уж появилась у него чернота (пушок). Говорим тебе последний раз, наш алдар: или мы тебе, или твой мальчик!....

Алдар впал в раздумье. Стал он раздумывать и решил:

Наше селение не место для жизни моему воспитаннику, надо его послать в какую-нибудь чужую страну.

Снарядил его всем: одеждой, оружием; лучшего в своих табунах коня он снарядил так, что оставалось только сесть на него. Потом дал ему еще двенадцать всадников с ним. Позвал всадников тайно и секретно наказывает им:

— Посылаю своего воспитанника из селения своего под предлогом, что ему надо найти невесту. Поезжайте с парнем побродить по большой дороге. Достигните вы железной двери. Дверь окажется запертой; парень попробует (открыть) ручкой плети, но не будет открываться. Тогда ударит он по коню. Конь, как птица, перелетит поверх двери. Как только парень очутится по ту сторону двери, вы всеми силами убегайте назад. Не забудьте—в одну сторону пусть не убегают два всадника—рассыпайтесь в разные стороны.

В поисках невесты отправился воспитанник алдара с двенадцатью всадниками. По большой дороге достиг он железной двери. Ручкой плети надавил он на дверь, но она не открылась. Парень подобрал коня, взмахнул плетью; конь под всадником затанцовывал, как змей и, как птица, перелетел поверх двери. Открыл дверь, зовет своих товарищней, но они по одному разбежались.

Парень некоторое время смотрел вслед за ними, потом стал держать свой путь.

Долго-ли ехал, мало-ли ехал—кто знает, но в одно время всадник уснул на спине своего коня. Конь идет себе. Тем временем три всадника перерезывают ему дорогу. Всадники оказались Нартами—знаменитые мужи Ахсартаккаевы: Нарт Урызмаг, Нарт Хамыц и Нарт Сослан.

— Не совсем зря мы бродили—сказали Нарты: вот тот всадник на что-нибудь сгодится для нас, на худой конец за него можно выручить на покупку шаровар для наших жен.

Пустился на него Нарт Сослан. Толкнул всадника конем; но конь всадника даже не пошатнулся—идет себе по своей дороге.

Тронул и Нарт Хамыц своего коня, сразу сшибается с конем досадного всадника... Ну хоть бы поколебался немногого коня! Не нарушает своей поступи конь того, кто родился от ногайца.

Тогда Нарт Урызмаг поворачивает к всаднику своего знаменитого Арфана, но конь всадника совершенно не поддался и Пегому Нарта Урызмага.

Тогда говорит им конь всадника:

— Оставьте, пустите меня по дороге моей, а то если проснется седок мой, то не понравятся вам ваши поступки.

Когда насильники—Нарты не оставляли в покое коня, то он затрясся. Седок проснулся, протер глаза и увидел нартовских насильников. Повернулся к ним коня и.... Нарта Урызмага и Хамыца, как сумы переметные, привязал к торокам; Сослану же просунул между телом и поясом пику и снял его с коня и подобным образом несет его на пике. Крикнул и на коней их и гонит их вперед.

— Кто знает, может быть, вы не ожидали, что с вами случится такое дело; но что я с вами проделаю, это вы узнаете. Возьму да в таком виде доставлю вас в вашу страну и там положу вас перед вашими женами³⁶).

Попали в положение лучшие из Нартов. Столько они странствовали, столько чинили они насилий, но ни одного такого человека еще не встречали.

Благородный муж не откладывает перед своими домашними свои обиды, это трудно ему. Опесили знаменитые нартовские мужи. Начали метаться и вдруг перевернулись (переменились по неволе), выпустили язык свой (стали говорить льстиво).

— Не погуби нас, не опозорь нас так, просим у тебя прощения, не сделай достойным себе это (намерение), прости нам нашу ошибку. Лучше убей нас на этом месте, но не поступи с нами так.

— Люди вы пожилые, поэтому да простится вам, но дайте мне слово, что больше не будете притеснять путников.

Делать было нечего. Дали ему слово. Всадник освободил нартовских насильников, и каждый из них отправился своей дорогой.

Сколько проехал всадник-кто знает? но вдруг он натянул повод коня своего (остановил коня).

— Как нашло на меня смертное забвение! Ведь куда я направляюсь, во имя чего, этого нет, и в какой я стране, этому тоже никакого признака нет; где я буду сватать невесту, и этого ведь не знаю. Как же я отпустил этих людей, не распросивши их? А ведь, повидимому, они такие, которые много бродили, многое видели, много атавы с'ели³⁷)— это видно по ним.

Пойду нагоню их; может быть, они где-нибудь укажут мне девицу.

Нарты, когда увидели за собою всадника, то пустились в бегство.

— Подождите меня! Даю вам слово, ничего вам не сделаю, по делу мне нужны вы.

Нарты поехали тише, всадник нагнал их.

— Из дома выехал я сватать невесту, но в этой стране никого не знаю; вы же такие, которые видели многое. Будьте благосклонны, укажите мне девицу.

— Там, где сливаются две реки, в своем замке живет и кушает ³⁸⁾ Адыл—сказал Нарт Урызмаг. У него есть такая дочь, подобной которой, по внешности и по нраву, нет нигде под небесами (буквально: где небо распростерло свои конечности). Никого не осталось среди лучших в мире, кто бы не сватал ее, но она отказывает всем. Вместе с тем, пожалуй, нигде не найдется такого богача, как ее отец Адыл.

— К слиянию двух рек, к крепости Адыла, направил свой лоб ³⁹⁾ рожденный от черного ногайца.

С подругами в башне сидит красавица—дочь Адыла, рукodelьничают девушки. Тогда одна из девиц говорит:

— Вот кто-то подходит к нам—такой еще не приходил в эту страну;

— Смотрите, и если он будет искать мелкие места в реке, то посмеемся над ним от души, позабавимся им; если же он переправится напрямик, то будет годиться мне в мужья.

— Двинулся через главное русло—сказала та же девушка—даже рыба не может так переплыть; хоть бы пошатнулся конь его в этой быстрине, как стрела, перерезал реку.

У замка Адыла слез с коня рожденный от черного ногайца. Двинул он ручкой своей плети дверь в комнату, где сидела красавица-дочь Адыла, и дверь упала во внутрь.

— День твой да будет добрый, наша плохая хозяйка ⁴⁰⁾—сказал парень красавице Адыла.

— Добрый да живешь, добрый молодец, рожденный Нартовской Сатаной от черного ногайца, в ответ сказала ему девушка.

Как будто по губам ударили парня, и быстро повернулся назад, кинулся на коня и сгоряча двинулся от замка Адыла далее.

— Увы, гость наш обиделся—сказала девушка. Идите и верните его обратно: хотя он зародился от крови черного ногайца, все же он не плохой человек.

Начали жить мужем и женой в крепостях Адыла, между двумя реками, где земля принимает счертания свиного рыла, в полном достатке во всем.

В одно время к парню обращается жена:

— А ведь когда у парня появляется семья, то нога не выносит его из дома (не охотно расстается с домом) ⁴¹⁾. Смотрю на тебя и насколько выросла в тебе грубая сила, настолько не вырос в тебе разум. А коли грубую силу не направляет разум, то человек попадает в беду. Возьми да

отправься в терновник Тарк. Там есть черная лисица, на лбу ее три белых волоса. Когда поймаешь лису, то нужно будет их выдернуть. Один из этих волосков будет учить тебя разуму; другой превратится в пояс и третий — в застежки (крючки), отделанные серебром и золотом. Эти (вещи) ты подаришь мне. Но знай, что поймать черную лисицу легко не удастся тебе. Когда достигнешь терновника Тарка, то начнешь гоняться за нею, из одежды твоей ничего не останется на тебе, кусками останется на колючках, как остается на них шерсть барана. Со всех сторон из тела твоего будет сочиться кровь. Не достанется в твои руки в терновнике, выгонишь ее на каменистое место. Начнешь ее преследовать по каменистому месту: чувяки твои останутся без подошв, ноги будут брызгать (кровью). Но и черная лисица тоже измучается, — станет, как вкопанная на камнях, ты поймаешь ее живьем, выдернешь со лба эти три белых волоса, потом пустишь ее.

Рожденный от черного ногайца, поймав в терновнике Тарка черную лисицу, выдернул со лба ее три белых волоса и спрятал их у себя; потом пустил черную лисицу. Возвращается в свой дом и с красавицей (дочерью) Адыла начинают жить и есть.

Сколько опять пожили-кто знает? Но снова в один такой (день) говорит дочь Адыла:

— Муженек, одиноко мы живем в этом месте. Возьми и опять отправляйся за добычей. Завтрашний день вся молодежь ногайская-девушки и парни, выйдут собирать землянику. Сделай так и пригласи из них нам сто пар и посели их кругом нас, чтобы, благодаря им, мы проводили легче нашу жизнь на свете.

Из молодежи ногайской сто девиц и сто парней привел прирожденный Нарт и поселил их вокруг твердыни Адыла, образовал из них селение и опять в одно время красавица Адыла говорит господину своей головы: ⁴²⁾

О, господин моей головы, на этих двух днях тебе предстоит сделать еще одно нужное дело. Нарты взяли твердыню Гура ⁴³⁾; добычу, которую они взяли оттуда, будут делить. Сделай так, чтобы и тебе досталась доля. А это не так трудно, если возьмешься за дело с умом. Когда Нарты шли на штурм крепости, то посадили на дороге Кулбадаг ус ⁴⁴⁾, чтобы она установила, кто из наступающих войдет в крепость. Из подарков (добычи) первый выбирает тот, кто шел впереди. Я готовлю для этой женщины все одеяние с ног до рук, ты проедешь мимо и подаришь ей; а потом накажи ей, чтобы, когда ее спросят, кто из нартов первый вошел в крепость Гур, чтобы указала на тебя.

Собрались Нарты делить (добычу) ценности, вынесенные из крепости Гур. Вырыли яму глубиной в двенадцать обхватов и спустили туда Сырдона, боясь, что он будет доводить дело до скандала.

Спрашивают старуху:

— Так кто в день битвы первым вошел в крепость Гур, кто мог бы быть этим счастливцем, кто?

— Да будет ему его день ⁴⁵⁾, зятю Адыла, это он первый вступил в крепость Гур, он—сказала старуха.

— Бери свою долю первого (вступившего в крепость), зять Адыла! а потом остальные ценности поделим поголовно, поровну—сказали нартовские старши.

Зять Адыла рассмотрел ценности и, по указанию белого волоса черной лисицы, выбрал три вещи: кусок кожи, войлочную плеть и гамхуд ⁴⁶⁾.

Вытащили из ямы Нарта Сырдона; окинул глазом добычу и спрашивает старших Нартов:

— Кто взял долю первого?

— Зять Адыла—дали ему ответ Нартовские старши.

— И с давних времен были вы ничтожеством, собачьи Нарты—сказал Сырдон: и теперь тоже поиздевались над вами. И хоть бы был похож на человека тот, кто поиздевался над вами. Знайте вы, что рожденный Нарт Сатаной от черного ногайца, унес ваше добро. То, что еще осталось, не стоит и ковша воды и ни на что оно не пригодно.

Нарт Урызмаг, Хамыц и Нарт Сослан посмотрели друг на друга, услышав слова Сырдона, и решили посетить зятя Адыла.

Отправились удачливые Ахсартакаевские мужи. Прибыли в замок Адыла. Как это полагается, они там слезли (с коней) у уазагдон ⁴⁷⁾: Гостям прислуживал, в качестве младшего, зять Адыла.

— Простите мне, гости, но если я еще чтонибудь знаю, то я вас еще где то видел, мне так кажется.

— Не ошибаешься,—дал ему ответ Нарт Хамыц: в этот замок мы направили тебя искать невесту. Потом еще скажем тебе, по какому поводу прибыли мы сюда. Совсем недавно узнали мы, что ты родился от Сатаны; а вот это тебе твой отец-Урызмаг Ахсартакаев, господин головы Сатаны; а мы твои дяди-Хамыц и Сослан. Наш младший, потом мы скажем тебе то, что должны сказать. Позорно рожденному от Нарта жить в доме своих каиста ⁵³⁾; пятно кладется и на всю фамилию тоже.

Рожденный Нарт Сатаной от черного ногайца и его жена собрали все свое большое имущество, вывели своих людей и поселились в селени Нартов.

И Нарты получили выгоду.

Х а т а г Б а р а г

(буквально-Бродячий наездник).

(Из Нартовских сказаний)

В селении Салхай, красавица Салхая вздумала выходить замуж. В селении жил Хатаг Бараг, и сердце её лежало к нему. Хатаг Бараг не жалел себя, старался, чтобы его полюбила красавица Салхая.

Когда Нарты захватывали добычу, будучи в набеге, то обыкновенно Хатаг Бараг выходил им навстречу, сходил с дороги (прятался), пока Нарты с добычей не прибывали в свои дома. Тогда обыкновенно Хатаг Бараг начинал собирать отставших по дороге из захваченных Нартами (табунов и стад), запачканных собственным свежим пометом, на которых неприятно было даже смотреть, и гнал их перед собою мимо башни красавицы Салхая, как будто был замечательно лихой человек.

Выглядывала тогда красавица Салхая и улыбалась. Как бывало не возгордиться в то время и Хатаг Барагу!

В селении Салхай жил еще сын Кулбадаг женщины. Нарты без него не отправлялись в набег. Он тоже полюбил девушку, но красавица Салхая даже не удостаивала его взглядом.

Тогда сын Кулбадага сделал фандыр⁴⁹), сел под стеной башни Салхая и начал играть на фандыре, играл кадаги⁵⁰). Игра фандыра слышна была до небес, слушатели внимали ей, как окаменелые; но красавица Салхая не смотрит на него.

Ударил Фандыр о стену башни сын Кулбадаг женщины, и разбился фандыр на куски.

Сделал новый фандыр сын Кулбадаг женщины; сел опять под стеной башни и о сердечных своих думах, о пламени своей любви говорит он в своей игре на фандыре. Содрогаются корни сердечные от игры фандыра, небо темнеет от нее; но не смотрит на него, не слушает его наша красавица Салхая. Об стену башни разбил опять парень свой волосяной фандыр.

Сколько времени могло пройти-кто знает? но в третий раз сделал фандыр сын Кулбадаг женщины, лучше намного других фандыров. В отмеченном месте сел опять около башни. Начал опять играть на своем фандыре. Горит пламенем игра фандыра: население собирается (на игру), каждый забывает свое горе и трудности; внушиает сердцу каждого молодечество, красоту и дружбу.

Не удержалась красавица Салхая: послала вестника к парню; но он даже косого взгляда не бросил на посланца. Тогда с верхнего этажа спустилась к нему красавица Салхая, привела его на верх башни, где жила сама; завязался разговор между двумя людьми.

— Хатаг Бараг не достоин тебя-начал разговор сын Кулбадаг женщины-из тех достоинств, которые ты в нем предполагаешь, в нем нет ни одного: потом тот образ, в котором он показывает тебе себя, тоже не подлинный его образ. Отставшие в дороге несчастные крохи от добычи Нартов во время набегов их он собирает и прогоняет их перед собою; мимо этой башни прогоняет их, а ты думаешь тогда, что Хатаг Бараг отличился. А он, бедняжка, выпячивает себя перед тобою, благодаря тем, чем мы пренебрегали (показывая тебе то, чем мы пренебрегли в дороге).

— В таком случае теперь как наилучше можно поступить на моем месте? сказала красавица Салхая.

— Когда-нибудь Нарты будут опять в набеге. Хатаг Бараг опять будет делать свое дело: выйдет опять навстречу нам, и то, что останется сзади из нашего скота, он прогонит мимо тебя, как лихой мужчина, но ты больше не посмотри на него. Когда он спросит тебя, почему дескать не выглянула, то позвони ему в ухо ⁵¹⁾: „Сын Кулбадаг женщины весьма и весьма похулил тебя. Если ты мужчина, то пригласи его в балц ⁵²⁾, продай его где-нибудь и на вырученное (от продажи) купи мне на панталоны“. Потом когда будешь отправляться в балц, ты выгляни на нас с кровли башни: у кого из нас какие достоинства-станет яснее солнца.

Случилось то, что говорил парень.

Хатаг Бараг как-то собрал отставших от добычи Нартов и гонит их, как лихой мужчина, мимо красавицы Салхая. Разумеется, бросает взгляды наверх.... но красавица Салхая уже не выглянула, нет, на Хатаг Бараг—а и не улыбнулась ему.

— Что сделалось с тобой, зачем переменяешься сердцем (по отношению) ко мне?

— Три дня и три ночи сын Кулбадаг женщины наговаривал мне на тебя, не пощадил он тебя в своих отзывах. Поэтому ты мне стал уже не столь приятен. Не найдешь ты больше моего сердца (расположения, любви) до тех пор, пока не купишь мне на панталоны на выручку от продажи его.

Снарядился в балц Хатаг Бараг. Насилу достал коня и вооружение боевое.

Слез во дворе Кулбадаг женщины.

— День твой да будет добрый, парень!—говорит Хатаг Бараг.

— Ходи живым—ответил парень,—входи, будешь нашим гостем.

— Поедем со мною в балц, немного побродим.

— Без разрешения матери я не выхожу даже за дверь.

— Войдем в дом и попросим ее.

Вошли в дом, Хатаг Бараг приветствовал Кулбадаг женщину и говорит:

— Еду я побродить и отпусти со мною твоего сына в качестве младшего.

— Пусть Ана⁵³⁾ будет жертвой за голову твою⁵⁴⁾, но что сможет сделать мой малыш при тебе? Потом, он же ничем ведь не снаряжен: ни коня у него, ни оружия.

— Это для него готово,—сказал Хатаг Бараг. Конь для него у ворот, а это для него вооружение.

— Парень—гость, носитель силы (гость—силен)⁵⁵⁾—сказала старуха; соберись в балц. Парень взял оружие от Хатаг Барага, вышел из дома; рассмотрел лошадей, сбрую лошадей, и когда они оказались непригодными, то разломал боевое оружие, а лошадей ударами по спине выгнал за ворота.

Следом за этим сын Кулбадаг женщины пригласил Хатаг Барага в конюшню. В чисто убранной конюшне двенадцать авсургов⁵⁶⁾, которых нельзя было отличить друг от друга. Над головой каждого из них, на стене—седло со всеми принадлежностями и боевое вооружение на одного всадника. Оружие метало искры—так оно было вычищено.

Опешил Хатаг Бараг, увидев готовность сына Кулбадаг женщины. Стал он раскаиваться, что сделал вид, будто собрался в набег, но делать было уже нечего.

— Выбирай себе коня снаряженного—сказал молодой человек: может быть, балц наш окажется дальним, и твои кони могли бы нас обездежить (обмануть надежды).

Боится их Хатаг Бараг. Молодой человек снарядил (приготовил) двух авсургов; передал Хатаг Барагу; боевое оружие, посадил его на авсурга и отправились мимо башни.

Было еще рано—красавица Салхая не просыпается. Тогда сын Кулбадаг женщины дал такие удары (плётью) по лошади, что башня затряслась от самого основания до вершины. Подскочила в своей постели красавица Салхая и встала, дрожа от страха.

— Молнией ударило мою башню—сказала девушка; но когда посмотрела в окно, то поняла, по какой причине затряслась ее башня.

Едут по дороге два наездника, и ясно, как солнце, у кого из них какие достоинства были.

Едут наездники. Ехали день и ночь и говорит Хатаг Бараг: „Сократим нашу дорогу—поживимся здесь (стадами, табунами); ведь не мало (добычи) здесь.

— Хатаг Бараг, степи, по которым мы едем, принадлежат мне, и скот, который видел ты на них, мой собственный скот,—стадо волов, гульной скот, косяки лошадей, баранта. Разве угонять нужно мне собственный свой скот?

Поехали опять. Долго опять ехали или мало ехали, кто знает, и опять говорит Хатаг Бараг:

— Поживимся отсюда.

— Это скот моих рабов—сказал сын Кулбадаг женщины, и опять держат свой путь.

Прибыли в одно место, где соединяются семь дорог. Слезли наездники.

Сын Кулбадаг женщины срубил одно дерево; сделал из него семигранный столб, вкопал его на том месте, где соединяются семь дорог, на семи его боках на семи языках написал, а сам говорит Хатаг Барагу:

— Стой на этом месте и наблюдай за проходящими: они будут оставлять следуемые мне подати на этом месте; если из них окажется такой, который не оставит того, что с него следует, то с чим мы посчитаемся. Я еду к трем братьям Донбеттырам⁵⁷), они не хотят стать ни врагами мне, ни друзьями. Обращаюсь к ним в последний раз, чтобы они определили свое отношение ко мне. Если этого не будет, то вана будет не на мне: я сделаю им то, что нужно будет.

Наблюдай, и если море будет покрываться белой пеной в определенное время, то увязывай в мешки собранное из подати (готовься). Если же поверхность моря покраснеет, то старайся укрыться: это будет обозначать мою смерть.

Молодой человек повернул своего коня к морю, и конь как рыба, пересек море попереk.

Пошел к братьям Донбеттырам и говорит им:

— Столько ходил к вам, и вы никакого ответа мне не дали: вы не становитесь мне ни друзьями, ни врагами.

Говорю вам еще на этот раз,—дайте мне определенный ответ: считать ли мне вас врагами или друзьями? Знайте вы, что кругом нас не осталось никого, кто бы не был мне данником или кого бы не сделал себе рабом.

— Сверху твои конные, снизу твои пешие⁵⁸), сказали ему Донбеттыры. Много таких, как ты, затевали против нас: многие пробовали померяться с нами силами. И дружба твоя нам ни для чего не нужна и вражду твою тоже ни на волос не ставим.

— Пусть в таком случае вина будет на вас!

— Держи свой путь, пока цел—вот тебе наш ответ—сказали братья.

Табуны Донбеттыров погнал сын Кулбадаг женщины; направил их к морю и, как стрела, очутились на другом берегу моря. Море покрылось белой пеной. Хатаг Бараг, как было ему поручено, увязал в тюки дань, собранную среди семи дорог, чтобы можно было их навьючить на лошадей. Тем временем подоспел к нему и сын Кулбадаг женщины, гоня перебою табуны лошадей Донбеттыров.

— Гони перед собою эти табуны тоже и держи свой путь; только посматривай и назад на то, что буду делать я: не бросай меня совершенно одиноким. Сейчас усилится за мной погоня; их немного, но с теми, кто есть (в погоне), придется биться. До бегства нельзя допустить себя. Если будет наше счастье, то сумеем справиться (с погоней).

Разговор далеко уклоняется⁵⁹), но тем временем все кругом покраснело. Посмотрели назад, и подъезжает один наездник на гнедом коне.

— Эй, ты, собачий раб! Чей табун ты угнал? И пустил свою стрелу.

Молодой человек тогда подпрыгнул из седла, и стрела прошла между его ног. Пустил назад (стрелу) в красного наездника, и наездник повалился с коня. Снял доспехи с наездника, гнедого коня погнал к табуну.

— Смотри в оба, Хатаг Бараг,—заботясь о пути своем, но посматривай на меня тоже.

Тем временем потемнел весь светлый мир: это второй брат Донбеттыров подъезжает на вороном коне: от него помрачился светлый мир.

— Эй, раб, родившийся от собаки! Не угонишь ты наш табун! Не сойдет тебе убийство моего брата! И пустил и он стрелу свою.

Сын Кулбадаг женщины опять поднялся из седла, и стрела прошла опять меж его ног. Пустил ответную стрелу, и черный наездник свалился с своего вороного коня. Снял с него доспехи, коня пустил в табун.

— Вперед, вперед, Хатаг Бараг, но и назад посматривай.

Тем временем весь мир осветился ярким светом. Это едет на белом коне третий брат Донбеттыров, потому осветился мир.

— От меня не уйдешь, собачий раб, не сойдет тебе кровь моих братьев. С этим он достает стрелу и показывает ей:

— Когда я выпущу тебя, то этот злодей опять подпрыгнет из седла; но да будешь ты хуже всех стрел, если немнога не придержишься (не замедлишь движения),—и когда он плотно опустится в седло, не пройдешь насквозь под самым пупком его.

И белый всадник, сын Донбеттыра, пустил свою стрелу. Сын Кулбадаг женщины, конечно, подпрыгнул вверх, но стрела замедлила, и когда он плотно опустился в седло, то, да станет добычей врага недоброжелатель ваш..!⁶⁰), стрела прошла через него и показалась под пупком.

Сын Кулбадаг женщины выдернул стрелу из спины, наложил ее на тетиву и пустил ее обратно; хлопнулся о землю белый наездник—надежда Донбеттыров.

— Куда ты делся Хатаг Бараг? Скорее бери доспехи преследователя, не то опозоримся на весь мир, если кто-нибудь застанет нас в таком положении; мое состояние уже не важное.

Изволчился Хатаг Бараг: снял с преследователя доспехи; белого коня пустил в табун.

Сошел с коня сын Кулбадаг женщины, стянул башлыком свою рану и присел на кочку.

— Хатаг Бараг, я не в состоянии буду сесть на коня, но ты, по силе своего мужества, гони нашу добычу и оповести о моем положении.

Табун лошадей, тюки с данью, навьюченные (на лошадях) доставил в свое селение Хатаг Бараг. Большую половину табуна, выюки с данью, коня молодого человека около селения завернули в свой дом.

Хатаг Бараг рассказал красавице Салхая все дело от начала до конца, как оно произошло.

Красавица Салхая снаряжается в путь; застает еще умирающего человека на кочке живым.

— Мне нельзя уж долго жить, красавица Салхая, но завещаю тебе: отныне чтобы мои рабы были вольны над собою, чтобы никто не посягал на их волю. Имущество, которое оставляю после себя, раздели на три части: одну часть назначаю вскормившей меня матери, другую—бедным, третью часть дарю Хатаг Барагу за то, что в нашей совместной поездке он обнаружил прямое лицо (честность).

Когда кончил разговор, красавица Салхая взяла его на руки и, таким образом, он скончался.

Большое несчастье, большое происшествие в селении Салхая. В этот день жители селения Салхая предают вечной земле единственного сына Кулбадаг женщины.

Красавица Салхая призвала могильщиков и говорит им:

— Могилу выройте широкую.

Покойника вынесли на кладбище. Красавица Салхая тоже пошла за покойником с булатными ножницами. Как только покойника положили в могилу, красавица Салхая булатными ножницами пронзила себе сердце и в том же месте испустила дух свой.

Жители Салхая в одну могилу положили обоих покойников.

Через год на могиле выросли грушевое дерево и яблоня, переплелись они друг с другом и своими ветвями широко прикрыли могилу.

Слышал от Баскаева Дебола, Дзуггоева Цаппо и Табахсаова Дударико в Ардоне.

Урумов Состикк. Выселился из Цамада в Ардон. Около 80 лет ему. 25 лет был пастухом. Умеет играть на фандыре. „От меня слышали Нартовские сказания Дзугаев Цоци, Табахсаов Дударико, Амбалов Теса“ — сказал Состикк. Он не говорит „Ацамонга,“ а называет его „Уацамонга.“ Нартовский Уацамонга — не ковш, по мнению Состикка, а „Дзаг“ (полный), кадушка, кадка. „Нарты, Амбалов сын, не по-нашему пили из чаш, ковшей и чар, а из „дзага,“ из „кустила“⁶¹).“

Рассказал (спел) мне кадаг. —

Как умер Нарт Батрадз.

Бура Фарныг Бораевправлял поминки, трижды по мальчику своему. Нарты, сколько их было, все сидят на поминках; пьют, едят, поминают покойников. Тогда, пользуясь случаем, Бура Фарныг говорит:

— Лучшие из Нартов! Вы знаете, что сын мой от чьей-то руки отправился в страну мертвых. Как это завещано предками нашими, тот, кто убил его, должен сказать об этом, чтобы Бораевы знали своего кровника и понапрасну не подозревали тех, кто не причастен к этому убийству.

— Это так и следует — сказали сидящие на поминках.

Тогда Бура Фарныг поставил Уацамонга⁶²) Нартов. Как было не сидеть в доме Бура Фарныга сильным людям? Самохвал — народ был народ Нартовский. И те, кто совершенно ничего не знал об убийстве, и те, смотря друг на друга (подражая), начали хвалить себя.

Но тотчас же обнаруживалось — кто говорил неправду, благодаря Уацамонга Нартов. Кто говорил правду, к тому подходил к месту Уацамонга Нартов. Столько говорили, столько хвастались сидящие на собрании, но Уацамонга даже не сдвинулся с места, где был поставлен.

Напоследок слово получил Нарт Хамыц.

— Хамыц, ты ничего не знаешь о том, кто недостаточно пожившим отправился в страну мертвых — о сыне Бура Фарныга Бурхор Али?

— В доме у нас, у огня нашего (у очага), сидит один — фаныкгуз,⁶³ да даст вам бог скромность, в два пальца на спине его накопилась зола, позовите его, если си и его не знает, то я ничего не могу сказать вам.

И послали пригласить Нарта Батрадза, а собрание продолжало есть и пить.

И Батрадз сбросил с чердака семь просохших шкур (кож), вдел их меж пальцев и, мня их руками, пошел на поминки Бура Фарныга Бурхор Али.

Вошел на собрание, сделал что следует в таких случаях (приветствовал). Все, кто был на собрании из фарсагов ⁶⁵⁾ и кавдасардов ⁶⁶⁾ от одного звука его голоса попадали в обморок.

Дали ему чашу, заднюю половину барана вытащил в зубах.

Спрашивают его:

— Что знаешь о смерти Бурхор Али?

Тогда Нарт Батрадз начал говорить:

— Я убил семь—семь (семь раз семь) из Уастырджи ⁶⁷⁾, семь—семь из Уацилла ⁶⁸⁾, семь—семь из всего, что есть сильнейшего, семь—семь из хайрагов ⁶⁹⁾, сына Бура Фарныг Бурхор Али тоже убил я на берегу моря. В доказательство правдивости сказанного мною, пусть Уацамонга Нартов подвинется к отцу моему Хамыцу.

И Уацамонга Нартов сдвинулся с места и направился к отцу Батрадза Хамыцу. Почему бы было Нарту Хамыцу не утолить жажду из Уацамонга Нартов?

Тогда Бораев Бура Фарныг воскликнул:

— Добрые люди, ставлю вас в свидетели — Ахсартаккаевы мои кровники! И, сказав это, забрался в крепость ⁷⁰⁾.

Батрадз выхватил меч, погнался за Бура Фарныг, ударил его и рассек верхний косяк, и в нижний каменный косяк ушел (меч) на семь четвертей (аршина) Бура Фарныг ускользнул.

Бурхор Али был внуком небесного Елия ⁷¹⁾. Бура Фарныг пришел к небесному Елия и сообщил ему, что Бурхор Али вошел в страну мертвых от руки сына Хамыца-Батрадза.

Елия принес жалобу задам и дауагам ⁷²⁾.

Зады и дауаги собрались в крепости Уарпп ⁷³⁾ и там сидели на совещании. Как отомстить Батрадзу за кровь внука Елия — вот о чем они совещались.

Сын Гатага, Нарт Сырдон услыхал, что зады и дауаги в крепости Уарпп сидят на совещании и замышляют на Батрадза.

Батрадз заставил запрячь двенадцать буйолов в пушку, заставил ее привезти на вершины Уарппа; там направили ее на крепость Уарпп, всыпали в нее три воза пороху, а вместо ядра влез в нее сам с мечем, потом дал наказ: — Зажгите запал.

Как только сделали так, выстрелила пушка, и скала крепости Уарпп была пробита Батрадзом, и он с мечем очутился там, где происходило совещание. Пусть бы среди семьи твоего недруга появился такой! Выхватил мечь и начал истреблять сидевших на совещании бламык-бородых ⁷⁴⁾.

Загорелась тут битва. Зады и дауаги стали обстреливать со всех сторон Батрадза. Батрадз ловит стальными руками их

пули и ихними же пулями истребляет их. Побежденными остались зады и дауаги. Отправляются они с жалобой на небо к богу. Начали совещаться на небе. Но богу не хотелось употребить насилие над Батрадзом:

— Еще не долго прожил он, и мне не хочется, чтобы он, не поживши, отправился в страну мертвых.

— Изо дня в день ходят на меня с жалобой к богу. Пойду и я к богу, узнаю, что это за бог! И снарядился, оседлал своего коня и отправился к небесному богу. Едет, едет своей дорогой. Тогда узнал его бог и говорит:

— Едет к нам сумасшедший—и сбросил переметные сумы, тяжестью подобные земле.

Варианты:

1-й вариант. Рассказал Урумов Басил: бог сбросил камень тяжестью подобной земле—Батрадз: бог сбросил ко мне свое яйцо.

2-й вариант: сумка, мешочек.

Батрадз наклонился с коня и тронул его ручкой плети, и конь по колена ушел в землю. Соскочил с коня, поднимает его рукой и по колена завяз в земле.

— Эй, эй! Есть еще где-то посильнее меня.

Сел опять на коня и поехал дальше на небо.

Тогда бог опять сбросил волосяной клубок, из золота. Крепкий, как все корни, находящиеся в земле и одной с ними длины.

3-й вариант: бог сбросил ко мне повязку от штанов.

— Сгодится для Сатаны моей штопать шубу,—нагнулся с коня, чтобы достать. Клубок и не сдвигается с места. Батрадз слез с коня, старался поднять клубок, но не мог поднять.

— Есть еще посильнее меня—сказал Нарт Батрадз; нет прибыли от ссоры, и вернулся к себе домой.

И опять поступила на него жалоба к богу. Тогда бог сказал задам и дауагам:

— Если он не умрет своею естественной смертью, то ему нет смерти. Но можно сделать с ним так:

Солнечное тепло за семь лет дам солнцу в один день; так как он из булата, то будет томиться без воды. Посреди поля есть один источник; из этого источника пьет Батрадз всегда, я засушу этот источник, и тогда уйдет он к морю. По моей воле и море пересохнет, и умрет от жажды на берегу моря.

И началась такая жара, что весь мир, как он есть, стал вариться. Начал томиться жаждой Батрадз, булатные ребра его стали гореть. Зады и дауаги стали биться с ними, но Нарт Батрадз даже внимания никакого не обратил на них.

— Подождите, ~~бламык~~—бородые, напьюсь я воды, тогда помишимся.⁷⁵⁾ Подошел к источнику, но источник оказался пересохшим. Батрадз ~~быстро~~ направился туда оттуда к морю, но ни одного глотка воды не оказалось и в море.

До красна раскалился, превратился в красный огонь сын Хамыца Батрадз и на берегу моря испустил дух.

Зады и дауаги собирались вокруг умершего. И пустил на них Батрадз запах, такой запах, что многие из небожителей даже умерли, многие попадали в обморок. И предстали опять перед богом.

— Живой он не причинял нам того, что причинил мертвым. Когда он умер, то пустил запах, и мы были истреблены.

— Идите и впрягите в него двенадцать буйволов и отвезите в склеп Софи, если не будет сдвигаться, то впрягите в него двух бычков, рожденных в Тутыр.⁷⁶⁾.

Впрягли в него двенадцать буйволов, но даже сдвинуть не смогли его. Тогда разыскали двух бычков, рожденных в Тутыр; их впрягли в него. Легче лепестка хмеля стал труп Батрадза. Привезли его к склепу Софи, но стал наискось в дверях, и никак не проходил он во внутрь склепа.

Послали зады и дауаги посланника к богу:

— Не хочет, нет—во внутрь; уперся своими большими ногами о двери склепа.

— Просит от меня дара—сказал бог, и великий бог уронил на него три слезы. Из слез одна обратилась в Мыкал-габр,⁷⁷⁾ другие две слезы—в двух задов.

И тогда легко ввезли его рожденные на Тутыр (бычки), и сына Хамыца—Батрадза положили в склеп Софи.

Слышал сказания от Дзега Кулаева в Ардоне в 1921 году.

О краже коровы у Нарта Хамыца.

В одно время кто-то дерзнул и украл корову у Хамыца. Сколько ни искал ее,—но не нашлось никого, кто бы видел ее: сквозь землю провалилась, как лошадь у попа⁷⁸⁾.

Тогда слух дошел до него: корову у него украл злой Нартов—Нарт Сырдон.

— Корову мою, вероятно, зарезал сын Гатага. Без того, бог, ты узнай, все время сидел на нихасе Нартов, а теперь его нигде не видно. И начал искать дом Сырдона. Не осталось никого в селении Нартов, кого бы он не спросил, но никто не знает дома Сырдона.

Тогда Хамыц пошел к Кулбадаг женщине.

— Будь добра, и ты ничего не знаешь о том, где находится дом Сырдона? Сколько ни спрашивал, но совершенно никто ничего не знает о том, где находится дом сына Гатага, Нартовского негодника.

— Да живет Хамыц, как легко найти дом Сырдона, пусть так же легки были бы и другие наши дела — сказала женщина.

Ну? будь благосклонна ко мне, твое добро не оставлю на себе (отблагодарю) — сказал Хамыц.

— На мой огонь⁷⁹), Хамыц! Целому селению Нартов стало не вмогуту от суки Сырдона: нет такого дома в селении Нартов, откуда бы она не утащила фахсин⁸⁰), у кого бы она не с'ела хандыг⁸¹), или яйца из под наседки, кому бы она не причинила ущерба.

— Это тоже, конечно, так, но какая от этого польза для моего дела?

— Что значит, какая польза? День до вечера бродит сука Сырдона по улицам нашего селения, рыщет по углам и гадит везде. Подстереги и поймай ее, надень ей на шею веревку и, не беспокойся, доведет тебя до дома Сырдона, только не выпускай конца веревки из рук своих.

— Это наставление не плохое, будь благословенна!

Прямой тебе путь⁸²).

И поймал Нарт Хамыц суку Сырдона, надел ей на шею веревку и отправился следом за ней.

Собака водила, водила его и потом привела к дому Сырдона.

Хамыц вошел в дом Сырдона, иначе как могло бы быть. Огляделся по углам дома. На очаге кипит котел, вокруг котла пляшут семь сыновей Сырдона, сытые мясом из сивра⁸³).

Как было не узнать Хамыцу, что вором был Сырдона. Не удержал человек своего гнева, погнал парней перед собою: одного из них настиг и тут же убил его.

На этом у Нарта Хамыца прошел гнев и отправился к себе домой.

Дохыко Кулаев и Цаппо Дэзуггоев.

Сказка про Черного Алдара.

Давно уже, давно был Черный Алдар. Сокрушался он о том, что детей у него не рождалось. Совсем напоследок родился у него мальчик. Мальчик подрос, стал уже играть. Когда он стал самоуверенее, благодаря своей силе и воле, то, при случае, сказал отцу:

— Мне тоже пора постранствовать по свetu:

— Беги скорее на улицу и играй с мальчиками — сказал отец своему сыну.

Прошло некоторое время, и говорит опять мальчик отцу:

— Отец мой, слишком даже много играл я с мальчиками на улице; уже не рано мне узнатъ людей, побродить по местам, где бродят.

Ни во что не поставил Черный Алдар и теперь слова своего сына.

Много ли прошло, мало-кто знает? Но мальчик опять взял на себя смелость, дерзнул обратиться к Черному Алдaru.

— На какой добрый день откладываешь срок, отец, когда дашь мне свободу пожить среди людей, стать среди мужей равным мужем?

— О, чтобы ты был анантыст⁸⁴⁾), ведь тебе не время еще показать себя. Молоко еще течет по губам твоим, и старого отца своего обесславишь среди людей. запачкаешь лицо его на старости Но хорошо; раз ты так пристал, то пусть будет по-твоему.

Повел мальчика в верхний этаж, раздел его до-гола. Потом достал плеть, сплетенную из булатных ниток и прошелся ею по мальчику. Мальчик даже глазом не моргнул и говорит:

— Отец мой, постарел ты, нет у тебя больше силы, или забавляешься?

Упала булатная плеть из рук Черного Алдара, и он еще смог проговорить:

— Уж не рано тебе посмотреть людей.

Снарядил Черный Алдар своего единственного наследника; заставил его оседлать своего вороного аласа⁸⁵⁾) и сказал ему:

— Сын мой, с давних пор до поздних времен вожделел я дочь Хаджи, но не досталась она мне. Хаджи живет под землею, и я никогда не решился отправиться туда. Только тогда будешь достойным сыном Черного Алдара, когда из-под земли приведешь для него дочь Хаджи.

Сын Черного Алдара отправился в путь. Едет, едет, и вот издалека показался черный маленький силуэт между двумя холмами. Черный силуэт растет, делается больше и больше, по мере приближения к нему мальчика; наступил вечер, когда мальчик прибыл в то место, где виднелся силуэт. Смотрит, а там большие галуаны⁸⁶⁾), около галуанов денник, в деннике ясли; у яслей девятнадцать коней едят корм.

Мальчик слез с коня и пустил его к яслим.

Бедовый аласа Черного Алдара прогнал от яслей девятнадцать коней и стал спокойно есть сам.

В доме — галуане жили девятнадцать великанов. Когда один из великанов увидел, что сделал конь, то вошел в галуан и сказал:

Слез у нас гость, от земли его еще не видно, молоко течет еще по губам его. Пустил коня своего к яслям—еле-еле большие зайца, и он разогнал наших коней, а сам с жадностью поедает корм наших коней, как будто вырвался из-под сапетки⁸⁷).

Тогда старший из великанов говорит другим:

— Не заговорите с ним сурово, чтобы он не догадался, что мы хотим стать на путь насилия: не простой он наездник—это видно по повадке его коня. Пригласите его во внутрь.

Над очагом кипит котел, вокруг огня сидят великаны.

— Здравствуй, добрый гость, здравствуй!

Какое солнце, какая непогода принесла тебя в эту страну?⁸⁸).

— Ни солнце меня не принесло, ни непогода, на вороном аласа своего отца прибыл я из дома своего.

Посидели немного, потом старший говорит:

— Снимите котел, и гость наш, и мы сами поедим что-нибудь.

Двое великанов попробовали над котлом свои силы и не сняли его. И четверо тоже не могли снять. Тогда восемь великанов взялись за котел со всех сторон, но и тогда не смогли его даже сдвинуть.

— Что за странное это дело может быть? Что за удивительный этот котел, который не можете снять (силами) восемь человек?

Вскочил гость с места, схватился двумя пальцами за ушки котла, снял его с огня и поставил на землю. Посмотрели великаны друг на друга—дескать не на доброго гостя напали.

Поели, обласкали гостя своего.

Тогда старший из великанов говорит:

— Добрый гость, бог послал в наш дом такого гостя, которого мы давно ждали. Называем (поэтому) мы себя счастливыми, что подобный тебе гость переступил наш порог. Большего дара, большего счастья мы не ожидали.

Теперь же, гость, я выскажу тебе наши жалобы и огорчения. Тебя же просим мы, все братья, чтобы склонилось сердце твое, и чтобы в нашей беде ты оказал нам свою долю помощи. Есть у нас надежда, что ты не отвернешься от нас.

— Насколько будет в моих силах, не уклонюсь от вас—даю в этом слово.

— Благодарю, добрый гость. Вот тебе наша жалоба, наше огорчение. Нас было сорок братьев. В жизни своей мы ни в чем не нуждались, завидна была жизнь наша. Но в од-

но время около нас в одном ущельи поселился дракон и тотчас же начал враждовать с нами.

Каждый год затевает с нами битву, и после битвы каждый год мы не досчитываемся одного из нас. Таким образом, из нас он с'ел двадцать одного. Дрожим мы от страха. Завтра опять день нашей битвы, и кого из нас с'ест, кто знает? Простим тебя и помоги нам. Тот, кто обладает такой силой и смелостью, будет в состоянии помочь нам.

Постлали постель гостю, они сами и гость опустились в постель. Когда они заснули, то в одно время гость встал, надел свою одежду и вышел из дома. Оседлал своего коня, снарядился сам и отправился к дракону.

Тогда говорит ему вороной аласа:

— Не на доброго врага ты идешь, спасение наше сомнительно; но раз мы выступили, то даю тебе наказ: если умом не сделаешь с ним чего нибудь, если не изловчишься, то с'ест нас обоих. Тотчас он узнает нас, поднимется вверх, потом оттуда опустит к нам голову. Горящие угли будет выбрасывать из пасти. Будет твое и мое счастье, если твоя стрела попадет в него, в противном случае ни тебе, ни мне не увидеть завтра солнца.

Что будет, то будет — сказал мальчик и тронул вороного аласа.

Быстро достиг ущелья сын Черного Алдара. Дракон поднялся вверх. Как коршун над цыплятами малыми, спустился дракон на сына Черного Алдара.

Мальчик выхватил стрелу из колчана и сразу пустил в дракона. Стрела попала в пасть дракона и прошла насквозь. Упал на землю дракон. Мальчик выхватил отцовский цирк⁸⁹) и тут же изрубил дракона в куски и сложил их кучами.

Вернулся к своим хозяевам сын Черного Алдара; убрал он своего коня и опять лег в постель и заснул крепким сном.

На рассвете поднялось движение в галуане великанов. Стали метаться, снаряжаются к бою с драконом.

Тогда один из них позвал гостя:

— Вставай. идем в бой с драконом.

— Вы не должны больше биться — сказал мальчик, — день, наставший для вашего врага, пусть наступит и для ваших недругов⁹⁰). Я подумал, что дракон действительно такой опасный враг. Ночью сходил к нему и убрал его, убрал так, что во веки веков никому больше не помешает.

Гость, слова твои не могут понравиться и не внушают доверия. Скажи — испугался, и это будет понятно: в откровенном признании нет засоринки. Мы тоже не будем пенять на тебя: пеняют (обыкновенно) на неудачную дорогу⁹¹).

— Не будьте пока скоры на упреки, вместо этого пошлите кого-нибудь, чтобы он принес весть о вашем драконе.

Два великаны, крадучись приблизились к дракону—нигде и ничего! Подошли ближе и заторжествовали над врагом своим. Сложеный в куче, лежит дракон около своего жилища в ущельи Тар.

Вернулись обратно домой великаны. Никогда так не вспелилось их сердце с тех пор, как помнят себя. Оставшиеся же в доме были в беспокойстве:

— Надо было итти и остальным тоже. Если теперь во время не увидит нас в Тар-ущельи готовыми к бсю, то придет к нам сюда и с'ест нас всех.

И решили бежать из своего галуана.

— Гость сказал правду, — сказали великаны, когда они вернулись назад: напрасны были наши упреки.

Не было уж конца радости великанов: пошли песни, танцы, симд⁹²), симд великанов затеяли они в галуане своем. От радости не знали, что сделать с гостем. Старший же сказал ему:

Гость, отныне ты наш брат, наш спаситель. Есть у нас одна сестра, и мы с своей стороны предназначаем ее тебе в жены; даем тебе еще половину нашего состояния.

Некоторое время прожил сын Черного Алдара в доме великанов в качестве зятя их. Тогда при случае говорит он невесте:

— Снаряди меня, я еду дальше по дороге своей.

Шел опять, шел и в один день смотрит и вдали показалось ему что-то. По мере приближения к нему, это „что-то“ растет. Напоследок оказалась—женщина. У женщины один клык в небесах, другой под землею; в промежутках между ее зубами орлы выют себе гнезда. Она охраняла мост через реку. Как только под'ехал к ней сын Черного Алдара, она накинулась на него, как наседка. В начавшейся борьбе мальчик схватил ее за клык и вырвал его, потом разложил ее под собою.

— Не убивай меня—сказала женщина,—моя единственная дочь вот уж сколько лет ждет тебя, и без тебя ни за кого не выходит замуж. У нас с Черным Алдаром давно уж есть сговор⁹³). А что ты его сын—я узнала по вороному аласа.

Пригласил гостя в дом, познакомила с дочерью:

— Вот тот, кому ты была назначена, появился к нам. Вот тебе сын Черного Алдара, господин твоей головы.

Молодой человек пожил и здесь некоторое время; потом опять при случае говорит своей невесте:

— Мой путь в подземную страну, к дочери Хаджи, по воле моего отца; надо мне ехать, держать свой путь.

— Для меня не секрет это дело, но послушай меня и запомни мои слова. Моя мать будет удерживать тебя, будет тебе дарить всего. Но что тебе нельзя оставаться—это ясно,

и ничего не бери из подарков; только попроси у нее рябого аласа. Будет удерживать его, жалко будет отдавать его, но, кто знает? может быть, напоследок подарит тебе.

Когда известие дошло до матери, то говорит зятю:

— Куда ты у меня едешь? Ведь нас только дочь да мать. Я только от сегодня до завтра (не долго проживу); после этого останетесь с мою дочерью сами и будете делать, что захотите. Пока будете живы—ни в чем не будете нуждаться—столько всякого имущества оставлю вам.

Не повиновался молодой человек. Женщина дает ему всего, но он ничего не берет. Тогда зять говорит ей:

— Еду в далекое путешествие, и подари мне твоего рябого аласа. На своего коня я не особенно надеюсь.

Потемнело лицо старухи и сказала:

— Все, что угодно, но я не могу расстаться с ним. Отправился сын Черного Алдара в путь. Старуха стала каяться:

— Как это так, единственную дочь свою отдала ему, а животное отдать пожалела?

Послала вслед за молодым человеком и вернула его назад.

— Вот тебе и мой рябой аласа. Как от чистого сердца отдаю его тебе, так в чистоте сердца и проживи.

Снял седло молодой человек с вороного аласа и оседлал им рябого аласа. Сел он на коня, а вороной аласа бежал за ним, как жеребенок.

Сколько времени ехал—кто знает? но при одном случае рябой аласа говорит ему:

Дорога в подземную страну проходит по земле одного могущественного человека. Если он не увидит нас на своей земле—наше счастье, иначе сгубит нас этот бедовый выродок. Еще по дороге в подземную страну положена большая плита; никто не может поднять эту плиту; если ты поднимешь, то будет тебе дорога (открыта) к подземному Хаджи, в противном случае нам придется быстро возвратиться назад, чтобы не поймал нас Карайч. хозяин земли. Дальше.

Когда поднимешь плиту (скалу), откроется тебе дорога в подземную страну, ты достигнешь жилища Хаджи, твоя первая встреча будет с дочерью Хаджи, и если она тебе улыбнется, тогда твое счастье; в противном случае—пусть будет с твоим недоброжелателем то, что случится с тобою; в том месте не узнаешь, куда денешься.

Достили плиты. Молодой человек поддел ее ручкой плети и швырнул в сторону. Оставил коней на тропинке около колесной дороги и отправляется в дом Хаджи в подземную страну. Как и говорил рябой аласа, первая встреча его была с дочерью. Прояснилось, как солнце, лицо девушки, обхватила шею молодого человека и сказала:

— Побелели глаза мои⁹⁴), ожидая тебя, сын Черного Алдара; до сих пор сидела (не выходила замуж), ожидая тебя. Теперь же сообщаю тебе. Отец мой религиозный; кроме молитвы к богу своему, больше ничем не занимается; в сутки он с'едает полтора золотника. Совершенно никого не видит; меня тоже не видел пятнадцать лет. Каждый день, когда он отправляется на молитву, я подаю ему в дверную щель рукомойник с водой⁹⁵) и пищу. Но раз ты, господин моей головы, появился, я больше оставаться здесь не могу. Я иду в надземелье, к твоим коням. Там буду ждать тебя.

Ты утром в дверную щель подай ему рукомойник и пищу; не заподозрит он тебя. Потом в овчарне будут драться белый и черный баран. Ты кинься на них, и если ты схватишь за рога белого барана, то очутишься над землей; если же схватишь рога черного барана, очутишься в седьмой подземной стране.

Остался молодой человек один в комнате девушки. Утром подал Хаджи рукомойник с водой и полтора золотника пищи.

Тем временем белый и черный баран стали биться. Молодой человек подбежал и поймал за рог белого барана.

Очнулся в надземельи молодой человек. Смотрит во все стороны, оглядывается кругом себя, и нигде ни девушки, ни коней—рябого аласа и вороного аласа.

Как было возрадоваться сердцу молодого человека! Опечаленный он стал размышлять. Пойдет в одну сторону, пойдет в другую сторону—нигде ничего. Тогда взобрался он на один курган и стал оттуда осматривать (местность).

Долго смотрел, потом смотрит—с запада появился черный силуэт; силуэт увеличивался постепенно. Тем временем смотрит—летит к нему его вороной аласа.

— Бежим, сказал аласа, а то плохо наше дело. Как только пришла к нам из подземной страны дочь Хаджи, набрел на нас хозяин этой земли Карайч. Посадил он на рябого аласа девушку и доставил нас на далекий запад, в свои галуаны. Галуаны же его так укреплены, что нельзя ни войти в них, ни выйти.

Я подскочил вверх и разом перелетел через галуан. Схороним скорее наши головы.

— По воле держащего повод не бывает пашни⁹⁶). Чтобы какойнибудь спесивец присвоил себе ту, из-за которой я выехал из дома, из-за которой испытал я столько трудов? Отбивающий жену—отнимающий душу⁹⁷). Этого я нестерплю. Вместо того, чтобы все дни моей жизни принимать близко к сердцу это, лучше мне отказаться от жизни.

Пойду испытаю еще свое счастье.

Тронул он вороного аласа и очутился около галуанов Карайча. Тотчас Карайч увидел их и намеревался прогнать их.

Тогда говорит ему сын Черного Алдара:

— А! это ты тот, который увез мою семью?

— Это я, я—ответил ему Карайч—и твоя семья моя, и ты сам ведь будешь моим.

Бросились друг на друга, начали биться. Бьются, бьются, не дают спуска друг другу. Тогда Карайч подхватил парня и ударил его об землю; тот по щиколотки ушел в землю. Молодой человек подскочил, ударил Карайч об землю, и тот по колена ушел в землю. Вырвался он из земли, поднял сына Черного Алдара вверх и всадил его по колена в землю. Не хорошо стало на сердце у молодого человека. Но будь, что будет. Вылез из земли; кинул вверх Карайча и так ударил его, так, что ушел в землю по пояс. Пытался он еще подняться, но молодой человек не дал ему.

Когда сын Черного Алдара засучил рукава, чтобы зарезать его, Карайч говорит ему:

— Тише, молодой человек, не торопись..

Бог назначил меня тебе. Я женщина, но было от бога такое повеление, чтобы я не выходила замуж до тех пор, пока кто-нибудь не осилит меня. Говоря это, она сняла шапку, и великолепные золотистые волосы заволновались по ее плечам.

Пожили в галуанах девушки, отдохнули, потом, по желанию молодого человека, стали готовиться в дорогу. Карайч вынес один сундук и убрал туда свои галуаны, все свое имущество, посадил всех, кто был тут, на ковер и отправились в дом старухи. Там тоже Карайч убрал все подарки в сундук, посадили девушку на ковер и направились в дом великанов.

Подарки, которые сделали великаны своей единственной сестре, тоже были уложены в железный сундук; сестру их посадили на ковер, попрощались с ними, высоко поднялись на ковре, и сын Черного Алдара с четырьмя женами, с богатствами отправился в дом своего отца.

Когда до селения оставалось немного, Карайч говорит:

— Молодой человек, о, господин нашей головы, — хорошо бы ты сделал, если бы счел невозможным для себя явиться с четырьмя женами в отцовский дом.

Знай, что отец твой будет требовать своей доли из нас.

Лучше сделаем так: близко от твоего селения раскинем наши галуаны и тогда придумаем что-нибудь, чтобы помириться с твоим отцом—Черным Алдаром. То, что говорю я—это мысль всех нас четырех.

Молодой человек согласился. Появился галуан вблизи селения Черного Алдара. Стал жить там сын Черного Алдара с четырьмя женами.

Тогда Черный Алдар прислал к своему сыну:

— Захватил ты добычу, удалось тебе достать четырех жен; следовало тебе вспомнить и отца твоего; но так как у тебя самого нет такого намерения, то поэтому посылаю к тебе: „из жен твоих отдай мне двух, чтобы одна из них была дочь Хаджи.

Сообщил молодой человек весть женам.

— Твой отец старше наших отцов, как же он позволил себе это? Но он позволит себе это или не позволит, а мы не считаем для себя это возможным. Нас бог назначил тебе, и пока будет светить солнце, мы не уйдем от тебя. И жизнь, и смерть только с тобою!

Покачал старой головой Черный Алдар, когда дошел до него ответ.

— Силой ничего не сделаю с своим сыном, если не устрою что-нибудь хитростью.

И начал придумывать, как бы сгубить сына.

И начал искать такого человека, который убил бы его сына. Убийце обещал большое вознаграждение, вплоть до половины своей власти.

В одно время к Черному Алдaru явился кривой охотник.

— Я убью твоего сына.

— Я дам тебе столько-то богатства, потом будем вместе владычествовать.

Кривой охотник взял да заставил приготовить соленые кушанья, достал соленую рыбу. Хитро приготовил сумы перметные. Для себя тайком положил пищу и питье.

Тогда выбрал момент кривой охотник и встретил в одном месте сына Черного Алдара.

Отец твой заболел смертельно. По указанию знахарей, для него есть только одно лекарство. За холмами пасется один олень; если из его печени не с'ест он (отец) шашлыка, то нет ему спасения. Если ты когда-нибудь окажешься для него сыном, то он посыпает к тебе, чтобы ты вместе со мною убил этого оленя, чтобы приготовить для него лекарство.

Хотя между ними не было уж теплых отношений, все же сердце сына склонилось.

— Пойду, возьму на дорогу (пищи), ты же подожди меня здесь.

Не нужно тебе ничего на дорогу; хватит на целую неделю нам обоим то, что взял я.

Ничего не сказал больше молодой человек. Отправились.

Начали итти, итти. Пришли и за холмы. Не нашли оленя. Идут дальше. Кривой охотник ведет молодого человека по безводным местам; молодой человек стал томиться от безводья и голода.

— Еще не дошли?

— Нет еще, но скоро прибудем туда, куда идем.

Около двух недель обманывал кривой охотник молодого человека. Сам тайком ел и пил, а ему давал маленький кусочек соленой пищи.

Изнемог молодой человек: обессилен, сломилась его воля.

— Умираю от жажды, — вскричал однажды молодой человек.

— Достану я тебе воды, но ты поклянись, что отдашь мне то, что я у тебя попрошу.

Молодой человек поклялся.

— Так дай мне твой глаз.

— Все равно, умираю, пусть будет твой мой глаз.

Кривой охотник вынул глаз Черного Алдара и спрятал его. Через несколько дней опять стал томиться жаждой молодой человек. Дал опять слово кривому охотнику, что выполнит всякое его желание, лишь бы он напоил его водой.

Сын Черного Алдара напился воды; кривой охотник вынул и второй глаз его; спрятал его вместе с другим глазом, сам оставил молодого человека, без призора, бессильного, где-то далеко, среди степи и вернулся обратно домой.

Пришел он в дом Черного Алдара, положил перед ним глаза его сына и говорит ему:

— Это глаза твоего сына или нет?

— Да, сказал Черный Алдар.

— Так дай мне то, на что условились — сказал кривой охотник.

— Сегодня же выделю тебе твои ценности, потом назначу тебя начальником моих войск. Невестки мои, наверно, по добру не подчинятся мне — придется сразиться с ними.

Послал к невесткам сказать им:

— Сын мой умер, будучи на охоте и после этого, по обычаю, вы должны перейти ко мне⁹⁸). Если по добру, со смирением не согласитесь, то, как бы трудно не было это для меня, заставлю вас путем насилия подчиниться обычаю, чтобы простерлась на вас моя воля. Я настолько надеюсь на вас, что вы по добру согласитесь, не заставите меня совершил поступки, противные моему сердцу, не захотите стать виновниками (насилия).

Невестки отослали посланного с позором. Укрепили входы в галуан и решили биться со свекром.

Черный Алдар оповестил народ, чтобы готовились к войне. Начальником войска назначил кривого охотника.

Кругом галуана стали войска Черного Алдара. Начали сражаться с четырьмя невестками. Хорошо справляются четыре невестки с войсками Черного Алдара. На половину помогают им рябой аласа и вороной аласа.

В это время на небе, в местопребывании бога, было собрание. На этом собрании бог дал повеление своим задам и дауагам⁹⁹⁾:

— Великую жалость вызывает среди степи сын Черного Алдара. Безобразно поступил с ним его жестокосердечный отец. При этом еще не оставляет в покое его четырех жен, начал воевать с ними, притесняет их. Кто из вас мог бы помочь этим беднячкам?

Тогда Уастырджи¹⁰⁰⁾ сказал:

— Миродержец, владыка мира, великий бог! Я ведь ищу немощных, беспомощных. Пошли меня к нему, я намерен сделать с ним то, что ты повелишь.

— Пусть будет так. Для него лекарства нет и у меня; лекарство для него у Хаджи в подземной стране. Отправляйся туда, Хаджи даст тебе два листа дерева тагар,¹⁰¹⁾ приложи их к глазам молодого человека, и он прозрят.

Взмахнул крыльями золотой¹⁰²⁾ Уастырджи. Вот очутился у подземного Хаджи.

— Бог послал меня к тебе за двумя листьями тагара. Твоему зятю отец его заставил выколоть оба глаза. Молодой человек среди степи мучается без помощи. Лекарства для него не оказалось даже у бога, а жалеет его, не хочет, чтобы он погиб, не поживши. К этому же еще Черный Алдар затеял войну с его четырьмя женами.

Взял у Хаджи листья тагара. Явился он в то место, где мучился молодой человек. Уастырджи нашел бедного молодого человека. Со слепу он еще передвигался с места на место и таким образом, добрел до глубокого колодца. В момент, когда он должен был упасть туда, Уастырджи схватил его, приложил листья тагара к его глазам, и сын Черного Алдара прозрел (стал видеть обоими глазами).

— Я Уастырджи, посланный от бога. Не мог смотреть дальше бог на твое несчастье. Теперь же, не разбирая дня и ночи, иди в дом свой: Черный Алдар хочет произвести насилие над твоими женами.

Молодой человек поспешил домой. Сколько он шел — кто знает? Но близко к своему селению он проходил, по улице одного селения, спрашивая:

— Кому нужен бездомный человек?

Встретил его один старик и повел его в свой дом. Принял его хорошо. Молодой человек отдохнул. Утром позвал его к себе старик и говорит ему:

— Я иду на войну и оставляю на твоё попечение моих домашних. Если я еще вернусь с войны, то там увидим; если же больше не вернусь, то моя старая хозяйка и мои три невестки с их детьми пусть будут под твоим покровительством.

— Да не будет предосудителен мой вопрос, но где твои сыновья? — Сказал сын Черного Алдара.

Сын нашего алдара привел себе четырех жен, поселился отдельно в галуане. Черный Алдар требовал себе половину его жен. Сын не согласился. Тогда Черный Алдар хитростью заставил кривого охотника убить сына, чтобы его достояние перешло к отцу. Но невестки не подчинились Черному Алдaru и стали воевать с ним. Воюют же так, что если оне продолжат впредь так же, то у нашего алдара не останется людей. К тому же то, чего не могут делать невестки, довершают аласа, два аласа. Мои три сына убиты там.

— Отец мой, сделаем так, что ты оставайся с семьёй, а я пойду вместо тебя на войну. У меня нет никого, кто бы стал болеть за меня, сокрушаюсь обо мне. Нет разницы между жизнью и смертью моей.

Старик не пускал гостя, но гость настоял на своем: старик остался дома; гость ушел вместо него на войну.

Молодой человек спросил о положении воюющих, и когда ему рассказали, то подошел к начальнику одного отряда и сказал ему:

— Если бы ты устроил мне дорогу (свидание) к Алдaru, то я взял бы галуан, не пролив ни одной капли (крови).

Привели его к Черному Алдaru. Тот отправил его к начальнику войск — кривому охотнику.

Молодой человек уверил Черного Алдара и начальника войска в том, что возьмет галуан. Черный Алдар обещал ему половину всего своего имущества, если молодой человек исполнит это.

Каким образом приблизился к галуану, как узнали его два аласа — кто знает? Но сын Черного Алдара пробрался в галуан. Через зеркало посмотрели на него четыре его жены и узнали господина своей головы, и тотчас бросили воевать (битву).

Тогда молодой человек вернулся назад и поймал начальника войск кривого охотника и отца своего — Черного Алдара.

Войскам рассказал, что с ним проделали кривой охотник и Черный Алдар, какие трудности заставили испытать его, потом сказал им:

— Пусть каждый ищет спокойно и тихо свой фарныг¹⁰³⁾ дом, здесь уж не нужно воевать; конечно, лучше было бы, если бы не пролилась та кровь, которая лилась до сих пор. Вся наша война не стоила и одной капли крови (была бесполезна).

После этого обратился к отцу и сказал ему:

— Из-за женщины ты заставил выколоть глаза сыну, из-за женщины заставил истребить народ свой. Потому-то и прозвали тебя „Черным“ Алдаром, что, наверно, и до этого позволял себе то, чего нельзя позволить себе—недостойные дела.

Теперь не могу я сам поднять на тебя руку, но я заставлю как следует отомстить тебе за кровь людей, которых ты заставил истребить.

Отпустил народ по домам, а Черного Алдара и кривого охотника ввел в галуан.

Дочь Хаджи вынесла булатные ножницы и срезала голову Черного Алдара. Кривого охотника привязали у ворот и там его постепенно убили. Отрубили ему руки, вырезали ему язык, потом после этого—ноги, выкололи глаз его, потом изрубили его и выбросили собакам, и сделался он пищей для собак¹⁰⁴).

Сын Черного Алдара с четырьмя женами, с народом, с селением остались одни и еще до сих пор живут здоровыми, красивыми.

— ■ —
Записано от Тазрета Баскаева.

Сказка про невестку алдара.

Жил да был один алдар. Были должны ему кровь, но он не мог отомстить за кровь. Сильны были враги его, и если не употребить хитрость, то открытой силой ничего не досталось бы ему в руки.

Начал думать алдар, какими бы средствами отомстить за кровь, что бы ему для этого сделать. Долго он думал, долго и, наконец, зародилась в голове его мысль. А мысль была такая, что для ее выполнения нужен был человек, который понимал бы алдара по иносказаниям.

У алдара была жена и единственный сын, они не были таковы, чтобы понимать иносказания.

— Попытаю свое счастье—сказал алдар, засватаю своему сыну невесту, кто знает—может быть, моя невестка окажется таким человеком, который нужен для моего дела.

Женил он своего сына. Пожили некоторое время. И говорит алдар про себя: „испытаю свою невестку“.

Призвал своего сына и говорит ему:

— Приготовься в балц¹⁰⁵) отправляемся в полночь, чтобы лошади были готовы.

Сын встал в полночь, приготовил лошадей, и отправились в балц отец и сын.

Когда от'ехали на некоторое расстояние от селения, то отец говорит сыну:

— Молодой человек, сократи нашу дорогу.

— Дорога не веревка, как я могу ее сократить? сказал сын.

Отец взял да сильно избил сына, и на этом возвратились обратно домой.

Свечерело. Люди полегли спать, и семья алдара тоже. Тогда алдар незаметно подкрался к комнате сына и невестки и подслушивает их.

В комнате слышен разговор.

— На неделю же отправлялись в балц? вопросительно говорит невестка.

— Какой там балц и прочее такое? Он решил побить меня и хорошо обошелся со мною в дороге плетью своей— сказал сын алдара.

— Не следовало бы такого человека подставить ослу ¹⁰⁶)? сказала невестка: разве кто-нибудь человека ^{твоего} возраста, особенно ^{своего} единственного сына, так обижает?

Утром алдар говорит своей жене: „сделай так, чтобы невестка наша не спала в эту ночь в нашем доме, из нее не будет для нас невестки.

— Что она сделала тебе, разве она недостаточно хороший человек?

— В эту (же) ночь чтобы она не легла спать в моем доме это сделай,—сказал опять алдар.

Отослала свекровь невестку, и опять женили сына на другой девице. Прошли опять дни, свекровь и невестка полюбили друг друга. Тогда опять алдар призвал своего сына и говорит ему:

— В полночь чтобы лошади были готовы, отправляемся в балц на неделю.

Отправились опять в балц отец и сын. Сколько проехали-кто знает? Но отец опять обращается к сыну:

— Молодой человек! вскипятил бы ты котел без воды.

— Как же без воды можно вскипятить котел?—сказал сын.

Алдар опять поколотил сына, и вернулись домой.

Ночью, когда люди легли спать, алдар подслушивает, что говорят сын и невестка.

— Что так скоро вернулись?—сказала невестка. ведь вы собирались на неделю в балц?

Молодой человек рассказал жене о свсем балц, как побил его отец, за что побил, потом еще сказал:

— Заманил меня, чтобы избить, а то разве он о балце думал?

— Не осел ли должен покрыть такого старика¹⁰⁷)? Разве кто-нибудь так обижает своего единственного наследника? — сказала невестка.

На рассвете алдар опять говорит своей жене:

— Отошли нашу невестку в дом ее отца (буквально к очагу отца), чтобы в эту ночь ее в моем доме уже не было¹⁰⁸).

— Что сделалось с тобой, пожалуйста и что тебе нужно от невестки? Все, что полагается невестке, она выполняет слишком даже хорошо. Одну отослали к тому же, теперь вторую—говорит жена.

— Знай то, что, если невестка переночует эту ночь в нашем доме, то и тебе здесь нет места.

Отослали опять невестку к очагу ее отца. Алдар стал волноваться, начал опять делать дело и решил.

Позвал сына и говорит ему:

— Возьми да погони нашего барана; обгони его по селениям, предложи его, может быть, кто-нибудь купит его. Продай его за пять рублей, с условием, что голова его и два бока будут наши. На дорогу тебе пиши не нужно: укажи себя, и будут тебе готовы фысымы,¹⁰⁹) куда бы ты ни пришел.

Долго ходил сын алдара, предлагая своего барана, но покупателя не было. Многие же из знакомых алдара впали в раздумье:

— Никогда еще не было такой продажи. Кто купит барана за такую цену, если к тому же голова его и оба бока должны достаться продавцу. Что бы ни было, но дело ошибочное. Но ошибается ли молодой человек сам, или по наказу отца—это тоже неизвестно.

Около года ходил сын алдара, но покупателя на барана нет. Под конец вернулся домой. Дорога его лежала через соседнее селение.

— Попытаю еще и в этом селении—сказал молодой человек.

— Идет по улице; повстречались ему девушка с матерью.

— Добрый день.

— Да будет тверда душа твоя—отвечала мать.

— Купите у меня барана; пять рублей цена, голова же и бока мои.

— Нет, не куплю, по такой цене, дорого—сказала мать и пошла своей дорогой.

Тогда говорит ей дочь:

— Возьми его, не только он не дорог, но бог послал нам даром кусарттаг.¹¹⁰)

— Негодная, тебе хочется, чтобы мы угодили молодому человеку, чтобы он посмотрел на тебя добрым глазом (обратил внимание)—сказала дочери мать.

— Нана, говорю тебе, баран-даром: мы и платить ничего не будем и угостимся чужим бараном.

— Поддалась мать и пригласила молодого человека в дом.

Девушка говорит молодому человеку:

— Нет у нас никого, кто бы зарезал барана; ты же не поленись и зарежь его нам, я помогу тебе. Завтра же, по воле божьей, дадим тебе цену барана в руки и проводим тебя в дорогу домой.

Угостились хорошо в этом месте. Утром девушка тщательно завернула в тряпку половой орган барана и семянники (яйца) его и говорит гостю:

— Вот тебе стоимость твоего барана, слышишь, неси и отдай отцу своему.

Молодой человек пришел домой. Стоимость барана передал матери. Мать развернула тряпку и начала сокрушаться, когда увидела, что было в нее завернуто. Где там ей осмелиться показать это отцу!

Прошел день или больше, спрашивает отец свою хозяйку:

— Ведь пришел сын наш, не пригнал барана; в таком случае, где же стоимость его (барана)?

— Кто-то обманул его: вместо цены за барана кто-то сунул ему в руки нечто такое, что стесняюсь показать тебе—сказала мать

— Принеси и разглядим их—говорит отец.

Нечего было делать, и вынесла их и передала алдару, сама впала в беспокойство:

— Убьет он единственного сына моего, когда увидит их.

Отец развернул завернутое в тряпку; рассмотрел половой орган и яйца, и не было уже конца радости его.

— Напал, сказал алдар, на такого человека, которого искал, если бог не пожалеет его для нас.

Позвал сына и говорит ему:

— Завтра нам надо отправиться в то селение, где ты продал барана,—чтобы лошади были готовы.

Алдар и его сын снаряженными отправились в соседнее село, остановились у Кулбадаг¹¹¹⁾ женщины.

Приняла их, как гостей, Кулбадаг женщина чем могла.

Потом алдар говорит ей:

— Сообщаю тебе о цели нашего приезда к тебе, и ты выслушай меня.

— Хочу я породниться с тобой, и ты тоже удостой меня стать тебе родственником,—дочь твою сватаю за сына моего.

Не хочет слушать Кулбадаг женщина:

— Алдар, это дело не случится, и не должно сбыться. Ты—алдар, я Кулбадаг женщина. Ты должен поискать равного тебе алдара, чтобы породниться с ним, сделат с ним дело¹¹²⁾.

Я тоже найду кого-нибудь похожего на меня, если то будет угодно богу. Приняла тебя, как могла, угостила, чем могла. Но я никак не думала, что ты окажешь мне, вдове, такое неуважение¹¹³).

— Твоя дочь не будет обижена в моем доме, та честь и уважение, которые полагаются семье (жене) сына алдара, будут воздаваться твоей дочери в моем доме.

Кулбадаг жинщина долго еще говорила (не соглашалась), но под конец согласилась.

Привел невестку опять алдар.

Долго прошло опять или мало невестке¹¹⁴), говорит алдар своему сыну:

— Едем в балц на неделю; к полуночи чтобы лошади были готовы.

Похолодело сердце у сына алдара при напоминании о недельном балце, просто дошел до мысли о самоубийстве. Но, будучи благородной крови, ничего не возразил отцу¹¹⁵).

— Отец он мне—убивать ли будет меня или бить меня будет—его дело, его воля надо мной—сказал про себя молодой человек.

В полночь новобрачная встала, оседлала лошадей, разбудила господина своей головы и говорит ему:

— Вставай, лошади готовы; разбуди своего отца и думайте о дороге (отправляйтесь в дорогу).

Алдар и его сын опять отправились. Когда несколько от'ехали от села, отец говорит опять сыну:

— Мальчик, сделай лошадей наших жирными.

— Ведь лошади наполняют свою кожу (полные), как же я сделаю их еще жирными?

Особенно сильно побил отец сына в третий раз.

Вернулись домой. Вечером алдар опять подслушивает у комнаты сына. Оттуда слышен разговор.

— Чего так скоро вернулись, и почему ты такой скучный—спрашивает жена своего мужа.

— Другой бы на моем месте не только был скучен, но, наверно, причинил бы себе какое-нибудь зло, если бы не боялся опозорить отца и мать. Вот уж третий раз выезжаем в балц, под этим предлогом выманывает меня, когда выезжаем за селение, то он там поколачивает меня и опять возвращается домой. Вот тебе его балц, вот и он сам!

— Подожди, так из-за чего же он колотит тебя? Спросила жена молодого человека.

— Сказать из-за чего—так, когда в последний раз мы поехали, он обращается ко мне: „мальчик, сделай лошадей жирными“. Я ему сказал: „наши лошади с жириу чуть не лопнут, как же я еще их сделаю жирными?“—рассказал так сын алдара.

— А в первые два раза за что обидел тебя отец?—спрашивает опять жена мужа.

— В первый раз вдруг говорит мне: „сократи нам дорогу нашу“. Дорога не веревка, нельзя ее свернуть. Второй раз опять говорит мне: „вскипяти без воды котел“. На мой взгляд, такие слова может говорить тот, у кого тронулся в голове мозг.

Невестка выслушала мужа, подумала и сказала:—за отцом, за моим господином, вины нет ни на один золотник; удивительно то, что он так удержался и не убил тебя. Не понял ты слов отца, а между тем их нетрудно понять. Когда он сказал, чтобы укоротил ты дорогу, ты бы рассказал ему что-нибудь, спел бы ему, и дорога ваша сократилась бы, и отец остался бы доволен тобой. Когда сказал тебе, чтобы ты вскипятил котел без воды, ты бы вынул из-за пазухи его трубку, вычистил бы ее, насыпал бы в нее табаку, положил бы огня, и закипел бы котел без воды. Когда последний раз сказал тебе, чтобы ты сделал лошадей жирными, ты должен был соскочить с лошади, помочь слезть с лошади отцу, расседлать кошадей, спутать им ноги и пустить их пастись. Сам должен был на траве постлать бурку и подложить седло под голову отца. И лошади, и вы сами отдохнули бы, и держали бы дальнейший путь, без утомления.

На утро днем алдар говорит жене своей:

— Еду в дальнюю дорогу и снаряди меня.

Снарядила алдара. Куда он едет, за чем едет—об этом ничего не открыл семье.

Прошло некоторое время, но алдар не показывается. Он взял да поехал, чтобы разузнать, как отомстить своим кровникам.

Но кровники узнали алдара, обезоружили его и спустили его в глубокую яму. Порешили его продать куданибудь.

Сидит алдар в яме и раздумывает—с одной стороны не отомстил за кровь, а с другой—теперь злые враги его продадут его самого.

Как бы то ни было, раз он попросил к себе старших своих кровников и говорит им:

— Надеюсь, что вы понапрасну не обесславите равного вам человека. Днем я уже не могу присесть, а ночью не идет ко мне сон от беспокойства, что вы не оцените мою голову по достоинству. Прошу вас, что бы цену за свою голову назначил я сам, дайте мне это право, сделайте мне такое снисхождение, окажите такую честь своему врагу.

— Твои уста да будут твоим судьей—сказал человек, назначенный для переговоров со стороны кровников.

— Тогда вот вам цена за мою голову: восемнадцать раз восемнадцать однорогих быков, восемнадцать раз восемнадцать двурогих быков. Еще в доме у нас три золотых столба. Пусть снимут со стены нож, поточат его за дверью о камень точильный. Из трех столбов, что посреди дома, пусть срубят два, а третий пусть снимут целиком и в таком виде пусть привезут сюда. Прошу вас, при чем из старших вашей фамилии пошлите в мой дом, чтобы они известили моих домашних о положении их человека.

Кровники остались довольны алдаром. Отправили троих из лучших мужей в дом алдара.

Собрались родственники алдара в дом его. Сели совещаться. Сидят, сидят, думы думают. Сколько ни думали, но никак не могли понять слов посланников, наказа алдара о цене головы его. Не осталось никого, кого бы они не спросили, но ни один не понял наказа алдара.

Под конец старшие фамилии послали спросить новобрачную невестку алдара.

— Разум не зависит от старшинства, ни от пола.

Из близких и родных не осталось никого, кого бы не спросили, но никто не смог ответить на наказ алдара; если и ты не поймешь, то не знаем больше никакого средства для нашей головы.¹⁶⁾

— Я недолго еще жила, и видела мало, и знать я многое не знаю пока. Как я пойму то, чего не поняли старшие, видавшие виды, испытавшие пути-дороги? Все же исполнить желание старших—великий долг для меня.

Невестка подумала немного, потом начала говорить:

— Однорогие быки—это восемнадцать раз восемнадцать копьеносцев-воинов; двурогие быки—это восемнадцать раз восемнадцать воинов, сражающихся мечем и щитом, восемнадцать раз восемнадцать таких, которые буду сражаться стрелой; три столба—три гостя, посланники. Ножи на стене—это вы сами, ваш разум, ваше намерение; за дверью¹⁷⁾ точильный камень—это я.

Алдар велит вам спросить меня, чтобы я истолковала вам его наказ. Ратные люди селения алдара: восемнадцать раз восемнадцать копьеносцев, восемнадцать раз восемнадцать с мечами и щитами, восемнадцать раз восемнадцать со стрелами. Еще говорит о трех гостях, чтобы пока что, двух из них убили в отомщение за кровь; третьего, чтобы войска взяли с собою в качестве проводника; тогда алдару удастся его дело.

Старшие фамилии исполнили то, что сказала невестка. Войска явились к алдару, и он, как следует, отомстил своим кровникам.

С тех пор умная невестка пользовалась среди фамилии дома алдара, среди народа особой честью, особым почетом, благодаря ее уму и способностям.

Сказка о поясе.

И когда алдар умирал, он завещал своему сыну:

— Я умираю, но если когданибудь после меня будешь нуждаться, впадешь в бедность, то отправляйся к моему другу, и он поможет тебе.

Алдар умер; сын похоронил его так, как полагается хоронить алдара. Сам стал жить—поживать. Что было, как было—имущество алдара стало истощаться и, в конце концов, не мог поднять рук ко рту от бедности. И отправился тогда к другу отца.

Очень обрадовался друг алдара сыну его.

— Я не думал, что у моего друга остался такой сын, такой наследник. В течение года я не отпущу тебя из моего дома. Твоему дому тоже не грозит никакой опасности,—никуда он не убежит.

Когда наступил последний день года, то хозяин дома заставил привести двух лошадей. Одну оседлали для молодого человека, а другую навьючили, сколько могла понести, чистым золотом. Потом сказал хозяин дома молодому человеку:

— Вот тебе средства для жизни. Но слушай: в дороге не оглядывайся—не будет тебе тогда дороги.

Сын алдара поблагодарил друга своего отца, оказавшего ему такую помощь, такое внимание, оценившего так высоко лицо твоего друга в стране мертвых, потом отправился своей дорогой.

Начал ехать, ехать; долго ехал, мало ехал—кто это знает? Но молодой человек не удержался, оглянулся назад, и впереди дорога была закрыта, появился впереди темный лес.

Молодой человек не знал, что ему делать, начал волноваться: нет дороги ни вперед, ни назад.

Старший брат друга алдара был ведун. Он узнал, что сын алдара не исполнил наказа, что он оглянулся назад, и что нет у него больше дороги.

Вскочил он на коня и очутился около сына алдара.

— Не хорошо сделал, молодой человек. Но теперь уж бесполезно упрекать. Вот тебе пояс. Подтянись этим поясом и, благодаря ему, откроется тебе дорога в этом темном лесу. Поедешь через лес, достигнешь равнины. На равнине медная башня и железное помещение для гостей¹¹⁸). Остановишься в помещении для гостей. Зайдет к тебе туда хозяйка башни—

девица—ахсин¹¹⁹). Много приходило к этой ахсин женихов, гостей, но ни один из них не вернулся обратно в дом свой. Из тех, кто остановился у ахсин, к кому она выйдет в гостиную, с теми она не разговаривает обыкновенно; и кто ее заставит заговорить три раза с собою, кто сумеет сделать это, у кого найдется столько ума, тому счастливцу достанется девица—ахсин и все ее имущество и права.

Выходит она к тебе, не будет говорить с тобой. Тогда сними ты пояс, брось его на фынг¹²⁰), потом скажи: „говори, пояс, расскажи какое нибудь сказание; хозяйка дома ничего не говорит—наверно она немая“. Так сделай три ночи; если заговорит с тобою—твое счастье; в противном случае велит отрубить тебе голову и насадить ее на кол плетня. Пояс расскажет тебе три повести и каждый раз будет задавать тебе вопросы. Ты же возьми да отвечай так, как не следует. (Давай неправильные ответы).

Сын алдара затянулся поясом, и открылась ему дорога в лесу...

Тем временем выбрался он на равнину, и показались бедственные медная башня и железная гостевая. Как могло просветлеть на сердце молодого человека? Но будь-что будет: человек должен быть доволен выпавшим на его долю жребием—больше ничего не поделаешь.

Когда свечерело, в гостевую появилась девица—ахсин. Красоты же была она такой, что ее можно было при жажде выпить из чаши для воды¹²¹).

Сын алдара приветствовал ее; девица не говорит да не говорит. Тогда молодой человек снял пояс, бросил его на фынг и говорит:

— Пояс, расскажи нам что-нибудь; хозяйка дома не говорит и не говорит, и ты как-нибудь зайди нас.

Тогда пояс заговорил в ответ:

— Что я могу рассказать тебе? Я днем бываю на тебе, ночью под твоим изголовьем.

— Ничего нельзя поделать, во что бы то ни стало, расскажи нам что-нибудь.

На эти слова девушка подняла брови и приподняла уши (приготовилась слушать).

Пояс начал говорить:

— У трёх братьев был один вол. Из них один охранял задний проход вола, другой—его половой орган, а третий—голову его. В одно время охранявший задний проход вола бежит к брату, к охранявшему половой орган. С утра до позднего обеда бежал он и, добежав, говорит:

— Вол наш перестал ходить на двор (у него запор).

Второй брат сказал:

— А ведь он перестал и мочиться. Пойдем и отправимся к нашему брату, и придумаем что-нибудь.

Два брата стали бежать и вечером, когда солнце спускалось за горы, добежали до брата.

— Вол наш больше не ходит на двор, не мочится—сказали два брата.

— А ведь он и есть перестал—сказал третий брат: наверно, ему хочется пить. Пойдемте, напоим его.

Повели его к фурду¹²²⁾. Вол в один глоток осушил фурд, и обитатели его очутились на суше.

Из фурда выскочила рыба и сразу проглотила вола. С гор спустился коршун, впустил в рыбу когти и понес ее. Коршун кладет рыбу на гору, и гора обращается в пепел, кладет ее на дерево, и дерево не выдерживает ее.

Носит ее во все стороны, оглядывается и видит: на берегу реки пастух около отдыхающего стада. На дерне лежит козел, рога его скрестились, и коршун с рыбой опустился на его рога. С'ел он рыбу; когда ел уж вола, то лопаточная кость упала и попала в глаз пастуха, когда тот спал.

С наступлением вечера прогнал пастух стадо в селение. Когда вошел в дом, то говорит трём сестрам своим:

— Сегодня во время отдыха стада я заснул, и что-то попало мне в глаз. Идите-ка, поищите.

Одна из сестер засучила рукав и сунула в глаз руку по самую локоть. Искала, искала, но ничего не нашла. Вторая сестра тоже начала искать, и та—нигде и ничего. Третья сестра сняла одежду, поплыла в глазу и вынесла оттуда лопаточную кость вола.

Вывезли лопаточную кость с муссором за селение и там выбросили.

Пролежала эта кость продолжительное время за селением, покрылась дерном.

В одно время остановились около селения возчики с обозом в двенадцать подвод на ночлег. В полночь лисица подходила к краю селения в надежде на что-нибудь (добычу).— Прямо подошла к кусочку мяса, оставшемуся на кости, схватила его (кусочек) и начала крутить кость вместе с обозом.

Из обозников один оказался охотником. Он взял да убил лисицу. Двенадцать человек стали снимать шкуру лисицы. Сняли половину шкуры зверя, хотели его перевернуть на другой бок, но не смогли.

Двенадцать обозников половиной шкуры оделись с ног до головы.

На другой день, утром, вышла одна невестка—молодуха за водой. Столкнула невестка носком труп лисицы и говорит:

— Это что такое?

Содрала половину шкуры лисицы, принесла воды, и начала кроить из лисьей шкуры для своего годовалого ребенка шапку, но ее не хватило.

— Вот тебе мой рассказ—сказал пояс. Теперь дай мне ответ: кто был больше из тех, о ком было рассказано?

— Коршун, кто же другой,—сказал молодой человек.

Улыбнулась тогда девица и говорит:

— Кажешься ты человеком понимающим, но ответ твой неправилен. В рассказе нет никого больше и удивительнее ребенка, имеющего такую голову за один год.

Таким образом, девица проговорилась один раз.

На ночь лег спать сын алдара. На другой день до вечера он провел время, как мог.

Вечером девица—ахсин опять спустилась к нему в гостевую комнату с медной своей башни, села тут и опять не ответила на приветствие молодого человека.

Сын алдара опять снял свой пояс, бросил на фынг и говорит:

— Пояс, нужна мне твоя голова¹²³)—расскажи нам что-нибудь.

— Что я могу рассказать—днем бываю на тебе, а ночью под твоим изголовьем—сказал пояс.

— Нет другого выхода, сказал сын алдара, ночь длинна, и сон не приходит.

И тогда пояс опять начал говорить:

— У трех братьев было стадо. Карабулили его по очереди. Одно время пас его старший брат.

Посвистывая, погнал он свое стадо к опушке леса. Пасется стадо вокруг него.

Чтобы не сидеть даром, чтобы не скучать, он начал на стволе одного дерева вырезывать образ девушки. Кончил он эту работу и вечером пригнал стадо домой.

На другое утро погнал стадо средний брат. Он тоже погнал стадо к опушке леса. Пастух увидел образ девушки, вырезанный накануне его старшим братом.

— Может ли быть образ девушки красивее этого—сказал пастух: как было хорошо, если бы этот образ девушки нарядить в платье из красивейших цветов, еще к тому же—рубаху и остальные наряды; еще красивейшими в мире красками разукрасить лицо ее.

И начал работать над изображением девушки.

С наступлением вечера он опять пригнал свое стадо домой.

На другой день пошел со стадом третий, младший брат. Его тоже бог привел к опушке леса.

Увидел он на дереве изображение девушки и остановился, как вкопанный—так красиво, так изящно было это изображение.

Тогда сказал пастух: „нашел ту, о которой мечтал я всю мою жизнь“: Бросился к дереву, но это оказалось лишь изображение девушки. Молодой человек тогда стал молиться.

— Бог богов, мой бог, если ты создал меня для чего-нибудь, то впусти душу в это изображение девушки, которое так безукоризненно выполнил старший брат, так роскошно одел цветами и разрисовал красками средний брат.

И изображение превратилось в живую девушку.

Привел пастух девушку в дом, и братья начали спорить о ней: каждый хочет ее присвоить себе.

— Кому из трех братьев должна принадлежать девушка? спросил пояс сына алдара.

— Старшему—сказал молодой человек. Если бы ему не пришло в голову сделать изображение девушки, то не было бы и девушки.

— Ошибаешься—сказала опять девушка—ахсин: если девушка должна кому-нибудь принадлежать, то именно младшему, впустившему в нее душу. Не должно быть ничего выше духа ни на земле, ни на небе.

Второй раз проговорилась девушка—ахсин:

Настал вечер и третьего дня, конечно. Девушка—ахсин опять появилась в железную гостевую.

Молча села опять около гостя: не проронит она ни слова.

Тогда сын алдара опять снял с себя пояс, положил его на фынг и говорит:

— Расскажи нам одно сказание, пояс: ночь длинна, сон не приходит, надо развлечь себя.

— Днем бываю на тебе, ночью под твоим изголовьем; что я могу рассказать, что я знаю? Но если нет другого средства, то послушайте меня:

— И была такая красавица девушка у алдара и его жены, что месяцы и звезды видели в ней себя. Когда она пила воду, то видно было, как вода бежит в ее горле. Алдар и жена его даже шагу не отпускали от себя (так ее любили) свою любимую дочь. И жили для нее, и пили для нее, и ели для нее¹²⁴).

Тогда в одно время семь великанов, семь братьев похитили, взяли силой дочь алдара.

Пусть недруг твой испытает то, что испытывали отец и мать девушки от беспокойства.

В то время, когда попадала каким-нибудь образом в руки великанам девушка, то она бывала у них день—два, и обратно относили ее великаны домой.

В селении алдара жила Кулбадаг женщина. Было у нее три сына; не было им равных по способностям нигде. Когда

изнемогли от горя по дочери алдар и его жена, то послали к сыновьям Кулбадаг женщины, к трем знаменитым братьям:

— Хотя вы и не равны мне (по происхождению), все же предназначаю вам свою дочь, если вы освободите ее от великанов.

Сыновья Кулбадаг женщины изъявили согласие отнять у великанов девушку.

Отправились. Когда три брата отъехали от селения, то посмотрели друг на друга и говоря:

— Взяли мы на себя обязательство перед алдаром, но ведь мы еще не знаем, у кого из нас какие способности, кто в чем проявит ловкость. Как же быть?

Тогда старший сказал:

— Я вынесу дочь алдара из среды великанов так, что они не узнают.

Средний сказал:

— Если бы попала мне в руки дочь алдара, то не только великаны, но и ветер не догнал бы меня.

Младший сказал:

— Когда начнется погоня за нами, то я смогу сделать так, что никто из погони не вернется домой живым: я истреблю всех.

Отправились дальше. Приблизились к жилищу великанов. Отсюда старший отправился один в жилище великанов; другие двое стали ожидать его.

Старший вынес незаметно дочь алдара из жилища великанов. Средний взял ее от старшего и, как буря, понес ее на руках в дом алдара.

Третий остановился, ожидая погони, и, да будет с недоброжелателем твоим тоже, уничтожил всех, кто был в погоне, ни один из них не нашел больше своего дома.

Три брата вернулись к себе домой и спорят о дочери алдара.

— Кому должна достаться дочь алдара из трех братьев — это рассуди ты — сказал пояс.

— Кому она должна достаться? Дочь алдара должна достаться тому, кто вынес ее из жилища великанов — сказал сын алдара.

В ответ владелица медной башни и железной гостевой комнаты, девица — ахсин улыбнулась и говорит:

— Молодой человек, очевидно, ум твой не таков, какова наружность твоя. Дочь алдара должна достаться младшему из сыновей Кулбадаг женщины. Не так велик подвиг — унести дочь алдара из жилища великанов; те, кто похитил девушку из дома ее отца, они нашли бы способы унести ее и во второй раз. Но раз похитителей, насильников не станет, то девице не будет уж угрожать опасность... Девица должна принадлежать младшему.

Таким образом, девушка—ахсин проговорилась три раза.

— Бог тебе меня предназначил—сказала она сыну алдара.

Тут они устроили роскошную свадьбу, сделались мужем и женой. Имея большие средства для жизни, они, наверно, и до сего времени живут да поживают. До их прихода в добре живите, да не увидите никакой болезни и напасти.

Сказка записана в 1923 году, 7 июля. До этого рассказал ее Баскаев Тазрет, сын Бола, из Ардона. Лет ему 59. Сказку он тоже слыхал (от другого).

Аппе Амбалов, сын Бицо,—ослеп, спустя месяц после рождения. Рассказал он мне несколько сказок. Они помещаются ниже в этом сборнике. 22 ноября 1922 г. Ардон.

Сказка про коз Кобли.

Давно, давно в одном селении жил бедный человек, его имя Кобли.

У него была жена, но детей еще не было. Кобли и его жена имели всего имущества пять коз; из других четвероногих у них даже кошки не было¹²⁵).

Козы Кобли не были похожи на других коз: у одной было одно брюха, у другой—два брюха, у третьей—три брюха, у четвертой—четыре брюха и у пятой—пять брюх.

Благодаря козам, Кобли и его жена не ели сухого хлеба; козы устраивали их праздники; в дни радости и печали у родственников и близких они могли оказать им внимание. в дни радости носили им праздничное¹²⁶), в день же печали—поминальный¹²⁷) хлеб.

Словом, Кобли и жена его, благодаря пяти своим козам, ни во что не ставили свою бедность. Но безмятежная семейная жизнь где держится долго? Жена обыкновенно с утра доила коз, потом выгоняла их к лесу пастись. Там они паслись, наедались. Раньше всех наедалась коза с одним брюхом, потому что на один живот не так трудно было найти травы и древесных веток. Вымя не вмещалось между ее ногами и так, стучая копытами, первая являлась в дом.

После однобрюхой наедалась коза с двумя брюхами, и она тоже возвращалась из лесу, нося полное вымя, которое еле помещалось между ногами ее, домой, постукивая копытами.

Дальше всех задерживалась в лесу коза с пятью брюхами; это потому, что наполнить пять брюх не так легко.

Долго-ли паслись таким образом козы. Кобли—кто знает?

Но в одно время один бедовый волк, ища себе корму, увидел коз. Умный был этот бедовый волк, чтобы он стал добычей охотников! Он разузнал тропу, по которой возвращались козы и на краю склона устроил себе логово.

Сидит волк и сторожит, пропустил их утром мимо себя. Думает про себя: „по воле Тутыра¹²⁸), я сегодня наемся мясом такой мирной козы, и еще будут осратки.

Тем временем смотрит—из лесу выходит однобрюхая коза, сытая, вымя еле помещается между ее ногами. У волка потекли слюнки, стал перед козой и говорит:

- Здравствуй!
- Живи хорошо!
- Где была?
- В лесу паслась.
- А что это у тебя на голове?
- Это наконечники для вил Кобли.
- А между ногами что?
- Это соски для моих козляток.

После этого затащил ее в свое логово и там с'ел ее; наконечников для вил Кобли он не тронул.

— На сегодня будет мне достаточно, завтра же—день наступает и приносит блага¹²⁹).

— От количества с'еденного волк, рыгая, повалился в своем логове и тотчас же заснул.

Когда свечерло, Кобли спрашивает коз:

- А где же однобрюхая коза?

— Как только наполнила она свой живот, помахала хвостом и ушла домой, как уходила и в другие дни. Мы думали, что она уж здесь.

На второй день коза с двумя брюхами, сытая идет из лесу. Спустилась по склону к логову волка. Волк загородил ей дорогу.

- Где была?
- В лесу, паслась.
- А что это у тебя на голове?
- Это вилы Кобли.
- А между ног что?
- А это для двух моих козляточек соски.

Вслед за этим волк втащил в свое логово козу Кобли и хорошенъко угостился ею. Оставил опять, не тронув их, вилы Кобли.

Таким образом, с'ел волк и остальных двух коз—с тремя и четырьмя брюхами.

Осталась одна коза с пятью брюхами.

Пошла опять в лес, паслась и возвращается домой. Когда она дошла до логова волка, то волк вышел к нему, стал на самой средине дороги, пристально смотрит на козу и говорит:

— Да не осудишь меня за вопрос, но где ты была?

— В лесу, паслась.

— Да не покажется тебе неприятно, но это что за принадлежности у тебя на голове?

— Если ты спрашиваешь, что это за принадлежности, то это два копья, которыми убивают волка.

— Да не покажется тебе обидным, но что это у тебя между ногам?

— Почему это должно показаться мне обидным? — это два круглых камня, которые бросают в волка.

Волк испугался, убрался с дороги, и коза с пятью брюхами, звеня и потрясая бородой, пришла домой.

Кобли спрашивает ее:

— Не видала ли ты других коз?

— Не видела, сказала коза с пятью брюхами. Но когда я возвращалась домой, то один волк остановил меня на дороге, стал меня спрашивать:

— Что у тебя на голове?

— А что это у тебя между ногами?

Я ей сказала:

— На голове две пики, которыми убивают волков, между ногами два круглых камня, чтобы бросать ими в волка.

Тогда волк отступил от дороги, и я пришла домой. Как бы не с'ел коз этот волк.

— Узнаешь ты логово волка?

— Узнаю.

— Хорошо, в таком случае пойдем к нему завтра.

На утро рано Кобли с веревкой и с козой впереди очутился около жилища волка; коза ушла пасться, Кобли говорит волку:

— Волк, дело у меня, выгляни ко мне из двери!

Вышел тебе волк к сердитому Кобли, как-же!

Сколько ни вызывал, но волк даже не пошевельнулся с места.

Кобли сел около логова волка и говорит про себя:

— Горе твоему очагу! Когда-нибудь же придется тебе выходить!

Тем временем смотрит — по дороге идет один человек по направлению в селение.

Кобли говорит ему:

— Эй, человек, будь благосклонен ко мне, когда дойдешь до селения, не поленись вызвать мою хозяйку и скажи

ей: „Кобли мне наказывал сказать тебе: нашел он логово волка, с'евшего ваших коз, и сел около него и подкарауливает его. Но когда родится у тебя мальчик и подрастет, то скажи ему, чтобы он отправился в лес, срубил бы дерево, чтобы из срубленного дерева изготовил заступ и лопату. После этого пусть с заступом и лопатой прибудет ко мне. Мы возьмем да разроем логово волка, свяжем его и потребуем от него наших коз“.

Не хорошо почувствовал себя волк, — впал в раздумье: когда-то у меня Кобли родится сын, когда-то он возмужает, пойдет в лес и сделает заступ и лопату, чтобы поймать меня, до этого, волк, ты сиди здесь, не видя света солнечного и не имея больше возможности в безлунные ночи бродить в поисках за добычей!

„Вот это тебе погребение заживо! Будь то, что будет. Может быть, как знать, избавлюсь еще“.

Волк выскоцил из логова своего, но Кобли не дал ему и шевельнуться — накинул не шею его веревку.

— Не уйдешь, крутоухий! куда делись мои козы — об этом кто тебя допросит — это я, Кобли — молодец.

Притащил волка в дом свой, запер его в надежное место. Три ночи пробыл волк в доме Кобли. Кобли начал думать: „много пользы не принесет мне волк, если будет здесь оставаться привязанным и если подохнет с голоду. Клянусь матерью и отцом, этому не бывать — козы с'едены и волк тоже чтобы пропал даром.“

Снарядился, накинул волку на шею веревку и потащил его за собою. Прибыл в одно селение и кричит:

— Эй, кто купит Фалвара¹³⁰ скота?

Покричал так некоторое время; тем временем из одного дома вышел к нему один человек.

— Говоришь, что продаешь Фалвара скота?

— Да, да! Кто купит его, у того так размножится скот, что не в состоянии будет загонять его.

Зажиточный был человек, отделил часть от своего стада и передал Кобли, а сам потянул веревку, которая была на шее волка.

Когда Кобли отправлялся со скотом, то наказал купившему волка:

— В эту ночь Фалвара запри вместе со скотиной, двери запри крепко. Завтра же заставь младшую невестку сделать три треугольных лепешки¹³¹). Лепешки пусть вынесет она к дверям база и там помолится Фалвара скота. Скота станет так много, что не будете в состоянии открыть двери база.

Таким образом, Кобли погнал свое стадо и, напевая, прибыл в дом свой.

Богатый человек, которому своей скотины казалось все мало, поместил Фалвара скота в баз со скотиной, запер крепко двери.

На рассвете младшая невестка приготовила три треугольные лепешки, стала у двери база, помолилась Фалвара скота, чтобы стало (скота) много.

После этого потребовала открыть дверь, но не поддалась дверь. Волк истребил скотину и сложил у двери база.

Невестка вошла в дом и говорит:

— Скота нашего стало так много, что не помещается в базе, дверь уж не открывается.

Выбежала вся семья, потребовали открыть дверь. От двери попадали зарезанные овцы, и она открылась. Волк же, не долго думая, одним махом выскочил и очутился в лесу.

Как три брата нашли украденных у них лошадей.

Были три брата. Жили они своим трудом, никому не причиняли вреда. Весенние работы были в самом разгаре, когда у них в одну ночь увела лошадей.

Братья впали в раздумье: что сделать, как сделать?

Один из них сказал: „надо поискать лошадей“; другой сказал: „пропадем мы, если не выполним своевременно весенних работ, если пойдем искать лошадей и задержимся, разыскивая их. Третий сказал: „когда кончим работы, тогда отправимся искать лошадей“.

Работы с весны до самой осени не окончились: как кончалась одна работа, нагоняла другая. Таким образом, отложено было их дело до осени. По утрам ложился уж иней.

Три брата оседлали своих коней, стали искать следы коней, уведенных при весенней росе, по инею поздней осени. Идя по следу, они достигли селения одного алдара. Как установили три брата, след их коней вел в галуан этого алдара.

Около гостевого помещения они привязали к коновязи¹³²⁾ своих лошадей, сами вошли в гостевую.

Сообщили алдару о гостях. Алдар принял трех братьев: зарезали барана, хлеб-солью угостили их хорошо, потом уложил спать, потом пожелал гостям доброй ночи¹³³⁾, чтобы наступающий день был для них благополучным.

Когда вошел он в дом, то позвал одного из младших прислужников и говорит ему:

Подойди незаметно к двери гостевой комнаты и подслушай, что они будут говорить. Потом тотчас-же придешь и подробно передашь мне. Буду ждать тебя.

Подслушивает подосланный алдаром человек трех братьев. Слышил разговор.

И говорит старший:

— Удивительным показалось мне сегодня одно дело: алдар их похож на черного (простого) человека.

Сказал средний:

— А я заприметил, что хлеб попахивал мертвчиной.

Третий сказал:

— Я установил, что мясо у них отдавало собачиной по вкусу.

На этом прекратился разговор братьев, и они заснули.

Подслушивавший вошел к алдару и передал ему от начала до конца весь разговор, как он происходил.

Алдар разгорячился на слова гостей, не удержался и позвал мать.

— Мать моя, гости считают, что я похож на черного человека, что это значит—возводят на меня хулу, или говорят то, что есть в действительности?

— Пусть нана твоя будет жертвой за твою голову. Это было так: у твоего отца была еще наложница. У меня рождались каждый раз девочки, а у наложницы—мальчики. И когда ты родился от наложницы, у меня была новорожденная девочка. Взяли да положили тебя у моих ног, а мою дочь у ног твоей матери. Дело было так.

— А что скажешь относительно хлеба, который якобы пахнет мертвчиной?

— Чтобы бог дал тебе много дней жить до его прихода¹³⁴). Встретилась с провожавшими покойника. Когда возвращалась обратно домой, то увидела около дороги спелые колосья, выросшие на лопаточной кости. Жалко мне показалось оставить их, сорвала их, очистила зерна, завязала их в тряпочку от пояса, и когда пришла домой, то всыпала их в семена для посева.

— Хорошо—сказал алдар и велел позвать пастухов: „скажи-ка мне, что был за баран, которого зарезали для гостей? Расскажи мне о нем“.

— Окотилась одна овца и тотчас же издохла. Барашек остался сиротой. В то время у нас была сука, только что родившая щенят. Барашек стал сосать суку и таким образом вырос.

— Напал на бедовых гостей—сказал алдар.

Утром рано он распорядился вывести лошадей, украденных у трех братьев, заставил оседлать их от себя (за свой счет), и уехали себе гости.

Как молодой человек—сирота женился на дочери алдара.

У одного человека умерла жена и остался от нее сын. Он женился во второй раз. Долго они жили, мало — кто узнает это? Но мальчик подрос, начали чернеть борода и те места, где должны быть усы. Много обид, много огорчений перенес он от мачехи. Ядом казался для мачехи сирота — мальчик.

В один день жена обратилась к мужу и говорит:

— Муженек, или я тебе, или твой сын, чтобы даже глаз мой его больше не видел.

— Ведь ничего он такого не делает, даже слишком он хорош для нас.

— И не говори о нем, если он останется в нашем доме хотя бы еще немного, то я знаю дорогу в дом отца, и не привязана я цепями.

И запрет муж пару волов в арбу, взял багор и говорит сироте:

— Пойдем на берег фурда¹³⁵⁾ на рыбную ловлю.

Сели в арбу, достигли берега реки. Оставили волов пастись, сами на берегу реки подошли к тем местам, где рыба мечет икру. Отец взял багор, опустил его туда и зацепил за бок большую рыбу (лосось). Но лосось оказался такой величины, что не только не могли его выбросить на берег, но даже сдвинуть с места.

— Мальчик, постой здесь, чтобы не ушла рыба, я сбегаю домой принести другой багор, может быть, тогда двумя баграми вытащим ее.

На двух волах уехал человек и до сих пор не появляется обратно. Сирота держит багор и ждет прихода отца, чтобы вытащить рыбу из воды.

Тогда лосось говорит сироте:

— Мальчик, пусти меня, может в какой-нибудь день я пригожусь тебе.

— А где я буду искать тебя, если ты мне понадобишься? Мало ли в реке рыбы?

— Со спиной моей вырви перьев, и когда будешь нуждаться во мне, то появись в этом месте, положи на огонь мое перо, и я появлюсь.

Сирота вынул из боку рыбы багор, из перьев на спине выдернул один пучек, и лосось после этого уплыл в реку.

Не долго раздумывал сирота на берегу реки:

— В доме у меня нет никого, кто бы болел душой за меня: мать умерла, мачеха ненавидит меня, ежедневно обижает бедного отца моего из-за меня. Я не намерен больше вернуться в дом свой.

И отправился по берегу реки.

Долго шел, мало шел—кто знает? но на дороге застигла его дурная погода—была буря, холод.

— Укрыться бы мне где-нибудь от бури и согреться—сказал мальчик. Зашел в одно защищенное место, развел костер и греется. В это время около него упал замерзший орел.

— Мальчик, в бурю продрог я, не вмоготу мне, согрей меня, может быть, когда-нибудь и я помогу тебе.

Согрел орла и накормил его, как мог.

— А как-же я найду тебя—спросил мальчик—когда понадобится мне твоя помощь?

— Вот тебе одно из моих перьев, спрячь его у себя, и когда будешь нуждаться во мне, сожги это перо, и я стану тотчас около тебя.

Замахал могучими крыльями орел и поднялся ввысь небесную; мальчик тоже отправился своей дорогой.

Долго он шел, мало-ли шел—бог знает, и опять достиг одной долины. Смотрит и на дороге мечется лиса: то станет на ноги, то падает—совершенно изнемогла.

— Мальчик, изнемогаю от голода, умираю и от холода. Видишь, ноги не ходят подо мною. Помоги мне, и я тоже не забуду твоего добра.

Мальчик согрел замерзшую лису, наполнил ее голодный желудок.

Тогда лиса сказала ему:

— Вырви один волосок из хвоста моего, сохрани его у себя, и если будешь в затруднительном положении, то положи его на огонь. Знай, что явится к тебе лиса.

Идет опять сирота, идет и доходит до одного селения. В селении он остановился на ночлег у кулбадаг женщины¹³⁶), женщина уостила его.

Через несколько дней сирота спрашивает кулбадаг женщину:

— Будь благосклонна, скажи, что это такое—вокруг башни изгородь, и на каждом коле изгороди по человеческой голове, только один кол остался обойденным?

— В башне живет дочь алдара, наш ахсин¹³⁷). Со всех четырех концов света идут к ней свататься; из молодежи не осталось никого, кто бы, услыхав о ней, не сватался к ней. Но несчастные, жаждущие жизни, не находили счастья. Ахсин приказывала отрубать головы женихам и натыкала на колъя.

— А из-за чего? спросил сирота.

— Ахсин готова выйти за любого; только она уговаривается с женихом. Она говорит: „спрячься где только хочешь три раза. Я на шаг не выйду из моего галуана¹³⁸), но есть у меня небесное зеркало; через это зеркало я буду обозревать

все кругом, и если я найду тебя к первому сроку, то отрублю тебе голову и насажаю на кол от плетня. Но если не найду тебя к первому сроку, то нет уж опасности для головы твоей, она не будет отрублена. Если отыщу тебя ко второму и третьему сроку, то я не для тебя: не пойду за тебя.

Но если до третьего срока сможешь спрятаться так, чтобы я не нашла тебя, то заверяю тебя, что бог назначил меня для тебя, и голова моя, и имущество мое будут твои.

— Дорогой гость, из всех искавших ее руки, несчастных, не оказалось ни одного, кого бы она не отыскала к первому сроку.

— Мать моя, спрошу тебя еще об одном деле. Вчера ночью было очень темно. В одно время и проснулся, вышел по своему делу на двор, и вдруг все просветлело, как будто выглянуло солнце, потом опять наступил полный мрак. Смотрел я, это не звезда ли полетела, и ничего такого не было,— это я достоверно знаю. Нана, чтобы это было за чудо такое? Не скажешь мне?

— Чтобы нана твоя насытилась твоими солнечными днями¹⁸⁹), если она жива, а не то пусть пребывает в свете, если она отошла в сторону мертвых. Это, мое солнышко, была моя ахсин. Когда даже в солнечный день выглядывает из башни, то делается светлее. Но когда в безлунную ночь она показывается из башни, то просветляется весь мир, как это ты сам видел. Не родилась еще такая красавица от начала мира. Сирота замолк на некоторое время, потом сказал:

— Нана, сходи к вашей ахсин от меня в качестве свахи; будь что будет! Я тоже должен испытать свое счастье, во чтобы то ни стало.

— Мой дорогой гость, полюбила я тебя, как родного сына, не губи себя; и меня тоже не огорчай: голову твою тоже наденут на кол. Сам тоже видел, что частокол вокруг башни нуждается еще в одной человеческой голове.

— Нана, или она, или смерть!

Старуха пошла свахой к ахсин и сообщила ей про дело своего гостя.

Ахсин установила кулбадаг женщине три срока и заверила ее, что выйдет за него, если он сможет спрятаться.

Сирота, не долго думая, очутился на берегу фурда, поджег перо рыбы, и рыба появилась немедленно.

— Что тебе, мое солнышко, мой спаситель? спрашивает рыба.

— Никогда не понадобится мне так твоя помощь, находясь в опасности,—спрячь меня куда-нибудь.

Рыба раскрыла пасть и, таким образом, проглотила сироту, унесла его в самое глубокое место реки и там укрылась под камнем.

Ахсин взяла небесное зеркало и стала смотреть во все стороны из своей башни. Долго смотрела, потом говорит при служницам:

Что может быть удивительнее этого? Оказывается у него есть знакомые в фурде. Проглатила его одна рыба и в реке спряталась под камнем. Лучшие в мире приходили искать моей руки, лучших в мире я истребила, но таких способностей ни у кого из них не оказалось.

До сироты в утробе рыбы достиг один луч от зеркала. Узнал сирота, что он обнаружен и пришел опять к своей хозяйке.

Приближался второй срок. Сирота приготовился, отправился из селения алдара и стал на средине поля.

Достал перо из крыла орла, приложил к нему огонь. Разнесся запах жженного пера. Тем временем и орел на могучих крыльях опустился около сироты.

— О, мое божество, о, мой спаситель, я вот здесь!

На что я нужен тебе?

— Затруднительнее положение не может быть у человека, чем у меня. Есть ищущий меня, спрячь меня куда-нибудь на срок.

Орел заставил его привязать себя к нему; поднял его от земли на мощных крыльях и стал его уносить.

Перенес его через семь горных хребтов и там опустил сироту в расселину ледника.

Взяла опять ахсин небесное зеркало, смотрит опять во все стороны. Больше поискала, чем в первый раз. И говорит опять девушки:

— Это не простой человек, без сомнения: оказывается у него есть присяжный друг среди пернатых. Один большой орел унес его за семь горных хребтов и там опустил его в трещину ледника.

Недолго ждать и третьего срока. Да, не опасно уже для жизни его—это правда. Но на что ему и жизнь, если лишится ахсин?

И отправился жених опять в поле. На какое расстояние он мог отойти от селения—узнайте вы, но в одном месте остановился, достал волос от хвоста лисицы и потянул его.

Лисица вдруг появилась около него.

— О, свет моих очей, о, тот, благодаря кому я еще стою на ногах, о, мой ангел, на что тебе понадобилась голова моя?

— В затруднительном я положении, не может быть положения более затруднительного. И юноша рассказал лисе сначала до конца о своих делах.

— Крепись, кто знает—может быть, не найдет тебя,—сказала лиса.

Превратила юношу в мяч, сама же превратилась в мальчика. Подошла к башне ахсин и начала играть в мяч. Подбрасывает мяч вверх и ловит его опять, подбрасывает и ловит. Ахсин увидела, понравился ей мяч и говорит:

— Подбрось-ка его выше!

— Да, подбрось выше, чтобы ахсин поймала, да пожалуй, не отдаст обратно, а спрячет где-нибудь у себя под подушку: Этого не будет! Ведь я свои горести забываю, благодаря ему; я забавляюсь им.

Говоря это она подбросила мяч выше, как будто это случилось нечаянно.

Ахсин поймала мяч и спрятала под свою подушку.

(Другие три варианта:)

1-й вариант. Лиса не превратилась в мальчика, но играла в мяч, будучи лисой.

2-й вариант. Лиса превратила его в хлебное зерно и зарыла под стеной башни.

3-й вариант. Лиса расширила свой зад, и молодой человек вошел в утробу ее; потом она превратилась в красивую девушку, вошла в комнату ахсин и села за рукоделие среди других девушек).

После этого взяла небесное зеркало и начала смотреть во все стороны. Сколько ни смотрела, все же ничего не нашла. Тем временем наступил и назначенный срок.

Ахсин, не долго думая, схватила зеркало и ударила о землю. Небесное зеркало разбилось на мелкие куски.

Когда осенью появляется иней, то блестки, появляющиеся на нем при солнечном свете—мелкие осколки этого зеркала.

Около башни мальчик плачет навзрыд, бьется об землю и кричит:

Мяч мой мне! Отдай мяч мрй! Небо еще можно успокоить, но не было средств успокоить мальчика.

Доложили ахсин о мальчике. Тогда ахсин достала из-под подушки мяч и кинула его к подошве башни. Мальчик поймал его и ушел за селение. В этом месте лиса стала тем, кем была; мяч же превратила в того, кем был—в молодого жениха.

— Бог тебе меня предназначил—сказала ахсин, когда юноша вошел в башню.

Стали мужем и женой после этого сирота—юноша и ахсин. Наверно, до сих пор еще и живут, и едят.

До их прихода живите со счастьем.

Птицы, звери и люди—искатели основы истинной религии,
или

Сказка о перепеле и лисице.

Пернатые и звери в одно время устроили совещание, каждые из них особо—в одном месте звери, в другом—птицы.

— Исповедуем религию, по указаниям религии устроена жизнь наша, но выполняем мы ее так, как подобает или нет—это мы не знаем; потом, сама по себе религия наша истинная или нет—об этом тоже никто из нас ничего не знает.

Так говорили и звери, и птицы. Поэтому решили и те, и другие по интересующему их вопросу спросить самого бога. Выбрали послов: звери—лису, птицы—перепела.

Отправились лиса—посланница и перепел—посланник к богу как раз на второй день. Идут, идут, и говорит лиса:

— Не знаю, как будет дело наше. Итти-то идем, а что же есть будем—об этом мы и не подумали.

Умираю с голоду, перепелка, накорми меня, а то я не сгожусь тебе в спутницы голодная.

— Как, умираешь уже? Ведь мы только что двинулись в дорогу—сказал перепел—посланник.

Пройдем еще немного, и тогда видно будет—накормлю тебя как-нибудь.

Прошли немного, как видят женщину, которая несет рабочим в поле пищу.

Перепел говорит лисе:

— Бог послал нам: вот перед этой женщиной я буду садиться на дорогу, и когда она бросится ко мне, чтобы поймать, то ты покажи свою ловкость, угощайся хорошенко.

Перепел сделал, как сказал: садится впереди женщины, потом опять полетит. Женщина поставила блюдо на землю и принялась ловить перепела.

Когда женщина отошла на порядочное расстояние, то лиса бросилась к блюду и с'ела все. Потом они опять соединились в дороге.

Идут, идут и опять говорит лиса перепелу:

— Перепел—посланник, не могу пожаловаться на тебя, хорошо угостили меня, но было бы хорошо, если бы ты к тому же насмешил меня.

— За это я ручаюсь—сказал перепел; вслед за этим он полетел и сел на голову переднего погонщика волов, запряженных в плуг пахаря. Это был мальчик, сидевший на ярме первой пары волов.

Тогда пахарь, шедший за плугом, схватил истик и пустил в перепела. Истик попал мальчику в голову, перепел же улетел. Мальчик с окровавленной головой свалился с ярма.

Лиса от смеха стала кататься на спине.

Держит дальнейший путь лиса и перепел, и говорит опять лиса:

— Не дурной ты товарищ для меня—ни на что не могу в тебе пожаловаться. Во первых, благодаря тебе, я наелась; во-вторых, благодаря тебе вдоволь посмеялась. Это все хорошо, но хорошо бы было, если бы после еды и смеха ты заставила меня бежать.

Лиса кончила разговор, когда говорит ей перепел:

— Смотри, лиса! то, что ты пожелала уже готово в сей же час—будешь бежать столько, сколько хочешь: вот за нами идут охотники с гончими.

За этим гончие увидели их. Лиса подняла вверх хвост, повела ушами и сразу бросилась бежать вперед. Гончие за нею.

Стало уж изнемогать. Почувствовала опасность за душу. Кругом не осталось ни куста, ни бурьяна, куда бы не заскочила лиса. Не отстают от нее гончие. Через силу добралась она до одной норы, и только тогда оставили ее гончие.

— Не будешь жаловаться уж и на то, что не заставил тебя бежать,—говорит перепел лисе.

— Пусть бог сделает так, чтобы я их больше не видел! сказала лиса,—насили, с трудом избавилась от них.

Тем временем нагнали одного человека.

— Добрый путь тебе!

— Да будет вам милость божья.

— Куда идешь, добрый человек?

— Из дома я отправился к богу.

— Будь благосклонен, не скрой от нас—из-за чего ты направился к богу?

— Люди с недавнего времени впали в раздумье, мучаются из-за религии: может быть не так следуем мы за религией, а может быть, кто знает, и сама религия неправильно построена. И решили на своем большом собрании спросить самого бога о деле, вызывающем у них недоумение. Меня же послали посланником и, как видите, я выполняю свой долг.

— Будь ты угоден богу, да найдешь дом твой в целости по возвращении. Но и мы скажем тебе откровенно: мы тоже посланники: лиса—от зверей, перепел—от пернатых. То, в чем люди стали сомневаться, это послужило причиной нашего путешествия к богу. Больше того, что сделаешь ты, не сделаем и мы: труд наш будет лишь напрасным. Только возьми еще на себя труд довести до великого бога и то, что наказали нам звери и птицы. Будем ждать твоего обратного возвращения.

На этом лиса и перепел возвратились обратно и рассказали зверям и птицам, как они поручили свое дело посланнику—человеку.

Сели отдохнуть около дороги под деревом, по возвращении. Перепел ведет разговор. Тогда лиса говорит ему:

— С недавнего времени я ушами стала плоха, сядь поближе ко мне, уважаемый посланец птиц!

Как только перепел подсел ближе к славному посланцу зверей, лиса схватила его в рот.

— Не бери на себя греха,—были мы товарищами, ничего плохого не сделал я тебе; с'ешь меня, с'ешь, на, но следует тебе помянуть имя божье, это тебе будет полезно по смерти,—сказал перепел из горла лисы.

Когда лиса произнесла—„боже, табу¹⁴⁰) тебе, перепел вы-
порхнул, наполнив рот лисы своим пометом.

— Издавна ты была калоедкой, и вот тебе достойная пища, на лету говорит ей' перепел.

С тех пор и птицы, и звери ждут,—и посланец—человек тоже не возвращается от бога.

Сказка. Рассказал ее Баскаев Тазрет 63 лет.
Ноября 3 дня 1922 г. Ардон.

А л д а р.

Жил да был один алдар, у алдара—сын, у молодого же человека—жена.

Не было предела богатству алдара: и табуны лошадей, и стада крупного скота; пастухи ласкдзараны¹⁴¹) не могли справляться с его овечьими стадами. Также много было птицы: гусей, индеек, кур.

За два дня пути от селения—его хутора; и хутора были подобны селению; стерегли стада овчарки, сто овчарок.

И решил алдар сделать опыт. Во дворе его одновременно ожеребилась кобылица и окотились три овцы. Кобылица родила жеребенка—самца, три овцы—трех барашков. Начали их вскармливать домашним кормом и поить тоже стали дома; давал им всего, не жалея—ячменя, кудалы¹⁴²), овса, отрубей—словом, всяким кормом они бывали сыты; к тому же помещение у них было теплое, лежать было им мягко.

Так ухаживали за ними целый год. В день, когда им исполнился год, алдар повел, чтобы закололи одного из трех барашков.

Закололи, конечно, что же они стали бы делать?

Поели, попировали, и начал смотреть алдар на кости барашка: кости не оказались достаточно полными—было в них еще много пустых мест.

— Не так вскармливали их, как следует—сказал алдар—еще улучшите уход за ними на один год.

Выполняют волю алдара работники—усилили уход за жеребенком и двумя баранами.

Прошел опять год. Алдар велел зарезать одного из баранов. Рассматривал алдар опять кости и сказал:

— Кости еще не совсем полны—кое-где просвечивает через них свет. Слышите, не ослабляйте ухода, напротив, постаряйтесь усилить настолько, насколько хватает ваших сил.

Не пожалели работники ни себя, ни хлеба и воды алдара: целый год опять они ухаживали за жеребенком и вскармливаемым бараном.

Настал последний день года и зарезали кормленного барана. Алдар опять рассматривает кости барана: кости барана были полны мозга, свет не просвечивал через них. И сказал тогда алдар:

— Теперь жеребенок будет годиться, чтобы водить его рядом с конем на поводу¹⁴³⁾,

Недолго прожил алдар после этого, заболел он и умер. После него хозяином дома стал его сын и все распоряжения уж исходили от него.

Тогда в одно время пастухи прислали к нему с хуторов:

— Скорее прибудь к нам; с недавнего времени мучает нас какой-то зверь. По строению похож на волка; ростом же больше волка. Каждый день появляется, разгоняет во все стороны собак и поедает их корм. Не стесняется и нас. Погибают наши собаки, еле стоят на ногах. Есть опасность, что если собаки наши передохнут, то волки и другие звери причинят нашим стадам ущерб.

Алдар оседлал жеребца и отправился на хутора. Поехал он не по дороге, а, в виду спешности дела, направил своего коня прямо к хуторам.

Едет он без дороги, и в одном месте выскочил заяц. Молодой алдар тронул коня Жеребец быстро нагнал зайца, схватил его зубами и передал седоку.

Алдар зарезал зайца и привязал его к торокам. Диву дался молодой человек, и как не дивиться: из четвероногих никто, кроме собаки, не ловит зайца. Теперь же его жеребец словил.

Поймал еще двух зайцев жеребец после этого, и алдар с тремя резанными зайцами за тороками прибыл на хутора.

Обрадовались пастухи своему алдару:

— Благодарение богу, что ты появился. Твои хутора, твои стада, если потерпят ущерб при тебе, то мы—твои пастухи, твои ласкдаараны останемся перед тобою безупречными, не будешь подозревать нас.

Ночью легли спать. Утром, когда настал день, то стали ухаживать за скотиной, задают корм собакам пастухи. Как только собаки собрались около своего корма, опять появился этот волкоподобный зверь, разогнал во все стороны собак и стал есть их корм.

Собаки по разным местам поодаль сели на задние ноги и оттуда лаяли на зверя.

Пастухи известили алдара. Алдар еще спал.

— Вставай, алдар, пришел наш зверь, собак разогнал во все стороны и оттуда раздается их вой.

Алдар встал. Но пока он одевался, умывался, молился богу, зверь с'ел корм собак.

При выходе алдара зверь, не торопясь и не опасаясь никого, отправился из хутора. Глаз алдара все же уловил его.

— Оседлайте скорее моего жеребца! Если будет то угодно богу, не убежит.

Как буря понесся алдар на своем жеребце за зверем.— Стал гнаться за ним, гнаться. Стал сближаться со зверем; тот на бегу говорит ему назад:

— Что ты делаешь, почему не оставил меня? Ведь не так много ущерба причиняю твоему имуществу: корм твоих собак и только. Знай, что и я был такой же алдар, как и ты, но бог разгневался на меня, проклял меня. И в силу гнева бога превратился я в зверя, потом, кроме собачьего корма, ни к чему в этом мире я не могу притронуться. Гневу же я подвергся потому, что столько не жил, сколько совершил беззаконий, насилий, и теперь несу за них ответственность (кару) в земной моей жизни.

— Так лучше тебе умереть, чем жить в таком виде— сказал сын алдара и умертвил сго.

Вернулся на хутор, слез с коня. Пастухи выбежали, взяли у него коня и убрали его.

Алдар говорит пастухам:

— Не опасно вам больше от зверя, он убит моей рукой.

Вздохнули пастухи и стали благодарить алдара, потом бога—благодаря которым они избавились от этого зверя.

Еще одну ночь остался алдар на своем хуторе. Осмотрел свои хутора, людей, скот,—окинул глазом все, дал наставление пастухам, как подобает. Утром сел на коня своего и уехал домой к себе.

Как распространяется дурная молва среди народа, так распространяется и добрая молва, и весть о героическом подвиге быстро распространяется по стране.

Других разговоров, кроме разговоров об алдаре и его коне, уж не было в окрестных селениях. Как алдар убил необыкновенного зверя, как конь алдара на всем скаку ловит зубами зайцев—эти разговоры переходили из уст в уста среди народа.

Тогда появился один алдар, который очень позавидовал с одной стороны славе алдара, с другой—жеребцу алдара. Алдар не мог днем сидеть и ночью спать от зависти. Проникла в сердце его забота. Начал думать: каким бы образом захватить жеребца алдара в свои руки.

Долго он думал, долго про себя ломал голову и под конец остановился на одном решении: надо под каким-либо предлогом завлечь алдара в свой дом, убить его и присвоить его жеребца.

И послал завистливый алдар во все стороны:

— В такое-то время устраивало скачки конские и джигитовку; прошу всех равных мне алдаров, чтобы они не поленились и явились к назначенному времени в мой дом. Отличившимся в джигитовке, у кого первый придет конь на скачках, тем будет честь, потом и награда.

Как было не подготовиться народу. Алдару тоже захотелось на скачки. Но когда узнала об этом жена, то стала его отговаривать.

— Ни в чем ты совершенно не нуждаешься: ни в скоте, ни в подарках, ни в чести. Не много еще пожил ты, но слава твоя стала уж выше головы твоей. Сиди у себя дома.

К тому же и я без тебя здесь одинока.

Не послушался алдар жены. К назначенному сроку он тоже прибыл в дом алдара, устраивавшего скачки и джигитовку.

Никто не отстал из выдающихся людей; из лошадей тоже самые лучшие были собраны здесь.

И избрали собравшиеся из своей среды людей совета. Им поручили, чтобы вместе с хозяином дома установили порядок джигитовки и награды за скачки, и самый порядок скачек; еще нужно было выявить человека, который сможет утверждать, что у него жена не ошибется (не изменят).

Мужи совета посидели особо, обсудили и скроили по всем трем вопросам порядок.

Вышли к народу и возвещают:

— Мужи совета предназначили из имущества хозяина дома золотой тын¹⁴⁴) тому наезднику, который повалит сто наездников с тем однако, чтобы его собственный конь даже не пошатнется. Кто решится на это, но не выполнит, того коня возьмет хозяин себе, а наездника повесит за горло.

— Я,— сказал алдар.

И сто всадников отошли в сторону, готовые к бою. Подтянулся алдар своего жеребца, и под ним затанцевал жеребец, как заяц. Алдар пускает его то в одну, то в другую сторону: прокладывает алдар между наездниками дороги. Наездники падают на землю, как спелые плоды с дерева во время ветра.

Под конец в одном месте еще скучились двенадцать наездников. Алдар их опрокинул одним ударом, но жеребец даже не пошатнулся и опять затанцевал под алдаром; как заяц.

И сказали мужи совета:

— Вот золотой кубок бесспорно твой—и передали ему: пусть будет эта вещь тебе полезна.

Молодой человек взял, поблагодорил народ и положил кубок себе за пазуху.

Ночью народ отдохнул, попировали и повеселились.

На другой день собрался опять народ на лошадях своих в назначенное место. Тогда мужи совета вместе с завистливым алдаром возвестили народу:

— Скачка начнется с места, куда надо ехать два дня. Пространство, которое можно проехать в два дня, разделил на сто равных частей, и в начале каждой части будет стоять наездник.

И если среди вас окажется такой наездник, который станет с самым дальним наездником, поскачет с ним, опередит его, и когда достигнет второго наездника, чтобы опередил и его; таким образом, если оставить за собою девяносто девять скакунов, потом, доскакав до сотой лошади, опередит ее на выстрел ружья и прискакет сюда, то получит первый подарок — золотую ткань. Если же отстанет, то коня возьмет себе хозяин дома, а наезднику смерть через виселицу.

Кто рискнет взять золотую ткань?

— Я, сказал опять алдар.

И пустил опять своего жеребца. Скакал со ста всадниками и каждого оставлял за собой по очереди и последнего всадника опередил больше, чем на выстрел.

Понравился очень жеребец народу, и сказали опять мужи совета:

— Да будет тебе на пользу этот кусок ткани; пусть благополучно ездишь на своем жеребце, имеющем такие качества.

Поблагодарил алдар и спрятал у себя золотую ткань.

Когда на третий день опять собрался народ, и когда мужи совета опять появились перед народом, то сообщили народу свое решение:

— Если среди собравшихся сюда окажется такой человек, который не усомнится ни разу в жене своей, который,

решится сказать: я доверяю семье своей¹⁴⁵⁾ и если это не окажется правдой, то сказавшего это чтобы повесить, а все его имущество чтобы досталось хозяину дома.

Но если жена сказавшего окажется чистой, то отдает себя на смерть хозяин дома, потом и верхового коня его тоже получит тот.

— У кого окажется такая решимость, такая уверенность в жене своей?

И сказал опять алдар:

— Я доверяю своей жене, чиста она во всем, ни в чем не вызвала она подозрения в сердце моем.

И завистливый алдар возрадовался и сказал про себя: „теперь жеребец достанется мне, и самому алдару не долго уж праздновать.“

Двое молодых людей—алдаров взяли на себя дело. Они сказали: „если не достанется жена алдара в наши руки, то и мы положим головы с хозяином дома.“

Четыре переметные сумы наполнили золотом, сели на коней и отправились. Едут и разговаривают:

— Теперь обнаружится, такой ли чистой окажется та, про которую алдар в присутствии лучших людей из народа отзывался с такой похвалой. Много мы видели таких женщин!

Достили дома алдара, остановились у двери гостевого помещения. Никто к ним не показывается. Тем временем ахсин¹⁴⁶⁾ вышла к ним в одежде служанки своей.

(Когда муж уезжал в путь, то ахсин надевала свое платье на служанку, ставила ее на свое место, сама же выполняла обязанность служанки).

— Гости, сойдите (с коней)!

— Знаем, что алдара нет здесь, но все же мы здесь ищем место, где бы остановиться—сказал один из гостей.

— Дом здесь¹⁴⁷⁾, и жена алдара тоже дома; этот счастливый дом почему не может оказать гостеприимство таким гостям, как вы. Сейчас дам знать жене алдара.

Пошла ахсин к служанке своей и наставила ее, как надо выйти к гостям и предложить им гостеприимство.

Служанка вышла в одежде ахсина, попросила гостей сойти с коней, заставила передать коней ахсин, чтобы она убрала их, сама пригласила двух алдаров в гостевую.

По какой бы причине не угостили хорошо гостей? После ужина гости позвали служанку и говорят ей:

— Время ложиться еще далеко теперь, если бы ты сделала так, что пошла бы и попросила у жены алдара, чтобы она впустила нас пока в свою комнату и мы развлечемся перед сном.

— Исполнить то, что вы желаете, считаю для себя долгом, и отправилась к ахсин.

— Нашим гостям захотелось посидеть около тебя, приведу их сейчас и поговори с ними. Таким образом, пригласила гостей ахсин к своей служанке.

Когда настало время спать, гости ушли в гостевую; постели для них были готовы.

— О, женщина,— говорит один из молодых алдаров,— мы поняли, что у тебя доброе сердце, и мы желаем тебе добра, говорю искренно, поверь нам. Путь наш был далек, и мы утомились. Если бы ты устроила нам одно дело, усталость наша прошла бы, и ты тоже была бы не без прибыли.

— Не понимаю,— сказала ахсин.

— Есть у нас полные четыре сумы золота, из них половину дали бы тебе, а другую половину жене алдара, если бы ты привела нас к единодушию с ахсин в эту ночь.

— Это что у вас за разговор такой, гормойнаги!¹⁴⁸⁾

Я ведь выросла на кусках (хлеба) алдара и ахсин, благодаря им, благословляя их, я живу. Как я осмелюсь сказать ахсин такое слово, ведь она меня этой же ночью выгонит из своего дома.

— Не умрешь ты с голода, все же мы дадим одну сумму золота.

— Пусть будет так, как вы говорите,— я сообщу ахсин. Сообщила слова гостей служанке.

— Не обижай их, пусть все золото будет твоим, я в золоте не нуждаюсь.

Служанка сначала не хотела, потом согласилась.

Гости всю ночь до утра в комнате алдара забавлялись со служанкой, под утро отрезали косу женщины, спрятали у себя и, радуясь, отправились обратно на своих конях.

Заключили в темницу алдара; жеребца его завистливый алдар заставил убрать у себя.

Когда узнала жена алдара, что гости отрезали косу служанки и взяли с собою, то испугалась и сказала про себя:

— Не напрасно взяли два гостя косу моей служанки; хозяин моей головы слишком долго отсутствует, не случилось ли с ним несчастья какого.

Вслед за этим надела она одежду отца своего мужа: светлую черкеску, футляры для газырей повисли сзади из-под мышек, волосы закрыла большой папахой, привесила с боку широкий кинжал, за спиной за пояс заткнула большеголовый пистолет. Села на коня своего хозяина¹⁴⁹⁾ и отправилась вслед за мужем.

Когда она достигла селения, то спрашивает:

— Кто влиятельнее и сильнее всех в том селении?

Указали ей одного пожилого человека.

Остановилась она в гостевой этого человека. Алдар спросил ее, кто она такая. Она называлась сыном отца своего мужа.

Старый алдар обрадовался:

— Ведь ты оказывается сын моего друга, благодарение богу, что у него остался такой сын, его счастье не ушло в могилу. Бог привел тебя в дом присяжного брата твоего отца; с этого дня смотри на мой дом, как на свой собственный дом.

Алдар спросил ее о хабарах (новостях), потом начал говорить гостю о новостях в их селении.

— С самого начала не было еще такого чуда: молодой алдар на своем жеребце опрокинул сто наездников, пришел первым на скачках. Другого разговора уж не было в нашей местности, кроме разговора о нем. Но под конец дела его пошло не хорошо.

Среди избранников народа начался разговор о женщинах:

— Кто не усомнится в своей жене?—говорили они—у кого окажется жена чистой? Алдар ошибся и сказал: „Я“. Теперь мужи совета взяли да послали двух молодых алдаров в дом отличившегося алдара, и жена его не оказалась безупречной: разделила она ложе с двумя алдарами, к тому же еще привезли ее косу отрезанной. Старался еще молодой человек оправдать себя, но ничего не вышло, заключили его в темницу и завтра в полдень его повесят; знаменитый же жеребец его останется алдару—устроителю скачек. Народ жалеет его, Жалко, когда умирает такое создание.

Тогда гость говорит:

— Присяжный брат моего отца, сильно заботит мое сердце этот человек после того, что ты рассказал. Кажется мне важным делом повидать такого совершенного человека.

— Нельзя ли его как-нибудь повидать?

— В этой местности кто вправе сделать то, чего не делаю я? Завтра пойдем к нему в такое время, когда нам захочется. Пусть-ка кто-нибудь преградит нам дорогу!

Утром напртились к темнице. Народ по улице движется беспрерывно; собирается к месту висилицы. Подошли к заключенному, приветствовали друг друга, посидели, поговорили.

— Всем хорошо,—сказал гость, но не нужно было тебе ошибаться: лошадь и женщина не заслуживают доверия¹⁵⁰), как ты этого никогда не слыхал, если даже сам не испытал их никогда.

— Табу благодати старшего¹⁵¹), но чиста у меня жена—сказал молодой человек.

Тогда уходят хозяин и гость от заключенного. Когда они отошли немногого, то гость говорит хозяину:

— Забыл я еще сказать что-то, подожди меня у двери, я тоже вернусь.

Вошла к заключенному. Как могло быть светло на сердце заключенного?

Гость говорит ему:

— В полдень тебя повесят, отделившись от живых. Рано еще умирать подобному тебе человеку, обладающему такими способностями, такою мощью. Жалею я тебя и потом смог бы и помочь тебе, если бы ты сделал для меня одно дело.

— Если бы я еще мог дела делать, то не сидел бы я здесь арестованным. Но все же, что это за дело?

— Сделай со мною то, чего добивается обыкновенно муж от жены.

— Нет у меня уж орудия, иначе не посмотрел бы, что ты гость, заставил бы отлететь твою голову.

— Смотри, не ошибайся: пусть один промах будет тебе наукой; промахнулся ты, при этом промахнулся жестоко. Сделай то, что я говорю тебе, и ты живым вернешься домой.

— Скорее убирайся отсюда—вот тебе мой ответ.

Гость вышел из места заключения и присоединился к своему хозяину и стали прохаживаться по улице.

Тем временем заключенного повели к виселице.

Гость опять подошел к нему с тем же предложением. Заключенный встряхивается и продолжает свой путь к виселице.

Привели его к виселице; палач готовит уже веревку, скамью, мешок.

Тогда говорит гость своему хозяину, чтобы он испросил для него право для слова у народа. Дали ему право на слово.

— Добрый народ! Прошу вашего снисхождения и дайте мне разрешение сказать два слова приведенному к виселице, немного продлите срок казни.

— Из уважения к гостю даем ему еще один час жизни—говори что хочешь.

Гость взобрался к виселице, стал рядом с алдаром и сказал ему, что и он хочет быть повешен вместе с ним.

— Избавлю тебя от смерти.

— Уберите его скорее отсюда, лучше смерть, чем слушать его слова; не задерживайтесь, вешайте!

Надели мешок на голову, веревку на нею, подставили под ноги скамейку. Палач ведет его к скамье.

Тогда гость говорит громким голосом:

— Никто не имеет права повесить этого!

Вы обвиняете его, что у него жена не чиста, что унесли у нее косу. Подождите-ка, а кто из вас знает наверняка, что это коса жены алдара? А если срезали чью-нибудь косу вместо косы жены алдара, тогда что?

— Сбросьте его оттуда,—сказал злосердечный алдар, устроивший скачки—яснее ясного, что у него жена легкого поведения.

— Я сын алдара тоже, мой отец был благороднее тебя, и пока не выяснится, чья это коса—жены алдара или чья-нибудь другой, не допущу повесить, пока жива во мне душа, этого знаменитого человека.

Народ замолчал вдруг, потом говорят: берем на себя грех, если без вины повесим такого выдающегося человека, и наши потомки тоже понесут ответственность за его невинную кровь. Пошли за его женой, чтобы она прибыла сюда.

— Больше мне ничего и не нужно—сказал гость,—выражаю вам благодарность; но знайте, что я жена этого человека, а это одеяние—одеяние моего хозяина (свекра)

И после этих слов сняла папаху с головы, сбросила черкеску; красоты же была она такой, что месяцы и солнца играли в ней (отражались в ней).

От крика народа разнеслось эхо по окрестностям:

— Снимите с головы алдара мешок и наденьте его на голову тех, кто строил козни. Скорее пусть взойдут к виселице виновные.

Злосердечного алдара и двух алдаров, отрезавших косу у служанки, повесили.

Алдар и жена его сели на своих коней и отправились живыми в свой дом.

До их прихода живите счастливыми.

— (Слышал ее в Ардоне от Дзуггоева Цаппо 4 ноября 1922 г.).

Священник и мулла.

В один день, когда небо было смутно, когда оно смотрело из-под нахмуренных бровей, едет Уастырджи¹⁵²) на своем хромом коне по дороге. Встретил священника, приветствовал его и спрашивает:

— Батюшка, ты вероучитель, человек ученый, скажи-ка мне—будет дождь или нет?

Священник посмотрел на состояние неба и дал ответ:

— Будет дождь.

— Ради бога, ради того христа, которому ты молишься, скажи мне правду—будет дождь или не будет?

Священник опять окинул взором края неба и опять говорит:

— Не обойдется без дождя.

— Если говоришь неправду, то превратись в осла.

Вслед за этим священник превратился в осла и заревел три раза.

Погнал его Уастырджи перед собой. Едет, едет, небо волнуется, и вот еще идет мулла.

— Да будет прям твой путь, мулла!

— Дело твое да будет правое, путник!

— Ефенди, будь благосклонен ко мне, скажи мне—будет дождь или нет?

Мулла сразу сказал:

— Будет.

— Ради твоей религии, скажи мне правду: будет дождь или не будет?

— Не может не пойти дождь—сказал опять мулла,

— Если сказал неправду, то превратись в ослицу.

Мулла превратился в ослицу.

Гонит перед собой Уастырджи осла и ослицу.

Едет и смотрит—из гор выходит один человек, держа под мышкой четыре мешка кожаных.

Да будет прямая твоя дорога—говорит ему Уастырджи.

— Дело твое будет прямо¹⁵³⁾, мое солнышко—говорит ему горец.

— Не скажешь ли мне, добрый человек: будет дождь или нет?

— На это, солнышко мое, я не дам тебе ответа: бог никогда не сообщал мне о своих намерениях.

— Ради бога, скажи мне: пойдет дождь или не пойдет?

— Да будет моя душа жертвой богу, но говорю тебе: о намерениях бога у меня нет никаких сведений, и я их не знаю. Только скажу тебе: бывает и так, что в солнечный день пойдет дождь, бывает, что и в дождливый день проглянет солнце. Для бога нет трудностей. Или будет дождь, или не будет дождя.

— Куда же ты держишь путь?

— На плоскость, может удастся где-нибудь раздобыть хлеба¹⁵⁴⁾—семья моя застигнута голодом.

— А что несешь под мышкой?

— Мешки кожаные.

— А сколько ты можешь принести пешком?

— Если где-нибудь найду наемных лошадей, ослов, тогда я не буду пеший; в противном случае возьму столько, сколько буду в состоянии нести на себе, чтобы не умереть с голоду.

— Послушай-ка меня: еду я в далекий путь, и эти ослы мне только потеха. Возьми их к себе домой, работай на них в течение года сам; потом, помимо себя, отдавай их еще и соседям тоже. Потом, по истечении года, доставь их сюда.

После этого бросил он в два мешка бедняка пшеничные зерна, и оба мешка стали полными пшеницей.

Нарубил у опушки леса палки с суками и устроил приспособление для навьючивания (ослов), положил их на спины ослов, и горец два мешка навьючил на них. Поблагодарил своего благодетеля, и затем каждый из них поехал своей дорогой:

Распевая песни, прибыл горец в свой дом.

Не жалея сил, начал работать,—днем он уж не присаживался и ночами не спал. Не уставали и жирные от праздности ослы. К концу года за ослицей уж бегал красивый маленький осленок с длинными ушами.

По прошествии года, к назначенному сроку, бедный горец явился к установленному месту с двумя ослами с осленком.

— Здравствуй!

— Живи хорошо!

— А что это еще за ними?

— А это надбавка: ослица ожеребилась.

— Так сделай еще так: еще один год проработай на них, выполни свои работы; мне еще не до них—некогда.

Горец и второй год проработал на них, потом за ослицей начал бегать второй осленок—самка.

К установленному сроку опять привел их в намеченное место. Уастырджи стоит там и говорит горцу дэигло¹⁵⁵):

— Две надбавки пусть будут тебе; иди в свой дом, вырасти их и работай на них.

После этого погнал ослов впереди себя и на том месте, где дорога проходит по зарослям, превратил осла обратно в священника.

— Что ты Уастырджи—я это узнал, но, да не простит тебе бог—слишком приналег на меня горный дэигло.

Когда прошли немного дальше, то и ослицу превратил обратно в того, кем была, и сказал ему мулла:

Узнал я, что ты красноглазый Уастырджи, но пусть не покажется богу хорошо: слишком много заставил меня работать горный дэигло.

За этим Уастырджи скрылся.

Саламов Илас, сын Уба, в день смерти Бидо Наскидаева, 6-го ноября 1922 года рассказал сказку—

Алдар Запада и алдар Востока.

У алдара Запада ожеребилась кобылица. Новорожденный жеребенок оказался авсург¹⁵⁶). Слух об авсурге стал распространяться.

страняться потихоньку—сначала по ближайшим селениям, потом распространился слух о жеребенке и по дальним местам.

Радовались авсургу как алдар запада, так и весь его народ. И как было им не радоваться: появилась у них надежда — через новорожденного авсурга они могут улучшить породу своих лошадей, авсург станет не редкостью в их стране.

Радость алдара и его народа была не продолжительна. Слух о новорожденном авсурге дошел и до алдара Востока. Алдар уж не мог успокоиться,—давно хотелось и ему иметь авсурга, но не мог нигде достать. Тогда послал послов к алдару Запада. Посланники пошли к нему и сказали:

— Алдар Востока послал нас к тебе.

— Зачем? спросил посланников алдар.

— На Востоке, во время пастьбы, жеребец нашего алдара заржал; ржание восточного жеребца дошло до ушей твоей кобылицы. Поэтому кобылица забеременела и ожеребилась авсургом.

Теперь наш алдар посыпает к тебе, что авсург должен принадлежать ему, так как он рожден от его жеребца. И просит он тебя по добру, как того требует приличие, без спора и ссоры, отправить его ему; иначе он приведет к тебе войска, возьмет и авсург, потом и на этом не оставит тебя, вследствие того, что ты не оказал уважения его слову.

Алдар сказал посланникам:

— Делаю вам табуавси¹⁵⁷⁾, попросите алдара, чтобы дал мне срок в несколько месяцев для того, чтобы привести ему жеребенка.

— Сообщим алдaru, попросим его, чтобы подождал до срока, до тех пор, пока ты сам не известишь его. И посланники попрощались с алдаром Запада и вернулись в свою страну.

Алдар Запада созвал свой народ и рассказал повод, по которому собрал его.

Совещались алдар и его народ. Установили, что алдар (Востока) хочет произвести над ними насилие, что он хочет отнять у них жеребенка.

— Ничего нельзя сделать, сказали мужи совета и алдар: что он обижает нас, это мы понимаем, но делать нечего; воевать мы не сможем—сильнее он, и войска у него больше. Но изберем мужей и пошлем, может быть, алдар Востока будет к нам снисходителен.

Никто не хотел идти посланником к алдару, долго переговаривались. Наконец, через силу удалось убедить трех мужей согласиться.

Посланники подготовились к путешествию, сели на своих коней и отправились к алдару Востока с просьбой. На сердце

было у них так, как будто их посылали в ад, потому что им не безызвестно было, насколько был жесток алдар Востока.

Едут, едут и прибыли к одному селению.

В этом месте, на перекрестке трех улиц, смотрят—и один мальчик собирает мусор, палочки, щепки и разводит из них костер, потом кричит во все стороны: „огонь, огонь! сюда, сюда, грейтесь!

Удивились посланники; необыкновенным делом показалось им то, что делал мальчик.

Когда подъехали к нему, остановили лошадей, и спрашивает его один из них:

— Что ты делаешь среди трех улиц? Ведь спалишь ты все селение!

— За селение не опасайтесь—сказал им мальчик, и опять закричал: „огонь, огонь! грейтесь“!

— Да ведь все горит сейчас от жары солнечной, так кому же нужен твой огонь?

— Огонь, огонь—кричит мальчик и снова собирает мусор и бросает в огонь.

— Что за диво может быть это? говорят друг другу посланные, сидя на своих конях. Не оказался бы он человеком не в своем уме, тогда спалит селение.

И опять спрашивают его.

— Отец у тебя есть?

— Есть!

— А где он?

— Сегодня на рассвете отправился искать ссоры.

— А мать?

— Мать моя пошла за покойником заимообразно.

— Может быть, брат есть у тебя?

— Есть у меня один брат, и он там за стеной дома на голом поле охотится.

Посмотрели друг на друга всадники, ничего не поняли из слов мальчика и отправились своей дорогой.

Мальчик опять стал кричать:

— Огонь! огонь! огонь!

Посланые проехали немного и стали говорить:

— Почему мальчик разводил костер—мы этого не поняли.

— Это ничего, но почему он кричал—„огонь, огонь“—вот это удивительно.

— А по моему, из его ответов мы не поняли ни одного: „отец ушел искать ссоры, мать пошла заимообразно за покойником, а брат на голом поле охотится. Поедемте обратно и узнаем, что это все значит.

Повернули обратно и спрашивают его:

— Каким образом твой отец пошел искать ссоры?

— Среди семи дорог есть у нас кусок земли—целины, и до рассвета он отправился вспахивать его. Простите, не могут ли проезжие не вредить пашне, расположенной среди семи дорог? Сколько бы ни проходило путников по семи дорогам—со всеми придется ссориться, потому что будут причинять ущерб его труду.

Посмотрели друг на друга посланные.

— А что ты разумеешь под проводами покойника зaimообразно?

— Умерь один парень, и моя мать пошла туда; если завтра умру я, то к моей матери тоже придут погоревать. Это заем, или как вы это назовете?

— На голом месте охотится брат твой—это как нужно понимать?

— Там, у стены дома снял рубаху и ищет в ней насекомых.

Посланые сошли с коней своих и рассказали, куда едут, из-за чего едут, что у них нет надежды ни на алдара Востока, ни на себя: вдруг они не справятся с задачей, вдруг он устроит им какую-нибудь каверзу—от этого они не защищены, ибо алдар большой каверзник.

— Молодой человек, может быть, ты что-нибудь сделаешь?

— Устроить дело я беру на себя,—пошлите к нему меня.

— Хорошо, поедем к алдару Запада назад и сообщим ему обстоятельства, чтобы вместо нас послал тебя.

Пожил некоторое время молодой человек в доме алдара Запада. Алдар присмотрелся к нему, не давал ему чувствовать нужду ни в чем, лелеял его, как лелеют дорого гостя.

Тогда в один день молодой человек заметил, как будто алдар чем-то озабочен, и спрашивает его:

— Прости, алдар, но кажется мне, как будто из-за чего-то опечален ты.

— Это правда—сказал алдар: алдару Востока я назначил срок, чтобы до истечения его он представил мне свободу относительно вопроса о новорожденном авсурге; теперь истекает, я же ничего не придумал, чтобы жеребенок остался. Боюсь нашествия его: тогда и жеребенок будет его, потом неизвестно еще, что он сделает со мною.

Охватила меня тревога.

— Из-за этого стоит беспокоиться! Беру на себя дело. Мне будет такая удача, что и жеребенок останется тебе, и алдар Востока не пройдет даже по краю твоей земли. Только пошли меня к нему.

— Никакого другого блага не стал бы я просить у бога: половину своего имущества отдал бы тебе, сказал алдар.

— Так я иду к алдару Востока послом. Но ты тоже сделай то, что я прошу для своего пути.

— Что бы ни сказал—все будет готово к какому скажешь времени—сказал алдар.

— Хорошо тогда. Найди мне одного большого верблюда и большого длиннобородого козла; потом дай мне сто всадников—вот все, что нужно мне для предстоящего пути.

Отправился юноша к алдара Востока. За ним сто всадников, верблюд и бородатый козел. Идут, идут; кто знает, сколько времени они шли?

Наконец, они приблизились к селению алдара Востока.

Юноша остановил всадников и говорит им:—около селения разделимся на две части. Половина из нас пронесется вскачь по улице селения; все собаки, что есть в селении, погонятся за нами; тогда другая ваша половина погонится за собаками, чтобы собаки оказались в середине. Смотрите, как только собаки очутятся в середине, начните их бить, чтобы ни одна из них не ушла живой. После остановитесь в гостевом помещении алдара. Что и говорить—жители разозлятся на вас, потребуют от вас об'яснения, но смотрите, чтобы никто не проговорился.

Как сговорились, так и сделали. Улица селения вдруг наполнилась топотом коней и лаем собак.

Все собаки селения неожиданно очутились в середине всадников. Всадники их истребили совершенно; сами, как ни в чем не бывало, остановились в гостевой алдара Востока.

Народ всполошился, собрался около гостевой, и поднялся шум и движение. Из жителей кто говорил: „убить их надо, отомстим им за собак наших“. А кто говорил: „если тронем их без ведома алдара, то ведь знаете его повадку, когда он разгневается.

Будьте уверены, что собаки наши были собаки, но огорчение наше из-за них не будет стоить внимания: он истребит половину жителей селения и спалит самое селение огнем. Вы знайте, что причинившие нам ущерб, отдались под его покровительство, (назвали себя его гостями)¹⁵⁸). Так как же? А надо нам выбрать людей и послать их к алдару.

Они растолкуют ему дело, и тогда будем знать, что нужно предпринять.

Выборные пошли к алдару, сообщили ему дело. Алдар сказал им:

— Идите и спросите их, почему они истребили собак всего селения, что они сделали им?

Вошли к гостям и спрашивают. Из гостей никто ничего не говорит. Выборные посмотрели друг на друга. Тогда юноша начал говорить и понес, и понес, и такое им наговорил, что к делу даже близко не подошли.

Выборные ждали об'яснения, потом пошли к алдару и рассказали ему:

— Гостей—один юноша и сто мужчин. Спрашивали их, но из ста мужчин никто не проронил ни одного слова, стояли, как окаменелые. Но юноша, будь он проклят, от земли его не видать почти,—начал говорит, и, пойди ты, куда только не дошел он.

Ждали ответа, но нигде и ничего.

— Идите и скажите им: пусть ответ держит человек, у которого большое туловище и маленькая голова¹⁵⁹⁾.

На это юноша заставил привести верблюда и сказал:

— У кого окажется такое большое туловище? потом такой маленькой головы не найдете ни у одного человека в целом мире. Но сомнительно, чтобы он дал вам ответ соответственно своему туловищу.

Алдар почесал голову, когда передали ему ответ юноши.

— Скажите им, чтобы ответ держал бородатый человек¹⁶⁰⁾.

Тогда юноша заставил привести к выборным козла.

— Поверьте, вы нигде ни у кого не найдете такой большой и красивой бороды, как у этого козла, даже если будете искать целый год. Но полагаю, что не особенно вы станете требовать от него ответа.

Сообщили опять выборные мужи ответ юноши алдару Востока. Покачал алдар головой и сказал: „не с простыми гостями я связался. Пойду к ним сам“.

Поздоровался алдар с гостями, сел на том месте, где ему подобало, потом спрашивает:

— Почему вы истребили собак целого селения?

Сто человек стоят молча, юноша взял слово себе:

— А как же нам было поступить, пожалуйста, алдар? Видишь нас, столько нас вышло на охоту, в одном месте приблизились к одному лесу с западной стороны. Смотрим, у опушки, при заходе солнца, сто оленей пасутся в высокой пояс траве—олени, все головастые олени. Приготовились, каждый прицелился уж к одному оленю, и уже готовы были свалить их, как залаяли собаки вашего селения; олени испугались и моментально скрылись с глаз. Чтобы сделал ты, алдар, на нашем месте? Не следовало разве истребить их, лишивших нас такой добычи?

Алдар подумал немного, потом сказал:

— Пусть будет и так; нашли вы сто оленей у опушки леса, где-то далеко, на западе, но я спрошу вас—как мог быть слышен лай собак на таком расстоянии, когда верховой в течение недели пе доедет до того места?

— Алдар, по этому поводу я расскажу тебе маленькую историю, если удостоишь высушать меня—сказал юноша.

— Слушаю тебя, начни говорить, дорогой гость,—ответил ему алдар.

— Где-то далеко, на одном краю неба (горизонта), со стороны запада родила плохого жеребенка кобылица алдара. Весть об этом дошла до другого алдара; а он жил на другом конце горизонта, со стороны Востока. Второй алдар предъявил свои права на жеребенка и рассказать бы тебе, на каком основании он предъявил свои права! Взял да послал к алдару—хозяину жеребенка: „Жеребец мой заржал на берегу моря, на востоке; твоя кобылица услыхала на западе это ржание и ожеребилась. Так как жеребенок от моего жеребца, то он принадлежит мне, и скорее доставь его ко мне.

— Теперь, алдар, осмеливаюсь спросить тебя: если последняя история заслуживает доверия, то почему не заслуживает доверия первая история? Или полагаешь, что лай собак целого селения не может быть так громок, как ржание одного жеребца?

— Алдару стало неловко.

Потом, помолчав, сказал:

— Единственную дочь лелеял я вот уж сколько лет, но не нашел до сих пор по сердцу моему молодого человека. Но надеюсь, что ты мне сгодишься в родни. Единственную дочь мою предназначаю тебе. Алдару Запада тоже пусть останется его жеребенок.

Юноша взял дочь алдара Востока и сел на наследстве алдара. Алдар Запада устроил свадьбу, и народ в веселии пировал.

Р. С. Кто-то из слушателей заметил: „В древности длинное тулование и маленькая голова были в почете. Слово „большеголовый“ было бранное слово.

9-го ноября 1922 года. Ардон. Рамонов Гаспо.

Вор грузин и вор осетин.

Раз грузин пришел в гости к своему присяжному (другу)—осетину. Давно не видели они друг друга. Радости и ласкам их не было конца. Когда успокоились, то осетин спрашивает грузина:

— Видеть тебя мне так-же приятно, как видеть солнце, но, может быть, ты пришел из-за дела какого-нибудь?

— Не ошибаешься—сказал грузин,— до сих пор прожил правдой, кроме своих трудов, никогда не воспользовался чужим, не вынул изо рта овцы былинки¹⁶¹). Теперь я пристрастился к воровству; работа стала мне ненавистна. Научи меня воровать: кроме воровства сердце ни к чему не лежит.

— Другие хорошие дела трудны, но воровать, жил бы ты, научим.

Сколько времени прошло—кто знает? Но в один день отправились побродить. Смотрят—дровосек едет на паре волов—везет дрова, сидя на возу и, посвистывая.

Грузин говорит: „вот бы нам иметь эту пару волов“!

— Что ты даром говоришь! На дровах сидит лихой человек, подобный оленю¹⁶²⁾; бойко идут его волы; дровосек только на них смотрит и погоняет их, больше ничем не занят,— разве они могут достаться в руки? Превратись в черта — все равно ничего не сделаешь.

— Посмотрим, сказал грузин—вор и по краю дороги, по бурьяну обогнал дровосека, снял один чувяк и бросил его на дорогу, а сам продолжал бежать в стороне от дороги, и пробежал несколько, как опять снял чувяк и бросил на середину дороги.

Дровосек, погоняя волов, смотрит вперед и с своего воза наблюдает за дорогой.

Тем временем он подъехал к первому чувяку.

Говорит человек про себя: „один чувяк не стоит того, чтобы из-за него стоило слезать с воза—и продолжает свой путь дальше.

Когда доехал до второго чувяка, он остановил волов, слез с воза, поднял чувяк и идет за другим.

Вор—грузин выпряг волов и укрыл их возле дороги.

Поднял человек два чувяка и с ними, без дров и без волов пришел домой—где уж ему было найти волов!

Подивился вору—грузину осетин—вор и сказал:

— Друг мой, судя по твоим приемам, тебя долго не нужно будет обучать воровству.

Сидят и опять окидывают взором окрестность с высоты. В то время мимо лесной опушки по дороге идет человек, ведя за собою козу, накинув ей на шею веревку, за козой бежит козленок.

И говорит опять грузин осетину:

— Я должен обязательно уворовать козу и козленка у этого человека.

— Как это может быть?—сказал осетин—на шее козы веревка, за веревку держится человек руками.

— Посмотрим—сказал грузин—и опять скрылся. Определил человека в зарослях и засел в удобном месте и поджидает человека. Недолго сидел—скоро подошел к нему человек с козой.

Грузин из-за прикрытия поднес козленку веточки кустарника. Как только козленок повернулся к веткам, да будет с базарным товаром твоего недруга то-же самое, грузин схва-

тил козленка, заткнул ему рот пучком травы, чтобы не кричал, связал ему ноги стеблем хмеля, бросил его в кусты, а сам по зарослям побежал вдоль дороги.

Когда человек прошел некоторое расстояние, то коза заблеяла своему козленку. Человек посмотрел назад — нет козленка. Воткнул свою палку в землю, привязал к ней козу, сам, говоря — «куда он запропастился» — побежал по дороге.

Грузин — вор этого и дожидался. Схватил козу и запрятал глубоко в зарослях.

Человек не нашел козленка, лишился и козы.

— На сегодня будет довольно — сказал грузин.

— Ничего себе справляешься с делом, сказал осетин, — если беспрепятственно будет итти дело так, как-нибудь будем жить. потом мне и не придется учить тебя.

Вор осетин жил в селении алдара; по середине селения протекала река, через реку в одном месте мост. Алдар был большой богач. Из двух его башен в одной была куча золота насыпана, в другой — серебра. Два приятеля знали это, но достоверно не знали, в которой было золото.

В один день грузин говорит опять осетину:

— Мой друг, воспользуемся золотом алдара.

— Лучше бы ты не заговорил об этом: человеку, похожему на человека, не следует и говорить о несбыточном деле.

— А почему бы не состояться делу? спросил грузин.

— С одной стороны в башни алдара даже птица не может залететь, с другой — неизвестно, в которой башне находится куча золота.

— Это все пока оставь, но послушай меня со вниманием. Пойдем и присвоим себе оба берега реки. Направимся в сторону моста и начнем между собою ссориться и браниться, угрожать друг другу. Когда встретимся на мосту, бросимся друг на друга и начнем колотить друг друга, пересчитаем друг другу ребра. Люди бросятся разнимать нас, станут спрашивать, из-за чего ссора.

И тогда ты скажи: «этот грузинский осел утверждает, что золото алдара находится в верхней башне», — таким путем обнаружится местонахождение золота.

Как сказал грузин, так и сделали. Один с одной стороны реки, другой — с другой стороны пошли, угрожая друг другу и, встретившись на мосту, стали колотить друг друга. Проходившие по мосту окружили их и стали разнимать, стыдить.

— Как же! и осел может лопнуть от досады на этого грузинского ешака! Я ему говорю, что золото алдара находится в верхней башне, а он мне — нет, в нижней башне.

— Из-за того, чтобы узнать, где находится чужое добро, вам не следовало, друзья, так обижать друг друга,—сказали разнимавшие их, потом указали им, в какой башне хранится золотая куча алдара.

Не долго думая, два приятеля, узнав, что им было нужно, весело пришли домой.

Около селения были густые заросли, укрытые места. Оттуда два приятеля начали подкоп. Когда подкоп довели до основания башни, то ночью вынесли оттуда столько (золота), сколько мог вынести один человек.

Алдар—человек жадный, любивший богатство—каждый день осматривал все свои богатства. В одно утро ему показалось, как будто золотая куча опустилась. Позвал старших людей и спрашивает их:

— Может ли опускаться золотая куча?

— Может опускаться—сказали старые—потому, что золото имеет большую тяжесть.

Послали к Кулбадаг женщине спросить.

Кулбадаг женщина сказала: „не опустилась куча золота, но кто-то уворовал из золота алдара. Налей клей без воды в башне, и тогда будет видно, что я говорю правду.

Алдар так и сделал: он налил клею без воды на том месте, где была куча золота.

Вышли два приятеля за золотом к башне алдара. Осетин стоит у входа и караулит; грузин вошел во внутрь и по пояс завяз в клее без воды. Пытался он еще вылезть, но чем больше он вертелся, тем сильнее увязал в клее.

Когда долго не выходил вор—грузин, то его приятель подошел к нему близко и говорит ему:

— Что с тобой, почему так долго не показываешься?

— Здесь-то я, здесь, но больше я не владею своими конечностями, не уйти мне уж отсюда. Но ради бога, ради отца и матери твоей, отруби мне голову и спрячь ее где-нибудь.

— Умру и то не сделаю этого. Другу присяжному я чтобы собственной рукой голову отрубил? И бог осудит это, и сам я не позволю себе сделать этого.

— Не утешай меня слезами; если до утра останется голова на мне, то разве я не знаю, что сделает со мною алдар? Не будешь ты мне другом, если не исполнишь то, что я говорю.

Поневоле, со слезами, отрубил осетин голову своего друга, вынес ее в ту же ночь и спрятал у себя в погребе.

Утром разнеслось по селению—у алдара покрал золото человек без головы.

Тогда Кулбадаг женщина сказала:

— У вора была голова, но кто-то отрубил ее. Алдар, заставь вынести человека без головы на то место, где соединяются семь дорог и приставь к нему охрану и дай ей наказ—чтобы они задержали того, кто начнет горевать о покойнике, жалеть его. Должно тебе знать, что взвывший голову его, не оставит и туловища его, он явится за ним.

Отрыли покойника, положили его на месте соединения семи дорог и караулят его.

Осетин—вор услыхал весть о своем друге. Заставил подготовить пищу и напитки, навьючил их на осла, прикрыл куском войлока. Осленка привязал в погребе и наказал матери: „В какое бы время не вернулась ослица, сейчас же убери ее в погреб около осленка и запри за ними дверь.

С этим вор отправился из дома.

Свечерело, когда он достиг места, где соединяются семь дорог.

— Добрый вечер — говорит он охраняющим покойника.

— Да будет прямая твоя дорога—дали ему ответ караулившие человека без головы.

— Что вы делаете здесь?

— Вот караулим того, кто поворовал золото алдара.

— Еще хуже нужно было поступить с этим богом проклятым. Посмотрите, он воровал золото нашего алдара.

— А ты куда направляешься?

— Вот несу поминальное¹⁶³⁾ для покойников. Хорошо было бы, если бы помянули покойника¹⁶⁴⁾. Выпейте по чашке, и там, куда несу это, будет то же самое.

Почему было караульщикам не выпить за упокой души покойника? Начал цедить из бурдюков араку, пиво и просить караульщиков; те стали пить, есть.

Тем временем стало поздно.

— Теперь иду, несу поминальное.

Куда ты теперь пойдешь в такую темную ночь?

Оставайся здесь, утром отправишься.

— Боюсь я.

— А чего боишься?

— Уворует мою ослицу человек без головы, и тогда чем я буду содержать свой дом?

— Не бойся, от нас ворон кости не унесет¹⁶⁵⁾. Если же с ней что случится, мы отвечаем головами.

Ночью он остался там. Укрылся он буркой и захрапел—дескать заснул крепко.

В одно время он скинул бурку и осмотрелся во все стороны. Караулившие человека без головы, после выпитого, спали мертвым сном.

Человек вскочил, положил на ослицу человека без головы и нанес несколько ударов ослице. Ослица сдвинулась и тою же ночью с ревом очутилась у дверей своего дома. Мать вора выбежала и ввела ее в погреб.

Караульщики утром проснулись. Смотрят — ни покойника, ни ослицы нет. Хозяин ослицы спит с храпением. Укрыт он буркой своей. Нет у них охоты разбудить его.

Проснулся он тоже и закручинился, когда не оказалось там его ослицы.

— Разорили вы меня, пусть будут разрушены ваши дома¹⁶⁶). Не говорил-ли я вам, что бедовый человек без головы украдет мою ослицу? Почему вы задержали меня, ведь я не хотел оставаться?

Не успокаивается человек и нет. И в караульщиков тоже как могла не поселиться забота? Стали бегать туда — сюда.

Вор накинул на себя бурку и отправился домой.

Разнеслась весть по всему селению. Люди говорили:

— Человек без головы вначале украл золото алдара, теперь же украл ослицу, и неизвестно, куда он девался.

Алдар пригласил Кулбадаг женщину и сказал ей:

— Ты все говорила, что не человек без головы уворовал мое золото. Смотри-ка, теперь он уворовал и ослицу.

Конечно, ничего не уворовал человек без головы, но случилось так, как я тебе говорила: тот, кто отрезал ему голову, спрятал и туловище его.

— А каким способом его можно найти?

— Есть у тебя два верблюда. Выгони их ночью поздно, и чей двор унавозят — тот есть твой вор.

При наступлении поздней ночи, алдар погнал со двора двух верблюдов. Верблюды скоро же пришли во двор вора и унавозили его. Молодой человек вышел во двор и когда увидел поведение верблюдов, то схватил гибкую хворостину и погнал их впереди себя.

Загоняет двух верблюдов то в один, то в другой двор и таким образом прогнал их по нескольким улицам. Верблюды в каждом дворе оставляли след в виде помета; потом погнал их и загнал в свой погреб.

Когда настало утро, то алдар послал людей, чтобы они выявили виновного. Заходят по следам верблюдов в один двор, а там помет верблюжий; заходят в другой — там тоже самое. Таким образом, посетили много дворов, и в каждом — след двух верблюдов и свежий помет их.

Посланные вернулись к алдару и рассказали, что они выполнили волю алдара, потом — что они обнаружили во дворах.

Разгневался алдар. Призвал Кулбадаг женщину и говорит ей:

— Сделала ты из головы моей посмешище. Не довольно было мне ущерба, который потерпел я до этого, еще и два верблюда моих достались кому-то, и это из-за тебя. Я должен непременно вымстить зло на тебе: надо тебя убить.

— Алдар, алдар — де-зад, де-зад, да фарныстан¹⁶⁷! Не поспеши, я не думаю никуда убегать из этой страны. Скажу тебе еще одно: много ущерба понесла голова твоя, но я верю — последний раз испытай то, что я тебе скажу. Если из этого тоже ничего не выйдет, то ведь я в твоей власти!

— Что еще хочешь сказать?

— Вора надо найти непременно. Пошли ты свою дочь на то место, где соединяются семь дорог. Сто всадников пошли для ее охраны. Дай дочери булатные ножницы. Алдар, тот, кто причинил тебе все это, появится и к дочери твоей на место соединения семи дорог. И дай наказ дочери своей, чтобы незаметно она отрезала вору бороду с правой стороны. Даю тебе слово, что тому, кого ты ищешь, в таком случае не удастся укрыться.

Снарядил алдар единственную дочь свою, дал ей булатные ножницы; обяснил ей, что нужно сделать ножницами. Сто отборных всадников послал с девушкой. Дочь алдара и сто всадников остановились на том месте, где соединяются семь дорог.

Когда настал вечер, то поднялась такая буря, что сто всадников не знали, куда им деваться. Так как все испугались, думая, что погибнут, то каждый постарался сохранить лишь свою голову — все попрятались.

Вор — осетин вышел и очень скоро нашел дочь алдара. Сколько времени они пробыли вместе — кто знает? но вор на одно мгновение закрыл глаза. Дочь алдара выхватила булатные ножницы и отрезала с правой стороны бороду вора.

Еще до рассвета вор проснулся и отправился в дом свой. Какое расстояние прошел — кто знает? и он тронул руками бороду.

Пропал ведь я совершенно, — нет на мне половины бороды моей. Что она сделала со мной, что!

Но пусть не буду я носить имени мужчины, если я не придумаю какого-либо средства замести следы свои.

Повернул обратно к дочери алдара.

— Не сказал я тебе доброй ночи и потому я вернулся к тебе, потом, полагаю, еще не скоро наступит утро.

Задержался опять с дочерью алдара. Девица заснула. Вору ничего лучшего и не нужно было.

Вытащил он из-под ее изголовья булатные ножницы. Обошел он сонных всадников и у всех отстриг бороды с правой стороны. Затем он тихо-спокойно пришел домой с булатными ножницами.

Алдар не в силах был сдерживать свой гнев.

— И имущество мое уворовано, и голова моя попала в есславное положение. Если столько народу произошло над моей единственной дочерью, то будет ей! Горе тебе, Кулбадаг женщина! И бедствиям, и бесчестию, испытанным мною, сей ело обязан я тебе. Ты мне это сделала, ты!

И призвал к себе Кулбадаг женщину.

— Ничем себя уж не оправдаешь—убью тебя.

— Алдар, алдар, де-зад, де-зад, да фарныстан! Правильно ты сказал: я себя не оправдаю уже, да и оправдывать не стану. Но срошу тебя—если ты убьешь меня, то какая польза будет тебе от этого?

— Пройдет злоба моя.

— Алдар, понапрасну возьмешь грех на себя, тебе следует позаботиться о душе. Лучше сделай так: отдай свою дочь тому, у кого оказалось столько ловкости, находчивости, столько мужества. Он будет годиться тебе, как зять.

Не стал возражать алдар. Дал он повеление:

— Пусть явится к алдару тот, кто смог сделать ему столько неприятностей, и алдар выдаст за него свою дочь.

Вор появился. Алдар устроил свадьбу и отдал ей свою дочь. Вор смирился, стыдится уж воровать, безобразничать, и теперь еще живут в полном согласии с дочерью алдара.

(Слышал от Ревазова Бидэиго 27 ноября 1922 года в селении Ардон).

Правда никогда не пропадает.

Аларды¹⁶⁸) доводил до гибели население одного государства. Хлеба населения он вытаптывал каждую ночь и кормил ими своего коня.

Царь сообщил всему народу: „Кто подстережет вредителя, кто изловит его, кто избавит государство от бедствия, тому царь отдаст в жены свою единственную дочь.“

Много народу подстерегало Аларды, но никто не изловился: засыпали стерегущие.

У одного молодого человека — жениха был присяжный друг—калмык, человек пожилой. Молодой человек рассказал калмыку про Аларды: тогда калмык говорит:

— От меня бы, наверно, не ушел ваш Аларды,—я бы словил его своим арканом; но мне уж ни на что не нужна дочь царя—слишком я стар.

Но, мой друг, сделаем так, что Аларды словлю я, но чтобы это приписали тебе. Тогда дочь царя будет твоя, мой друг!

Калмык и его приятель караулят хлеба.

В одно время, ночью, появился Аларды верхом на коне, и конь его не столько ел, сколько топтал, уничтожал хлеба.

Калмык кинул аркан, и аркан поймал Аларды и его коня. Молодой человек привел его к царю. Царь заключил его в тюрьму и запер его за тремя дверями.

Молодому человеку за поимку Аларды отдал свою дочь.

Сидит Аларды в тюрьме, что-же ему было делать иначе.

У царя был сын.— Играл он в мяча близко от тюрьмы. Во время игры мяч его попал в тюрьму. Мальчик подбежал к двери тюрьмы и упрашивает сторожа:

— Открой мне дверь, я возьму свой мяч.

— Не имею права, убежит заключенный, тогда пропадет моя голова.

— Не бойся, сколько скажешь, столько дам тебе золота.

Страж позарился на золото и открыл дверь. Ищут мяч, но нигде и ничего.

— Открой другую дверь, говорит мальчик.

— Нельзя ее открыть,— заключенный уйдет.

— Еще прибавлю к твоему золоту.

Открыли и вторую дверь, но мяча там нет.

— Открой и третью дверь,— дам тебе еще золотых денег.

— Хорошо, сказал страж, но если он будет убегать, тогда запирай дверь.

Открыл третью дверь страж. Аларды выскользнул и когда добежал до первой двери, то говорит мальчику:

— Если когда-либо понадобится тебе моя помощь, то помяни мое имя, и я являюсь к тебе.

С этим Аларды улетел на небо. Начали судить стража и царского сына.

— Смерти их я не хочу, хотя им следует умереть.

Но возьмите и отвезите их в дремучий лес, завяжите глаза их и руки скрутите назад и в таком виде оставьте в лесу.

— Как бы не исполнили приговор царя? Отвезли их в лес и оставили там со связанными глазами и руками.

Человек создан для того, чтобы изобретать. Страж и царский сын кое-как освободили друг другу руки, развязали глазные повязки.

Озираются кругом себя— со всех сторон мрачный лес, дороги нет. Томятся от отсутствия пищи и жажды. Тем временем в одном месте оказалась вода, в яме; одному напиться нет возможности. Один должен держать другого за ноги и спустить его к воде и таким образом мог он утолить жажду. Сын царя держит стража за ноги, и таким образом, тот напился воды. Спустил царского сына и страж тоже. Напился он воды, но вверх не вытаскивает его страж.

— Дал мне слово, что не будешь ставить себя выше меня и тогда вытащу тебя, иначе пущу тебя, чтобы ты погиб. Подобные вам ставят себя выше нас, простых воинов, брезгают нами.

Дал честное слово царский сын в том, что он никогда не поставит себя выше его.

Вытащил страж царского сына за обе ноги. Идут и вышли из лесу. Под конец они прибыли в какое-то незнакомое царство. Пришли они туда, где жил царь. Ходят по улицам, напрашиваются в надежде, что кто-нибудь найдет их.

Бог их привел к самому царю. Нанялись к нему в работники. Стражи сделали конюхом, царского же сына взяли в дом в качестве прислужника.

Работают оба: страж — в военной конюшне, а царский сын в доме царя. Понравился он семье царя, особенно его дочери. И, надо сказать правду, мальчик был таков, что его можно было полюбить: не было ему подобного и по внешности, и по способностям.

Позавидовал ему его товарищ — конюх и начал обдумывать, какое бы зло причинить ему.

И в одну ночь были украдены домашние вещи. Люди стали волноваться, искать, разведывать о воре. Тогда по секрету спрашивают конюха:

— Мальчик, прислуживающий в доме царя, может что-нибудь украсть? По наружности он не похож на вора. Но ты его товарищ и лучше должен знать его.

— Говорю вам определенно — мой товарищ и есть вор. Вы не судите о нем по его наружности: в тихом омуте чорт сидит. Потом, он не такой, чтобы ограничился одной этой кражей.

Я думаю, что он посягнет и на вас самих.

Работают опять свою работу, в доме царя каждый живет своею жизнью. Но в одно время опять обнаружилось: кто-то украл часть одежды царской семьи. Распрашивали опять, много толковали, но вора опять не обнаружили. Напоследок опять спрашивают конюха.

— Напрасно вы далеко ищете: вор у вас свой — домашний вор. Знаете, что за одеждами вашими пришли не издалека, но тот, который до этого украл домашние вещи, есть и теперь ваш вор.

Сомневались все же в семье царя: «может быть не он — жалко будет его. Переждем еще.»

Тем временем из дома царя пропали золотые и серебряные вещи.

Ведь говорил я вам до этого, что мой товарищ большой вор, что он не оставит вас на таких мелких кражах, но посягнет и на ваши головы.

Тогда царь приказал, чтобы вора отослали в поле и поручили ему (стеречь) одного паршивого жеребенка.

Мальчика отправили в поле и из целого табуна ему поручили одного паршивого жеребенка.

Много-ли прошло, мало-ли кто знает? но в одно время царь дал распоряжение, чтобы ему показали все его имущество, весь распорядок его хозяйства.

Много скота было у царя: не было числа его птице, стадам овец, стадам рагатого скота и табунам конским.

Обходит со своими приближенными царь. Делает указания своим рабочим, как надо содержать каждую породу животных. Кого он побранит, кого похвалит из людей, приставленных к стадам.

Под конец прибыл к охраняющим конские табуны, обошел табуны. Вспомнил он тогда про мальчика и паршивого жеребенка.

— Что стало с мальчиком, которому поручили паршивого жеребенка?

— Временами поднимается его дым из средины стены, но что он делает, как препровождает свою жизнь—об этом ничего не знает—отвечали табунщики.

И направил царь свой возок к жилищу мальчика.

Мальчик вышел к царю и приветствовал его.

— Покажи-ка нам своего паршивого жеребенка, мы посмотрим на него—сказал царь.

Мальчик вырыл землянку, и там он жил с своим жеребенком, делясь с ним куском своей корки хлеба.

Вывел жеребенка. Паршивого жеребенка не узнали ни царь, ни его табунщики. И это было не удивительно. Жеребенок превратился в коня; шерсть на нем блестела, как шерсть бобра. И царь, и табунщики дивились, как это мальчик паршивого жеребенка превратил в коня.

Царь отправился; мальчик привязал жеребенка и пошел за царем некоторое расстояние, как полагается по обычая.

Вернулся обратно и смотрит: пока он провожал царя и возвращался обратно, кто-то убил жеребенка.

Неприятно стало мальчику; побежал за царем, нагнал его и говорит ему:

— К моему возвращению жеребенок пал: кто-то заколол его острым оружием.

— Не поверь ему, царь—сказал конюх—товарищ мальчика—убийца коня он сам: он увидел, что конь понравился тебе, и, чтобы он не попал в твои руки, он его убил. И то что еще! если он будет жив, то и на этом не оставит тебя.

Тогда царь кинул мальчика в далекую местность, в самое худшее в государстве место.

Бедственные дни проводил мальчик в далекой местности, мучился; испытывали всякое зло его тело и душа. Сокрушилась и дочь царя от того, что давно не видела мальчика.

К дочери царя прибыл свататься какой-то другой царь.

— Удостой меня руки своей дочери по обычаяу—по добру.

Сколько скажешь, столько уплачу тебе скота, окажу тебе почести. Если же по добру не отдашь ее мне, то сообщаю тебе: начну против тебя войну, разгромлю твое войско, и тогда и дочь твоя будет моею, и сам ты с семьей и со всем твоим царством.

Не дали положительного ответа царь и его семья жениху. Не понравилась угроза царю и его семье.

— Не желательно нам, девица не соглашается итти за тебя. Что же касается войны, то тут можно гадать на-двоем: на чьей стороне будет бог—это еще неизвестно.

Установил срок жених и сказал:

— Буду ждать до дня срока, может быть, ты одумаешься, дочь твоя тоже может согласиться. В таком случае сообщи мне. Но если этого не будет, то готовься к войне—мои войска покажутся на границах твоих владений.

Остались при своем решении царь и его семья, хотя стали чувствовать страх. Поручили они себя богу, никакого извещения не посыпают жениху.

Тот больше озлобляется, кипит и готовится к войне.

В одно время дочь говорит отцу:

— Что ты стал на военную ногу—это ясно теперь, и если не поможет нам бог, то враг победит нас, завладеет он и семьей, и царством твоим.

Много народу сидит в заключении, многие находятся в ссылке. Все равно—пропадать, так пропадать. Освободи их, может быть, они окажут тебе помощь какую-нибудь.

Царь послушался совета дочери. Послал каждому из заключенных воинов что следовало—денегами и пищей. Открылись двери тюрем, и каждый с радостью возвращается в свой дом. Молодой человек тоже взял, что ему полагалось. Его товарищей было несколько человек. За кем нужен был присмотр, за тем он присматривал и оказывал помощь тем, кто в этой помощи нуждался.

Вернулся он к царю, присел он на дороге со стоном. Заболел он, и устроил ему постель в конюшне, в яслях.

Не спокоен был царь. Истекает срок начала войны.

Об'явил он народу, чтобы каждый, способный носить оружие, был готов к войне ко дню срока.

Подошли вражеские войска к границам царства—как встал мальчик (юноша) из яслей и вышел за селение к зарослям. Здесь он говорит:

— Аларды, табу тебе, но никогда так уж не буду нуждаться в твоей помощи, как теперь!

Аларды стал перед ним.

— В чем могу тебе пригодиться—не жалей меня, мой спаситель, я здесь к твоим услугам!

— Начал войну соседний царь с нашим царем, войска его уже подошли к границам нашей земли, и если не будет от тебя помощи, то они разгромят нас, отнимут наше царство.—Потом он себе возьмет помимо ее воли, девицу, которую я люблю больше жизни. Надеюсь на тебя, помоги мне!

— Пойдем пока ко мне в небеса—сказал Аларды—я познакомлю тебя с моей матерью. Только не позабудь наказ, который я дам тебе.

Поставит перед тобою фынг моя мать, будет рада тебе, но ни куска не бери в рот свой, пока я не скажу тебе.

Запомнил юноша слова Аларды. Моментально они очутились на небе, в жилище матери Аларды.

— Нана! вот мой спаситель, благодаря ему, я избавился от смерти.

Нана стала его ласкать и радоваться ему, от избытка радости то проглатывала его, то выбрасывала обратно. Как было не соорудить угощение матери Аларды? Всякое угощение, всякие напитки и кушанья были на фынге.

Но гость ничего не подносит ко рту: ни пищи, ни питья.

Тогда нана обратилась к нему и говорит:

— Покушай, пожалуйста, спаситель моего единственного, в подарок будет тебе то, что просишь.

Не притрагивается юноша ни к чему на этом полном фынге.

— Покушай, солнышко нана, покушай! Присмотрись к дому нашему, и вещь, которая больше всех понравится тебе, будет тебе подарком от меня.

Не притрагивается юноша и теперь к обильному фынгу.

— В таком случае пусть нана будет жертвою за тебя, поешь; а потом в этом доме у тебя пусть будут такие же права, как права моего сына.

Аларды посмотрел на гостя, и он стал кушать.

Как было не поесть хорошенько гостю в доме Аларды?

Поблагодарил он хозяйку—мать Аларды и встал из-за фынга.

Тогда Аларды вывел его из комнаты и ввел в одну кладовую. В кладовой было всевозможное оружие.

Из оружия Аларды дает ему один цирый¹⁶⁹), но юноша не может даже его поднять.

Аларды из большого чана зачерпнул ковшем напиток и подал его гостю. Отпил он немного из ковша — и смог сдвинуть цирк. Выпил ковш до половины — стал поднимать цирк. Осушил совсем ковш — и начал легко играть им.

Оттуда повел его к своей конюшне. В конюшне три лошади: гнедая лошадь, вороная и белая. В час нужды кого ты из них позовешь, — сказал Аларды, — тот предстанет перед тобою в полном снаряжении, и тогда действуй, сколько хватит сил. Из этих лошадей любой будет сделано в четверо больше, чем тобой.

При содействии Аларды юноша очутился опять на земле и опять лег у себя в яслях.

Войска царя его тоже приготовились к войне. Выстроились они на том месте, где им следовало; приготовились к бою. Тогда юноша вышел за селение и говорит:

— Красного Аларды гнедая лошадь, где ты?

Гнедая лошадь с военным снаряжением стала перед ним. Надел на себя оружие (юноша) и вскочил в седло.

— Битва разгорается.

Начинает истреблять юноша войска врага; куда поворачивается конь его, там образуются улицы среди войска. Сколько удавалось ему самому — коню удавалось четыре раза больше. Не смогли устоять против юноши; остатки вражеских войск обратились в бегство.

Юноша сошел с гнедого коня, снял с себя вооружение, привязал их к седлу, и гнедой конь поднялся на небо; юноша же вернулся в свои ясли.

Вернулись войска царя, не потеряв ни одного человека. Юноша сел в постели своей и спрашивает воинов:

— Какие новости есть? расскажите и мне что-нибудь.

— Дурной, а тебе для чего новости? сиди в своих яслях — вот тебе новости!

Был недельный срок до сражения — тогда опять должно было начаться сражение. К этому сроку противники опять должны были приготовиться людьми и снаряжением.

К сроку войска врага в большом количестве и лучше снаряженные опять подошли к границам царства. Войска царя тоже вышли и стали против врага. Когда приступили было к битве, вдруг посередине их появился черный всадник.

Войска врага закричали:

— Не бойтесь больше, вот между нами появился ангел на вороном коне. В первом снаряжении он был на их стороне, теперь же будет на нашей стороне черный всадник, и, благодаря ему, победим.

Начали битву — да! Юноша и на этот раз не пощадил врагов. Скоро они повернули тыл, и войска царя тоже действовали.

Лежит опять юноша в яслях своих. Войска царя с радостью возвращаются с поля сражения. Юноша опять их спрашивает:

— Раскажите мне какие-нибудь новости, — скучно мне одному в яслях своих.

— Дурной, грязнуха, уж лежал бы себе! Тебе-то для чего новости?

Наступила третья неделя. Враг двинул к границе царства такое количество войска, что орел падал на лету от его крика.

Войска царя тоже стали против них. Как только они хотели приступить к сражению, между ними появился опять всадник на белоснежном коне.

— Пусть вселится в нас большая надежда. Вот опять между нами появился ангел. Кому это неизвестно, что на этот раз он будет на нашей стороне: до этого два раза он был на стороне наших противников.

Разгорелась опять битва. Гонит вражеское войско юноша на белом коне. Коню его удается четыре раза больше, чем всаднику.

Тогда из вражеского войска один воин прицелился и говорит:

— Подождите-ка, нельзя ли ранить ангела?

Пустил он в него стрелу и ранил юношу в руку. Юноша отступил к башне на своем белом коне. Из башни спускается дочь царя, обмывает руку юноши и перевязывает шелковым платком:

Много не ушло из войска врагов. И начальник их еле добрел до дома.

Не было предела радости царя и его народа и как же? Победили такое сильное войско.

Радость их была бы еще больше, если бы они узнали того, кто им так помог.

Лежит юноша в яслях своих, ухаживает за своею раной. Когда темнеет ночью, он зажигает свет, обмывает рану и перевязывает ее красиво шелком.

В одно время царская дочь говорит отцу:

— Что это может быть за чудо? Несколько ночей заметила: в нашей конюшне в определенное время появляется свет, держится некоторое время, потом опять гаснет. Отец, поставь-ка там незаметно стражу, чтобы узнали, что это за свет.

Царю вскоре сообщили караульщики:

— В конюшне лежит один большой молодой человек, рука его ранена. Каждую ночь он зажигает свечу, промывает рану, потом перевязывает ее шелковым платком.

Тогда дочь говорит царю:

— Отец мой, приведи-ка юношу сюда. Если да окажется платок мой, то это тот, который спас нас от врага.

Когда происходило третье сражение, то у белого всадника была ранена рука. В таком виде он приблизился к окну моей башни.

Я перевязала его раненую руку моим шелковым платком, и тот час начал он опять избивать вражеское войско.

Подняли юношу из яслей, пригласили его в дом царя. Что стоило дочери царя узнать свой шелковый платок? И говорит девушка:

— И твой спаситель, и спаситель твоего народа—этот юноша! Его рука перевязана моим шелковым платком.

Большое пиршество устроил царь в честь юноши. На пир были приглашены лучшие люди. Сели за стол; заставляют сесть и юношу, но он не садится.

— Почему не садишься—говорит ему царь.

— Прошу я, чтобы ты посадил рядом с собою моего товарища.

Привели конюха из конюшни и посадили его рядом с царем.

Тогда юноша просит разрешить ему слово.

Ему дали.

— Товарищ мой, между нами был уговор, что я никогда не стану возвышать себя пред тобою, не стану смотреть на тебя сверху вниз. Спрашиваю тебя перед этим собранием: в чем нибудь заметил ты, что нарушил этот уговор?

Ответил ему его товарищ—конюх при боевых конях.

— Царь и именитые мужи! Этот юноша никогда ни в чем не изменил своему слову. Доверие, которое было между нами, осталось доверием до сих пор с его стороны. Но я не устрашусь перед вами, сознаюсь чистосердечно перед вами. Я из-за зависти возвел на него обвинение в трех кражах, между тем когда вором был я сам. Я возвел на него, царь, обвинение в убийстве жеребенка, которого он выростил, как брата; убил же жеребенка я сам. В этом человеке никто никогда не найдет ни на золотник вины. Все трудности, которые он испытал, были от меня, вследствие зависти.

И тогда царь сказал:

— Юноша, благодаря тебе, и я, и мое царство избавились от сильного и беззаконного врага.

В благодарность за это я предназначаю тебе мою единственную дочь, потом после себя оставлю тебе все царство мое.

И сказал ему юноша в ответ:

— Благодарю тебя, царь! Та, о которой я давно мечтал, которую я люблю больше своей души, достается мне. Цар-

ство же твое пусть остается тебе самому, царь, прости мне мою дерзость, но я тоже не бродяга какой-нибудь: мой отец такой же царь, как и ты.

Не будет прилично, если я останусь в чужой земле.

Устроил свадьбу царь, благословил он дочь и зятя и проводил их в их страну.

Сказка о Кобола.

(В 1900-01 году был учителем в Ардонской мужской школе. Приметил одно обстоятельство. Класс делился на две группы—старших и младших. Было их 50-60 человек приблизительно. Маленькая комната, пыль, грязь; летом в ней душно, зимой—холодно, большинство дней не топилась.

Когда во время занятий дети уставали, не в состоянии уж бывали спокойно слушать, я обыкновенно вызывал:

— Касполат, начинай сказку!

Дети моментально садились вокруг Касполата и слушали с таким вниманием, что слышно было, как пролетала муха.

Из сказок Каеполата детям особенно нравилась сказка о Кобола. Еще будучи учеником школы, Касполат записал ее в 1904 году и подарил мне. Вот эта сказка).

Было три брата. Одного из них звали Кобола. Всего у них было пятнадцать голов овец. В одно время братья поделились: каждому досталось пять овец.

Кобола взял да погнал своих овец в лес, оставил их в середине леса, дав им наказ:

— Слышите, глупые овцы, я иду на охоту, и если к вам появится волк, станет спрашивать, чьи вы овцы, то скажите ему «Кобола».

За этим Кобола отправился на охоту.

Тем временем появились к ним волки и спрашивают их: «Чьи вы овцы»?

Овцы сказали: «Кобола».

Опять спрашивают серые волки: «А где же сам Кобола»?

Овцы сказали:—„бродит на охоте“.

Волки принялись (за овец), и от овец не осталось ни кусочка—с'ели их.

Кончили есть овец, как Кобола стал около них (волков), погнал их впереди себя и гонит их. Волки рассыпались. Кобола погнался за одним из них, не оставляет уж его. Когда начал опасаться за свою жизнь, то волк говорит назад Кобола:

— От меня тебе никакой пользы не будет, но вон тот пастух кривой на один глаз. Я подкрадусь к его стаду и схвачу (овцу). Пастух бросится за мною отнимать свою овцу, тогда ты поверни все стадо и гони к себе домой.

Ничего лучшего не просил Кобола у бога: согласился с предложением волка.

Волк схватил из стада одну овцу; пастух погнался за ним, и Кобола погнал впереди себя стада.

Пригнал стадо овец в свой дом. Спрашивают его братья:

— Кобола, откуда у тебя столько скота?

Кобола им сказал:

— В темном лесу они разможились.

Братья стали думать о том, как Кобола раздобыл столько скота, и решили: «Давайте и мы погоним наших овец в темный лес, может быть, и они там размножатся».

Два брата погнали своих овец в лес, там оставили их без присмотра. Чтобы волки в средине темного леса нашли легкую наживу!

Бросились на овец и с'ели их.

Пусть ваши недруги так узнают свои убытки, как узнали скоро свои убытки братья. Пришли из лесу домой и говорят Кобола:

— Хотим тебя убить, Кобола!

— А почему же?

— Если спрашиваешь—почему, то ты заставил волков темного леса с'есть наших овец—вот почему.

Тогда Кобола говорит им:

— Не убивайте меня,—сожгите дом мой.

Братья не стали убивать Кобола,—сожгли дом его.

Кобола собрал угли от сгоревшего дома, сделал из них выюк для лошади и понес их.

Достиг он одной реки и кричит на другую сторону:

— Это вещи царя, и чтобы уберегли их!

Переправился на тот берег реки, заночевал в одном месте. Выюки поручил народу. После ужина Кобола тайком про ник к выюкам и выбросил угли, потом опять лег и до утра уж не просыпался.

Утром говорит народу селения:

— Погубили вы меня и себя. Кто-то из вас уворовал золото царя из выюков и вместо него насыпал около них угли. Если это дело дойдет до царя, то и меня убьет, и вас истребит.

Народ перепугался; наполнил переметные сумы Кобола золотом, и он принес домой выюки с золотом.

Спрашивают его братья:

— Откуда у тебя, Кобола, это золото?

— Обменял на уголь—сказал им Кобола.

Братья поразмыслили и тоже спалили свой дом. Собрали угли в выюки и понесли их, выкрикивая:

— Кто обменяет золото на уголь?

Конечно, никто не обменял им на уголь свое золото, но сверх того их еще и поколотили.

Не на шутку рассердились братья. С нахмуренными бровями вернулись они домой, напустились на Кобола и сказали ему:

— Зачем ты заставил нас спалить свои дома, теперь уж нельзя не убить тебя.

— Не убивайте меня, но сплете сапетку и в ней бросьте меня в реку.

Братья из березовых прутьев сплели красивую сапетку, понесли ее на берег реки. Тогда Кобола говорит им:

— Уходите подальше, а то, смотря на меня, вы примите грех на себя; а мне это не хочется.

Два брата отошли далеко. Кобола стал на самом берегу реки и кричит:

— Не надо мне! Не надо мне!

По близости один пастух. Он подбежал на крик Кобола и спрашивает его.

— Чего тебе не надо, чего, человек?

Кобола рассказал ему:

— Говорят—кто влезет в эту сапетку и таким образом бросится в реку, тому—царство.

Пастух стал упрашивать Кобола:

— У! ради бога, в сапетку влезу я, и стадо мое тоже пусть будет тебе!

У пастуха же было столько овец, что он даже не мог загонять их.

Кобола бросил пастуха с сапеткой в реку, чтобы он захватил царство в омуте, сам же погнал его стадо к себе домой.

Спрашивают опять братья:

— Откуда у тебя это?

Кобола опять говорит им:

— Когда я упал в воду, то там я приобрел это добро. Пригнал бы еще больше, если бы я упал в более глубокое место реки. И теперь, наверно, окажется в глубоких местах еще скот.

Услыхав эти слова, братья вскричали:

— И нас брось туда!

Кобола сказал:

— Нет, ведь я так не делаю! Вы хотели меня убить, но это послужило мне к лучшему, но у вас выйдет ли из дела что-нибудь—это еще неизвестно,—может случиться, что вы не вылезете уж из воды.

Братья не успокаиваются да и только.

Тогда, наконец, Кобола говорит им:

— Не так!

— А как же?

— Сплетите себе сапетки.

Братья сплели себе сапетки, понесли их на берег реки, вползли в них, и Кобола толкнул их в омут. Братья скрылись под водой.

Кобола живым вернулся в дом свой, сел он на таких богатствах и жил в благополучии.

До его прихода и вы, добрые люди, живите в добре.

Саламов Агубечир, сын Татари. Около ворот своих 5-го декабря 1922 года, в Ардоне. Будет ему 52 года.

— Кто это с тобой? спрашивает меня.

— Это сын Дзагурова Дзабо—Губади, заведывающий нашими школами, были у Ревазова Бидзиго.

Он повернулся к собранию народа, а я к себе домой.

— Присядь здесь, тебе расскажу сказку—говорит Агубечир. Сел я, и он начал рассказывать.

Жили да были муж и жена. Была у них одна дочь. Девица была так красива, что одновременно явились искать ее руки три сына трех алдаров.

Женихов приняли, как гостей, угостили их хорошо. Посмотрели на них и дочь и ее отец и стали двоиться: все трое были так привлекательны, что и отец, и дочь впали в смятение.

Тогда вышел отец к трем сыновьям трех алдаров и говорит им:

— Однаково приятны вы все трое мне и дочери моей; похулить кого-нибудь из вас или похвалить перед другими— большой грех. Мы этого не принимаем на себя. Но вы у меня гости, цените меня, ищете родства со мною; бог свидетель, что и я лучшего родства не ищу. Знаю одно средство, чтобы не впасть мне в грех.

Вот вам по тысячу рублей, на них купите по одной вещи, принесите их сюда, и кому удастся купить лучшую вещь, за того согласится выйти моя единственная дочь.

Сыновья трех алдаров, женихи, отправились. Как было им не постараться! Купили вещи: один из них купил ковер, другой—зеркало, третий—стакан.

Где они сошлись на обратной дороге—кто знает? Но говорят друг другу:

— Каждый из нас купил одну вещь, как наказал нам отец девицы; но было бы не плохо, если бы мы сказали в этом месте, у кого каким свойством обладает купленная им вещь.

Тогда владелец ковра сказал:

— Если сядешь на этот ковер, то в одно мгновение ока перенесет тебя на край света.

Владелец зеркала говорит:

— Во все четыре конца света, куда бы ты ни посмотрел через это зеркало, увидишь то, что хочешь увидеть.

Третий, владелец стакана, сказал:

— Если, допустим, человек умирает, отделяется от этого светлого мира, то если из этого стакана влить ему в горло какого-нибудь питья, то станет так, как родила его мать¹⁷⁰).

Тогда говорят опять:

— Давайте-ка, в таком случае, посмотрим в зеркало и увидим, что делает девица, которую мы сватаем.

Посмотрели в зеркало. Девица заболела и уже отходит.

Три молодых человека сели на ковер и моментально очутились около девушки.

Владелец стакана дал умирающей девице какого-то питья из стакана, и девица тот-час сделалась здорова, как лань.

Сели обсуждать и разбирают, кому должна принадлежать девица, которая вещь оказалась лучшей для спасения девицы.

Не было бы зеркала, не узнали бы о болезни девушки; ковра бы не было—не прибыли бы во время к больной; если бы не было стакана—нельзя было ей спастись от смерти.

Сидят еще и теперь на совете, разбирают еще и теперь, но не могут разобрать, какая из вещей была лучше.

Селение Каржин. 28 июля 1921 г. Не помню хорошо—после захода солнца сидели мы у дверей „Оссоюза“: Дударико Табахсаов—ночной караульный Оссоюза, я и еще некоторые. Я производил ревизию Союза. Из сидящих кто-то сказал что-то. По поводу сказанного Дударико рассказал эту повесть.

Не следует говорить, не принимая во внимание божию волю

или

не делай себя мастером того, чего не знаешь.

Два человека отправились в лес на охоту. Один из них был охотник, другой—нет.

Поохотились, и охотник убил оленя. Когда свечерело, то охотник говорит своему товарищу:

— Устроили бы себе ужин, да нет у нас огня; пойди и принеси нам огня из того места, откуда виднеется свет.

Человек отправился; дошел до света; три человека сидят около огня и жарят себе шашлыки.

— Добрая ночь!

— Здравствуй!

— Дайте мне огня!

— Сколько угодно, но раньше сказал бы нам: будет дождь или нет?

— Будет!

— А если нет, то превратишься в осла — сказал ему один из трех человек.

Превратился он в осла и стал около трех мужчин.

Когда он долго не возвращался, то начал беспокоиться охотник: „Может быть он сбился с дороги, может быть с ним что-нибудь случилось? Пойду, поищу его“.

Отправился и набрел на место, где сидели трое мужчин. Смотрит — около них стоит осел.

— За огнем пошел мой товарищ, но и самого его нигде уж не видно,

— Ему не будет никакой опасности, но скажи-ка нам — к утру дождь будет или нет?

— Если богу будет угодно, то пойдет дождь; если же не будет ему угодно — то не будет.

— Добрый человек, вот тебе огонь, а это вот тебе и осел: поведи его, перенеси на нем к себе в дом убитого оленя, потом опять приведи его сюда к нам.

Охотник повел осла, положил на него убитого оленя и доставил его к себе домой.

Снял он убитого оленя, внес в дом. Осел с седлом вошел во двор свой и кричит в дом свой.

Выскочили из дома жена его и любовник жены: начали бить осла палками. Хорошенько угостили его палками, даже выбили у него один глаз.

На другой день утром охотник разыскал осла, огорчился: „неловко перед чужими людьми, но что же можно было сделать? Надо всетаки доставить его“.

Рано утром привел осла в темный лес.

— Простите мне, случилось несчастье с вашим ослом, мне неловко.

— Это не осел, а твой товарищ, говорит один из троих, — сказал он слово помимо бога и потому вошел он в шкуру осла.

И затем превратили осла в того, кем был.

Но человек остался без одного глаза.

Конечно, не трудно было охотнику узнать своего товарища, и они пошли к себе по домам.

(Рассказала Чаба, жена Науи Кулаева. Будет ей более 60 лет. Не помнит, от кого она слышала сказку. Записана 3-го января 1921 года.

Три голубя.

Были муж и жена. У них родился мальчик, потом, по прошествии нескольких лет, умерла жена; мальчик остался сиротой.

Муж взял да женился второй раз. Начали жить.

Мальчик подрос, был уж в силах помогать отцу, начал ходить и на охоту.

По возрасту своему он хорошо действовал луком и стрелой: не было дня, чтобы мальчик не принес в дом какой-нибудь птицы или зверя.

Дни бежали, мальчик рос и делался самостоятельнее в каждом деле.

Но осталась поговорка — „жена отца (мачеха) — злая болезнь“.

Отравой сделался мальчик — сирота мачехе.

Не давала ему совершенно жить, все преследовала его злоключениями, в рот ему кусок, а к глазу головешку¹⁷¹). Под конец она стала настраивать мужа, чтобы он охладел к сыну. И вот однажды обратилась она к нему и говорит:

— Не, вмоготу стало мне жить с твоим сыном; я не намерена больше жить в твоем доме, если не уведешь его куда-нибудь: или сын тебе или я.

— Безбожная ты — сказал муж — почему ты к нему так относишься, ничего же он предосудительного не делает, зла не причиняет, слишком даже хорошо помогает нам: уж теперь ведь он начал кормить нас дичью; почему же ты делаешь это, почему разоряешь дом наш?

Жена не поддается, ни во что не ставит слова мужа — мальчик сделался занозой в ее глазу.

Муж — лепешка, жена — переворачивает ее¹⁷²).

У мужа не стало мочи от жены. Долго он раздумывал, потом под конец стал меняться в своих отношениях к мальчику. Жена тоже, конечно, не оставляла его в покое.

Тогда в один день позвал отец сына и говорит ему:

— Приготовься и отправимся с ночевкой в лес.

Отправились в лес.

Проработали целый день. Когда свечерело, отец говорит мальчику:

— Иди и принеси откуда-нибудь огня, мы разведем костер.

Мальчик побежал искать огня; отец же запрег волов и отправился домой.

Посмотрел мальчик вокруг себя, и в одном месте блеснул свет. Направился к свету.

Идет, идет, и ко времени ужина дошел до одного дома в средине леса, откуда блестел свет. Тайком посмотрел в дом и видит: посредине избы горит большой костер, над огнем варится ужин в кotle с семью ушками. Вокруг очага сидят семь великанов.

— Отсюда я не вернусь без огня, чтобы ни случилось — сказал про себя мальчик, и вошел в дом.

— Добрая ночь, да будет мир в доме вашем.

— Будь с миром и здравствуй, горный дзигло¹⁷³), сказали великаны, посмотрев друг на друга: пригодится гость наш, чтобы поковырят им в зубах наших. Сел.

— Дайте мне огня, отец ждет меня в лесу.

— Не торопись, мальчик, отца тоже нагонишь, посиди пока у нас, отдохни у нас, поужинай вместе с нами.

Мальчик понял, в какое он место попал, присел около очага на камень и начал обдумывать свое положение. Разметал в разные стороны полы своей бурки и с одной стороны разговаривает, с другой — роет яму за очагом рукой.

Бурлит, кипит котел с семью ушками, гудит пламя огня, покраснели великаны, покрываются красными пятнами у огня их толстые колени.

Тем временем великаны незаметно сговариваются:

— Надо нам испытать способности нашего гостя, а то как бы нам не обмануться. И говорит старший из них:

— Гость, было бы хорошо, если бы ты снял с огня котел наш, а то что же мы будем всемеро возиться с ним.

Мальчик вскочил, двумя своими мизинцами снял легко котел с семью ушками и поставил его за очагом.

— Уж поделил бы между нами [кушанье].

Мальчик сел на камень около очага. Стал доставать мясо из котла, выбрасывать кости, а мягкое мясо поедать. Когда наелся, то мягкое мясо стал кидать в ямку, а кости — великанам.

— Если не сделаем с ним что-нибудь умом, то силой трудно будет справиться с ним — сказали великаны.

Поужинали. Не просветело на душе у бедных великанов от гостя.

Пожелали доброй ночи гостю, сами пошли в другое помещение. Мальчик устроил себе постель около очага, огонь засыпал золой¹⁷⁴). Потом, когда стало темно, то отошел в сторону и лег в другом месте.

Великаны стали бросать камни в то место около очага, где была постель гостя, и радовались, думая, что от него и костей не останется.

Утром вошли в дом великаны. Смотрят — мальчик жив и здоров.

— Доброе утро, горный дзигло, как спалось тебе? спрашивают его великаны.

— Живите добрыми — сказал горный дзигло — спал я недурно, только немного мешали мне блохи.

— Не с добрым гостем мы связались — говорят между собою великаны, у которого такие горные камни — лишь блохи.

И тогда старший из великанов стал говорить с гостем.

— Наш дорогой гость, не встречали мы еще до сих пор такого, кому бы мы поведали свое горе и принесли свою жалобу, и вопрос — встретим ли, придет ли к нам такой еще или нет. Смотрим на тебя мы, семь братьев и заметили в тебе большую силу; надеёмся, гость наш, что ты не пожалеешь своей силы, что ты поможешь нам.

— Что будет в моих силах — в этом можете положиться на меня — сказал мальчик.

— Прямо около ворот наших была вбита серебряная коновязь. Кто знает, сколько времени бы простояла в этом месте эта драгоценность предков. В одно утро вышли мы к воротам, и коновязи там уж нет: бог взял ее к себе¹⁷⁵!

Напало на нас большое беспокойство, стали искать и нашли ее против нас на лугу вкопанной. Просветлело у нас на сердце; но не так удачно вышло дело наше, как велика была радость.

Конечно, мы бросились на нее, испробовали на ней по-очереди свою силу, пробовали и общими силами, но коновязь не поддается, даже не шатнется с места. С тех пор ходим к ней каждую пятницу, пробуем на ней нашу силу, но не дается нам в руки.

Дали бы тебе половину нашего имущества, считали бы тебя братом нашим, если бы, благодаря тебе, драгоценность предков попала в наши руки. Драгоценность эта, конечно, очень большая, это ясно, но особенно неприятно нам, обидно до смерти то, что кто-то издевается над нами.

Подошли к серебряной коновязи.

— Попробуйте на ней свою силу, сказал гость.

Взялись за нее опять великаны, но ничего не вышло. Тогда мальчик схватил ее один раз, чтобы вытащить — не шатнулась коновязь; второй раз потянул — не шатнулась опять коновязь. Тогда в третий раз сердито дернул ее гость и, таким образом, вытащил ее. Вместе с коновязью выскочил (из земли) зеленый башмак из обделанной кожи.

Выглянуло солнце на семь великанов, не было конца их радости. Не было ничего такого, чего бы не дарили гостю. Ничего не захотел гость, только сказал им:

— Найдите мне пару к этому башмаку.

Долго искали великаны, но ничего не нашли.

Попрощался с великанами, отправился. Когда прошел несколько, то стал раздумывать: „отец мой, наверно, уж уехал к себе домой, и не нуждается уж в огне моем; отправиться опять к мачехе, жить с нею в одном доме—это тоже не такое заманчивое дело ни для мачехи, ни для меня.

Лучше пойду бродить по свету, может быть, найду пару для этого башмака, а то, может быть, найду хозяйку его.

Стал итти, итти. Под конец, когда он дошел до одного открытого поля, то смотрит, и вдали что-то виднеется, силуэт какой-то; если смотреть стоя, то стадо овец; если смотреть сидя—люди.

— Не оставлю, пока не разберу, что это такое, сказал мальчик и направился к ним.

Когда дошел до них, то смотрит—люди. Ни на ком из них не было лица, шатаются, колеблются, как колос на меже, рвут траву и в таком виде, едят ее; некоторые же черноземом хотят сломить свой голод.

Не мало дивился им горный дзигло, потом понял, в силу чего народ испытывает это бедствие.

Войска царские остановились на одном берегу фурда¹⁷⁶), с другого берега присылали им все нужное. С некоторого времени к ним перестала доходить пища. Большой корабль, полный пищей, высыпали для войска, и, когда он достигал середины фурда, кто-то из-под воды протягивал руку к кораблю, и после этого корабль оказывался совершенно пустым: и пища, и напитки, и другие вещи—все куда-то девалось. И народ дошел до гибели.

Горный дзигло сел в корабль, переправился на ту сторону реки. Корабль опять наполнили всякой-всячиной, и он поплыл опять по реке. Горный дзигло сидит на корабле и сторожит. Посредине фурда появилась опять рука. Юноша ударил ее плетью—рука скрылась.

Во второй раз то же самое. Когда в третий раз на поверхности реки появилась рука, то юноша сразу схватил ее, и золотое кольцо, увенчанное драгоценными камнями (налкуд—налмаз) осталось в руке его вместе с нежной кожей пальца.

В целости прибыл корабль, народ утолил свой голод. Радости и ласкам не было уж конца.

Горного дзигло пригласили к царю. Он ему оказал большие почести; давал ему важное место в своем царстве. Юноша поблагодарил царя, но взять ничего не захотел.

— Вот найдите мне для этого башмака пару, сказал горный дзигло.

Царь дал поведение, чтобы разыскали пару для башмака. Долго искали, но во всем царстве не нашли пары для башмака.

Отправился опять юноша из царства. Идет, идет, и когда достиг он селения одного алдара, то стало уж поздно (настала ночь). Не захотелось ему идти к кому-нибудь на ночлег; но около селения было кладбище, и он опустился у одного могильника. Лежит, задремал. Тем временем раздалось хлопанье крыльев, и один голубь спустился у двери могильника.

Здесь голубь убрал свои крылья, превратился в красивую девушку, открыла она ключем дверь могильника, достала из кармана белоснежный платок, мертвого молодого человека потерла им три раза, и мертвый воскрес. Всю ночь до утра девушка и молодой человек забавлялись ласками друг друга. Под утро, когда ночь и день отделяются друг от друга, девушка опять провела платком по молодому человеку: молодой человек опять вытянулся и заснул мертвым сном в могильнике. Девушка заперла дверь, надела крылья, превратилась в голубя. Хлопанье крыльев, и опять, сверкая, исчезла куда-то.

Подивился юноша. Конечно, сон уж не приходил к нему. Потом, когда появилось золотое солнце, молодой человек вошел в селение и остановился у Кулбадаг женщины. Немного спустя, народ стал толпиться. Юноша спрашивает Кулбадаг женщину:

— Что случилось?

— Что случилось? Если ты это спрашиваешь, гость мой, то у нашего алдара был единственный сын. Вот уж неделя, как он умер внезапно; завтра устраивают по нем поминки, и люди собираются помочь алдару¹⁷⁸).

Когда свечерело, то горный дэигло отправился на кладбище. Прилег опять вблизи того могильника и прикрылся буркой. Как только он закрыл глаза, опять раздался шум крыльев, и голубь опустился у двери могильника, убрал свои крылья, превратился в девушку, открыла дверь могильника, ключем и вошла во внутрь. Здесь она опять вынула белоснежный платок из кармана, провела им три раза по покойнику, и молодой человек опять ожил. До рассвета опять забавлялись, радовались. Когда настало время улететь девушке, горный дэигло подобрался к могильнику.

Девушка вынула платок свой и хотела провести им по сыну алдара. Горный дэигло изловчился, вырвал из рук девушки платок. За этим голубь улетел, сын же алдара остался живым и отправился в дом своего отца. Горный дэигло тоже двинулся и пришел в дом где остановился.

Алдар повернул поминки на веселый пир.

С приглашением послал даже в соседние селения

На пиру начались танцы, игры. Из народа немногие только не были на пиру,—все сидели на пиру во дворе алдара.

Когда пир был в самом разгаре, то алдар и жена его дали сыну бокал и кусок мяса и говоря ему:

— Возьми этот бокал и кусок и отнеси, и отдай тому, кто вернул тебя из страны мертвых, потом пригласи его к нам, чтобы мы поблагодарили его настолько, насколько это будет в наших силах.

Сын алдара обошел сидящих на пиру, вернулся обратно, бросил у ног отца и матери бокал и кусок, потом говорит: „Что это значит? Большой половины народа нет на нашем пиру“.

Послали опять глашатаев, собрали опять еще (народ).

Дали опять бокал и кусок мяса молодому человеку. Обошел опять всех и принес их опять обратно.

— Большая часть народа вне (пира),—сказал опять молодой человек.

Тогда глашатаи сказали: „Из ходящих на ногах никого не осталось в селении—все на пиру“.

Остался лишь один человек, который не явился сюда—это гость кулбадаг женщины.

— Идите, пригласите его, повелел алдар.

Пригласили горного дзигло. Обходит опять с бокалом и куском мяса сын алдара собравшихся на пир. Как только взгляд его остановился на госте кулбадаг женщины, так отдал их ему, привел гостя к родителям своим и сказал:

— Вот вам мой избавитель!

Алдар и жена его, а также и весь народ на пиру от радости не знали, что делать.

Не давали уже ему ходить на ногах, носили его на руках, перебрасывали его.

Тогда алдар говорит ему:

— Есть у меня три дочери, пусть все трое будут твои, из моего имущества дарю тебе столько, сколько сам назначишь. Нет у меня ничего такого, что бы я пожалел для тебя.

— Пусть будут хайр¹⁷⁹⁾ твои дочери тем, кому они принадлежат; да будет тебе хайр твое богатство. Не ищу я прибылей, не за богатствами я скитаюсь—сказал юноша. Но прошу тебя, если есть возможность, повели разыскать пару вот для этого башмака.

Долго искали, но пары для башмака не нашли.

Тогда юноша обратился к алдару и говорит ему:

— Если не затруднью тебя, то заставь приготовить мне две сумы гвоздей и молоток,—я отправляюсь своей дорогой.

Дали ему две сумы гвоздей, молоток; дали ему в дорогу пищу, которая была легка на вес и сладка для еды. Перекинул сумы через плечо горный дзигло и отправился в путь.

Идет, идет и дошел до одной равнины. На равнине галуан, в галуане башня. Сколько ни смотрел юноша, но не нашел входа ни в галуан, ни в башню.

— Было бы недурно, если бы я здесь передохнул, сказал юноша. Но ведь даже птице не влететь туда, как же я выполню свое намерение? Я должен обязательно побывать там, каких бы мне это трудов не стоило. Потом, что это за здания, кто в них живет—узнать все это, пожалуй, будет мне полезно.

Достал из сумы молоток и, вбивая гвозди между камнями стены и устраивая себе ступени, добрался до вершины башни горный дзигло.

В башне сверху до низу винтовая лестница.

Спустился он вниз по лестнице и попал в одну хорошо убранную комнату. В комнате, близко к стене—фынг, около фынга—сидения, по стенам полки, кладовочки, углубления; в них и на них всевозможные красивые вещи.

Озирается вокруг—никого нет. Снял сумы, бурку, убрал их в один угол и присел около фынга на одно из сидений. Как только опустился он на сиденье, смотрит—фынг наполнился всякими кушаньями и напитками. С одной стороны появился медный чайник¹⁸⁰) с напитком, тарелки с кушаньями—с другой стороны; вертела с шашлыками, бежали бокалы с разных сторон.

Выпил, поел, угостился хорошо. Когда он кончил есть, то вся посуда, бывшая на столе, сама убралась по местам.

Гость встал из—за стола, укрылся в одном месте в галуане и ждет,стережет—что будет дальше.

Тем временем раздался шум крыльев, и голубь прилетел к башне, скинул крылья, превратился в девицу, и она опустилась скучная около стола.

За ней второй голубь. Он тоже снял свои крылья, превратился в девушку и та присела к столу.. Следом за ними прилетел и третий голубь; он тоже самое: скинул крылья, превратился в девицу, и присела она к столу.

Стол наполнился разными хорошими кушаньями и напитками. Но три девицы сидят скучные, никто из них не подносит куска ко рту.

Тогда одна из них начинает говорить:

— Скажите—ка мне, любимые сестры, почему вы так печальны, никто даже не дотрагивается до стола?

Спрошу я вас, из-за меня ли вы так грустны, или у вас забота о себе? И если это так, то поделитесь со мною вашей заботой, вашим огорчением, может быть, тогда уменьшится оно.

Вторая сказала: „А ведь и я так же подумала,—дескать, может быть, моим огорчением и вы огорчились, моя старшая и младшая сестра“!

Младшая тоже: „Ведь и я так-же думала“.

Тогда младшие две сестры сказали:

— Ты у нас старшая, от которой мы узнали, что значит мать,—ты расскажи, какое у тебя огорчение, на что твоя жалоба; потом мы тоже расскажем, у кого из нас какое огорчение.

— У ворот семи великанов была весьма красивая коновязь, сделанная из серебра—начала рассказывать старшая сестра: я взяла да в одну ночь вытащила эту коновязь и вкопала ее посреди поля в целине. Великаны приходили к ней каждую пятницу, пробовали на ней свою силу, но я не давала им вытащить ее. Так забавлялась я, а великаны от сильного огорчения не знали уж, что им делать.

В одну пятницу великаны опять пришли к коновязи, с ними один горный дзигло, у которого еще молоко не губах не просохло. Пробовали великаны опять свою силу над коновязью, но ничего не смогли сделать. Тогда горный дзигло тоже вообразил себя мужчиной, да! Я улыбнулась и говорю про себя:

— О, чтобы не было тебе удачи, горный дзигло, над чем ты пробуешь свои силы—ведь не сделаешь же ты то, чего не в силах оказались семь великанов!

Все же стою на чеку, не выпускаю коновязи.

Тогда горный дзигло, как будто настоящий мужчина, потянул один раз коновязь, но ничего. Потянул и во второй раз тоже—конечно, не выпустила и тогда. Тогда в третий раз вдруг неожиданно так дернул, что вытащил коновязь, потом еще мой зеленый башмак из отделанной кожи очутился на поверхности земли, когда я ногою хотела придержать коновязь. Не видите, одного башмака на мне нет. Вот вам причина моей заботы, моей печали.

— Наверно, и мое дело не было угодно богу—сказала средняя сестра. На берегу большой реки (фурд) остановились войска. С другого берега посыпали им продовольствие. Я затруднила их. Когда их корабль доходил до середины реки, я опустошала его.

Начал метаться народ, умирали с голода, стали пасть по траве, как скот. В одно время идет корабль, везет всего для войска. Когда достиг он середины реки, я вытянула руку. Тогда из коробля кто-то ударил плетью меня по руке, и я спрятала ее. Подняла я ее во второй раз, и на этот раз

тоже самое: опять ударила ее. Как в третий раз хотела достать до корабля, кто-то схватил мою руку и снял с меня кольцо вместе с кожей с пальца моего.

Вот вам причина моей озабоченности.

— У алдара был единственный сын, я его полюбила так, как может полюбить девушка молодого человека—так начала младшая сестра. И по красоте, и по стройности не рождалось еще в этом мире такого существа. Провела по нем я в подходящий момент своим платком, и он внезапно умер.

Изнемогли от слез алдар, жена его и три сестры юноши. По истечении недели его похоронили в одном могильнике. В течение этой недели я каждый вечер ходила к нему, оживляла его, всю ночь до утра забавлялись, потом опять проводила по нем платком, и юноша вытягивался, как мертвый.

В одну ночь я прилетела к могильнику и встревожилась: кто-то спал около могильника, завернувшись в бурку. Во вторую ночь—тоже самое. Начала ночь отделяться от дня. Дошла я платок, и когда хотела провести им по юноше, сыну алдара, то снявший под буркой выхватил его у меня из руки. Вот вам корень моего огорчения.

Тогда старшая сестра и младшая сказали в один голос: „Дал бы его бог нам в качестве брата“.

Младшая сказала: „Табу вашей благости¹⁸¹), мои старшие сестры, но я хотела бы, чтобы бог предназначил его быть господином моей головы.

Чьи слова с большим удовольствием мог послушать горный дзигло, чем слова трех сестер! Вышел из укрытого места, открылся он им. Старшей отдал ее башмак, средней—ее кольцо, младшей—ее платок; потом стал жить в закрытом галуане и закрытой башне, в средине равнины, как решили три сестры.

И до сих пор еще живут и едят. Как не видали ничего из сказанного, так пусть не увидите ничего от болезней¹⁸²).

Рассказал в Ардоне Баскаев Темболат декабря 14-го дня 1921 г. Будет Темболату 55 лет. Предки его выселились из Алагирского ущелья, из сел. Кусурт.

Дочь алдара
или
Два присяжных брата—алдара.

Очень дружно жили два алдара—присяжных брата. Было великое доверие между ними и во взаимном доброжелательстве проводили дни своей жизни. Вместе ели, вместе пили: яйцо делили и ели пополам¹⁸³). Радость одного, горесть одного были радостью и горестью другого.

Из алдаров у одного были сын и дочь, а другой был бездетный. Так прожили они несколько лет, как у алдара с детьми умерла жена. Алдар по этому случаю решил, во-первых, целый год быть в трауре; во-вторых, отправиться к Каабе, посетить гробницу Магомета и испросить у пророка места для души своей покойной хозяйки (в раю).

Оставил он дочь в доме своего присяжного друга, сам с сыном отправился к Каабе.

Стала жить девушка в доме приютивших ее. Лелеют ее алдар и его жена; девица тоже, надо сказать правду, ни в чем не вызывала их недовольства.

Тогда алдар и жена его устроили танцы, чтобы гости их не скучала. Собралось на танцы много молодежи, веселят и других, и себя. Не мало было там красивых девиц, но красивее и изящнее гости не оказалось ни одной.

Из молодежи нескольким она очень пришлась по сердцу. Начали ее сватать и об этом заявили алдару.

Внимание народа сосредоточилось на дочери алдара, только и слышны были похвалы ей всюду и говорили: «и внешностью, и способностями не было еще подобной нашей гостье и не родится (такая) в будущем. Никто не скроит, никто не сошьет, как она; нет у ней соперницы в изготовлении пищи; скромностью же и соблюдением обычая она может быть примером для подражания среди девиц».

И алдар опять устроил танцы. Молодежи собралось больше, чем в первый раз—все на подбор юноши и девицы. Внимание всех на танцах обращалось на девицу-гостью. У старших, младших—у всех пылало сердце от одного взгляда на нее. Не устают от танца, не устают слушать ее пение.

Еще больше из молодежи заявило о своем желании жениться на ней.

Дом алдара стал приятнее, благодаря девице-гостью. Прислуживает, как младшая старшим, дочь алдара своим хозяевам—мужу и жене; они на ней узнали, что значат дети.

Негде было повернуться, когда в третий раз устроили танцы—так много собралось самой отборной молодежи: если бы с неба упала головешка, то не достигла бы земли¹⁸⁴⁾. Не оказалось и теперь из такого табуна девиц равной гостью. Танцы окончились; опять многие из молодежи сделали заявления алдару относительно девицы.

Опечалился алдар, впал в раздумье. Днем не видит небесного света, ночью сон не приходит к нему. Стал тревожиться про себя. Не занимается он уж домашними делами; пища не дает ему уж вкуса. Семья видит, что алдару не по себе, но почему он так опечален, об этом никто его не спрашивает: никто не решается обратиться к нему.

— Долго мучился алдар, но ничего не мог сделать, чтобы победить то чувство, которое возникло с недавнего времени в его сердце.

Сила бесовская одолела его.

Любовь оказалась сильнее того доверия, которое было между алдаром и его присяжным братом, сильнее того почета, славы, которыми он пользовался среди народа: алдар полюбил свою гостью.

При удобном случае алдар намекнул девушке на свои думы, на свое решение. Девицу как будто громом поразило; но она еще смогла сохранить такой вид, чтобы алдар не усменился в ней и не узнал настроения ее сердца.

— Если умом ничего не сделаю—говорит про себя девица, чтобы защититься от любви алдара, то к добру не приведут дела наши.

И говорит алдару:

— Да живет алдар, нет здесь отца моего, единственного брата тоже; хорошо было бы, если бы ты подождал их возвращения.

— Добрая девица, этого нельзя сделать: я сам не владею собою. Сама ты тоже не можешь не видеть, что изнемог я, хотя тебе и не ясно было, почему я дешел до этого положения. Теперь пойми ты то, что я так полюбил тебя, что, если ты не обнадежишь меня, то мне не нужна жизнь моя.

— Когда узнает отец мой, что я вышла замуж в качестве второй жены, то как он огорчится, каким укором ему будет это дело—все это никто так не поймет хорошо, как его присяжный брат; потом я сама тоже как могу допустить, чтобы из-за меня мой именитый отец и единственный брат терпели укоризну и жили среди людей в подавленном состоянии. С другой стороны, ты не должен допустить себя до того, чтобы оскорбить ту, с кем так долго прожил, кого отыскал для дружбы, кому дал слово. И бога ты побоишься сделать это.

— Решено у меня и это дело: с почестью, как полагается по обычая, отправлю ее в дом отца.

С этим отправил он жену свою в дом ее отца. Девица поняла, что попала в затруднительное положение, что с трудом придется ей спасаться, с трудом придется сохранить незапятнанной честь отца и единственного брата. Тогда она для защиты нашла одно средство: спряталась в галуане за семью дверями и не показывалась уж наружу.

Алдар то строго, то мягко начал уговаривать ее, убеждать, упрашивать ее, но девица не поддается.

Испытывает страдания девица за семью дверями башни: мучается и от отсутствия пищи, и от жажды. В таком стесненном положении, вследствие отсутствия стирки, ее зяели вши. Временами от досады она заливалась крупными алмазными слезами.

В один день до алдара дошла весть, что присяжный брат его возвращается из Каабы, что он просит его выехать на встречу ему за день пути, чтобы там выразить свою радость по поводу встречи.

Не обрадовался этой вести алдар, но все же ему нельзя было не выехать.

Приветствовали друг друга два прсяжных брата, и призежий из Каабы говорит:

— Что так мрачно ты смотришь? Что с тобою? Ничего похожего на тебя не осталось в тебе совершенно. Много бедствий испытали мы с сыном: где голодали, где были без воды, где—в опасности от разбойников в пустынной жаркой местности. Но, поверь, не было у меня такого времени, когда бы я не вспоминал тебя. О доме своем, о единственной дочери моей я не так помнил, как помнил тебя. И теперь потому только послал за тобою, что хотел видеть тебя раньше, скорее. Вместе с тем, каким взором смотришь ты на меня? А между тем, бог мне свидетель, не мила была тебе жизнь без меня, (раньше) не мог ты дождаться моего прихода к тебе.

— Друг мой, прошу прощения у тебя, возьми на себя такой труд—немного выслушай меня: я расскажу тебе, почему я перестал походить на самого себя, почему кажется тебе, что я переменился в своих чувствах к тебе—но я предупредил бы тебя: будет гораздо лучше, если то, что я хочу рассказать, останется в тайнах, в моей груди, внутри моего сердца.

Не решается сердце мое рассказать тебе все это: боюсь, что причиню тебе этим боль.

— То, что я узнаю завтра, то, что услышу я позже, если ты, мой единственный друг, скажешь мне раньше, то это будет правильнее и полезнее.

Болезнь, которую я должен перенести, пусть будет перенесена раньше, долг свой—тяжелый или легкий, я должен уплатить раньше,

Скажи мне то, что имеешь сказать! Я слушаю тебя.

— Да будет по твоему желанию. Твоя единственная дочь жила в моем доме, как у себя дома. Было нас двое, и родители не смогли бы так присматривать за родным ребенком, так ухаживать за ним, как мы присматривали и ухаживали за нею. Ничего из того, что находили в доме, не жалели для нее. Девица, надо сказать правду, дня два показала себя прекрасною. Но потом... Очень трудно мне даже сказать это... потом вдруг изменилась. Не осталось на свете такого безобразия, такого бесчестия, до которого бы она не опустилась. Были мы муж и жена и превратились друг для друга в нож и мясо, благодаря ее злозычию: мне говорила одно, хозяйке дома—другое. Вот тебе одно из ее дел.

С другой стороны, она так распустилась, что из молодежи многим подала надежду на такое дело, которое не подобало ей. Пойди ты, чего только не позволила ей ее совесть. И мне тоже, твоему единственному другу, она навязывалась. Чтобы ты с'ела совесть свою — так говоря, я пригрозил ей твоим именем, укорил ее. Вследствие этого она так разобиделась, что вошла в башню, заперла за собою семь дверей, не показывается больше перед нами. Что она там делает, чем живет — бог ее ведает.

— Что не смог уберечь единственную дочь твою, что в моем доме она развратилась — в этом я чувствую себя виноватым перед тобою, мой единственный друг, великая вина и на мне, и на хозяйке дома моего.

Тогда алдар, вернувшись из Каабы, обратился к сыну своему и начал говорить ему подобно грому:

— Сын мой, то, что сделала твоя родная сестра и моя дочь, об этом ты слыхал своими ушами из уст моего друга. Отправляйся скорее в дом моего друга, возьми с собою и этот сълык¹⁸⁵). Зарежь свою родную сестру и мою дочь единственную. Принеси мне ее крови полный сълык. Пока я не утолю свой гнев кровью моей единственной дочери, до тех пор не думаю итти в дом свой, не покажу перед народом лица своего.

Всю жизнь свою так оберегал себя, никогда ничем не запачкал я лица своего, с почетом и честью ходил я среди народа. Теперь единственная дочь моя, мое любимое дитя, отрезала мне голову на старости лет, осрамила меня, живым уложила в могилу.

Сконфуженным остался без вины и мой единственный присяжный брат... Горе от детей, как трудно выдержать тебя! Поторопись, буду ждать тебя здесь.

Горя от гнева, пришел сын алдара в дом друга своего отца. Сурово говорит сестре, чтобы она открыла дверь. Девица не обращает на это никакого внимания.

Тогда брат начал говорить ей мягко:

— Не бойся, моя сестра, не бойся, отвори мне дверь, я брат твой.

— Если ты действительно мой единственный брат, то подбось ко мне кольцо моей матери, иначе даже не оглянусь на тебя, не открою тебе двери.

Брат подбросил ей кольцо, девица надела его на палец и выпрыгнула с верхнего этажа прямо в об'ятия брата.

Брат разложил ее на земле, приставил нож к ее горлу и когда уж хотел ее зарезать, она говорит ему:

— Что ты делаешь, что, брат мой, какое божество тебя ударило? В ожидании тебя и отца ведь у меня глаза побелели.

ли,¹⁸⁶) я же губы себе кусала от желания увидеть вас. На вас же я надеялась, что вы освободите меня из моего заключения, отомстить за меня. Что же это такое теперь?

— Юноша опустил нож, поставил девушку на ноги. Она рассказала сначала до конца все свои злоключения. Смягчилось сердце брата, пожалел он сестру. Поймал во дворе однушку курицу, зарезал ее и наполнил сылык кровью курицы. Сел он на коня, посадил сзади себя девушку и отправился из галуанов алдара.

Едет, едет и по дороге в зарослях оставил свою сестру. Сам же, подгоняя коня, прибыл к отцу.

Слез с коня, подал сылык отцу. Он произнес „бис—милла“, поднес к губам сылык и, таким образом, утолил свой гнев, потом разъехались по домам.

Дочь алдара сидит в зарослях и раздумывает о том, что будет. Тем временем окружили ее охотничьи собаки, и лают на нее. На лай собак прибежали охотники и зовут девушку, но она даже не оглядывается на них. За ними к зарослям подъехал на коне и алдар.

И охотники, и собаки были вместе с алдаром.

Когда алдар разобрал, в чем дело, то говорит девушке:

— Что ты, кто ты? Скорее дай мне ответ, а не то сделаю так, чтобы собаки наши растерзали тебя.

— Добрый алдар, никто еще никогда не умер от угроз, потом ты встретился не с таким человеком, который боится угроз. Была и я такой же (по происхождению) девицей, как и ты, хотя вы в этот час и нашли меня в трудных обстоятельствах. Не поворачиваюсь же к тебе потому, что плохо одета—стесняюсь.

Алдар снял кое-что из своей одежды. Девушка надела это на себя, и все отправились в дом алдара.

Алдар тотчас распорядился купить для девицы дорогих тканей столько, сколько могло понадобиться, чтобы одеть ее. Послал к ней швеек, чтобы снять с нее мерку.

— Мерку снимать с меня нечего; я не надену на себя платье, сшитое чужими руками. Принесите ко мне все, что необходимо, чтобы я оделась.

— Принесите мне: ножницы, иголку и нитки.

Села девушка. Взяла булатные ножницы, скроила себе одежду, и скоро она одела себя с ног до головы.

В таком одеянии показала дочь алдара свою статность, показала свою красоту. Черная коса ее, как хвост саулох-коня, билась о ее пятки.

— Куаз попала под (топор)¹⁸⁷) сказал алдар,— досталась мне девица, которая лучше той, которую я давно желал в мечтах моих.

Устроил свадьбу, и стали жить мужем и женой алдар и дочь алдара. Стали жить, любя друг друга, почитая друг друга; родились у них два мальчика, похожие на бусы Цыкура¹⁸⁸).

В одну ночь в постели своей жена алдара вздохнула очень глубоко.

— Что ты? о чём ты так вздыхаешь? спросил ее алдар.

— О чём вздыхаю? как бы дети мои не оказались подобными тебе-непонятливыми, глупыми: они тоже родились от твоей крови.

Из под колючки колючка и вырастает.

— А почему ты бросила мне такое большое оскорбление, женщина?

— И как мне не упрекнуть тебя? Упрекают того, кто заслуживает упрека. Вот уж столько лет живу в твоем доме; скоро два сына твои на голову перерастут тебя, но у тебя ни разу не явилось мысли спросит меня: „в то место, где нашел я тебя при таких трудных обстоятельствах, с неба ты свалилась, в зарослях ли из под куста“ появилась на свет или вышла ты из утробы камня?“.

Пожалуйста, моя добрая хозяйка, да если у тебя есть родители, родственники, близкие, то на что мне больше добро? К моему счастью прибавилось еще счастье!

— Родилась и я от отца и матери, есть и брат у меня. Мать моя умерла, но отец мой и брат живы. Хочу я посетить их, показать им своих детей.

Почему было алдару не снарядить свою хозяйку: пищей, напитками, подарками, которые полагаются в таких случаях¹⁸⁹). Посадил рядом с ним человека разумного, которому доверял, послал с ними сто всадников спровождающих, и двух мальчиков тоже послал к родным их матери.

Едут они, едут. Когда они приехали порядочное расстояние, то в одном месте достигли берега реки.

— Здесь отдохнем и поедим чего-нибудь, потом будем продолжать свой путь,—сказала жена.

Остановились, поели, попили. Всадники и мальчики на берегу реки, в тени, легли на траву и заснули. Лошади пасутся в высокой, по пояс, траве.

Жена и друг алдара сидят и смотрят за своими людьми.

Тогда мужчина говорит женщине:

— Давно ты мне очень нравишься; ни одна женщина мне еще нравилась так, как ты.

Согласись на то, чтобы мы пришли к единодушию друг с другом.

— Пусть тебя преследует клятва,¹⁹⁰) так как не для этого послал тебя со мною господин моей головы. Чтобы у тебя больше не вырывалось такого недостойного слова! А еще присяжный брат называешься!

— Исполни мое желание, иначе сейчас зарежу одного из твоих детей.

— Если даже и обоих зарежешь, все равно — не сделаю того, что обесчестит голову мою. Не навлеку я позора на, господина моей головы!

— Так не согласишься, говоришь?

— Ни за что!

Мужчина вскочил, выхватил нож и перерезал горла обоим мальчикам. Женщина собрала из одежд всадников сколько нужно на одного человека и переплыла на другую сторону реки. Там собрала волосы, прикрыла их шапкой и надела на себя мужское платье.

В таком виде отправилась, дошла до одного селения, ищет место работника. Встретил ее один пожилой мужчина.

— Хорошо, я удержу тебя, — сказал мужчина. За моими стадами ходит одиннадцать человек, нужен мне еще один человек; оставайся у меня; относительно жалования сойдемся.

Жена алдара согласилась.

Начала жить. Присмотрелась к делам пастухов, к порядкам на хуторе. Быстро обнаружила их недостатки и взяла на себя руководство. Разделила скот на части, дала каждому пастуху определенную работу, поставила каждого над тем делом, которое умел лучше делать, ввела порядок в жизнь их.

Потом постепенно переменила жилища пастухов. Они были сплетены из хвороста, а она их устроила из дерева и камня.

На много улучшилась жизнь пастухов, на много улучшился уход за скотом. Выделялись среди других хуторов, среди других пастухов.

Гости у них не переводились. Не бывало у них такого гостя, для которого они не зарезали бы барана, которого не угостили бы они хорошо. Но скот так увеличился от хорошего ухода, что и большой расход его был не заметен на нем.

Слух о пастухе распространился далеко. Алдary — скотоводы, владельцы хуторов завидовали хозяину, у которого жена алдара была на работе, этому скотоводу, у которого на хуторе распоряжается такой человек.

Алдари как-то встретились в одном месте.

Начался разговор о выдающемся пастухе. Дали тут слово посетить хутор алдара и увидеть своими глазами, что сделал знаменитый пастух. Дали знать алдару, чтобы он ждал их к определенному времени в своем хуторе.

Алдар стал осуждать себя: „поручил кому-то свое имущество, разнеслась по миру добрая молва о его пастухах, а он ни одного даже раза не посетил их, не видел того, что они делают.

В назначенный день на хутор неожиданно прибыл алдар со своими гостями. Старший из пастухов суетится по хутору, прислуживает гостям. Зарезал для них жирного вола, приготовил всевозможные кушанья и напитки, и как было ему не угостить своих высоких гостей.

После еды осмотрели порядки на хуторе, состояние скота. Не было конца их удивлению по поводу всего виденного ими на хуторе — так хорошо было там.

Тогда гости спрашивают алдара — хозяина.

— Кто такой твой старший пастух, где он видел, где он научился всему тому, что он смог сделать, или, может быть, все это устроил своим умом?

Алдар им не ответил ничего, потому что ничего не знал о своем пастухе. Алдари призвали тогда старшего пастуха и спрашивают его:

— Скажи-ка нам, скажи, кто ты, потом то, что ты устроил взял из своей головы, или у кого-либо научился? Не мало видели мы, (есть у каждого из нас скот) хуторов, пастухов, но то, что достигнуто тобою, еще никем не было достигнуто в деле разведения скота и устройства хутора. Потом, чьи планы и работы так не отражались на хозяйстве, как отразились твои планы и труды на доме твоего хозяина. Нет уж конца скоту твоего хозяина.

— Добрые люди, исполнить ваше желание считаю своим долгом. Но прошу вас, пока не открыл вам, кто я, послушать меня — возьмите на себя этот труд — я расскажу вам одну маленькую повесть. Только дайте слово, что того, кто будет перебивать меня, кто будет открыто хулить мой рассказ, того вышлите отсюда, и он будет задержан в другом месте, пока я не кончу свой повести.

Согласились с предложением пастуха.

Тогда рассказала все то, что случилось с женой алдара, как будто это случилось с кем-то другим. Когда женщина начала свой рассказ, то прежде всего выслали и задержали на определенном месте друга ее отца, в дома которого она была, пока отец ее ездил к Каабе, от которого она потерпела столько оскорблений, из-за которых она сделалась бродягой.

За ним выслали из комнаты друга ее мужа, который зарезал на берегу реки ее детей, когда она ехала в дом отца своего.

Кончила она рассказывать свою повесть.

Пастух снял шапку, и волосы рассыпались из-под шапки.

— Я — та, которую покрыли великим позором, которая вынуждена была бежать из дома отца своего, чьи дети зарезаны черносердечным человеком, вынесшая столько трудностей.

Теперь же свою жалобу приношу вам — будьте вы судьями.

Сели, конечно, судить, иначе не могло быть.

— Деревянной пилой разрежем их каждого на четыре части, нет для них другого приговора.

— Этого не будет,—сказал один алдар. Мертвый, разрубленный на четыре части, есть все же покойник, который потребует себе должного—похороны, поминки—нужна забота о нем.

В моем конском табуне есть необ'езженные жеребцы, на которых еще не было седла. Нужно их (двух алдаров) привязать к хвостам двух жеребцов, чтобы они поволокли их по камням и пням, чтобы от них не осталось и костей. Это для них мой приговор.

Алдари согласились с последним приговором.

Двух алдаров привязали к хвостам жеребцов, и они их разбили.

Обрадовались друг другу жена алдара, ее отец, ее муж. Муж и жена стали опять жить, появились у них опять и дети, и опять стали счастливо проводить дни своей жизни.

(Слышал на нихасе в Ардоне, не помню, от кого).

Мачеха и два брата.

Жили муж и жена в селении Нартов; родились у них дети. В одно время у детей умерла мать, и они остались сиротами. Отец женился на другой жене, и сироты начали жизненную игру с мачехой.

Дети подросли, уж были в состоянии работать. Тем временем умер у них и отец. Так как отец научил их работать, сыновья не дали пошатнуться хозяйству, напротив, они улучшили условия своей жизни, имущество их увеличилось.

Живут они, живут, но с мачехой у них дела идут негладко: не уживаются, ссорятся каждый день.

Тогда мачеха задумалась и сказала себе:

— Давай сделаю им так, чтобы они расстратили все свое имущество, чтобы они от нищеты своей не в состоянии были даже сдвинуться.

Стала щедра мачеха: ничего не удерживала в доме (из имущества), не жалеет ничего, не сберегает больше. Каждый день подает пасынкам хорошую пищу, напитки.

— Ешьте, мои солнышки, чтобы нана ваша была жертвой за ваши головы: жизнь на свете—два дня¹⁹¹),—что поедим, что поносим (одежда)—это наше, остальное пусть достанется кому угодно.

Таким ласковым языком стала говорить мачеха.

По ее мнению скоро ничего не должно было остаться в доме сирот, останутся они с пустыми руками.

Но мачеха ошиблась: думая причинить зло, она устроила все к лучшему. Чем лучше ели, чем лучше был за ними уход со стороны мачехи, тем прилежнее, сильнее начали работать сироты и заметно стали богаче.

— Из этого ничего не вышло, — сказала мачеха: — кто-то сбросил свою сукуну с обрыва, а она поймала ему лисицу¹⁹²) — так случилось и с моей затеей. Пойду спрошу Кулбадаг женщину, может быть, она научит меня.

Кулбадаг женщина сказала ей:

— Не обеднеют ни за что эти трудолюбивые молодые люди до тех пор, пока они хорошо едят, пока у них есть сила.

— Как-же?

— А ты давай им скверный квас и недопеченный чурек: быстро пропадет у них сила, не будут в силах работать. Когда они не в состоянии будут работать, то, даже ты сможешь это понять, они непременно обеднеют.

С этого времени мачеха стала кормить сирот скверным квасом и недопеченым чуреком. У молодых людей, действительно, сломилась сила, не могли уж работать, потом впали в такую бедность, что не могли даже руку поднести ко рту (нечего было есть).

III.

Сказание об Одиноком.

— Итак. Давно, кто знает, когда, в одном селении жил да был Одинокий.

В одно утро встал с постели своей Одинокий и говорит старой матери своей:

— О, ана! видел я сон, сон я видел прошедшей ночью, дивный сон.

— Умойся сначала, да будет ана жертвой за голову твою, потом расскажешь его нам, — сказала старая мать его.

— Стадо оленей пробежало по нашему селению; все, кто считался мужчиной в селении, погнались за ними, но никто не имел удачи. Меня тоже поздно уже бог направил в погоню, в то время, когда другие возвращались; смеялись надо мной.

Стал гнаться за стадом оленей, нагнал их, начал истра-
блять их, начал истребил их всех.

Как мёртвые на поле битвы, лежали в пуще на берегу Терека трупы головастых олений.

Пошел обратно мимо них; снимаю с них рога. Таким образом, подошел к тому оленю, которого первым свалил своей стрелой. Взялся я за него, но головастый олень боднул меня в живот. На этом я проснулся весь в поту.

Много прошло времени, мало прошло, кто знает это, но в одно утро сын хочет рассказать сон своей матери.

— О, да умрет твоя ана, что это у тебя за привычка — не умоешься еще, как начинаешь рассказывать сказки: не стану слушать тебя, пока не умоешься.

— Сколько ни было в нашем селении могучих волов — все собирались в нашем дворе, волос на голове подымался дыбом от их рева. Тогда вышла к ним и старая корова наша тоже, стала среди них и тоже не переставала уж реветь.

Подуло с севера, нахмурилось небо, не блестит уж вечный ледник при свете солнца.

И опять в одно утро, рано присел Одинокий у очажного огня и опять говорит своей матери:

— Сон видел опять, ана, сон. Как будто два голубя прилетели в наш двор, сели на нашест, напустились друг на друга и не оставили на себе кожи — тела¹⁹³), как от вновь выпавшего снега, побелел весь двор наш от их перьев.

Потом пришли к нам все мужчины, какие были в селении. Вывели из конюшни моего саулоха и остригли ему хвост и гриву.

О, ана! Не оставлю тебя (в покое) до тех пор, пока не скажешь мне, что означают эти необыкновенные сны.

Некоторое время отказывала старая женщина Одинокому (в просьбе его). Но когда он не оставлял ее, то она стала ему говорить:

— Бог, зады и дауаги¹⁹⁴) да будут покровителями головы Одинокого! Не добрые сны ты видел, мое дитя, моя единственная надежда, из-за которого я хожу еще на ногах на этом свете.

Пусть бог сделает их (сны) лживыми.

Кази-кумыки и Солийцы нападут в одно время на наше селение; твою единственную присяжную (сестру), красавицу Агунди они увезут силой. Население пойдет в погоню, но как пойдет, так и вернется: не отобьют красавицу Агунди из рук врагов.

Совсем уж поздно вскочишь ты на своего саулоха, чтобы он никогда не стал наследником,¹⁹⁵) и начнешь гнаться за насилиниками, будут тебе встречаться по одному, по двое другие преследователи по дороге, они будут смеяться над тобою, будут говорить тебе, чтобы ты вернулся обратно; но ты

будешь продолжать погоню. Нагонишь насильников в пуще около Терека. Пойдешь вперед, истребляя их, отнимешь у них красавицу Агунди, потом пройдешь между ними, снимая с них доспехи. Подойдешь к тому, которого ранил первым; когда начнешь снимать с него доспехи, злой враг пырнет тебя своим черным кинжалом.

Наполнится двор наш, нельзя будет уж войти в него—придут друзья твои, сверстники, и я выйду тоже, старая мать твоя, стану в средине их, и можно будет остановить небо, но нельзя будет остановить нашего плача и рыдания.

Это твой первый сон.

Придут к тебе две родные сестры твои, не оставят на себе кожи, тела, будут друг другу рвать волосы¹⁹⁶). От жалости к ним треснет камень и померкнет в небе солнце

А это второй твой сон.

Женщина, которая во имя твое живет в нашем доме, моя единственная невестка—ее поведут к могиле твоей, обведут ее три раза вокруг могилы, булатными ножницами отрежут ее длинные косы и положат их в твой табат¹⁹⁷).

А это твой последний сон.

В одно время насильники Соли и Кази-кумыки напали на селение, похитили Агунди—красавицу. Поднялось движение во всем селении: народ идет в погоню. Проснулась старая мать Одинокого, вскочила, набросила на себя одежду, прислушивается к тому, что происходит на улице и поняла, в чем дело.

— Старая голова моя сделается примером проклятия,—зловещие сны сбудутся над головой моего единственного, гибнет дом мой.

Выбежала во двор, раскрыла грудь¹⁹⁸) и обратила ее к небу и молится: „Бог богов, мой собственный бог! Пусть вечерние звезды остаются неподвижно в том же положении, в каком находились с вечера, до самого утра; прошу тебя об этом, прими мою молитву, не допусти погаснуть огню в очаге моего единственного¹⁹⁹).

Звезды оставались в небе, в тех местах, где они стоят с вечера.

Тем временем позвали: „Вставай, Одинокий, твою присяжную Агунди—красавицу похитили Солийцы!“

Одинокий вскочил с постели своей, вышел во двор, во дворе стала перед ним мать и говорит:

— Спи себе пока, нана²⁰⁰) да будет вполне твоей собственностью²⁰¹), наверно, кто-нибудь подшучивает над тобою: теперь еще не время для нападения, посмотри-ка вон на небо, ведь теперь пока только вечер. В такое время какие насильники могут войти в селение?

Заснул опять Одинокий. Тем временем опять:

— Вставай, народ ушел в погоню, насильники увозят твою присяжную Агунди-красавицу.

Не пустила его опять мать.

Тем временем позвали его в третий раз. Звезды стоят, как стояли, в тех местах, где они были с вечера. Но понял Одинокий, что Агунди—красавица попала в плен, что мать не пускает его в погоню.

— Посмешищем для всего мира, позорищем на всю жизнь сделался я,—сказал Одинокий,—снарядился, сел на коня и погнался за насильниками.

Прошло немного, как рассвело. Потом, подвигаясь дальше вперед, он стал встречать возвращавшихся с погони. Они подсмеивались над ним, хотели вернуть его обратно.

В пуще, около Терека, напал Одинокий на след насильников. К востоку направляется он по следу на своем сауло-хе. Скачет он, скачет и приблизил их (к себе).

— Не удастся вам унести ее, нет, клянусь моими матерью и отцом!—сказал Одинокий. Начал истреблять насильников...

Но да не сбудутся над головой Одинокого зловещие сны!

Смертельно раненый прибыл с Агунди—красавицей Одинокий к очагу своему родимому.

Недолго он еще прожил, от удара черного кинжала солдата он уплатил свой долг вечности и из этого призрачного мира отправился в истинный мир²⁰²).

Если бы с неба упала головешка, то не коснулась бы земли,—столько было народу на похоронах Одинокого. Не перестают бить себя по голове²⁰³) друзья Одинокого; не стихает плач матери его, рвут волосы друг другу сестры его. Булатными ножницами отрезали длинные косы жены Одинокого и сунули их за пазуху покойника.

— О, Одинокий! Как ты беден! И среди ворон в лесу не найдется ведь беднее тебя!

Записано от Уба Саламова 23-го мая 1921 г.
в сел. Ардон.

Себялюбивый человек.

Был один видный человек, себялюбивый, деятельность которого была направлена к тому, чтобы стать выше всех в мире. Делал он так:

Когда он где-нибудь слышал хорошую молву о ком-нибудь, когда о ком-нибудь говорили хорошо,—он обыкновенно навещал такого человека. Он обыкновенно отправлялся к нему и рассказывал ему:

— В одном месте у меня есть на примете хорошая добыча; пойдем со мною и присвоим ее себе: хватит ее на то, чтобы мы прожили на нее до самой смерти.

Только наказываю тебе—чтобы, кроме нас двоих, никто не знал об этом деле.

Обыкновенно оба человека отправлялись в путь. Бывало, идут они, идут. Недалеко от берега моря себялюбивый человек говорил своему товарищу:

— Опасное место это. Может случиться с нами какая—нибудь беда, если мы заночуем здесь. Но видишь вон на берегу моря рощу? Прямо около нее высокий камыш, уж пойдем туда—там устроим ночлег.

Не доехали еще до камыша, как оттуда выбегал баран. Себялюбивый человек соскакивал с коня, ловил барана ирезал его.

Останавливались на берегу моря, разводили костер, потом себялюбивый человек говорил своему товарищу:

— Приляг пока, чтобы прошла усталость твоя, а я позабочусь об еде для нас.

Как только бывало человек заснет, он его убивал на этом же месте, бросал его в море, снимал с него одежду и оружие, уводил коня его, и, таким образом, хороший человек исчезал без вести.

В одно время один человек, про которого в народе говорили хорошо, женил своего брата. Устроил он свадьбу, и народ на ней веселился, сидел за угощением.

Себялюбивый славный человек под'ехал к воротам дома, где была свадьба.

Хозяин дома сказал, чтобы ввели гостя в дом.

Гость не вошел. Тогда хозяин дома встал из-за стола, вышел к гостю, приветствовал его.

Гость отводит его в сторону и говорит ему:

— Твое имя, добрая слава о тебе известны далеко; приятна мне твоя добродетель, и желаю тебе от души всякого добра. Почему я прибыл к тебе—об этом скажу тебе кратко. Только предупреждаю, чтобы никто об этом не знал.

В одном месте есть очень много скота, очень легко можно его захватить; пойдем со мною, и будет столько добычи, что ее хватит и для наследников наших.

Хозяин дома снарядился, и вдвоем отправились они в путь. Достигли одного места. Здесь себялюбивый человек указывает своему товарищу:

— Видишь вон ту рощу,—около нее высокий камыш, пойдем туда и там устроим ночлег, а то здесь весьма опасно от насильников (разбойников).

Не дошли они еще до камышей, как оттуда выбежал один баран. Себялюбивый человек спрыгнул с коня своего, поручил его товарищу, сам поймал барана и зарезал его.

Сделали привал у берега моря, развели костер и варят себе ужин. Тем временем себялюбивый человек говорит:

— Отдохни, пока будет готовиться ужин наш.

Как только человек заснул, да уподобится ему проклинающий тебя, он его убил, бросил его в море, сам забрал все, что у него было и отправился в дом своей.

Исчез добрый человек: начали беспокоиться в доме, начали плакать мать его и причитывать:

— Не видно уж лучшего в нашем доме, и некому поискать его; люди клялись им, теперь же нет в доме нашем никого, кто бы мог узнать, мертв он или жив: позор, стыд.

Новобрачный, брат доблестного человека, долго слушал причитания матери, ее солования; потом, наконец, вошел к матери и говорит:

— Не оставлю, пока не выясню, куда девался брат мой. Нана, приготовь мне такую пищу, которая была бы вкусна для еды и легка для того, чтобы нести,—я иду на поиски.

Долго бродил он, кружился, спрашивал, но ничего не добился: не оказалось никого, кто бы видел его брата.

С разбитым сердцем, с опущенной головой и поднятыми плечами возвращался он в дом свой.

К вечеру, когда он подошел к кладбищу, что недалеко от его селения, на него напало раздумье:

— Если я в таком виде покажусь, то подумают, что нашелся брат мой, и по-напрасну обрадуется сердце их. Лучше переночую здесь, и завтра при свете дня, по лицу моему узнают, как в действительности обстоит дело.

Решив так, он опустился, и как только закрыл глаза, он заснул. Тем временем во сне ему слышно—кто-то зовет, того, кто похоронен в кургане:

— Тебя ждут, выходи!

— Гость у меня, гость!

— Гостя тоже веди с собой!

Отправились и прибыли в одно место. Здесь сидят люди в два ряда. Смотрю, и мой брат тоже сидит, довольно далеко, с краю, печальный, перед ним нет никакой пищи.

Когда встали мы из-за стола, то подошел ко мне брат, отошли мы в сторону, и он говорит мне:

— Ты находишься в стране мертвых; ты отправился искать меня, и ничего ты не добился, и, конечно, добиться не мог. Видел за столом—этих людей всех убил один человек, и я тоже убит его рукой. Нигде он не оставил ни одного выдающегося человека, истребил их. Вы еще не знаете, жив я или

мертв. Поэтому вы еще не устраивали поминок по мне. Но когда устроите, что полагается для покойника, то я не буду так далеко сидеть, тогда я займу третье место.

Убил же меня знаменитый лихой боец (казуат лаг)²⁰⁴⁾. Наверно, ты помнишь, во время твоей свадьбы один гость вызвал кого-нибудь из дома нашего, на пир не зашел; отозвал меня и по секрету рассказал мне, что в одном месте он знает большую добычу (много скота), что добыча эта легко может попасть нам в руки. Великий злодей этот человек,— и если вздумаешь мстить за мою кровь, то это надо сделать обдуманно, иначе убьет он и тебя.

Заманивает он человека в балц, направляет свой путь к берегу моря. До берега моря будет оставаться пройти достаточное расстояние, как покажется роща, около рощи высокий камыш. Из камыша выбегает баран; ловит он барана и режет его. Но ты сделай так, чтобы тебе удалось зарезать барана, только тогда будешь в состоянии сделать с ним (со злодеем) что-нибудь.

Настал день. Брат пришел в дом свой.

Собрались близкие и родственники его, и он об'явил им о смерти своего брата.

Выполнили все, что полагается для покойника. Потом брат позвал семью и говорит:

— Я отправлюсь мстить за кровь брата.

Помните,—если я своевременно не вернусь, то знайте, что и меня нет уж в живых. Убийцей же моим будет тот гость, который был у нас во время моей свадьбы. И брата моего тоже убил он. С него и взыскивайте за кровь.

Остановился около ворот себялюбивого человека кровоискатель.

— Поедем за добычей, говорит ему кровоискатель; судя по тому, что я слышу, такого бывалого человека, как ты, нет в этой стране.

— Я сам ищу таких, с кем бы поехать за добычей.

Поехали в балц; в одном месте себялюбивый человек поднял ручку плети и указывает своему товарищу.

— Видишь ты вон ту рощу, около нее камыш—там мы остановимся на эту ночь, а то здесь опасно.

Приблизились к камышу, как оттуда выбежал баран. Кровоискатель, не долго думая, бросился на барана и зарезал его. Остановились на берегу моря, развели огонь и хлопочут об ужине. Тем временем себялюбивый говорит кровоискателю:

— Приляг пока, отдохни, пока будет вариться ужин.

— Не хочется мне спать, приляг пока ты сам, кушанье приготовить предоставь мне.

Прилег себялюбивый человек, заснул, изо рта его валит пламя, как из горна.

Тогда кровоискатель достал пистолет и молится:

— Бог богов, если этот человек не был убийцей моего брата, то пусть пистолет мой даст осечку; в противном случае, пусть грянет громом небесным.

Спустил он курок, пуля попала между двумя бровями, и сам пустился бежать. Вскочил еще он, выстрелил из ружья, но напрасно, пуля задела лишь слегка по мягкой части его (мстителя).

Кровомститель спустил своего врага в море, захватил все, что было у него и отправился в дом свой.

Подъехал к кладбищу. Заночевал. И вот опять во сне слышит разговор—кто-то вызывает покойника, похороненного под курганом, на котором спал (кровомститель):

— Тебя ждут, иди.

— Гость у меня,—отозвались из под кургана.

— Пригласи с собою и гостя.

Отправились они и вошли опять в один дом,—в доме собрание (пир). Смотрит, за столом брат его занял третье место, как это он говорил до этого, на столе всего вдоволь—и напитков, и кушаний.

Обрадовался покойник брату своему и говорит ему:

— Как видишь, положение мое изменилось вследствие того, что выполнили вы все, что полагается для покойника. Потом мы здесь, в стране мертвых, узнали и то, что ты отомстил за мою кровь.

Видишь ты там за дверью стоит человек. Он был убийцей всех тех людей, которые находятся здесь.

Убийца же стоит за дверью, опирается обеими своими руками о ледяную палку и сосет набалдашник ее. На голову его капает вода и на ней замерзает.

— Здесь он испытывает мучение. За каждого убитого им он должен выстрадать определенный срок времени. После этого будет над ним суд, а это его положение впредь до суда.

Рассвело. Путник проснулся и отправился в дом свой. Рассказал членам семьи все о брате, и те вздохнули полной грудью.

(Записано со слов Бидзиго Ревазова).

О загробной жизни.

1.

У входа в страну мертвых есть зеркало, четырехгранное зеркало. На четырех его вершинах сидят четыре человека.

Каждый покойник—обязательно должен посмотреть в это зеркало. Здесь выявляются все грехи его, после этого здесь же судят.

Отсюда души покойников отправляются в рай или в ад. Надо им переходить через узкий мост.

Души праведников переходят его с радостью и веселием; но подвергаются тяжелому испытанию при переходе через этот мост грешники. Ни одна грешная душа не доходит до конца моста—падает с него в ад.

2.

Один человек прожил праведником на земле. Но когда он умер, то оказались у него грехи—их было столько, что могли уместиться в бычачий пузырь.

Взял в бычачьем пузыре грехи свои и идет в страну мертвых. По дороге он плачет, рыдает, убивается.

— Прожил ведь праведником, боялся даже собственной тени своей, никогда даже изо—рта овцы не вытаскивал соломенки²⁰⁵),—откуда же оказались у меня эти грехи?

Тем временем его нагнал один человек, сидя в санях. В сани впряжены два быка. Везет большой бурдюк.

— Да будет прямая твоя дорога!

— Да будет прямое дело твое!

— Из-за чего ты так плачешь?

— Как не плакать мне,—остерегался я греха, памятуя путь смерти; и все же теперь оказалось у меня грехов полный пузырь воловий.

— Давай их сюда,—мне уж все равно: видишь ты этот бурдюк, два быка его насилиу возят. Это мои грехи.

Отдал свой пузырь; тот бросил его в сани и поехал дальше.

Прибыли на место суда. Тут толпятся покойники; каждый из них с бурдюком ожидает у весов своей очереди. Тем временем взяли из саней бурдюк и положили его на весы, каким-то образом с весов упал пузырь.

— Чьи эти грехи?—спрашивают весовщики.

— Взял их у одного человека, сказал хозяин саней—очень он сокрушался о них, и я пожалел его.

— Почему ты передал грехи свои? Терпит же он многочисленные грехи свои, почему ты не мог потерпеть? Потом, как позволило тебе сердце твое прибавить лишнюю тяжесть к без того тяжелой ноше этого человека?

И тут же присудили возложить полный бурдюк грехов на того, кто не хотел терпеть и малое количество грехов.

— Столько прожив на земле, как мог остаться без грехов?

(Записано от Василия Хасиева в 1923 году
17-го декабря)

Как заснули великаны Саггаевых.

Из Саггаевых, когда жили они в горах, один ходил в пастухах. Стадо находилось в стоянке. В одно время погнал он стадо на пастбище. Пасется стадо, что же другое оно могло делать! Тем временем он слушает, и пастух с юга затрубил к нему:

— Пастух Саггаевых, будь на-чеку! — два насильника, два великаны направились к тебе в гости в этот вечер — есть опасность, что они могут причинить тебе какое-нибудь зло.

— Пастух юга, будь ко мне благосклонен, — затрубил обратно пастух Саггаевых, — что мне сделать, как мне защититься от зла?

Пастух юга трубит:

— Среди твоего стада есть большой козел, зарежь его на ужин двум великанам, потом затруби опять ко мне, когда они примутся за еду.

Пригнал пастух Саггаевых свое стадо к стоянке, убрал его в пещеру, а сам возится в своем помещении, хлопочет. Тем временем заявились к нему два великаны.

— Да множится стадо твое, пастух! сказали великаны.

— Гости, добро пожаловать, окажу вам прием, как гостям.

— Будь благословен, но мы тоже не намерены уходить отсюда в такую позднюю пору.

Пастух Саггаевых вывел из стада козла своего и зарезал его; развел костер, положил мясо в котел и варит ужин.

Великаны сидят, развлекаются разговором.

Когда мясо сварилось, то пастух выложил всего козла в корыто и поставил перед двумя гостями; сам взял опять свириль и заиграл:

— Пастух юга, сделал я так, как ты сказал мне: гости мои сидят за едой и стараются с усердием.

Что еще укажешь мне?

Пастух юга отзывается:

— После еды они потребуют супу. Но ты сделай так, чтобы, когда понесешь им суп, ты споткнулся или упал и разлил совершенно суп. Но сделай дело так, чтобы оба великаны увидели, что суп вылил ты нечаянно.

Тогда великаны говорят:

— Пастух, супу нам, супу! мясо и на вершине горы есть²⁰⁶). Суп вылился, когда нес его пастух, и великаны не отведали его.

Пастух Саггаевых заиграл:

— Супу они не отведали, но в дальнейшем что мне делать?

Пастух юга:

— Уложи их спать, а завтра видно будет, что будет с ними.

Великаны сказали про себя:

— Не нуждаемся мы сейчас в еде, оставим пастуха до утра,—сгодится нам для завтрака!

Легли в свои постели, и вскоре послышался их храп.

Утром пастух Саггаевых поглядывает на гостей своих—дескать, что с ними. Прислушивается—не слышно их храпа, и дыхания их тоже нельзя заметить.

Вскочил пастух, подошел ближе к великанам, зовет их, но они не слыхали больше слов пастуха—заснули навсегда.

Поэтому осталась поговорка: „Заснули, как великаны Саггаевых“.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Нихас-буквально: разговор, беседа; этим же словом обозначается определенное место на улице, куда в свободное время собираются мужчины данного квартала поговорить, узнать новости, обсудить общие для всех вопросы (хозяйственные).

Для сидения положены колоды, большие камни.

В древности нихас играл роль форума.

2) Считается неприличным, если женщина скажет — „мой муж“ или назовет мужа по имени. Она называет его — „господин моей головы“ (mæ særý xícau) или — „наш мужчина“ (næ læg).

Свекра невестка называет — „господин мой“ (mæ xícau).

3) Передняя нога с лопаткой и задняя ляжка от зарезанного животного, главным образом, овцы.

4) Поговорка народная.

5) До сих пор сохранился обычай посыпать афсин (хозяйке) от имени сидящих на пиру почетный кусок мяса (лопатку, часть ляжки или несколько ребер) и бокал. Хозяйка, как женщина, за столом не сидит с мужчинами.

6) В продолжение недели.

7) От слова *væzæg* — хребет и *kærc* — шуба. Накидка из шкуры барана; накидывается на спину, чтобы не терлась одежда при носке дров из лесу и от корзины, в котором носят навоз для удобрения поля. Употребляется исключительно в горах.

8) Был обычай, по которому из могущественной фамилии брали на воспитание мальчиков более слабые фамилии, чтобы иметь себе покровительство и защиту в сильной фамилии. Воспитанник назывался *qap*, а воспитатель и отец воспитанника становились *amzæk'ami*.

9) Водяной дух.

10) Животное, которое режется по случаю праздника или для гостей.

11) Круглый столик на трех ножках, не выше обыкновенного стула; считается священной принадлежностью в хозяйстве дома.

12) Перед тем, как приступить к еде, старший, держа в руках бокал или чашу с напитком, произносит молитву, обращенную к богу и другим небожителям.

13) По окончании молитвы младший из присутствующих, обязательно мужского пола, делает глоток из напитка и откусывает от лепешки и мяса. Обыкновенно моление совершается над тремя лепешками, начиненными сыром.

14) Легендарный меч, клинок особой закалки. По другому варианту, Урызмаг, по обычаю Нартов, поднес кусок мяса мальчику на кончике кинжала, чтобы тот откусил, но споткнулся (мальчик) и напоролся на кинжал.

15) См. прим. 8.

16) Повелитель загробного мира.

17) В течение года после смерти покойного его поминают в определенные дни.

18) Порода лошади; отличается силой, выносливостью, но ростом маленькая.

19) Поход, набег.

- 20) Буквально: известный курган—общее пастбище.
- 21) Собственное имя коня Урызмага. Млечный путь в народе называют „след Арфана“.
- 22) Человек, попавший в число приближенных к богу, то, что на церковном языке обозначается словом „предстатель“.
- 23) По адату младший не может ехать или итти впереди старшего; он может итти или с левой стороны старшего, или сзади него.
- 24) Буквально: Терек—Турок. Трудно сказать, какой тут народ имеется в виду.
- 25) Мера длины—пространство от конца большого пальца до конца указательного.
- 26) Поговорка; смысл такой: разнесет тебя к собакам.
- 27) Тут, очевидно, указывается на то, что было время, когда нельзя было доверить другому бритье своей головы, не рискуя последней.
- 28) Клич во время тревоги.
- 29) По обычаю, старшим за столом подается голова зарезанного для пира животного, отделив от нее предварительно нижние части и расколов вдоль лобную кость, чтобы можно было вынуть мозг. Это самая почетная часть. Кем-нибудь из старших отрезается ухо и передается кому-нибудь из младших. Это тоже почетная часть, на которую имеют право младшие.
- 30) Указывается обряд усыновления. К этому обычаю прибегает убийца, особенно невольный, отдавая себя под покровительство матери убитого им человека.
- 31) И до сих пор у осетин не хоронят после захода солнца.
- 32) Ацамонга буквально:—указывающий, или Уацамонга—от час—весь и ат mongæ—указывать. Собственное имя чаши.
- 33) Если слова соответствовали действиям.
- ✓ 34) Покровитель домашних животных.
- 35) Властитель, господин.
- 36) Высшая степень унижения для мужчины—показать его слабым, трусливым пред женщинами, особенно перед его женой.
- 37) Много прожили. Возраст животных и теперь определяется по количеству съеденных трав, т. е. количеству прожитых пастбищных сезонов. Говорят: корова ест четвертую траву, телок ест вторую траву.
- 38) Фраза: „сæгу æтæ хæry“ буквально—живет и кушает; она обозначает мирную, благополучную жизнь.
- 39) Пошел напрямик.
- 40) Обращение фамильярно—ласкательное; определение „плохая“ нужно понимать, как шутку, которую может позволить себе по отношению к жене своей.
- 41) Считается и теперь предосудительным, когда молодожен сидит долго дома; он подвергается насмешкам.
- 42) См. примечание 2.
- 43) Гур-Горы, Тифлисской губер.
- 44) Слово образовано из khul—стена, уклон и badæg—сидящий. При этом трудно установить самое произношение этого сложного слова. Говорят—Khulbadæg, что значит—сидящий, склонившись, склонив голову, пригорюнившись; говорят—khulylbadæg—сидящий на стене, на склоне; наконец, говорят: khulylbadæg—сидящий в стене.
- В народных сказаниях так называется женщина—вдова, отличающаяся мудростью и даром пророчества. Живет особняком. Она является то доброй феей, то злой колдуньей; но чаще всего она на стороне доб-

ра и справедливости. В общем, этот образ неизменно появляется в осетинских народных сказаниях, подобно тому, как в русских сказках появляется баба-яга.

45) Так говорят про удачливого, счастливого, которому завидуют.

46) Шапка-невидимка.

47) Отдельное помещение специально для гостей; ставится у ворот. Обыкновенно это постройка в одну комнату, с земляным полом и нарами, устланными цыновками и коврами.

48) Kajystæ—родные жены. И до сих пор пользуется дурной славой тот, кто живет в доме родных своей жены.

49) Музыкальный инструмент, струнный.

50) Героические сказания—песни.

51) Передай, настрой против.

52) Балц—путешествие; имеется в виду путь за приключениями, главным образом, за добычей.

53) Так зовут бабушку, вообще престарелую женщину.

54) Обычай приносить в жертву разным божествам животных, чаще всего ягнят. Делается это по указанию знахарей, когда заболевает в доме кто-нибудь.

55) Гостеприимство обязывает исполнять желание гостя. Гость силен званием гостя—ему нельзя отказать в просьбе.

56) Сказочный конь; он не знает устали, в быстроте бега с ним не может сравняться никакой другой конь. Ест необыкновенно мало. „Ест, как авсург“—говорят и теперь про человека, который мало ест. По народному поверию, авсург рождается от мула. Как известно, мулы бесплодны.

57) См. прим. 9.

58) Поговорка, которой отвечают на угрозу,—дескат не боюсь ни конных твоих, ни пеших, если даже нападут с двух сторон.

59) Смысъ фразы—„долго сказка сказывается“.

60) Поговорка, когда случается несчастье.

61) Кадушка в поларшина в диаметре и около двух аршин высотой; употребляется для носки воды.

62) См. примечание 32.

63) Валяющийся в золе; сидящий постоянно у очага; бездельник, лодырь.

64) При старших неприлично говорить о своих детях, и когда это бывает необходимо, то предварительно извиняются за нескромность; при этом употребляется определенная формула, каковой являются слова Хамыца.

65) Свободный, независимый человек,—название сословное.

66) Кавдасард—родденный в яслях; человек, принадлежащий к зависимому сословию.

67) Покровитель наездников и, вообще, мужчин. Женщина не произносит его имени и называет его „lægty dzuar“—божество мужчин. Можно в нем видеть Георгия победоносца.

68) Покровитель земледелия (Илья); в его распоряжении гром и молния.

69) Диавол, злой дух.

70) Старинный обычай—удаляться в боевую башню. Годами сидели люди в таких башнях, имея единственной целью отомстить за кровь. В башню удалялся мститель, очевидно, для того, чтобы кровники сами не убили его в интересах своей собственной безопасности. Существует поговорка—„Tučdžynæj tugsægæj. quaudžydær næj“ (нет различия между кровником и кровомстителем).

- 71) Очевидно, Илья, т. е. Уасилла.
- 72) Zæd—ангел *dauæg*—человек, попавший в число небожителей (см. примеч. 22).
- 73) Очевидно, название возвышенности, на которой стояла крепость.
- 74) Blatuc—жидкое месиво из муки, солода и воды; едят его в холодном виде. Кушанье это не пользуется никаким уважением, и мужчина, кушающий его, подвергается благодушным насмешкам.
- 75) В смысле посчитаемся.
- 76) См. прим. 34.
- 77) Божество, дающее домашнее изобилие (в пище и питье). Сближают с именами Михаил и Гавриил (архангелы).
- 78) Поговорка, свидетельствующая о том, что воровство у священника сходило с рук вору—не было желающих разыскивать. Тут очевидно современная прибавка.
- 79) Не договоренная фаза—„Mæ artyl don bakaldi“, что буквально значит—на огонь мой (очаг) пролилась вода. Клятвенная формула. Заливается очаг, когда дом гибнет.
- 80) Задняя часть барана, закопченная целиком.
- 81) Кадушка с рассолом, в которой хранится сыр.
- 82) Прощальное приветствие, пожелание уходящему.
- 83) Мясо из котла вынимается в небольшое корыто, называемое „сивр“, с дырочкой для стека воды.
- 84) Неудачник; дитя, воображающее себя взрослым.
- 85) См. прим. 18.
- 86) Укрепленный двор, замок.
- 87) Поговорка. Когда почему-нибудь изолируют птицу или мелкое домашнее животное, то их накрывают сапеткой. Вырвавшись из-под такого прикрытия, животные и птицы с жадностью бросаются на корм.
- 88) Поговорка, подобная русской—„каким ветром тебя занесло“.
- 89) См. прим. 14.
- 90) Поговорка, когда случается с кем-нибудь несчастье.
- 91) Поговорка; она говорит о том, что не все зависит от самого человека.
- 92). Общий танец: берут друг друга под руки, образуют круг и медленно двигаются по кругу с соответствующим ритмическим пением. Танец этот сохранился и теперь под музыку и с участием девушек. Симд отличается от других танцев, *kaft*, тем, что в последних танцующие выступают по очереди парами.
- 93) Существовал обычай, сватать детей, еще не родившихся, если окажутся разных полов. Делали это обыкновенно друзья между собою.
- 94) Поговорка, когда приходится долго ждать; по русски это передается словами—„глаза проглядеть“.
- 95) Перед молитвой мусульманин совершает омовение; рукомойник в таких случаях подает младший.
- 96) Поговорка, смысл тот, что событиями управляет не тот, в руках которого кажущаяся власть.
- 97) Поговорка. Отнять у человека невесту или жену—это такое оскорбление, за которое он идет на смерть.
- 98) Имеется обычай у мусульман.
- 99) См. прим. 72.
- 100). См. прим. 67.
- 101) Ясень, растет в горах.
- 102) Постоянный эпитет к этому имени.
- 103) Благополучный, счастливый.

- 104) Позорнейшее наказание выбросить труп на съедение собакам. Есть и теперь такое проклятие—„чтобы труп твой сделался пищей для собак“.
- 105) См. прим. 52.
- 106) Неприличное ругательство.
- 107) Смысла тот же, что и в предыдущем примечании.
- 108) По обычаю свекор не разговаривает непосредственно с невесткой.
- 109) Так называется хозяин дома по отношению к гостям.
- 110) Животное для убоя (баран чаще всего); зарезанное животное.
- 111) См. прим. 44.
- 112) Не говорят прямо „сватать“, а—„делать дело“.
- 113) Выражение скромности; упрек в том, что над нею издеваются, оказывая ей такую большую честь.
- 114) Со времени ее свадьбы.
- 115) Держаться строго обычая послушания старшему—признак благородства.
- 116) Мы беспомощны.
- 117) По обычаю молодая невестка должна была стоять за дверью.
- 118) См. прим. 47.
- 119) Женщина благородного сословия, барыня.
- 120) См. прим. 11.
- 121) Так говорят, когда хотят указать на необыкновенную красоту человека.
- 122) Большая река.
- 123) Нужна помощь твоей головы, твоего ума.
- 124) Поговорка, характеризующая сильную привязанность.
- 125) Когда указывают на крайнюю бедность человека, то обыкновенно говорят, что в доме у него нет даже кошки.
- 126) По некоторым праздникам родственники посыпают друг другу *styrbojnag*, что буквально значит: приношение по случаю большого дня; приношение это состоит из трех лепешек (это обязательно), куска мяса вареного и бутылки водки (араки).
- 127) Приношение по случаю смерти в доме родственника. Приносят две лепешки, одну, четыре, но ни в коем случае нельзя три. Кроме лепешек, приносят в вареном виде яйца, птицу, сыр и, конечно водку (араку). Приносят и не родственникам. Называется это приношение „*fydoxy kærdzyn*“.
- 128) См. прим. 34.
- 129) Поговорка; смысл тот, что не следует особенно заботиться о завтрашнем дне.
- 130) Покровитель скота.
- 131) Трехугольные лепешки; делаются для возношения молитвы святым в дни их праздников.
- 132) Ставилась у ворот состоятельных домов и свидетельствовала о том, что гости в них были явлением обычным, количеством же гостей измерялась степень популярности хозяина дома. Конечно, к коновязи привязывались лошади тех гостей, которые останавливались на короткое время.
- 133) Хозяин на ночь прощается с гостями после того, как последние ложатся в постель.
- 134) Т. е. до прихода покойника, которого хоронили; обычная формула, когда старый человек говорит об умершем.
- 135) См. прим. 122.
- 136) См. прим. 44.

- 137) Госпожа, владетельница, см. прим. 119.
- 138) См. прим. 86.
- 139) Выражение ласки: чтобы у тебя было столько светлых, счастливых дней, сколько захочет их для тебя твоя мать.
- 140) Слово, не поддающееся переводу; оно употребляется в молитвах и выражает покорность божеству, к которому обращена молитва.
- 141) У овцеводов были пастухи, которые занимались на несколько лет и за свою работу получали определенную часть стада. Напоминает библейское сказание о Иакове и Лаване.
- 142) Сорт горского ячменя.
- 143) Молодого, необ'езженного коня водят на поводу, рядом с об'езженным конем, приучая его постепенно к узде, седлу и т. д.
- 144) Кусок сукна на черкеску; ткут его домашним способом женщины.
- 145) Считается неприличным при ком-нибудь сказать — „моя жена“, говорят — „моя семья“, „наша семья“.
- 146) См. прим. 137.
- 147) Такими словами приглашают гостя, когда не знает хозяина.
- 148) Трудно переводимое слово, выражает упрек.
- 149) Так невестка называет свекра.
- 150) Существует поговорка — „bæxyl ætmæ usyl æuuænk næj, znadžy fars xæcups“, т. е., нет доверия коню и женщине, они на стороне врага.
- 151) При старших неприлично говорить о жене. Тут выражается извинение за нескромность.
- 152) См. прим. 67
- 153) Формула ответного приветствия при встрече в дороге.
- 154) У горцев, обыкновенно, своего хлеба не хватает, и они доставляют его с плоскости, часто выключным способом, вследствие отсутствия удобных дорог.
- 155) В сказках так называются у горцев великаны и другие злые существа.
- 156) См. прим. 56.
- 157) Униженная просьба, покорная просьба.
- 158) Хозяин не может дать в обиду своего гостя; в случае нужды защищает его, жертвуя своей головой.
- 159) Маленькая голова — признак ума. „Большеголовый“ — ругательное слово, равносильно слову „глупый“.
- 160) Борода пользовалась большим уважением.
- 161) Поговорка; так говорят о человеке безобидном.
- 162) Человека статного, здорового, ловкого и храброго уподобляют оленю — sag — læg (олень — человек).
- 163) Поминки справляют не только дом покойного, но и родственники его. Последние поминают у себя дома, чаще же всего в доме покойного, доставляя туда все необходимое.
- 164) По обычая, когда несут или везут припасы для поминок, то заставляют поминать покойника всех встречных, поднося им напитки и предлагая закусить.
- 165) Поговорка.
166. Так проклинают еще и теперь в народе.
- 167) Формула обращения к владетельному лицу — алдару; встречается исключительно в сказках. Буквально: „алдар — алдар, твой ангел — твой ангел, ради твоей милости“.
- 168) Один из небожителей; его почитают, как грозное существо, насылающее детские болезни — корь, оспу, скарлатину.
- 169) См. прим. 14.

- 170) Поговорка, когда идет речь о выздоровлении больного.
- 171) Поговорка; которая говорит о том, что каждый кусок давался с жестоким упреком.
- 172) Поговорка о влиянии жены на мужа.
- 173) См. прим. 155.
- 174) На ночь огонь засыпается золой, чтобы к утру сохранился жар; делает это обыкновенно младший, который ложится спать последним в доме.
- 175) Поговорка, когда пропадает какая—нибудь вещь.
- 176) См. прим. 122.
- 178) При устройстве поминок хлопочут обыкновенно соседи, родственники и близкие знакомые.
- 179) Этим словом обозначается полное, безраздельное обладание предметом.
- 180) В медном чайнике подается водка, зимою подогретая.
- 181) Формула почтительного обращения.
- 182) Присказка.
- 183) Делились даже самым малым—признак особенной дружбы.
- 184) Смысъл такой же, как в русской поговорке—„яблоку негде упастъ“.
- 185) Чаша.
- 186) Поговорка, означающая нетерпеливое ожидание.
- 187) Поговорка: Quaz (самка оленя) попала под топор; говорят так про человека, лишенного привычной свободы.
- 188) Так говорят о здоровых и красивых детях. Не удалось установить, кого народ называет этим именем, несмотря на то, что и сейчас очень часто можно услышать это сравнение.
- 189) После замужества женщина в течение некоторого времени (год, два и больше) не бывает в доме своих родителей. Первое посещение обставляется известной торжественностью. Обычай этот носит название „sægat sgaryn“—навещание родительского дома. У женщины есть дом мужа—lædžy xædzar и дом родителей—sægat.
- 190) Смысъл такой: пусть падет на тебя возмездие за нарушение клятвы. К нарушению клятвы народ относится с суеверным страхом. Даже встреча с человеком, только что давшим ложную клятву, считается несчастьем.
- 191) В том смысле, что жизнь коротка.
- 192) Поговорка.
- 193) Когда умирает близкий человек (отец, мать, брат, дети), то женщины рвут на себе волосы и царапают лицо до крови; данное выражение гиперболическое, употребляется как постоянная формула.
- 194) См. прим. 72.
- 195) Когда сердятся на животное (лошадь, собаку) то проклинают его словами: „чтобы ты сделалось наследником“, т. е. чтобы в доме, кроме тебя не осталось никого. В данном случае к формуле проклятия прибавляется отрицательное речение—чтобы он, саулох, никогда не сделался наследником. Саулох—порода лошадей.
- 196) Тут, на мой взгляд, неточность: рвут волосы на себе только, а не друг на друге.
- 197) Дубовый гроб с медными обручами.
- 198) Делается это в момент крайнего отчаяния; напоминает раздирание одежды у евреев.
- 199) Образное выражение, обозначает гибель дома.
- 200) Так называют дети мать свою.
- 201) Выражение готовности пожертвовать за сына своего жизнью.

202) У осетин всегда была вера в загробный мир, который они называют истинным, в противоположность земному миру, который называют „mæng dune“—призрачный мир.

203) Обычай бить себя по лбу кулаками, даже палкой, когда мужчина (родственник, друг) с воплями входит во двор покойника.

204) Человек доблестный, способный выступить на бой со многими—qæzuat-læg. Очевидно, от хазават.

205) Так говорят о человеке в высшей степени безобидном.

206) У горцев суп подается, желающим, после того, как поедят мясо. Поговорка указывает на охотничью жизнЬ в горах: мясо можно найти и на вершине горы, убив, например, тура; но, понятно, там супу нельзя сварить.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр
1. Безыменный сын Урызмага	3
2. Нартовский Ацамонга	11
3. Мальчик, рожденный Нарт Сатаной от Черного Ногайца	11
4. Хатаг Бараг	18
5. Как умер Нарт Батрадз	24
6. О краже коровы у Нарта Хамыца	27
7. Сказка про Черного Алдара	28
8. Сказка про невестку алдара	40
9. Сказка о поясе	47
10. Сказка про коз Кобли	53
11. Как три брата нашли украденных у них лошадей	57
12. Птицы, звери и люди—исследователи основы истинной религии	64
13. Алдар	66
14. Священник и мулла	75
15. Алдар Запада и алдар Востока	77
16. Вор грузин и вор осетин	83
17. Правда никогда не пропадает	90
18. Сказка о Кобола	99
19. Не следует говорить, не принимая во внимание божию волю	103
20. Три голубя	105
21. Дочь алдара или два присяжных брата—алдара	113
22. Мачеха и два брата	122
23. Сказание об Одиноком	123
24. Себялюбивый человек	126
25. О загробной жизни	130
26. Как заснули великаны Саггаевых	133
27. Примечания	135

Korrekturon rædydtytæ

Fars	Rænqytæ		Myxuyrgond u	Kæsyn æj qæuy
	n y m a j g æ j æ	Uæle Bynæj		
4	11	—	bakodta annæmæ	bakodta jæ annæmæ
4	—	22	innabonæj innæbonmæ	innabonæj innabonmæ
5	4	—	ægas	— ægas
5	—	4	bæsdtæm	bæstæm
7	15	—	æ qulony	jæ qulony
7	—	13	uæ gæ	uævgæ
7	—	11	'ncond	æncon
9	12	—	tazmæ	razmæ
9	—	8	festad	bastad
9	—	3	mæ, istæmæjty . . .	mæ istæmæjty
10	1	—	uæd! æmæ . . .	uæd!—æmæ
10	4	—	madyn	„mad ‘ yn
10	—	7	aftæ	arfæ
11	2	—	vdystoj	ne'vdystoj
11	7	—	uæd iu æ . . .	uæd iu æj
11	—	18	Dzakko æmæ Besæjæ	Dzakko æmæ Gesajæ
13	4	—	baftybta	baftydta
13	17—18	—	Æfsæn Duary særty,	Æfsæn Duary særty marhau batæxy. Duar bakodta, jæ- 'mbæltæm dzury.
13	—	19	jah	arh
14	—	19	uahton	auahton
14	—	6	xory	xæry
15	—	1	khuxty	khæxty
16	—	12	xasty bon	xæsty bon
17	—	19	xædzary, cam	xædzary cæryn, cam
17	—	14	Gappo	Cæppo
18	1	—	Bakastaid	Rakastaid
18	2	—	Xætær	Xætæg
19	—	4	bæxdonmæ	jæ bæxdonmæ
21	—	7	jæxi'mæ	jæxi, æmæ
22	15	—	ststa	sista
24	4	—	kaxcæj	sæxicæj
24	—	6	uælaru	uælarv
26	17—18	—	uæla-somæ	uælarvmæ
27	13	—	qazgæ-qazgæ	qargæ-qargæ
27	—	20	fækodta	fækodton
27	—	19	nymæn	uymæn
29	3	—	Gappo	Cæppo
29	—	17	baxazta	baxasta
30	13	—	ne'ppæn	ne'ppæt
32	7	—	zaliad	zaliag

Fars	Rænqytæ n y m a j g æ j æ		Myxuyrgond u	Kæsyn æj qæuy
	Uæle	Bynæj		
32	—	17	cy bon ærkodta,	cybon ærkodta, uæfyd-gultyl uycy bontæ kænæd. Mænæj aftæ ma
32	19	—	nikaj	nikæj
32	—	8	fæna	fena
32	—	8	xæstarastæj . . .	xæstaræstæj
33	—	23	nyvond	nyvgond
34	16	—	fyddæbony. . . .	fydæbony
34	19	—	na	næ
34	—	12	æxsær	æxsæv
37	17	—	fyrт	fyd
38	6	—	cæstytaesty. . . .	cæstytasty
38	22	—	Cyndzytæ	Cyndzytæ
39	10	—	fægæry	tægæry
39	—	20	uæl	ual
39	—	9	uyj alasajæn . . .	uyj æntysy
40	—	16	vær dyl	dær dyl
42	—	18	uyr ta dyggag, . .	nyr ta dyggag?
44	19	—	uyd i	uýdi
45	1	—	— farsy	— farsy
46	—	13	uym æn	uymæn
46	—	6	xæcæd	xæcæg
50	4	—	afældaxyn	afældæxyn
51	—	11	xasta	xysta
51	—	9	— Ron	— Bon
52	5	—	ta ijæ	ta iu æj
52	19	—	raxasdzyñæn . . .	raxæsdzyñæn
53	15	—	Bicajy fyrт . . .	Bicojy fyrт
54	—	19	j'axstonyl'mæ . .	j'axstony
55	—	8	rastaid i	rakastaid i
56	—	12	kænys	kænyn
57	—	4	sa	sæ
58	12	—	æmæ sa	æmæ sæ
58	—	21	'ma dæu	'mæ dæu
58	—	13	sa	sæ
59	20	—	næj	næ
60	3	—	bauuæn	bauuon
62	1	—	— Da	— Dæ
64	—	15	bajysty.	baiu sty
64	—	7—6	dzoms	dzops
65	14	—	Amæltøj	Amaltæj
67	13	—	næl	nal
69	—	8	in	iu
70	17	—	fondzssædzæm . .	fondzssædzæmmæ
71	3	—	bærægbon	cærænbon
74	1	—	dæzi	dæxi
74	5	—	sajæn dyn sajæn .	sæjæn dyn sæjæn
74	8	—	ma nyxas	mæ nyxas
74	—	22	auyhd	æmud
83	—	12	bajrar	bajrag
83	10	—	ninas	minas

Fars	Rænqytæ n y m a j g æ j æ		Myxuyrgond u	Kæsyn æj qæuy
	Uæle	Bynæj		
85	—	21	ræm—	ram
90	20	—	fynæj	bafynæj
92	6	—	ræst	rast
96	—	2	sæ razæj	sæ razmæ
97	8	—	kæddæra zædy cæf hæ kæny?	kæddæra zædy fat næ nyxsy?
102	6	—	1927 az	1922 az
107	—	3	lævarkodtjo	lævarkodtjo
108	3	—	xædzasmæ	xædzarmæ
109	5	—	amæ	æmæ
111	—	14	Uæd sa	Uæd sæ
112	—	7	sahæsag	syhæssag
113	—	4	aræst	arast
116	5	—	„cæmæn“ uældaj u	æmæ
116	—	10	æmæf	bis-mil-la
118	1	—	„bis-mil-ba“	guyry
118	—	23	qury	Qæuaz
118	—	15	Quaz	“
121	21	—	dakodta	bakodta

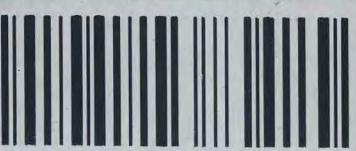
Издания Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения.

1. Газданова, С. Б. По горам и плоскости Северной Осетии. Краткий путеводитель. 1927 г. Цена 30 коп.
2. Дзагуров, Г. А. Программа для сортирования материалов по осетинскому языку и устному народному творчеству. 1926 г. Цена 10 коп.
3. Долидзе, В. В стране наартов (осетинский марш). Эилга (осетинская плясовая). Для фортепиано в 2 руки. 1926 г. Цена 40 коп.
4. Езеев, А., д-р. Цейский курорт и сезонные наблюдения над больными в 1925 году. 1926 г. Цена 30 коп.
5. Езеев, А., д-р. Цейский курорт и сезонные наблюдения над больными в 1926 году. 1927 г. Цена 30 коп.
6. Земельные угодья Северо-Осетинской Автономной Области. Часть I. Плоскостная сторона. 1926 г. Цена 50 коп.
7. Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Выпуск I. 1925 г. Цена 3 руб.
8. Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Выпуск II. 1926 г. Цена 3 руб. 50 коп.
9. Кокиев, Г. Очерки по истории Осетии. Часть I. 1926 г. Цена 1 руб.
10. Материалы по экономической характеристике осетинской деревни: Выпуск I. Три крестьянских бюджета сел. Зильги. 1925 г. Цена 40 коп.
Выпуск II. Четыре крестьянских бюджета сел. Христианского. 1925 г. Цена 40 коп.
Выпуск III. Четыре крестьянских бюджета сел. Ардон. 1925 г. Цена 40 коп.
Выпуск IV и V. Восемь крестьянских бюджетов Горной полосы. 1926 г. Цена 75 коп.
Выпуск VI. Шесть казачьих бюджетов ст. Николаевской. 1926 г. Цена 50 коп.
- Сборный выпуск. Крестьянские бюджеты Сев. Осетии. 1926 г. Цена 1 руб. 50 коп.
11. Памятники народного творчества осетин. Выпуск I. Нартовские народные сказания. 1925 г. Цена 75 коп.
12. Памятники народного творчества осетин. Выпуск II. Дигорское народное творчество (на рус. и осетин. языках). 1927 г. Цена 2 руб. 50 коп.
13. Рклицкий, М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях. 1927 г. Цена 75 коп.
14. Статистический справочник Северо-Осетинской Автономной Области. 1927 г. Цена 2 руб.

ЦЕНА 2 р. 25 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

**ВЛАДИКАВКАЗ, ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРОСПЕКТ, 41.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ИЗ-СТВА „РАСТДЗИНД“**

2015147866